СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК
Толкование
Послания
апостола Павла
К РИМЛЯНАМ

Духовное наследие
святителя Феофана Затворника

СВЯТИТЕЛЬ

ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

Толкование Послания апостола Павла

К РИМЛЯНАМ

(ГЛАВЫ 9–16)

Москва 2006

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

В данном томе публикуется продолжение вероучительной части и нравоучительная часть, в которой Святитель изъясняет, как, согласно апостолу Павлу, человек должен проходить путь Божий: боголюбивому и богобоязненному христианину приличествует жить в полном доверии промыслу Божию, в искренней любви к окружающим, в сердечном мире и согласии с государством, с обществом — со всеми, *ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя, живем ли или умираем, — всегда Господни.* Рано или поздно все мы явимся грозному Судии, вот и *должны мы, сильные в вере, сносить немощи бессильных и не себе угождать.*

В обоих томах к словам, затруднительным для понимания, редакцией даны примечания. В угловых скобках текст от редакции. Впервые публикуется полностью раскрытое, расширенное и выверенное «Содержание» Толкования.

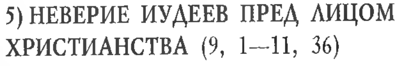
ПОСЛАНИЕ
К РИМЛЯНАМ,
ИСТОЛКОВАННОЕ
СВЯТИТЕЛЕМ
ФЕОФАНОМ

ТОЛКОВАНИЕ

ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

К РИМЛЯНАМ

(ГЛАВЫ 9—16)



5) НЕВЕРИЕ ИУДЕЕВ ПРЕД ЛИЦОМ ХРИСТИАНСТВА (9, 1—11, 36)

Сущность христианства со всеми его благотворными действиями на падшее человечество объяснена. Можно бы и заключить тем теоретическую часть учения и обратиться к правилам жизни. Но у апостола Павла, бывшего таким ревнителем веры праотцев, по убеждению в ее Божественном происхождении, всегда в уме пред лицом христианства стояло иудейство и навязывало вопрос: что же оно, от Бога получившее начало, с такими обетованиями отцам нашим и нам? Сам для себя, в совести своей Апостол носил умиро-

творяющее решение этого вопроса в том убеждении, что и христианство от Бога и вводится вседействием Божиим именно для того, чтобы заменить собою иудейство, исполнившее уже свое временное назначение, — убеждении, водворенном в уме и сердце его таким живым и действенным путем, как неоднократные явления ему Самого Христа Господа и необычайные дары, полученные им по вере в Него. Итак, сам в себе, он всегда имел в противовес прежним убеждениям, когда они приходили на ум, сии новые и живые убеждения. Но и когда другим объяснял дело устроения нашего спасения, не скупился делиться с ними этими новыми убеждениями, зная наверно, как углаждало это путь к вере в Господа и какими крепкими узами привязывало к ней и держало в ней. Почему напоминание о сем встречаем почти в каждом его Послании, как только подавался к тому повод течением речи. То же делает он и здесь, — и тем паче здесь, что в начале Послания уже доказывал, что как иудею, так и язычнику спасение одно — в вере во Христа Господа — и что цель Послания есть всестороннее изображение силы и значения христианства. Это изображение было бы не полно, если бы Апостол не коснулся и иудейства и не указал таким образом верующим иудеям, что отвечать неверующим, когда они станут выставлять на вид Божии им обетования. Блаженный Феодорит

пишет: «божественный Апостол ясно доказал, что вочеловечение Бога и Спасителя нашего необходимо и доставляет верующим неизреченные блага. Поелику же иудеи, выставляя на вид данные Богом обетования, покушались доказывать с своей стороны, что проповедь Апостольская противна сим обетованиям, как предлагаемая, вопреки Божию обетованию, и язычникам; то по необходимости предлагает на среду и их возражения и весьма премудро разрешает их, кстати пользуясь и свидетельствами Писания, и древними примерами».

Впрочем, обращаясь к иудейству, Апостол берет здесь во внимание не столько самое существо его, сколько то особенно обстоятельство, что есть неверующие иудеи. Существа иудейства он касался и в прежних главах, доказывая, что оно должно уступить христианству; теперь же, не выпуская и сего из мысли, решает паче следующие вопросы: б) если обетования об избрании народа иудейского непреложны, то как есть ныне иудеи неверующие и, следовательно, отверженные? в) отчего это случилось, кто в этом виноват? Дав на это должные ответы, именно что обетование и дано было не всем, а только достойным и что непричастные теперь обетования не причастны по своей вине, Апостол наконец: г) предлагает и некоторые в сем отношении утешения иудею. Приступая же к решению сих вопросов, при коем

нельзя было не упомянуть об отвержении иудеев неверных, Апостол предпосылает: а) удостоверение в своей чрезмерной любви к народу своему, чтобы видели, что он говорит так не по нерасположению к ним, а по тому единому, что так воистину есть и что так повелел Бог. К удостоверению же сему он естественно пришел, после восторженного созерцания, что будут христиане наконец, и после выражения упования, что это несомненно будет неотъемлемым достоянием их. Любовь к роду своему сказала ему: ты сего чаешь — столь высокого, а братия твои по плоти что суть? Он отвечает: ничего так не желал бы, как чтобы и они все сподобились того же, даже готов всем этим пожертвовать для них.

а) Удостоверение святого Павла в чрезмерной любви своей к народу своему (9, 1—5)

Глава 9, стих 1. *Истину глаголю о Христе, не лгу, послушествующей ми совести моей Духом Святым.*

Такое сильное удостоверение! «Трех свидетелей приводит — Христа, собственную совесть и Духа Святого, чтобы поверили, что имел сказать, ибо имел сказать нечто очень важное и великое» (Экумений, блаженный Феофилакт). «Намереваясь коснуться того, чему многие затруднятся поверить, Апостол свидетельствует наперед, что то, что намерен сказать, есть непреложная

истина. Так обыкновенно поступает всякий, кто намеревается говорить о чем-либо для многих невероятном, и в чем, однако же, сам он твердо убежден» (святой Златоуст). Но на что собственно направлено такое удостоверение? Прямо за сим следует выражение великой скорби Апостола и непрестающей болезни сердца его об отвержении иудеев из благодатного Царства за неверие их в обетованного и уже явившегося Спасителя, чем выражалась великая его любовь к братьям. Почему можно полагать, что прямо в этой любви удостоверяет он. Удостоверение в любви такой шло к лицу апостола Павла: ибо иудеи думали, что он разлюбил их и веру их. Так если бы даже об обычной любви говорил Апостол; то предпослать ему такое удостоверение было бы прилично. Но когда он выражает столь необычайно сильную любовь, что готов бы был за любимых и от Христа отлученным быть; то удостоверение такое было уже совершенно необходимо. Верующие из иудеев и простому слову могли поверить; но Апостол, излагая вполне учение христианское, имел в виду не одних верующих, но и неверующих, для побеждения предубеждения которых нужно было и показание любви необычайной, и свидетельство в том великое. Итак, прямо в любви своей удостоверяет Апостол такими свидетелями. Но поелику самое удостоверение в любви нужно было для того,

чтобы угладить путь к вере в то, что он имел сказать о неверовавших иудеях; то нет сомнения, что те удостоверительные свидетельства силу свою простирают и на сие последнее. Наши все толковники в этом паче смысле и смотрят на эти свидетельства. Блаженный Феофилакт пишет, что так как в последующей речи Апостол намерен показать, почему не все уверовали, тем, что не все сущие от Авраама суть семя Авраамово: то, «дабы кто не подумал, что говорит сие в сильном возмущении духа (в раздражении на иудеев), устраняя такое предположение, высказывает, что весьма любит их».

Удостоверительны ли приведенные свидетели? Удостоверение именем Христа Спасителя и Духом Святым очевидно имело силу. Ибо всем известно было, что для апостола Павла было *еже жити Христос* (ср.: Флп. 1, 21); всем также известно было исповедание его, что все, что ни делает он, не он делает, а сущая в нем благодать Духа, Которого потому оскорблять ложью он ни за что не согласился бы. Но есть ли сила в удостоверении свидетельством совести? В лице Апостола есть. Грешная совесть может хромать то по причине представляющейся выгоды, то от напора угрожающих бед. Но совесть, Духом Святым исторгнутая из уз страстей, не преклоняет колен пред сими идолами. Что так было у Апостола, о сем свидетельствует вся жизнь его.

Но в нем еще прежде обращения совесть являла полную силу. Если ревновал он так по иудейству, то потому, что по совести верил, что в нем истина. Затем, когда подобное убеждение, по основаниям непоперечимым, перешло на христианство, он, силою той же совести влеком, вседушно предался Христу Господу, принесши Ему в жертву все, что дорого было для него, яко иудея. После сего уже ничто не могло колебать его совести: тысячи смертей грозили ему, а он непоколебимо верным пребыл тому, в чем удостоверяла его совесть его Духом Святым. На лицо с такою совестию можно было, не колеблясь, положиться, что не лжет. Амвросиаст так выражает силу предложенных свидетельств: «так как выше Апостол говорил по-видимому против иудеев, чаявших оправдаться законом; то теперь изъявляет сильную к ним любовь и благожелательность, удостоверяя, что говорит по искренней совести, во Христе Иисусе и в Духе Святом, чтобы, перестав видеть в нем врага своего, они дали полную веру словам его. Христа Иисуса и Духа Святого дает свидетелями, потому что от Них нет ничего сокрытого, и что свидетельство Их не может быть не принято после того, как Они столько раз уже давали свидетельство о нем, творя чрез него знамения».

Стих 2. *Яко скорбь ми есть велия и непрестающая болезнь сердцу моему.*

«Состав сей речи не полон, надлежало бы дополнить: непрестающая у меня печаль по причине или отвержения, или неверия иудеев; но, наблюдая осторожность, Апостол не употребил сих речений, смысл же сказанного дает уразуметь из последующих слов» (блаженный Феодорит). «Болит так душою Апостол о роде своем по плоти того ради, что они неверием своим лишили себя сами вечного спасения во Христе Иисусе» (Амвросиаст). *Скорбь велия* – уже много выражает; но когда прибавил: *болезнь*, ὀδύνη, – слово, которое употребляется наиболее для означения боли рождающей, насколько усилил сие выражение? Назвав же эту боль непрестающею, и притом сердце его мучащею, указал в себе то, что редкая душа может носить и выносить. Святой Павел и о спасении всех людей болел. *Кто изнемогает, и не изнемогаю; кто соблазняется, и аз не разжизаюся* (ср.: 2 Кор. 11, 29), говорил он, – и это среди бесчисленных нужд, лишений, бед и напастей. Но конечно, о роде своем не мог он не болеть сильнее, потому что тут к благодати прилагалось и естество. Святой Златоуст, изобразив в предыдущей Беседе в конце толкования 8-й главы любовь святого Павла вообще, настоящую Беседу в начале толкования 9-й главы начинает так: «не великим ли, не сверхъестественным ли казалось вам то, что говорил я в предыдущей Беседе о Павловой любви?

Подлинно, все это и само в себе велико и превыше всякого слова! Но сказанное теперь (в начале 9-й главы) столько превосходит прежнее, сколько прежнее превосходит все, что можем сказать о себе. Я и сам не представлял, чтобы могло быть что-нибудь выше сказанного в прошлой Беседе; но оказывается, что читанное нам сего дня гораздо блистательнее всего прежнего. Сам Павел чувствовал и объявил в самом начале, что он намерен коснуться еще важнейшего, чему многие не поверят».

Стих 3. *Молилбыхся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти.*

«Что ты говоришь, Павел? От возлюбленного тобою Христа, от Которого не могли отлучить тебя ни Царство, ни геенна, ни видимое, ни представляемое умом, ни все тому подобное, от Сего Христа желаешь теперь *отлучен быти*? Что с тобою сделалось? Не переменился ли ты, не отступился ли ты от любви? Нимало; не опасайся сего; я только усилил в себе любовь сию, ответствует Павел. Почему же желаешь быть отлученным, домогаешься отчуждения и такого разрыва, после которого другой уже и невозможен? Потому что сильно люблю Его, ответствует Павел. Как же это, каким образом, объясни нам, ибо слова твои походят на загадку» (святой Златоуст).

Отлучен быти, ἀνάθεμα εἶναι, — быть анафемою. «Слово: анафема — имеет двоякий смысл. Ибо и посвященное Богу именуется анафема, и чуждое сего имеет то же наименование. И первому значению научает нас общий обычай, потому что приносимое Богу мы называем ἀναθήματα. А второму научил божественный Апостол в Послании к Коринфянам: *аще кто не любит Господа нашего Иисуса Христа, да будет проклят* (ἀνάθεμα) (ср.: 1 Кор. 16, 22)» (блаженный Феодорит). «То есть да будут прерваны с ним связи и сделается он для всех чужд. Как никто не смеет касаться без нужды руками или приближаться к дару, который посвящен Богу; так отлученного от Церкви, отсекая от всех и как бы сколько можно более отдаляя, Апостол в противоположном смысле называет именем отложенного дара (ἀνάθημα) и тем предуведомляет всякого, чтобы он со страхом удалялся и убежал прочь от такого человека. К дару никто не осмеливался приближаться из уважения; с отлученным же прерывали связи по другому, противоположному чувству. В обоих случаях одинаково прерываются связи, и предмет делается для людей чуждым. Но способ прерывания связей не одинаков; напротив, один другому противоположен. От одного оберегаются потому, что оно посвящено Богу, а от другого потому, что отчуждено от Бога, отлучено от Церкви. В последнем

смысле сказал Павел: *молилбыхся отлучен быти от Христа»* (святой Златоуст).

Отлученный от Христа не имеет уже части со Христом, лишается наследия Его — Царства Небесного, и часть его с осужденными. Следовательно, Апостол готов принесть за братий своих такую жертву, выше которой уже нет: по великости желания велика и жертва. Тут совмещено все, что только мог принесть с своей стороны святой Павел. Какая любовь! Подобную сей изъявлял пророк Моисей, когда умолял Бога простить иудеям грех слияния тельца*, говоря: *молютися Господи: согрешиша людие сии грех велик. И ныне аще убо оставиши им грех их, остави: аще же ни, изглади мя из книги Твоея, в нюже вписал еси мя* (ср.: Исх. 32, 31–32). Отлучену быть от Христа равносильно изглажену быть из книги живота. Святой Златоуст говорит: «иные думают, будто бы Павел говорит здесь в словах: *молилбыхся отлучен быти от Христа* — о временной смерти. О таких скажу, что им столько же, или еще гораздо более, неизвестен Павел, как слепым луч солнечный. Кто каждый день умирал, подвергся тучам бед и говорил: *кто ны разлучит от любве Христовы, скорбь ли, или теснота, или глад, или гонение?* кто, не удовольствовавшись исчисленным, превзошел небо и небо небеси, опередил Ангелов, Архангелов и все горнее; кто, совокупив

* См.: Исх. 32, 4 (славянский текст). — *Ред.*

все, — настоящее, будущее, видимое, постигаемое умом, горестное, благое, причастное тому и другому, — ничего не оставил без внимания и тем не удовольствовался, но предполагает другое подобное и еще не существующее творение: ужели бы такой человек при всем этом стал упоминать о временной смерти, как о чем-нибудь важном? Нет, нет! Так думать о Павле неприлично. Если бы о сем говорил он, на что бы ему желать быть отлучену от Христа? Временная смерть теснее соединяет с ликом Христовым и дает вкушать будущую славу. Итак, оставив сказки и пустословие, которые, подобно детскому лепету, не стоят опровержения, и возвратясь к собственным словам Апостола, насладимся морем любви его; будем представлять в мыслях сей неизреченный пламень, о котором, что ни говори, ничего не скажешь достойного. Ибо любовь Павла была шире моря, сильнее всякого огня. И никакое слово не может изобразить ее по достоинству. Один Павел постигал ее, как вполне ею обладавший» (у святого Златоуста стоит сие под 6-м стихом).

Но возможна ли предлагаемая жертва и возможно ли желаемое в силу сей жертвы? Того, кто пламенел такою любовию к братьям по любви ко Господу, возможно ли отлучить? Внешно отдалить можно бы. Но как порвать живой союз любви, составляющей жизнь души Апостоловой? И как отдалить от Вездесущего, не могущего не

благоволить к любящим? Благоволение любви любимого Господа и любовь, дышащая любимым Господом, — это и есть рай. Любящий Господа и любимый Им везде будет в раю, хоть помести его в ад, как, наоборот, не любимый Господом и не любящий Его везде будет в аду, хоть помести его в рай. Почему блаженный Феофилакт толкует: что Апостол желает отлучен быть не от любви, а от славы Христовой. «Видишь ли, что он по пламенной любви к Богу желает, если можно, быть отлученным от сонма вечно-живущих со Христом, не от любви Его, но от славы Его и наслаждения ею. Я, рассуждает Апостол, совершивший неисчетное множество подвигов, любящий Бога безмерно, желаю, для славы Божией, лишиться славы Христовой. А это не значит лишиться, но, скорее, приобрести». С другой стороны, чего желает Апостол для братий? Чтобы и они стали участниками в Царстве Христовом — благодатном и славном. А это условливается верою и приверженностию ко Господу, которые без произволения как вселить в душу? Внешний дар можно дать помимо произволения; а внутреннее изменение как произвесть без участия его? Насиловать же произволение Господь не хочет. Он все делает, чтобы вызвать его, но никогда не насилует. Все это уже сделано Им и для иудеев; но они всё упорничают и о Христе Спасителе слышать не хотят. Так Апостол желал невыполнимого.

Апостол сам знал, что то и другое несбыточно; но сказал так, выражая свою крайне сильную любовь к роду иудейскому. Если бы можно было такою жертвою устроить спасение братий моих, то я готов на нее. «Говорит: желал бы, optabam, — а не: желаю, opto. Ибо знает, что невозможно, чтобы такой славный член, без всякого порока, был отсечен от тела Христова. Он показывает этим только великую любовь и приверженность к роду своему» (Амвросиаст). И однако же, это были не слова только, но искреннее, из глубины души исходящее желание, — желание безвозвратное. Будь возможно желаемое им, он готов был в самом деле на предлагаемую жертву. «Не говорит просто: желал бы, — но выражает усиленное желание: *молилбыхся*, ηὐχόμην, — молитвою, из сердца исторгающеюся и все существо его объемлющею» (святой Златоуст).

К показанию сильной любви надлежит относить и слова: *сам аз*, — то есть тот самый я, который пред сим свидетельствовал, что ничто не может отлучить меня от Христа, теперь сам желаю отлучения от Него, лишь бы спаслись братия мои. Блаженный Феодорит пишет: «весьма кстати Апостол внес и сие: *сам аз*, — напоминая сказанное уже о любви ко Христу и как бы так говоря: я, которого *ни жизнь, ни смерть, ни настоящая, ни грядущая, ни ина кая тварь* не возмогут *разлучити от любве Божия, яже о*

Христе Иисусе, весьма охотно разлучился бы со Христом ради спасения иудеев».

Но, говоря, что он готов отлучен быть от Христа *по братии* своей *и сродницех* своих *по плоти*, не подает ли Апостол мысли, что он любит род свой больше Христа и его предпочитает Господу? То правда, что «словами: *по братии моей, сродницех моих по плоти* – Апостол указывает на самую нежную и пламенную любовь свою к иудеям» (блаженный Феофилакт). Но самая любовь-то сия в каком духе и в силу чего имеется? В духе Христовом, в силу любви ко Христу, в желании все принести в жертву для славы имени Его. «Итак, причиною сего опять тот же возлюбленный Иисус» (святой Златоуст). «Явно потому, что Апостол не предпочитал иудеев Спасителю, а изъявляя только любовь и приверженность свою к ним, сказал это, желая увидеть, чтобы все покорились и охотно приняли спасительную проповедь» (блаженный Феодорит). «Как Моисей по-видимому ходатайствовал за иудеев, но все делал для славы Божией и говорил: прекрати гнев, дабы не сказали, что Ты не мог спасти и *извел погубити их в пустыни* (ср.: Втор. 9, 28); так и Павел говорит: я желал бы отлучен быть, только бы не сказали, что обетование Божие осталось без исполнения, что Бог не устоял в обещании и слова своего не привел в действие» (святой Златоуст).

Место это подробнее излагает Фотий у Экумения. Приводим его слова, не желая лишить читателей удовольствия слышать сего премудрого учителя. «Тот, кого ничто не может *разлучить от любве Божия*, ни смерть, ни живот, ни тамошнее, ни здешнее, ничто, что бы кто ни придумал, — ибо для этого помянул он и *об Ангелах и Силах*, о глубине и высоте, — кого ничто не может разлучить, тот как сам произвольно отступает? И это за сродников по плоти? И не просто отступает своею волею, но сильно желает, ищет и молится отлучен быть *от любве* Христовой? Что же это такое? Как согласить несогласующееся? Во-первых, скажем, что сказанное не противно одно другому. Ибо не противно любить Христа так, чтобы ни по причине мук, ни по причине предлагаемых благ не отступать от любви к Нему и любить ближних так, чтобы спасение их почитать равным собственному своему спасению, и даже большим его. Это не противоположно, а очень согласно между собою. Ибо любящий брата своего любит и Господа, и наоборот (см.: 1 Ин. 4, 20—21). *О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35), — говорит Господь. И сам Павел пишет в другом месте: *исполнение закона любы есть* (ср.: 13, 10). И опять Господь говорит о любви к Богу и ближнему: *в сию обою заповедию весь закон и пророцы висят* (Мф. 22, 40), показывая, что

любовь есть глава и источник всех дел любительных – и к Богу, и к ближнему – совместно. Это так, скажет кто; но здесь он любовь к ближнему предпочитает любви к Богу и молится отлучену быть от Сего, да тех приобрящет. Христос же говорит: *любяй отца или матерь паче Мене несть Мене достоин* (ср.: Мф. 10, 37). Но то, что говорит Апостол, не означает, что он любит ближних паче Христа. Ибо чего хочет любовь его к ним? Того, чтобы присвоить их Христу. Где же тут любовь к ним паче любви ко Христу, когда он и тех ревнует привлечь в любовь ко Христу и покорность Ему? Нет; он здесь показывает, что имел преимущественную любовь ко Христу, потому что и других ревновал привлечь к Нему. Было бы так, скажешь, если бы он не отлучал себя от Христа. Да он и не отлучал; ибо не этого собственно желал, но, горя пламенною ко Христу любовию, ревновал привить к Нему всех, паче же иудеев. И, сие-то представить желая, говорит, что если бы возможно было моею погибелию прославиться паче Христу и спастися иудеям, то я не отказался бы от такой жертвы: *молилбыхся*, – если бы это было уместно, если бы принято было мое предложение, если бы кто уступил моему выбору. Чего желал бы ты (слышит будто он): отлучену ли быть от Христа, чтобы весь народ иудейский соединился с Ним, и чрез то паче прославился Христос и исполни-

лись обетования Отца,— или пребыть в единении с Ним, а народ иудейский оставался бы в отчуждении от Него и противлении Ему,— и по причине того хулим был Христос? Если бы это, говорит, предложено было мне; то я предпочел бы славу Христову и спасение многих собственному спасению. Видишь ли преизбыточество любви ко Христу? Поелику от всего сущего показал уже он любовь свою ко Христу, то теперь представляет доказательство ее из не сущего, из мысленно предполагаемого: за славу Христову и за обращение иудеев я предположительно поверг бы долу и собственное свое спасение. Но, отлучен быв от Христа, и за славу Христову, и соединение с Ним иудеев, Павел опять соединился бы и сочетался бы с Ним, как младенец с материю, по отлучении от чрева ее, и таким образом сам опять бы спасся, Христос же наипаче прославился, народ иудейский спасся и обетования ему и заветы с ним пришли бы к концу. Даже что? Так и для сей цели отлучая себя, он не был бы отлучен, но паче соединен».

Стих 4. *Иже суть Израилите, ихже всыновление и слава, и завети и законоположение, и служение, и обетования.*

Не одна естественная любовь к роду своему располагала Апостола предложить такую жертву за спасение его; но паче промыслительные о нем распоряжения, Богом излитые на них щедроты и

благодеяния. Жалел, что все это пропадет даром, не принесши соответственного плода, если иудеи не обратятся ко Христу; потому готов был на крайнюю жертву, лишь бы отвратить эту пагубность, и не только это, но и — что имя Божие хулимо было по причине отчуждения иудеев и обращения язычников. Святой Златоуст говорит: «не без причины сказал Апостол слова сии; но потому, что, обвиняя Бога, говорили, что изгоняются и лишаются чести те, которые удостоились именоваться сынами Божиими, приняли закон, познали Бога прежде всех других народов, пользовались особою славою, служили Богу, когда еще никто не служил Ему, получили обетования — и, что всего важнее, стали праотцами Самого Христа; ибо сие значат слова: *от нихже Христос по плоти*; и что, вместо них, вводятся люди из язычников, никогда не знавшие Бога. Поелику говорившие так хулили Бога; то Павел, слыша сие, терзался, скорбел о славе Божией и желал быть отлученным, если бы то можно было, только бы спаслись иудеи, богохульство прекратилось и никто не оставался в той мысли, что Бог обманывал их праотцев, которым обещал дары. Павел желал быть отлученным, дабы ты знал, сколько его сокрушала мысль, какая могла поселиться во многих, будто бы осталось без исполнения обетование Божие».

Очищая, однако же, таким образом свою скорбь и болезнь сердечную от естественных побуждений и освящая воздействием на рождение ее богопромыслительных паче порядков, Апостол не меньше того имел в виду раздражить и в сердцах иудеев жаление о потере стольких преимуществ и привлечь к вере во Христа, без коей невозможно сохранить их. Он, как бы не говоря, говорит им: столько преимуществ! И все это теряется по одному вашему нехотению уверовать в Господа. Пожалейте же себя и приступите ко Господу Спасителю! Амвросиаст пишет: «Апостол перечисляет такие высокие преимущества иудеев и славные им обетования для того, чтобы у всех их возродить болезненное о том жаление. Ибо, не приемля Христа, они теряли преимущества отцов и лишались обетований, становясь таким образом хуже язычников, которых прежде презирали, как таких, кои были без Бога. Ибо более горько потерять достоинство, нежели не иметь его».

Иже суть Израилите. «Ибо и это имя было именито; потому что Богом дано праотцу и к потомкам перешло как наследство» (блаженный Феодорит). Дано было имя это Иакову после того, как до утра пребыл он в борьбе с Явившимся, Который вследствие того и сказал ему: *не прозовется ктому имя твое Иаков, но Израиль будет имя тебе: понеже укрепился еси с Богом*

и с человеки силен будеши (ср.: Быт. 32, 28). Имя сие означает богозрителя, состоящего под Божиим покровом и сильного Его благословениями среди людей. Почему оно и почетно было у всех. Господь, увидев Нафанаила, почтил его сим именем, сказав: *се воистину Израильтянин, в немже льсти несть* (ср.: Ин. 1, 47). Святой Павел, имея нужду показать, что и он не ниже других, говорит: *Израилите ли суть? и аз* (ср.: Флп. 3, 5). Когда потом иудейство расслылось*, именем сим хвалились христиане, называя себя новым Израилем.

Ихже всыновление. «Потому что они получили и это имя; сказано: *сын Мой первенец Израиль* (Исх. 4, 22)» (блаженный Феодорит). Так называл Господь Бог народ израильский в угрозе фараону, когда за притеснение сего народа, яко первенца, положил взять первенца и царева, и всех египтян. Сын дорог, а первенец — тем паче. Почтены же таким именем израильтяне по той причине, что Бог избрал их из всех народов и Себе присвоил, чтобы составляли как бы дом Его. Почему Моисей говорит во Второзаконии: *сынове есте Господа Бога вашего. Яко людие святи есте Господеви Богу вашему и вас избра Господь Бог ваш быти вам людем избранным Ему от всех язык, иже на лице земли* (ср.: Втор. 14, 1—2). Избрав их, Бог и попечение имел об них особенное, как о своих Ему, как о детях. *И бысть*

---

* *Расслыться* — здесь: прийти в упадок. — *Ред.*

часть Господня, людие Его Иаков: уже наследия Его Израиль. Удовли его в пустыни, сохрани его яко зеницу ока. Яко орел покры гнездо свое, и на птенцы своя возжеле: простер крыле свои, и прият их и подъят их на раму своею (ср.: Втор. 32, 9—11). Почему, когда израильтяне оказывались неисправными пред Богом, Бог укорял их так: *сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене* (Ис. 1, 2). Но это всыновление — внешнее — было прообразом того истинного и существенного сыновства, которого сподобляются христиане, бывая рождаемы от Бога Духом Святым и облекаемы во Христа, Сына Божия, благоволившего соделаться братом нам чрез воплощение.

И слава. «Ибо соделались славными по чудесам» (блаженный Феодорит). Как слава поставляется здесь в ряду особенных преимуществ израильского народа; то она, надо полагать, означает здесь особенное нечто. Это есть видимое знамение Божия присутствия среди сего народа. Первым из таковых был столп облачный, водивший его днем и светивший, как огонь, ночью (см.: Исх. 13, 21), во все время странствования по пустыне; вторым — слава Божия, сошедшая на гору Синайскую и покрывавшая ее (см.: Исх. 24, 16); третьим — облак, покрывший скинию свидения в момент освящения ее, когда скиния сия исполнилась славы Господней (см.: Исх. 40, 34). Это повторилось и при освящении созданного Соломо-

ном храма в показание, что замена скинии храмом не изменила Божия среди них присутствия (см.: 3 Цар. 8, 11). Постоянным же знамением присутствия Божия среди израильтян служил ковчег завета, осененный Ангелами, из среды которых Бог давал ответы Свои (см.: Исх. 25, 22). Почему, когда взят был ковчег завета филистимлянами, народ в плаче воззвал: *преселися слава (Божия) от Израиля, яко взятся кивот Господень* (ср.: 1 Цар. 4, 21). Ковчег возвратился, а с ним и слава Божия, и святой пророк Давид, когда говорил о скинии, именовал ее *местом селения славы Божией* ради присущего в ней ковчега. *Господи, возлюбих благолепие дому Твоего, и место селения славы Твоея* (ср.: Пс. 25, 8). И когда приходил в храм, говорил: *во святем явихся Тебе видети силу Твою и славу Твою* (ср.: Пс. 62, 3).

И завети. «Ибо Бог обетовал дать им не только Ветхий, но и Новый Завет; сказано: *завещаю дому Израилеву завет нов, не по завету, егоже завещах отцем их* (ср.: Иер. 31, 31–32); но сами они не захотели приять последнего завета» (блаженный Феодорит). Но хотя они и не приняли его, когда пришло время вступления его в силу; но в обетовании приняли и чаяли прибытия его. Почему и Новый Завет есть их же завет. Непринятие его равносильно нарушениям принятого и, подобно сему, делает их виновными пред Богом. Впрочем, желающие могут под заветами

разуметь один Ветхий Завет, многократно возобновленный: дан Аврааму, повторен Исааку и Иакову, торжественно провозглашен всему народу и после того неоднократно восстановляем по причине частых нарушений его со стороны народа.

И законоположение. «Потому что им дан закон Моисеев» (блаженный Феодорит). Закон был великим благодеянием для народа. Он определял подробно и семейную жизнь, и гражданскую, и отношения к другим народам, и, главное, сочетавая воедино весь народ, царем для него объявил Бога, Который, когда требовалось, открывал волю Свою из среды очистилища над кивотом и в час нужды защищал Свой народ рукою крепкою и мышцею высокою.

И служение. «Потому что, предпочтя их другим народам, научил законному священнодействию» (блаженный Феодорит). Чины служения Богу входят в состав законоположения. Там и все дела и законы положены и принимаемы были, как служение Богу. Апостол выделил его из общего законоположения и помянул о нем особо, потому что гражданство и прочие житейские и правительственные порядки со времени учреждения царей приняли иной вид и служением Богу осталось преимущественно богослужение. Особенно под конец оно одно и служило отличительною чертою народа израильского от прочих народов. Если взять во внимание цель Апосто-

ла — всячески привлекать ко Христу Господу; то можно положить, что он потому помянул особо о служении, что все чины его были тению тела Христова.

И обетования. «И данные Богом отцам, и возвещенные Пророками» (блаженный Феодорит). Отцам — Аврааму, Исааку и Иакову; Пророкам всем, начиная от Моисея и кончая Малахиею. Предмет обетований — Мессия и Царство Его. В пророческих вещаниях все сюда относящееся определено подробно. И только ослепление и уклонение к мирским целям заправлявших народом лиц не дало в явившемся Спасителе узнать обетованного.

Стих 5. *Ихже отцы и от нихже Христос по плоти, сый над всеми Бог благословен во веки. Аминь.*

Ихже отцы. «Те славные и именитые, Богом которых наименовал Себя Бог» (блаженный Феодорит). Разумеются здесь Авраам, Исаак и Иаков. Хотя все знаменитые лица ветхозаветные именуются отцами, но эти по преимуществу суть отцы, как родоначальники народа и как такие, с которыми Бог положил завет — начало и основание Ветхого Завета и всех обетований. Почему как Бог именовал себя Богом Авраама, Исаака и Иакова, так и иудеи и Бога именовали Богом отцов своих, и сами хвалились именами их, и

дорожили тем преимуществом, что суть потомки таких родоначальников и отцов.

И от нихже Христос по плоти. «В заключение Апостол приводит величайшее из благ» (блаженный Феодорит). Тут основание и всех других преимуществ. Потому и всыновление, и слава, и заветы, и законоположение, и служение, что имел родиться в их роде предопределенный Избавитель рода человеческого, к Коему относились и все обетования. Все ветхозаветное держалось на Христе Господе. Почему отчуждение от Господа Спасителя делало ничтожным все другие преимущества.

Сый над всеми Бог благословен во веки. Сказав: *от нихже Христос по плоти,* — Апостол дал разуметь, что Христос одно есть по плоти, а другое не по плоти. По плоти человек, а не по плоти что? *Сый над всеми Бог.* Блаженный Феодорит пишет: «хотя сего присовокупления: *по плоти* — достаточно было, чтобы дать видеть Божество Владыки Христа, однако же, как в самом начале, сказав: *бывшем от семени Давидова по плоти,* — Апостол присовокупил: *нареченнем Сыне Божии в силе* (ср.: 1, 3—4); так и здесь, сказав: *от нихже Христос по плоти,* — прибавил: *сый над всеми Бог благословен во веки,* — и различие естеств показуя, и научая, что иудеи имеют основательную причину плакать, потому что от них по плоти Сый над всеми Бог, а они утратили сие

благородство и соделались чуждыми оного родства».

Сый над всеми — и по естеству, яко Бог, и потому, что есть Творец (см.: Ин. 1, 3), Коим *создана всяческая* (ср.: Кол. 1, 16). Вседержитель, *носяй всяческая глаголом силы Своея* (ср.: Евр. 1, 3) и Промыслитель, Который, властвуя *на небеси и на земли* (Мф. 28, 18), все ведет к тому последнему концу, *да будет Бог всяческая во всех* (1 Кор. 15, 28). Экумений пишет: «здесь блистательнейше Апостол называет Христа Богом. Устыдись, треокаянный Арий*, слыша, как Павел славословит Христа истинным Богом. Пусть, говорит, иудеи износят хулы на Него, но я, зная неизреченное в Нем домостроительство и ведая промышление Его, провозглашаю, что Христос достойно славословим есть, яко *Бог над всеми сый и благословенный во веки*».

В заключение изображения таких преимуществ иудеев, в коем у Апостола так явно выказывалось сожаление о потере их ими, блаженный Феодорит пишет: «Апостол уподобляется плачущим женщинам, которые в своих причитаниях над умершими и оплакиваемыми изображают и красоту тела, и цветущий возраст, и знаменитость предков, и богатство, и могущество».

---

* *Арий (256—336)* — ересиарх, основатель псевдохристианской секты. — *Ред.*

б) Отвержение части иудеев не противоречит обетованиям Божиим (9, 6—29)

Глава 9, стих 6. *Не также, яко отпаде слово Божие: не вси бо сущии от Израиля, сии Израилъ.*

Жалеешь, сказал бы иной, что столь значительная часть иудеев осталась непричастною благ обетованных; значит, сознаешь, что обетования Божии не исполнились: «одним обещано, а другим дано; Христос от одних родился, а других спас; Бог дал обетования предкам иудеев и, оставив их потомков, во владение их благами ввел тех, которые никогда не знали Его. Иудеи трудились, поучались закону, читали Пророков, а язычники едва покинули свои алтари и идолов, как стали выше иудеев. Итак, почему получившие обетование лишились оного, а никогда не слышавшие об обетовании спаслись прежде первых? На сие ответствует Апостол: я сказал сие не в том смысле, что слово Божие осталось недействительным, но дабы доказать любовь ко Христу (и по Христе к ним [см.: Экумений]). Относительно же вашего вопроса, несмотря на настоящее положение дел, продолжает Апостол, мы не колеблемся оправдать Бога и утверждать, что обетование непреложно» (святой Златоуст). «Хотя и прекословят они и не хотят (уверовав) пожать плодов спасения, обетования, данные отцам, пребывают истинными» (блаженный Феодорит). «Я, говорит, распаляюсь от того, что хулят Бога,

будто не исполнил Он обетования и потому высказал желание, чтобы все спаслись. Но если не все спасутся, то отсюда не следует, будто Бог солгал в обетованиях, данных отцам, и не сбылось слово Его. Он исполнил обещанное, хотя хулители и говорят, что Он одним обещал, а другим дал» (блаженный Феодорит).

В доказательство того, что действительно так есть, Апостол выставляет: *не вси бо сущии от Израиля, сии Израиль*. Это общее положение, которое продолжается и в следующих стихах: *ни зане суть семя Авраамле, вси чада*. Вы, возражатели, говорит как бы он, не право понимаете силу обетования; по-вашему, родись только от Израиля и Авраама, и уж стал причастен обетования, а на деле не так: не плотское происхождение от отцов, приявших обетование, делает участником в нем, а другое нечто, высшее того. Что именно есть это высшее, Апостол не указывает прямо, но ясно дает уразуметь в имени Израиля и чад обетования (стих 8). Израиль – значит: зритель Бога. Богозрение есть высшее духовное совершенство, которое дается, приходит и приемлется по омертвении чресл, как у Иакова в борьбе с духовным мужем, чем означается умертвие страстей. Чада обетования суть те, которые рождаются по примеру Исаакова рождения; Исаак же образован и рожден словом Божиим: *на сие время прииду, и будет Сарре сын*. «Хотя женские ло-

жесна и утроба содействовали к рождению; но не сила утробы произвела чадо» (святой Златоуст). К естеству низошла сила свыше чрез слово, зачался плод и родился Исаак. Вот каковы должны быть те, коим принадлежит обетование: родиться силою свыше чрез слово и затем востечь к богозрению! Рассмотрите теперь, на ком исполняется сие? Ни на ком, кроме христиан истинных, которые рождаются свыше в купели словом и затем имеют живот свой сокровен со Христом в Боге. Следовательно, в том, что вы видите теперь *во очию вашею* совершающимся, есть точное исполнение силы обетования, и никому из здравомыслящих не должно приходить на мысль, будто *отпаде слово Божие*.

Такую мысль проводят наши толковники, начиная с настоящего стиха, и далее. Но она умом только зрится; Апостол же не высказал сего гласно. Имея дело с умами плотски-мудрствовавшими, он старался навесть их на такую мысль плотскими же осязательными примерами. Сказав: *не вси сущии от Израиля, сии Израиль*,— и тем дав уразуметь имеющим очищенный смысл, что родство с ним определяется не естественным рождением, а добродетелью, возводящею к богозрению (см.: блаженный Феодорит, Фотий у Экумения), надо бы для не имеющих такого смысла показать пример видимого отделения кого-либо из плотских потомков Израиля из общей

массы происшедшего от него народа. Но как история не представляла тому примера, а все сыны и дщери двенадцати сынов Израиля сплошь именовались Израилем, без видимого выделения кого-либо из среды их и без гласного указания на выделение по духу, хотя невидимо оно всегда совершалось, будучи ведомо единому Богу; то осязательный пример сему выделению находит святой Павел раньше, именно в рожденных от Авраама и Исаака. Он как бы говорит: от Авраама родился не один Исаак, а он один есть чадо обетования, прочие же выделены из сего ряда, равно и из рожденных от Исаака Исав выделен и наследником обетования признан один Иаков. Итак, как здесь осязательно и видимо делано было выделение не признанных достойными обетования; так и после того из среды потомства Израиля было делано подобное же выделение, но делано не видимо, не гласно. Ныне же оно сделано видимо чрез слово благовестия,— не приявшие благовестия выделены, а уверовавшие приняты. Как на гумне, когда лопатою веют намолоченное, мякина отвевается в сторону, а зерно остается на месте и собирается в житницу; так делается и теперь,— неверующие отвеваются в сторону, чтобы вскоре быть навеянными по лицу земли, а уверовавшие остались на месте Божием в ограде Церкви, чтобы поступить в житницу Божию. Итак, не помышляй никто, что отпаде слово

Божие; ибо не все сущие от Израиля по плоти суть Израиль и по духу.

Изложенная в таком порядке мысль Апостола освещает и всю последующую речь до 13-го стиха и делает ее понятною. Пересмотрим, однако ж, ее умом и словом наших богомудрых толковников.

Стих 7. *Ни зане суть семя Авраамле, вси чада: но во Исааце, рече, наречется ти семя.*

Не потому только есть кто чадо Авраамово, что родился от него по плоти. Не все родившиеся от Авраама суть по тому самому и чада его, то есть чада Авраамовы истинные, соответствующие намерениям Божиим, или чада обетования, Божии чада (стих 8). И Измаил от Авраама, и после того дети Хеттуры (см.: Быт. 25, 1, 4; 1 Пар. 1, 32—33) тоже Авраамовы были дети по плоти, но ни тот, ни эти не приняты в наследники обетования. Наследником его объявлен один Исаак: *во Исааце наречется тебе семя*, — то есть семя, достойное быть причастным благ обетования. Святой Златоуст говорит: «если выразумеешь, кто называется семенем Авраамовым, то увидишь, какому семени дано обетование, и узнаешь, что слово Божие не осталось без исполнения. Итак, скажи мне, кто называется семенем? Не я говорю, отвечает Апостол, но Ветхий Завет изъясняет сам себя, говоря так: *во Исааце наречется тебе семя* (Быт. 21, 12)». Вот первый

пример выделения из наследия обетования плотски рожденных от отца, приявшего обетование!

Для цели Апостола – указать видимые примеры выделения из наследия – было бы достаточно сказанного; но как он имел при этом в мысли так поставить сии примеры, чтобы в них видно было отображение того, что совершалось в очию всех во Христе Иисусе в деле благовестия Евангелия, которое он теперь защищает; то не ограничивается одними приведенными словами, а дает истолкование всему тому событию такое, в котором нельзя не видеть указания на совершающееся о Христе Иисусе, которого и понять нельзя, не предполагая сего указания. Почему святой Златоуст говорит, что Апостол «в изъяснении своем настоящее (бывающее о Христе) связует с ветхозаветным».

Стих 8. *Сиречь, не чада плотская, сия чада Божия: но чада обетования причитаются в семя.*

Слово в слово дела в Ветхом Заветс не шли таким образом. Не все причитавшиеся за семя рождались по обетованию, и притом так, чтобы их скорее следовало называть чадами Божиими, чем чадами плотских отцов, родивших их. В Иакове, сыне Исаака, это еще можно видеть, как вслед за сим и показывает святой Павел; но далее все уже причитались за семя без видимого и гласного разделения достойных и не достойных обетования. Око Божие, конечно, видело тех и других, но

Бог не обличал одних и не одобрял других гласно и видимо. Отделение одних от других стало совершаться видимо уже при водворении христианства, когда веровавшие во Христа вступали в наследие обетования, яко истинные чада Авраама и чада Божии, а неверовавшие отчуждались от Него. Наши толковники прямо и видят в сих и следующих словах указание на бывающее во Христе Иисусе Господе нашем. Святой Златоуст говорит: «смысл сих слов Апостола таков: родившиеся по примеру Исаака суть дети Божии и семя Авраамово. Для того и сказано: *во Исаактце наречется ти семя*. Как же родился Исаак? Не по закону природы, не по силе плоти, но по силе обетования». То есть действием силы Божией, как мы и рождаемся в купели (см.: блаженный Феофилакт). Блаженный Феодорит прямо и пишет: «чадами плотскими называет Апостол рожденных по естественному порядку, а чадами обетования — соделавшихся сынами по благодати». Так изъясняет сие и Амвросиаст: «Апостол дает разуметь, что не по тому уже и достойны все, что суть сыны Авраама, но что те только достойны, которые суть сыны обетования, то есть о которых предуведел Бог, что они имеют получить обетование, из иудеев ли они или из язычников. Ибо те только достойны именоваться израильтянами, то есть зрящими Бога, которые веруют. Если просто плотски разуметь: *во Исаацe наречется*

ти семя, — то все иудеи суть сыны Авраама, потому что весь род их от Авраама есть чрез Исаака. Но поелику, как я сказал, те только воистину суть сыны Авраама, которые наследуют данное *во Исааце*; то очевидно, что прочие (не наследующие сего обетования) не должны быть почитаемы сынами Авраама. Авраам верующий получил Исаака (и в нем обетование) ради веры, потому что *верова Богови* (ср.: 4, 3). В этом предызображено таинство будущей веры, чтобы те были братьями Исаака, которые возымеют ту же веру, в силу коей рожден Исаак. Исаак же рожден во образ Спасителя по обетованию; так что верующий во Христа Иисуса, обетованного Аврааму, есть сын Авраама, брат же Исаака. Аврааму было сказано: *о семени твоем благословятся вси языцы* (ср.: Быт. 22, 18); что в Исааке не исполнилось, но исполнилось в Том, Кто в Исааке обетован Аврааму, то есть во Христе, в Коем благословляются все верующие народы. Очевидно потому, что прочие иудеи (неверующие) суть сыны плоти, так как лишаются обетования и не должны быть причитаемы в семя Авраама, как не последующие вере, коею достойным (обетования) явился Авраам. Почему и прибавил Апостол: *сиречь, не чада плотская, сия чада Божия: но чада обетования причитаются в семя.* И могут ли быть *чада плотская* чадами Божиими? Те рождены от похоти плотской, а эти рождаются чрез

веру Духом. Те только и должны быть причитаемы в семя Авраама, которые веруют». Прибавим из блаженного Феофилакта: «следовательно, слово Божие не не сбылось, но Бог даровал обетованное истинному семени, то есть верующим из язычников, сделавшихся чадами Божиими, как и Исаак, потому что и они от обетования. Если же иудеи скажут, что слова: *во Исаацe наречется ти семя* – означают то, что родившиеся от Исаака причисляются в семя Авраама; то семенем Авраама надобно почитать и идумеев, и всех происшедших от него, потому что праотец их, Исав, был сын Исаака. Но идумеи не только не называются сыновьями Авраама, но даже весьма чужды израильтянам и называются иноплеменниками».

Так наши толковники видят в приведенных словах Апостола предуказание на то, что в собственном смысле исполнилось уже во Христе Иисусе, на верующих в Него. Но осязательно сие видится им в следующих за сим словах:

Стих 9. *Обетования бо слово сие: на сие время прииду, и будет Сарре сын* (ср.: Быт. 18, 10).

По ходу речи следует положить, что те только и семя Авраамово, и чада обетования, которые рождаются сим образом, то есть в силу особого воздействия Божия на естество. Но если мы будем понимать сие о плотских чадах Авраама, даже помимо тех, кои явно исключены из потом-

ства его, каковы — Измаил, Исав, дети Хеттуры, со всеми родами, от них происшедшими, то это не оправдывается историею. Но как слово Божие неложно, то неложно и это и, следовательно, имеет свое полное событие. Где же мы найдем его? Нигде, как во Христе Иисусе. Говорит Апостол, что в семя Авраамово причисляются чада обетования; слово же обетования дает разуметь, что те только чада обетования, кои рождаются действием Божиим, как Исаак. «Таково обетование, говорит святой Златоуст; Исаак образован и рожден словом Божиим! Хотя женские ложесна и утроба содействовали к рождению; но не сила утробы, а сила обетования произвела чадо. Так и мы рождаемся словом Божиим; ибо то, что рождает нас и образует в купели водной, есть слово Божие, потому что, когда крещаемся, во имя Отца и Сына и Святого Духа, рождаемся. Такое рождение не по естеству, а по обетованию Божию. Как предрекший рождение Исаака Сам тогда и совершил оное; так и о нашем рождении предвозвестил Он за долгое время устами всех Пророков, а потом привел оное в исполнение. Видишь ли, сколько доказательств и с какою удобностию Давший великие обетования исполнил оные? Видишь ли, что не плотские чада суть чада Божии, напротив, в самой природе (в рождении от Сарры) прообразовано рождение свыше чрез крещение? Если скажешь мне о ложеснах (то есть что

там плоть участвовала), скажу тебе о воде (то есть что и здесь есть вещественное). Но как здесь все от Духа, так там все от обетования; ложесна от заматорелости и старости были холоднее воды. Итак, со всем вниманием вникнем в свое благородство и покажем жизнь, достойную оного. В нашем рождении нет ничего плотского и земного, пусть не будет оного и в нас. Не сон, не похоть плотская, не объятия, не раздражения вожделения, но Божие человеколюбие все совершило. И как там, когда возраст не подавал никакой надежды, так и здесь, когда наступила греховная старость, вдруг произошел новый человек, и все мы стали сынами Божиими, семенем Авраамовым».

Стих 10. *Не точию же, но и Ревекка от единаго ложа Исаака отца нашего имущи.*

Второй пример выделения из наследия обетования, более первого очевидный. В первом примере показано, как выделены дети одного отца, но не одной матери; а здесь показывается выделение из детей и одного отца, и одной матери, и притом таких, которые и зачаты, и рождены в одно время. Против первого могли возражать: из детей Авраама прочие выделены, потому что они не от Сарры, а признан наследником один Исаак, потому что он от Сарры. Апостол говорит как бы: такое возражение не имеет силы, потому что потомство считается по отцу, а не по матери (см.:

блаженный Феодорит); но, чтобы не осталось у вас сомнения, приведу вам другой пример. То же случилось и с детьми Ревекки, которая в одно время зачала от Исаака и родила близнецов. Но один из них выделен из наследия, а другой избран в наследники обетования. Против этого уже нечего было возражать. Так осязательно видно в сем примере, что духовные обетования совсем не зависят от плотского происхождения. Самая речь Апостола в сем тексте усечена и неполна. Дополнять ее может всякий, как найдет лучшим, руководясь предложенным течением мыслей Апостола. Блаженный Феодорит пишет: «если думаешь, говорит Апостол, что Исаак ради Сарры предпочтен Измаилу и рожденным от Хеттуры чадам Авраамовым, то что же скажешь о Ревекке? Ибо здесь и матерь одна, и отец один, и зачатие одно; потому что дети — близнецы. Сие и выразил Апостол словами: *от единаго ложа имущи*, — то есть Ревекка в одно и то же время зачала обоих; однако же один любим Богу, а другой недостоин Божия о нем попечения». Святой Златоуст сводит и прежний, и этот пример под один обзор и делает общее наведение, соответственно цели Апостола: «чему дивиться, говорит Апостол, ежели из иудеев одни спаслись, а другие нет? Всякий знает, что в древности случилось то же и с патриархами. Почему один Исаак называется семенем Авраамовым, хотя Авраам был отцом

Измаила и других многих? Потому ли, что мать Измаилова была раба? Но как это падает на сына? Впрочем, не спорю; пусть Измаил изгнан по матери. Но что сказать о детях Хеттуры? Они не были ли свободными и родились не от свободной ли? Почему же они не удостоились преимуществ, данных Исааку? И что говорить о Хеттуриных детях? Ревекка была единственною супругою Исаака, родила двоих сыновей, и обоих от Исаака. Но родившиеся, будучи одного отца, одной матери, причинив ей одни и те же болезни рождения, сии, говорю, единокровные, единоутробные и, сверх того, близнецы, получили не одинаковые права. Здесь нельзя сослаться на рабство матери, как в рассуждении Измаила, и на то, что родились не из одной утробы, как в рассуждении детей Хеттуриных и Сарриных; у них была одна мать, в один и тот же час чувствовала болезни рождения. Посему и Павел, как бы почитая последний пример более ясным, говорит, что не с одним Исааком то было, но и Ревекка и прочее».

Этим простым указанием цель Апостола уже была достигнута — примерами из древней истории доказать, что Бог с самого начала устранял некоторых от участия в обетованиях, несмотря на происхождение их по плоти от отцов, принявших обетования, и что потому нечего дивиться, если и теперь некоторые оказываются устраненными от

участия в благах, подаваемых обетованным Искупителем и Спасителем. Но как в первом примере, так и здесь Апостол не ограничивается одним указанием, а прилагает и пояснительные мысли, глубже и глубже входя в законы Божественного промышления.

Стихи 11—12. *Еще бо не родившимся им, ни сотворившим что благо или зло, да по избранию предложение Божие будет не от дел, но от Призывающаго, речеся ей: яко больший поработает меньшему* (ср.: Быт. 25, 23).

В этих стихах различать надо две части и мысли: одна служит только к разительнейшему представлению предложенного примера, а другая вводит в законы промыслительного Божия действования. К первой относятся слова: *еще бо не родившимся им, ни сотворившим что благо или зло, речеся ей: яко больший поработает меньшему.* Не только из двух, от одного отца и матери и от одного ложа рожденных, один выделяется из наследия обетования, а другой избирается в наследники его; но это делается даже прежде, нежели они начали действовать и сделали что-нибудь доброе или худое. Так естественно и будто необходимо такое выделение и устранение! Что же дивитесь и недоумеваете, говорит как бы Апостол, что ныне видите вы устраненными, или паче устранившимися, от духовных благ, подаемых явльшимся Избавителем?! Слова: *больший поработа-*

ет меньшему — на деле не всегда осуществлялись: было так от Давида до Иорама (см.: 2 Цар. 8, 14; 4 Цар. 8, 20—22) и при Маккавеях*; большею же частию потомство Исава враждебно относилось к потомству Иакова и было будто чуждое ему. Порабощение, здесь указываемое, означает вообще состояние отчуждения от наследия, подобное состоянию рабов, не имеющих части в сем наследии.

Ко второй относятся слова: *да по избранию предложение Божие будет не от дел, но от Призывающаго*.

Это не вносные слова, а напротив, главные; в средину же они вставлены для того, чтобы понудительнее задержать на них внимание. Они-то и указывают на ту особенность в Божеских действиях, какая обнаруживается в избрании к наследию обетования одних и в устранении от сего наследия других. Для чего Бог объявил Ревекке, что из двух детей ее один будет наследником, а другой, подобно рабу, устранен от сего прежде, чем они родились и сделали что-либо? Для того, чтобы показать не ей только, но и всем вообще, что когда Он полагает одного избрать, а другого устранить, то это делает не на основании дел, уже сделанных избираемым или устраняемым, но Сам по Себе, как свойственно Ему, избирающему или

---

* *Маккавеи (Хасмонеи)* – иудейская царская династия (164—37 до Р. Х). – *Ред.*

призывающему. Слова: *да по избранию предложение Божие* и прочее — буквально дают такие мысли: *предложение Божие,* — Божие решение, определение или прямо воля Божия; *по избранию,* — по делу избрания или относительно избрания — того к наследию, а этого к устранению от него; *да будет,* — да ведомо будет всем, что такое предложение или воля и определение бывает; *не от дел,* — которые бы сделаны уже были теми, которых касается это предложение, как это видно на Иакове и Исаве, о которых определение состоялось прежде их рождения; *но от Призывающаго* — не зависит или происходит, но: *бывает,* — и бывает, конечно, так, как сие свойственно Призывающему или сообразно со свойствами Его.

Здесь нет мысли о безусловном Божием определении одних к наследию обетования, а других к устранению от него, не принимая во внимание, достоин ли кто или не достоин, а есть только та, что такое определение составляется не на основании проявленного достоинства или недостоинства, а как свойственно делать сие Ему, полагающему определение. Или — Он знает или умеет положить такое определение, помимо такого проявления, совершенно согласно, однако ж, со своими свойствами — правдою и благостию. Можно постановлять такое определение не по проявленному уже достоинству или недостоинству, а по предуведанному. По такому именно предведе-

нию и бывает всякое предложение Божие по избранию.

Наши толковники на этой преимущественно мысли и останавливают свое внимание. Святой Златоуст говорит: «почему один любим, а другой отвергаем? Потому ли, что один был порочен, а другой добр? Но ведь один почтен, а другой осужден, когда еще и не родились они; еще до рождения их Бог сказал: *яко больший поработает меньшему.* Почему же Бог сказал это? Потому что Он не ждет, как человек, окончания дела, дабы видеть, кто добр и кто нет, а напротив, прежде сего знает, кто добр и кто нет». То же и у блаженного Феодорита читаем: «Бог не ожидал испытания на деле, но, когда были еще носимы во чреве, предвозвестил их различие. Предвозвестил же, предузнав их расположение, потому что избрание сие не противно справедливости, но согласуется с расположением человеческим». Фотий у Экумения так изъясняет: «*предложение Божие* — означает волю Божию в избрании. *Не от дел* — представляет величие Божие призвания и благодать Его, что Он избирает и призывает из тех, которые еще ничего не сделали. Но скажешь: ничего не сделавшие как избираются? Избрание бывает по отличиям избираемых, а у ничего не сделавших какое отличие? — Конечно, так. Но надо ведать, что для человеческих очей, поелику они ничего еще не сделали, то и не от-

личаются ничем; а для Божественного предведения, видящего имеющее быть как настоящее, они очень много разнятся друг от друга: один богоугоден, а другой нет. Так что при сем воля Божия в избрании, и не от дел была, а была по призванию и благодати и, однако ж, была праведна, хоть такая праведность не для всех людей очевидна».

Амвросиаст пишет: «Действующим в сих делах представляется Божие предведение по тому, что вещи не могут происходить иначе, как так, как Бог предвидит их имеющими быть. Зная, чем каждый из них имел быть, сказал Бог: достоин будет меньший, а больший не достоин. Одного избрало предведение, а другого отвергло. И на том, кого избрало, пребывает *Божие предложение*, потому что с ним не могло быть иное, как то, что предвидел Бог и чему быть предположил в нем, то есть чтобы он был достоин спасения (обетования). И в том, кого отвергло, равным образом пребывает *предложение Божие*, потому что предвидело, что он будет недостоин (как и действительно оказалось потом). Почему в сем, по причине предведения, Бог не является лицеприятным: ибо никого не осуждает — несогрешившего — и никого не венчает — не одержавшего победы».

Стих 13. *Якоже есть писано: Иакова возлюбих, Исава же возненавидех.*

Сими словами начинается пророчество Малахии (см.: Мал. 1, 2). Бог чрез Пророка изъясняет особое Свое благоволение к Израилю. Не брат ли, говорит, Иакову Исав? — но Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел. Словом: *возненавидел*, — означается неизбрание, отвержение, исключение из обетования. Осязательнее нельзя представить, как один избран к наследию обетования, а другой отлучен от него... Сам Бог сие делает. Следовательно, то, чтобы наследниками обетования были не все рожденные от отцов, приявших обетование, — находится в порядках Божественного о людях промышления. «Не на естество обращает внимание Бог, но взыскует единой добродетели» (блаженный Феодорит). Свидетельство приведено в подтверждение значения приведенного Апостолом примера, а не в подтверждение того, какое наведение сделал он из сего примера, о чем говорено было пред сим.

Святой Златоуст такой делает обзор всего сказанного: «главным намерением блаженного Павла было, посредством всего им сказанного, научить, что один Бог знает достойных, а из людей никто, и, хотя многие воображают о себе, что знают, впрочем, часто ошибаются в своем заключении. А Знающему тайны сердца совершенно известно, кто достоин венцов и кто — наказания и мучения. Посему Он многих, которые, по мнению людей, добры, изобличив, наказал и

многих, которые были почитаемы порочными, увенчал и засвидетельствовал, что они не таковы. Он произносит приговор не по отзыву рабов, но по собственному строгому и беспристрастному суду. Он не дожидается окончания дела, чтобы одного признать достойным, а другого — нет. Привожу пример рожденных от одного отца и матери. Оба родились от Ревекки и Исаака, законного сына Авраамова, который одобрен Самим Богом и всем предпочтен и сделался отцом (имеющих наследовать обетования). А ежели он — отец, то и происшедшие от него должны быть отцы же; но последнего не было (ибо Исав выделен из сего чина). — Отсюда усматриваем, что дети Авраамовы называются собственными его детьми не только по рождению, но и потому, что они достойны доблестей родителя. А если бы назывались по одному рождению, Исаву и Иакову надлежало бы пользоваться равными правами, потому что и Исав произошел от той же утробы омертвевшей. Напротив, требовалось не одно такое рождение, а нравы, — не что-либо обыкновенное, но что могло бы служить к назиданию нашей жизни. — Апостол, однако же, не говорит, что как один был добр, а другой порочен, то первый и предпочтен. Но единственною причиною представляет Божие предведение, против которого разве один совершенно безумный дерзнет спорить. Избрать от утробы матерней есть дело

предведения. Сие было, говорит Апостол, дабы обнаружилось избрание Божие, совершившееся по изволению и предведению. Бог с первого дня узнал и предрек как доброе, так и противное тому. Итак, не говори мне, продолжает Апостол, что ты читал закон и Пророков и столько времени служил. Знающий и испытующий сердца знает также, кто достоин быть спасенным. Итак, уступи непостижимому промыслу в избрании. Он один верно знает, кого увенчивать. Не требуй же отчета у Творца, не спрашивай: почему один увенчан, а другой наказан? Он умеет во всем наблюдать справедливость. Посему сказал: *Иакова возлюбих, Исава же возненавидех*. Что сие справедливо, ты знаешь по последствию; но Бог совершенно то знал и прежде исполнения. Он требует не только явления дел, но свободной воли и непорочных чувств. Такой человек, хотя бы и согрешил когда по обстоятельствам, скоро исправится. Даже хотя бы он и укоснел в пороке, не будет презрен; напротив, всеведущий Бог вспомнит об нем. А равно человек развращенный, хотя бы сделал что-нибудь по-видимому доброе, погибнет; потому что делает то с худым расположением. Давид, став убийцею и прелюбодеем, скоро загладил свои преступления, потому что увлечен был обстоятельствами и сделал оные не по привязанности к пороку. А фарисей, не учинивши

никакого злодеяния, напротив, хвалившийся добрыми делами, все испортил злою волею».

Стих 14. *Что убо речем? Еда неправда у Бога? Да не будет.*

Судя по сему образцу установления Божеских определений об участии того или другого, можно ли говорить, что у Бога есть какая-либо неправда? Не буди то. Мы не видим, почему Бог постановляет то или другое определение, а Бог видит и если постановляет что, то постановляет потому, что иначе постановить было бы несправедливо. Потому нам, верующим в Бога, надлежит и все Его определения принимать с уверенностию, что они совершенно правы, и всецело предавать себя Его владычеству, не позволяя своему скудоумию судить дела Божии. «Апостол показывает здесь, что домостроительства Божии превышают человеческий помысел» (блаженный Феодорит). «Праведность решений Божиих относительно наших участей ускользает от ума нашего, но Судии всех точно и непогрешительно ведомо, что так, а не иначе надлежит определить. Веруй же, что хотя многое совершается по неведомым для нас причинам и иным кажется несообразным, но совершается всегда так, как всевидящее око видит и судит быть тому праведно» (Экумений).

«После сего Апостол присовокупляет новую мысль, которая темнее предыдущей. Какую же?» (святой Златоуст).

Стих 15. *Моисеови бо глаголет: помилую; егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю.*

Слова сии означают прямо: кто достоин помилования, того помилую, и кто достоин щедрот, того ущедрю. Таковую мысль можно видеть в русском переводе: *кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею* (ср.: Исх. 33, 19). И с течением речи она совершенно согласна. Спрашивал: ужели неправда у Бога, что Он решал участи прежде рождения и дел? – Нет, отвечает. Ибо Бог видит наперед, кто достоин и кто недостоин. Так и Моисею сказал, что кого следует помиловать или кто достоин помилования, того помилую, и кого следует ущедрить, ущедрю. Сообразна она и с обстоятельствами, при которых изречены слова сии к Моисею. Святой пророк Моисей просил, чтоб Господь Бог сподобил его великой милости – увидеть лице Его. Господь сказал ему, что лице Его нельзя видеть, а вот что сделаю для тебя. Я пройду пред тобою славою Моею, или сделаю, что пред очами твоими пройдет видимое явление славы Моей, как знамение Моего присутствия, и воззову к тебе: *Господь пред тобою, и помилую, егоже аще милую, и ущедрю, егоже аще щедрю* (ср.: Исх. 33, 19). То есть к слову: *Господь пред тобою* – прибавлю и эти слова. Так обещал Господь и велел Моисею взойти на гору. Когда взошел он, последовало обещанное явление славы Божией: *мимоиде Господь пред лицем*

его, и воззва: Господь, Господь Бог щедр и милостив, долготерпелив и многомилостив, и истинен, и правду храняй и творяй милость, прощаяй кающиияся, отъемляй беззакония, и неправды и грехи, и повиннаго не очистит (кто виноват и не раскаивается, того не признает чистым, а накажет) (см.: Исх. 34, 6—7). Слова сии сказаны вместо: *помилую, егоже аще милую, и ущедрю, егоже аще щедрю* — и служат пространным их изъяснением, из уст Самого Господа исшедшим. Мысль же главная в сих словах та, что, кто достоин помилования, того Господь милует, а кто недостоин, того не минет наказание. Применяя их к вопросу: *еда неправда у Бога* в том, что Он Иакова избрал, а Исава отверг? — не можем не видеть прямого ответа: нет; Он Иакова избрал потому, что следовало избрать, яко достойного, а Исава отверг потому, что следовало отвергнуть, яко недостойного.

Прибавим к сему, что святой пророк Моисей просил себе милости у Господа — увидеть лице Его после того, как Господь отказался было идти с народом, а потом, умолен быв святым Моисеем, опять согласился идти с ними. Это случилось, когда израильтяне слили тельца и стали ему кланяться, яко Богу. Святой Моисей был в эту пору на горе. Господь сказал ему: согрешил народ, тельцу кланяется. Я истреблю его весь и от тебя произведу новый народ. Пророк стал умо-

лять Господа, чтоб не делал сего, потому что иначе все станут хулить Его, будто извел народ из земли Египетской, чтобы погубить его в пустыне. *Утоли гнев ярости Твоея, и милостив буди о злобе людей Твоих* (ср.: Исх. 32, 12). Умилостивился Господь и отложил такое грозное определение, но не и наказание. Святой Моисей, сошедши с горы, призвал к себе таких, которые оставались еще верными Господу, и велел им избить зачинщиков зла. Они исполнили сие, и пало тогда до трех тысяч мужей. После сего святой Моисей опять взошел на гору к Господу и стал молиться: *согрешиша людие сии грех велик. И ныне аще убо оставиши грех их, остави; аще же ни, изглади мя из книги Твоея, в нюже вписал еси.* Господь сказал Моисею: *аще кто согреши предо Мною, изглажу его из книги Моея.* И прибавил: *в оньже день присещу, наведу на них грех их.* Это показывает, что Господь определил и от Своего лица наказать согрешающих. Затем пишется: *и порази Господь люди за сотворение тельца* (ср.: Исх. 32, 32—35). И еще, значит, пали многие, кроме тех трех тысяч; многие, но не все, хотя согрешили почти все. Кто же делал выбор? Божие предведение; оно видело могущих исправиться и принесть добрые плоды и пощадило их; видело нераскаянных в сердце и поразило их, хотя, может быть, в настоящем случае иные из первых были более виновны, чем иные из последних.

Экумений пишет: «если нет неправды у Бога и, однако ж, когда все поклонились тельцу, Бог говорит: *помилую, егоже аще милую*; то, конечно, потому, что сокровенно очами Своими входил Он в сердца людей и видел, кто достоин милости и кто недостоин».

Но этим еще не утолился гнев Божий. Он объявил Моисею: пошлю с вами Ангела, а Сам не пойду, чтобы Мне не истребить вас за ваше жестокосердие. Услышав о сем грозном определении, народ пришел в сильное сокрушение, скинул украшения свои и облекся в плачевные ризы. И Моисей стал умолять Господа, чтобы Сам шел с ними. Умилостивился Господь и сказал: *и сие тебе слово сотворю: обрел бо еси благодать предо Мною* (ср.: Исх. 33, 17). После сего святой Моисей просил Господа явить ему лице Свое и услышал слова, о коих у нас речь: *помилую, егоже аще милую* (Исх. 33, 19). Сопоставляя сии слова с теми, которые сказал Господь, отказываясь Сам идти с народом, то есть чтоб не истребить его весь за жестоковыйность, можно дать им еще такое толкование: пойти с вами пойду, и хотя не истреблю вас всех в случае какого прегрешения, но не буду оставлять дела без наказания. Кого же помиловать и кого наказать, Я увижу тогда. Кто достоин будет милости, того помилую, и прочее. Святой Златоуст влагает в уста Господа такие слова: «не твое, Моисей, дело

знать, кто достоин человеколюбия; предоставь это Мне».

Таким образом из всего этого обстоятельства видно, что Господь как милует, так и наказует, судя по тому, чего кто достоин, или по делам уже сделанным, или по предвиденной их жизни впереди. И таков именно смысл слов: *помилую, егоже аще помилую* и прочее.

Амвросиаст так перефразирует место сие: «милостию, говорит, помилую того, над кем смилуюсь, то есть того помилую, о ком предувижу, что он обратится и пребудет верен Мне, и щедроты Свои явлю тому, о ком предуведаю, что он от заблуждения обратится ко Мне правым сердцем. Это значит: давать тому, кому следует дать, и не давать тому, кому не следует давать».

А Экумений, применяя сие к течению речи Апостола, так говорит: «и в отношении к нынешним иудеям Бог не неправедно действует; но и ныне которые достойны, спасаются, потому что веруют, и которые недостойны, погибают, потому что не веруют. *Помилую, егоже аще помилую*, — как бы так: Я знаю, которые достойны спасения и которые недостойны. Если Моисей не знал, какие достойны и какие недостойны; нам ли знать причины бывающего? Божии суды кто исследует?» Таким образом здесь мы можем видеть третий пример того, как Бог одних принимает, а

других отвергает. И это уже из среды сонма сынов Израиля.

Можно слова сии и так объяснить: кого хочу, того милую. С этим согласна и последующая мысль. Но хотя бы и так разуметь, все основная мысль будет одна и та же, то есть что Бог милует достойных, как и наказывает недостойных. Бог всегда действует независимо, как хочет; но действует сообразно с правдою Своею беспредельною, как и милостию бесконечною, а не так, чтоб, ни на что несмотря, помиловал недостойного, а достойного наказал. Если остановимся на сем толковании, то к нему надо приложить предположение, что святой Павел ввел сие изречение для того, чтобы недоумевающих, почему не все иудеи вошли в обладание благами обетованного Избавителя, расположить разрешить сие недоумение не по каким-либо внешним моментам, бросающимся в глаза, но из идеи о Боге всеправедном, всеблагом, – говоря как бы: Бог кого хощет милует, так и из вас, кого хощет, того избирает. Но как у Бога нет неправды; то нет ее и в сем Его действии. Предайте всё Богу и успокойтесь! Верьте, что тут *не отпаде* обетование.

Стих 16. *Темже убо ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога.*

То есть избрание к наследию обетования есть дело ни хотящего, ни текущего, но милующего Бога. Чтобы понять, откуда привзошли термины:

хотящаго и текущаго,— надо обратиться к предыдущему. Речь идет об избрании Иакова и отвержении Исава еще прежде рождения их. Это решение Божие основывалось на предведении, что один достоин того, а другой недостоин. Тот и другой оправдали это жизнию своею и своим нравом. Между тем по ходу дел следовало Исаву получить обетование наследия, и Исаак уже решил так сделать и уже послал его *уловити лов* и приготовить себе снедь, чтобы, вкусив ее, благословить его. Случись так,— и не оправдалось бы слово Господа, что больший поработает меньшему, ибо тогда в благословении Исава стояло бы: *буди господин брату твоему* (Быт. 27, 29). Но слово Божие никогда не может солгатися. Бог вразумил Ревекку устроить так, чтобы благословение первенца получил Иаков и приведенные слова, приготовленные для Исава, присвоились ему. Так, что Бог, по предведению Своему, судил, того никто изменить не может, даже хотя бы кто намеренно усиливался идти против, а не так, как в этом примере, где против шло обычное течение человеческих дел. Вот был и хотящий Исаак, и текущий Исав, а дело устроилось не по хотению хотящего, ни по труду текущего, а по милости милующего Бога. Помянув это обстоятельство, Апостол и сказал: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога*. Кого Бог судил достойным милости, у того никто не вы-

рвет ее; милость же присуждается не без разбора, а достойным. Приводим это обстоятельство при толковании сих слов, чтоб указать, откуда привзошли термины: *хотящаго и текущаго*, — потому что это осязательно очевидно в том обстоятельстве; но можно после сего и так разуметь связь речи. Впереди сказано, что, кого следует миловать, того милует Бог; следует же миловать, по правде Божией, того, кто достоин. Из этого мог бы иной заключить: следовательно, все здесь зависит от добрых решений воли, от *хотящаго*, и от соответственных трудов по исполнению тех решений, от *текущаго*. Апостол предупреждает: нет, не от этого. Хотеть — хоти и течь — теки: без этого нельзя; но все же окончательное решение дела принадлежит милости Божией или благодати, и хотение укрепляющей, и силы к исполнению его подающей. Кто при всем желании и трудах участь свою Божией предает милости, тот и оказывается у Бога достойным милости. И милость сия венчает его.

Может еще показаться, что, по мысли Апостола, все зависит от милости и благости милующего Бога, а собственное участие человека, будь не будь, все одно. Но так может только показаться. Апостол не сказал: ни от хотения, ни от течения, но: *ни хотящаго, ни текущаго*, — чтобы показать, что хотение и течение не исключаются, а только внушается, что хотящий и текущий не должен на

этом одном основывать свое упование, и тем паче — посему предъявлять какие-либо права. Блаженный Феофилакт пишет: «здесь Апостол повидимому уничтожает свободную волю; но на самом деле — нет. О доме говорим, что он есть дело мастера. Хотя мастеру нужны и вещество, и помощники в постройке; однако ж, поелику она зависит от него, говорим, что он построил весь дом. Так и о Боге говорим, что всё Его дело, хотя Бог имеет нужду в нашем произволении. Он совершает, Он и венцы дает, Он и осуждает; поэтому и говорим, что всё есть дело Бога». То же читаем и у Экумения: «должно хотеть и тещи и все свои употреблять в дело силы; но при этом помнить, что без воли Божией ни хотящий, ни текущий не достигнет цели, если не придет помощь Божия. Бог милует и хочет того, кто сам хощет спастись».

Как ни разуметь приведенные слова, они должны были поразительно действовать на иудеев, неверующих устрашать, а верующих исполнять радости. Последнее очевидно само собою; и Апостол не их имел в виду, а первых. Он здесь доказывает, что если есть теперь неверующие, то это не то значит, что *отпаде* обетование, а то, что они оказались недостойными его, подобно Исаву. Возражатели могли говорить: иудеи желают и текут, и закон читают, и службы все исполняют, и жертвы приносят. За что же исключаются они

из наследия обетования? Апостол говорит как бы: и Исаву по видимости принадлежало наследие; но как душа у него была другого строя, то он и не получил его. Так и эти иудеи по видимости должны бы быть наследниками обетования; но как душа у них не такая, которая требуется от наследников его, то есть неверующая, то оно и не дается им. Приняв в чувство такое наведение, неверующие должны были сильный чувствовать толчок к тому, чтоб построже вникнуть в текущее и уразуметь, чего хощет от них готовый миловать их Бог; но еще более сильный толчок должно было дать им наведение из упоминаемого вслед за сим обстоятельства.

Стих 17. *Глаголет бо Писание фараонови: яко на истое сие воздвигох тя, яко да покажу тобою силу Мою, и да возвестится имя Мое по всей земли* (ср.: Исх. 9, 16).

Бог в Писании говорит фараону: *на истое сие воздвигох тя,* — то есть выдвинул тебя из среды других, выставил на вид, как знамя. Или — *воздвигох*, ἐξήγειρα, — будто воскресил, в смысле: оставил пожить. Бог повелел сказать фараону, что с первого раза противления его Он лишил бы его жизни, но что он хранен доселе и еще будет пощажен ради того, чтобы явлена была на нем сила Божия. Таким образом, он был уже мертвый, как обреченный на смерть, и если жил, то по изволению Божию для особых целей, будто из мертвых

живой. Или — *воздвигох* — восстановил против себя, сделал, что ты все противился Мне. Это будет то же, что в следующем стихе: кого *хощет* Бог, *ожесточает*. Бог не силою Своею ожесточал фараона или возбуждал его противиться Себе; напротив, Он все делал, чтобы расположить фараона добровольно отпустить иудеев, а тот все противился. Казнь за казнию Бог посылал на него и Египет; он на минуту смягчался, а потом снова ожесточался, говоря: *Бога вашего не вем и Израиля не пущу* (ср.: Исх. 5, 2). Росло ожесточение, возвышались и карательные знамения, пока не погружен был сей ожесточенный богоборец в пучине морской. Сила Божия с торжеством явлена была на нем, и слава имени Божия пронеслась по всей земле, как исповедала Раав, говоря: мы слышали, как иссушил Бог море и прочее (см.: Нав. 2, 10). Экумений говорит: «фараон по собственному злонравию пострадал, что пострадал. Бог спасти его хотел, почему и долготерпел столько, давая место покаянию. И кто не подивится Богу, столько долготерпевшему?» Блаженный Феофилакт пишет: «для того самого, — говорит Бог, — *Я и воздвигох тя*, — то есть выставил тебя, фараон, на вид, чтобы чрез тебя сделалась известною сила Моя и многие обуздали себя, слыша об имени Моем, как правосудном и мощном по всей земле». Амвросиаст же так рассуждает: «этот фараон, виновный в столь многих злах, что и

жить был недостоин, так ожесточился в зле, что и исправиться не хотел, думая, что, несмотря ни на что, будет жив или что Бог, против Которого столько погрешал, не смел воздать ему грозным воздаянием. Почему и услышал от Бога: *на истое сие воздвигох тя, яко да покажу тобою силу Мою, и да возвестится имя Мое по всей земли*, — то есть чтобы все народы уразумели, что нет иного Бога, кроме Того, Который есть Богом иудеев. Воздвиженным же (suscitatus — будто воскрешенным) назван он потому, что у Бога он был уже мертвый и несколько лишь времени получил казаться живым, чтоб было на ком обрушить столько казней и столько разного рода поразительных истязаний, кончившихся его смертию; и все народы, не ведавшие истинного Бога, быв поражены чрез то страхом, с великим изумлением исповедали, что Сей единый есть истинный Бог, от Коего изошли такие поражения. Так древние медики на людях, приговоренных к смерти, научались помогать живым, открывая и исследуя, что сокрыто внутри человека, чтоб узнавать причины болезней и казнь умирающих обратить во спасение живых».

Но смысл сего места и сам собою очевиден; не очевидно только, чего ради Апостол помянул о сем обстоятельстве. Блаженный Феофилакт пишет: «как из сливших тельца одни спасены, а другие наказаны, когда один Бог знал, кто досто-

ин спасения и кто наказания, так, хотя много было и других порочных, однако гневу Божию подвергся один фараон». Он видит и здесь новый пример выделения одного из многих, только не для милования, а для казнения. С течением речи это совершенно согласно. Пример сей мог сам собою прийти на мысль Апостолу, по противоположности предыдущей речи. Говорил о миловании, пришло на мысль и казнение. Но думается, что Апостол намеренно избрал пример фараона, чтоб навесть неверующих иудеев на мысль, что ожидает противящихся Божиим распоряжениям. Из прежних примеров видно, что Бог избирает достойных, а недостойных отвергает. Это должно было показать иудеям, что если есть в них отчужденные от обетования благ, подаемых Спасителем, то причиною этому они сами, сами себя делают они того недостойными чрез свое упорное неверие. Теперь же примером фараона он наводит их на прозрение того, что и с ними может быть и будет, если останутся в своем упорстве. Упорничал фараон, и погиб. Смотрите, не случилось бы и с вами того же?! Святой Павел не истолковывает сего таким образом, а заставляет самих иудеев нагадать сие. Если бы он сам истолковал это так, то менее бы подействовал на иудеев, нежели как когда они сами нагадают сие, не все, конечно, а которые нагадают. И вся речь Апостола так идет, что он

указывает только на то, что от Бога исходит, умалчивая почти, что определения Его сообразуются с расположением людей, для того чтоб, указав это и так очевидно обличив в вине самих иудеев, не оттолкнуть их от себя и не вооружить против истины. Если же они сами додумаются до того, что преднамеревался внушить Апостол, то не могут не принять того во внимание и не задуматься, а это большой шаг к вере. Разумеем неверовавших. Веровавшие же, конечно, почерпали из сего наибольшее утверждение в вере.

Стих 18. *Темже убо егоже хощет, милует: а егоже хощет, ожесточает.*

Это вывод из всего сказанного,— не из последних только примеров: пощадения в пустыне, когда сказал: *помилую,— егоже аще помилую,—* и ожесточения фараона,— но и из первых: избрания Исаака и Иакова с отвержением Измаила и Исава. Слово: *ожесточает* — не так следует понимать, что Бог силою Своею производил ожесточение в сердце непокорных, подобно фараону, а так, что непокорные нравом под действием милостей Божиих сами, по своему злонравию, не умягчаются, а более и более ожесточаются в своем упорстве и непокоривости. Григорий Нисский пишет: «что ожесточен был египетский тиран, это не в том смысле надо понимать, будто Бог нарочно силою Своею влагал в душу его ожесточенное противление; но что так произо-

шло потому, что произволение его, по склонности ко злу, не принимало слова, имевшего целию умягчить его ожесточение» (у Экумения). Василий Великий говорит: «ожесточил Бог фараона, долготерпением и отменением казней усиливая его злонравие, чтобы, когда возрастет до последней меры злоба его, праведным явился суд Божий над ним» (у Экумения). Блаженный Феофилакт пишет: «что значит: *ожесточает*? По-видимому это нелепо. Но о Боге говорится, что Он ожесточил грязное сердце фараона подобно тому, как солнце делает жесткою грязь. Каким же образом? Долготерпением, ибо Он делает его жестким, являя к нему долготерпение. Здесь случилось подобное тому, что бывает, когда кто, имея у себя порочного слугу, обращается с ним человеколюбиво. Чем человеколюбивее обращается таковой с ним, тем худшим делает его, не потому, будто сам научает его пороку, но потому, что слуга пользуется долготерпением его к увеличению своей порочности, потому что пренебрегает долготерпением его».

Но как *милует* Бог тех, кои достойны милости, и хотя грешат, но каются или предвидимы бывают имеющими покаяться, так и ожесточает, надо разуметь, тех, которые недостойны и, когда погрешают против Бога, не только не каются, но еще более упорствуют против Него. Экумений пишет: «достойного милости Бог милует, а жес-

токосердого и непокорливого оставляет быть ожестелым. Ибо настоящее время не есть время окончательного суда, а произвольного подвига и жизни свободной. *Ожесточает* — стоит вместо: попускает оставаться ожестелым, уступая произволению». Или *ожесточает*, — по противоположности слову: *милует*, — можно заменить: не милует, отвергает, лишает благословения и наследия обетования.

Из всех приведенных примеров и рассуждений видно, что Бог обетование Свое объявляет достойным и делает наследниками его тоже достойных; а недостойных не касается обетование; почему и наследниками его они не делаются. В этом прямое доказательство того, что хотя теперь многие очень иудеи и не вступили в наследие благ духовных, обетованных отцам их, но чрез это *не отпаде* обетование. Таков смысл обетования, что его наследовать могут только достойные; если есть не наследующие его, то, явно, потому, что они недостойны. Выражает же сие Апостол, возводя все к Богу: кого хочет, милует, кого хочет, не милует, — внушая, «что у Бога не должно требовать отчета» (блаженный Феофилакт). Он всегда прав, действуя по воле Своей, которая всегда и праведна, и блага. В настоящем случае недостойными они оказываются потому, что не веруют. Если б уверовали и были отчуждены, отпало бы обетование; но поелику отчуждаются

по причине неверия, то обетование стоит, *не отпаде*. Неверовать никто их не принуждает, — сами не веруют. Сами потому виноваты, что отчуждаются от благ, обетованных в Избавителе. Пусть уверуют, и вступят в наследие их. Но из того, что они упорничают в неверии, не следует, что *отпаде* обетование. И пусть они не убаюкивают себя обетованием, а скорее возьмут во внимание страшный пример фараона, которого упорство довело до казни потопления в море, и поопасаются, не дожить бы и себе до чего подобного.

Стих 19. ***Речеши убо ми: чесо ради еще укаряет? Воли бо Его кто противиться может?***

Объясняя, что, несмотря на отчуждение многих иудеев от обетования благ Спасителя, *не отпаде* обетование, Апостол в доказательство того выставил твердое основание, что не *вси сущии от Израиля сии Израиль*. Этим показал, что в решении судьбы лиц и народов два деятеля: воля Божия и произволение человеческое. Когда сие последнее согласуется с первою, то определение Божие исполняется на людях, являющих то; а когда не согласуется, не исполняется, — иначе: на достойных исполняется обетование, а на недостойных не исполняется. Но в последних двух примерах решения участи людей Апостол, по целям своим, установлял внимание преимущественно на первом деятеле, то есть воле Божией, хотя он делал это так, что не закрывал второго

деятеля, то есть произволения человеческого, достойного, по своему настроению, милости или гнева, а напротив, давал ясно его доразумевать. Тем не менее, однако ж, предлагаемый вопрос сам собою рождался, особенно после заключительного: *егоже хощет, милует, егоже хощет, ожесточает*. Если всё от Бога, даже не угодные Ему расположения воли; то чего же ради Он укоряет? Ибо кто может противиться воле Его? Неодобряемый, следовательно, не виноват, когда Бог делает его таким; ибо не сам по себе он таков. «Если *егоже хощет, милует, егоже хощет, ожесточает*, – то от Его воли зависит человеческое расположение. Если же это действительно так, то не по праву налагает наказание на согрешающих; потому что невозможно противиться тому, что Ему угодно» (блаженный Феодорит). «Захотел Он, и ожесто́чил, а ожесточенный согрешил по справедливости: как же Ему обвинять и наказывать его?» (блаженный Феофилакт).

Возражение это из предыдущих слов Апостола выходит только по видимости. Ибо, как замечено, хотя в последних стихах он преимущественно все относил к воле Божией, но так, что давал доразумевать при сем участие и произволения человеческого, или достоинство и недостоинство людей. Почему он мог сказать: вы неправильно поняли мою речь. Но он уступал возражателям: пусть всё от воли Божией, которой

никто противиться не может; но из этого самого следует, что вы не смеете возражать; ибо тварь должна с молчанием покорствовать Богу. Как же вы дерзаете возражать?

Стих 20. *Темже убо, о человече, ты кто еси против отвещаяй Богови? Едаречет здание создавшему е: почто мя сотворил еси тако?*

Святой Златоуст замечает, что «Апостол не вдруг дает решение, но сперва заграждает уста возражающему. Останавливая безвременное его любопытство и излишнее любоведение, налагает на него узду и научает знать различие между Богом и человеком, также и то, сколько непостижим и превыше нашего разумения Божий промысл и как все должно покоряться Богу. И все сие для того, чтобы, убедив в том слушателя, укорив и смирив его волю, с большею удобностию дать свое решение и слова свои сделать несомнительными для слушателя. И не говорит, что невозможно сего решить. Но что же? Самый вопрос называет преступным. Ибо что сказано Богом, тому надобно повиноваться, а не разыскивать, хотя и не знаем тому причины. Посему Апостол говорит: *ты кто еси против отвещаяй Богови?* Примечаешь ли, как уничтожает и низлагает надменность? *Ты кто еси?* Разве ты участвуешь с Богом в правлении? Разве сидишь судиею вместе с Богом? В сравнении с Богом тебя нельзя и назвать чем-нибудь, и сказать, что ты то или

другое, напротив, — ничто. А спросить: *ты кто еси?* — уничижительнее, нежели сказать: ты ничто. Даже и другое, большее негодование выражает своим вопросом Апостол. Не сказал он: *ты кто еси отвещаяй Богови?* — но: *против отвещаяй*, — то есть ты, который споришь, противишься. Говорить: сие надлежало сделать так или иначе — значит: препираться. Видишь ли, как Апостол устрашил, поразил, заставил трепетать, а не спрашивать и любопытствовать? Это признак искусного наставника: не следовать во всем желанию учеников, но вести их по своей воле; сперва исторгнуть терние, а потом сеять семя; не вдруг давать ответ на каждый вопрос».

Еда речет здание создавшему: почто мя тако сотворил еси? Под зданием, πλάσμα, — разумеется всякое человеческое изделие, особенно ваяние и лепление. Подобное есть у пророка Исаии (см.: Ис. 29, 16; 45, 9). К Богу же относится сие наводительно, как пример. Начатое здесь сравнение продолжается и в следующем стихе, который одну с сим выражает мысль.

Стих 21. ***Или не имать власти скудельник на брении от тогожде смешения сотворити ов убо сосуд в честь, ов же не в честь?***

«Сим Апостол не уничтожает свободного произволения, но показывает, как должно повиноваться Богу. Когда ты требуешь (придет тебе на то позыв), то представь себе, что ты не более как

брение. И должен не только не противоречить, не предлагать вопросов, но даже не говорить, не мыслить, а уподобляться бездушной глине, которая покорна рукам горшечника и употребляется, на что он захочет. Для сего именно взят Апостолом такой пример не в образец жизни, но в урок преданного и безмолвного повиновения. Подобное правило наблюдать надо и везде — принимать примеры не в точном значении, а выбирать из них нужное, к чему они приведены, оставляя все прочее. Так и здесь надлежит понимать слова: глина, горшечник, сосуд. И когда Апостол присовокупляет и говорит: *или не имать власти скудельник на брении* и прочее,— не заключай из сего, что он изображает сим причины творения или необходимость определения; напротив, он выражает власть и различие в распоряжениях. Если же не в этом смысле принять слова его, то будут иметь место многие нелепые следствия. Ибо ежели идет здесь речь об определении, то выйдет, что Бог — Творец как добра, так и зла, а человек и в том и в другом весьма неповинен. Тогда окажется также, что и Павел, увенчавая везде свободное произволение, сам себе противоречит. Итак, Апостол хочет здесь достигнуть не иной цели, как убедить слушателя — во всем покорствовать Богу и ни в чем не требовать от Него отчета. Как горшечник, рассуждает он, из одной и той же глыбы делает, что ему угодно, и

никто ему не противоречит: так и ты не спрашивай и не допытывайся у Бога, почему людей, хотя они одного и того же рода, одних наказывает, а других награждает; напротив, благоговей пред Ним и подражай глине. Как она покорна рукам горшечника, так и ты покорствуй определению Распорядителя вселенной. Он действует не без намерения и не как случилось, хотя ты и не постигаешь тайн премудрости. Ты позволяешь горшечнику из одной и той же глыбы приготовить разные изделия и не винишь его за это, а у Бога требуешь отчета в распределении наказаний и почестей, а не предоставляешь Ему знать, кто достоин и кто не достоин. Но поелику в том же составе та же и сущность, то предполагаешь, что те же и произведения. Какая неосновательность! Не от горшечника зависит, что из той же глыбы иное выходит на почетное, а другое на низкое употребление, напротив, от употребления (произвольного) пользующихся изделием. Так и здесь дело зависит от свободного произволения. Притом, как заметил я, пример должно брать в том одном отношении, что человек обязан не противоречить Богу, а предоставлять всё Его неисследимой премудрости. Пример должен быть обширнее того предмета, в объяснение которого приводится, дабы мог сильнее подействовать на слушателей. Если бы оный не был обширнее и не заключал в себе многих понятий, не мог бы

тронуть и пристыдить возражающего, сколько нужно» (святой Златоуст).

Святой Златоуст, как видно само собою, все внимание обратил на то, чтоб отклонить ту мысль, которая первою навязывается уму при чтении сих слов Апостола, именно – если всё от Бога, то нет свободы и мы не виноваты. И опровергает ее отвлеченно, не соображая с течением речи, как и сами слова таковы. Он говорит, что Апостол сим примером учит нас только совершенной и молчаливой покорности Божеским распоряжениям. О самих же распоряжениях Божиих общеизвестно, что они делаются совершенно согласно как с Божиею правдою, милостию и премудростию, так и с достоинством и недостоинством людей или употреблением ими своего свободного произволения. Как ни того, ни другого недальновидность наша не дает нам видеть как следует, а они есть несомненно во всех делах Божиих, то неразумно возражать, смущаться и делать нелепые выводы из того, в роде таких: *чесо ради еще и укаряет?* Самое разумное, при порождении таких недоумений, восставив веру в Божескую правду и благопопечительность, смиренно и молчаливо покорствовать Божиим распоряжениям, прогоняя всякое помышление, будто от Бога исходит что-либо неправедное и немилосердое, и совершенно успокоиваясь в преданности Ему.

Сюда же, то есть на отвержение той мысли, будто сими словами уничтожается свобода воли, направляет речь и блаженный Феодорит, только другою дорогою. Он берет при сем в доказательство свободы самое действие возражения. Если, говорит, ты возражаешь, значит, ты свободен. Если б не был свободен, не возражал бы, а молча покорствовал, как глина скудельнику*. Он говорит: «если бы не был ты свободен и не по своему изволению избирал, что тебе делать, но по необходимости рабски следовал бы Божией воле; то молчал бы, подобно неодушевленным тварям, любя совершающееся по Божию домостроительству. Но поелику почтен ты разумом, то и говоришь, и делаешь, что тебе удобно, и не любишь совершающегося, но доискиваешься причин Божиим домостроительствам. Посмотри на брение** у скудельника; оно, как не имеющее разумной рассудительности, не противоречит работающему, но, если назначено на выделку сосуда и нечестного, в молчании принимает то, что делается с ним. А ты противишься и прекословишь. Значит, не связан ты естественною необходимостию, не против воли преступаешь закон, но произвольно любишь лукавство и по своей воле принимаешь на себя труды добродетели. Посему прав и справедлив приговор Бога всяческих,

---

* *Скудельник* — горшечник. — *Ред.*

** *Брение* — здесь: глина. — *Ред.*

законно наказывает Он согрешающих, как произвольно отваживающихся делать зло. Есть справедливость и в человеколюбии; потому что, от нас заимствуя повод, оказывает Бог милость». Подобную мысль высказывает и Экумений.

Стихи 22—23. *Аще же хотя Бог показати гнев Свой, и явити силу Свою, пренесе во мнозе долготерпении сосуды гнева совершены в погибель: и да скажет богатство славы Своея на сосудех милости, яже предуготова в славу.*

Речь сия усечена: для обеих частей ее недостает второй половины выражения; предыдущее, начинающееся с *аще же*, есть, а последующего, которому следовало бы отвечать на: *аще* — чрез: *то*, — нет; но во втором стихе, или части, даже и предыдущее неполно: ибо говорится только: *да скажет богатство* и прочее; а что именно сделал Бог, чтоб сказать о сем богатстве, сего не видно. Настоит потому первая надобность дополнить то и другое. Вот как, думается, это можно сделать: последующее, которое отвечало бы на: *аще* — чрез *то*, — надо заимствовать из предыдущего примера об отношении скудельника к глине и глины к скудельнику. О скудельнике говорится: *или не имать власти?* — а о глине: *еда речет создавшему?* Поелику стихи 22-й и 23-й дают применение этого примера к предмету речи; то совершенно справедливо будет недостающее в них пополнить из сего примера и — или для обеих частей взять

одну какую-либо из приведенных фраз, или для одной одну, а для другой другую, что можно оставить на произволение всякого. Будет так: в примере сказано: скудельник не имеет ли власти из одного и того же смешения сделать один сосуд в честь, а другой не в честь? Да и сосуды не возражают ему, зачем он их так сделал. В приложении должно следовать: если теперь Бог одних, недостойных, присуждает к нечести — в пагубу, а других, достойных, вводит в славу, то ужели Он, по-твоему, не имеет на это власти? Или — ужели сии присужденные имеют власть спросить: почто тако? Так дополнится недостающее последующее для обеих частей. Как дополнить недостающее во второй части предыдущего, — что именно сделал Бог, да скажет богатство славы своей? Для сего надобно, как делает Экумений, глагол: *пренесе* — отнести как к первой, так и ко второй части предыдущего так: в первой: *пренесе в погибель,* — во второй: *пренесе в славу.* Все другие остающиеся за сим слова объясняют, как сделалось, что одни к одному присуждены, а другие к другому и для чего сделал Бог то или другое.

Слово: *пренесе*, ἤνεγκεν, — не значит: перенесть в смысле претерпеть, — а: перенесть, как переносят вещи с места на место, перенесть, отнесть, внесть, отчислить, определить, присудить.

Бог одних отнес, отчислил, определил в пагубу, а других отнес, отчислил, определил в славу.

Как сделалось, что первые отнесены в погибель, сие выражается словами: *во мнозе долготерпении сосуды гнева совершены*; именно: отнес Бог в погибель сосуды гнева, совершившиеся или образовавшиеся во время многого к ним долготерпения, или по случаю многого долготерпения, или чрез то, что худо пользовались многим Божиим долготерпением. *Совершены*, κατηρτισμένα, — от: καταρτίζω — одну вещь к другой подлаживать, упорядочивать, давать строй, образовывать. Будет: κατηρτισμένα — σκεύη — сосуды гнева образовавшиеся, которые образовались, настроились, подладились, в такого рода сосуды. *Во мнозе долготерпении* — надобно относить к: *совершены*, κατηρτισμένα, — как обстоятельство времени или обстоятельство, по которому случилось, что они так образовались. Здесь очевидное указание на то, как образовался сосуд гнева из фараона. Бог долготерпел ему во благо ему, а он Божие долготерпение обратил во зло себе, все более и более ожесточаясь и богоборствуя. Он чрез это закалился в ожесточении, как глиняный сосуд в огне, и стал готовым сосудом гнева, законченным, вполне сформировавшимся.

Святой Златоуст говорит: «фараон был сосудом гнева, то есть человеком, который воспламеняет гнев Божий. Многократно испытав на себе

Божие долготерпение, он не сделался лучшим, но пребыл неисправимым. Как Бог ничего не оставил, служащего к его исправлению, так сам он ничего не опустил, служащего к его погибели и к тому, чтобы сделать себя неизвинительным. Впрочем, Бог, и сие предвидя, показал много долготерпения, ибо желал его привести в раскаяние. А если бы не хотел сего, не терпел бы столько времени».

Под фараоном же разумеются и все вообще не внимающие велениям Божиим, презирающие Его волю и ни во что ставящие Его распоряжения. Все такие сами собою отчисляются к разряду погибающих, и Бог утверждает за ними сию участь, потому что иначе нельзя или иного чего они недостойны. Проходит здесь у Апостола мысль о выделении из потомства Израиля тех, кои не суть Израиль. Сначала показал Он примеры видимого выделения на Измаиле и Исаве; а потом не было такого выделения видимого, будто все потомки Израиля были Израиль. Но это было только по видимости: недостойные сами собою выделялись из сего чина, и Бог ведал их, хотя не объявлял о том. Ныне же чрез Евангелие это пришло въявь. Образовавшиеся в сосуды гнева отчисляются в пагубу тем, что остаются вне области веры, отвеваются от сонма спасаемых, как плевелы от пшеницы на гумне Божием. Впрочем, у Апостола в виду имеются не одни

иудеи, а вообще весь род человеческий. На иудеях только это яснее видно.

Как сделалось, что Бог других *пренесе* — определил в славу? Так, что Бог предуготовал их в сосуды милости. Это тоже во время долготерпения. Те сами себя образовали в сосуды гнева, а этих Бог предуготовал в сосуды милости. *Еда неправда у Бога?* Нет; намерение Божие было и тех долготерпением Своим уготовать в сосуды милости, но они этого не захотели, и, вместо того чтоб действовать по Божиему указанию и устроению, действовали по-своему, и образовали из себя чрез то самочинников, богоборцев, за что праведно лишены милости и отчислены в разряд сосудов гнева. Напротив, эти с совершенною покорностию следовали Божиим распоряжениям и велениям и образовали таким образом себя в богопреданных рабов Божиих, не имевших иного закона, кроме воли Божией. Будучи так настроены, они явно были готовыми сосудами милости Божией, по причине такого образования себя по воле Божией. Говорится: *Бог уготовал их в сосуды милости,* — будто помимо их произволения. Говорится так потому, что все руководство к образованию себя таким образом шло от Бога, и те, которые самоохотно подчинялись сему руководству, были Богом спомоществуемы, — а не потому, чтоб при этом не участвовало их произволение. Поелику без того и другого не могли они

образовать из себя сосуды милости, то это и приписывается Богу, без исключения, однако ж, участия в сем и произволения.

Святой Златоуст говорит: «как фараон сделался сосудом гнева по собственному беззаконию, так и спасшиеся сделались сосудом милости по своему благочестию. Ежели большая часть принадлежит Богу, то и мы, однако ж, привносим нечто малое от себя. Не сказал: сосуды заслуг или – сосуды дерзновения, – но: *сосуды милости*, – давая тем знать, что все принадлежит Богу. Также, когда говорит он: *ни хотящаго, ни текущаго*, – не уничтожает тем свободы, но показывает, что не все принадлежит человеку, а напротив, ему нужна благодать свыше. Хотя должно и хотеть, и подвизаться; однако же полагаться надобно не на собственные подвиги, а на Божие человеколюбие, как в другом месте и о себе сказал Апостол: *не аз, но благодать Божия, яже со мною* (ср.: 1 Кор. 15, 10). Почему же одни бывают сосудами гнева, а другие сосудами милости? По собственному произволу. Но Бог, по безмерной Своей благости, оказывает милость тем и другим. Ибо миловал не только спасаемых, но и фараона, сколько мог. И спасаемые, и фараон пользовались одинаковым долготерпением. А ежели фараон не спасся, то совершенно по собственной воле. Со стороны Бога не имел и фараон ни в чем недостатка пред спасаемыми».

Для чего Бог так сделал? Для того, чтоб над сосудами гнева *показати гнев Свой, и явити силу Свою*, а *на сосудех милости сказати богатство славы Своея*. Первое очевидно взято с опыта, явленного на фараоне, которому сказано было: *на истое сие воздвигох тя, яко да покажу тобою силу Мою*. Но так же действует Бог и в отношении ко всем нечествующим и Богу не покорствующим. Бог долготерпит на них, а они сие долготерпение толкуют или бессилием, или поблажкою и слабосердием. Почему Бог не все терпит, а нередко наказывает таких нечестивцев и упорников, чтоб показать и силу Свою, и гнев Свой, как это ясно обозначилось на фараоне. Таков общий закон промышления Божия о людях, что Он все долготерпит, а если наказывает, то только для того, чтобы люди совсем не забыли, что есть Бог, Который не бессилен, чтоб наказать необычайно, и не слабосерд, чтоб решиться на сие. Когда кончится время Его долготерпения и когда начнется праведное наказание и явится гнев Божий в силе, никто определить не может. Почему всякий должен держать себя настороже и не убаюкивать себя долготерпением, а скорее, поминутно ожидать гнева и, веря, что он непременно грянет, спешить покаяться, чтоб или отвратить от себя гнев, или если подпасть под него вместе с другими, то подпасть не на пагубу себе, а на окончательное очищение. Чтоб держать людей в сих

спасительных помышлениях, для этого именно и являет Бог иногда гнев Свой и силу Свою в наказание грешащих, а совсем не затем, чтоб сделать с ними окончательную расправу. Нынешнее время не есть время такой расправы, а только приготовления к ней.

В противоположность этим, Бог на тех, которые покорны Ему, являет *богатство славы Своея.* «Славою назвал Апостол человеколюбие Божие, давая разуметь, что оно преимущественно составляет славу Божию и что Бог заботится о сем более, нежели о чем другом» (святой Златоуст). Не просто же сказал: являет славу или человеколюбие, — но: являет богатство славы или человеколюбия, потому что милость Божия всегда богато является, не в меру ожидания и тех, кои сретают милость, и тех, кои видят то со стороны. Может быть, славою названа милость потому, что она восстановляет славу благочестивых и богобоязненных, а чрез то и самое благочестие и страх Божий. Обычно нечестивые уничижают благочестивых и всю славу и честь себе присвояют и восхищают. Но когда Бог их подвергает гневу Своему, а благочестивым являет милость, то те посрамляются, а эти прославляются, и именно Божиим прославлением. Слава Божия на них воссиявает. И это делает Бог не для того, чтоб явить окончательное воздаяние покорным рабам Своим, а для того, чтобы они не падали в неча-

яние, встречая презрение, утеснение и гонение, а, будучи уверены, что милость Божия всегда покрывает их и всегда готова явиться на них, благодушествовали и все терпеливо переносили с радостию, зная, что все это бывает с ними не к худу, а к добру им же самим.

Таковы общие мысли, внушаемые словами Апостола, но их надобно еще применить к течению речи Апостола. Он объясняет, как сделалось, что не все иудеи призваны к участию во благах Христа Господа, тогда как Он обетован был именно им, и что на место отверженных иудеев призваны язычники. Казаться могло, что *отпаде* обетование. Против этого он говорит: *не отпаде*. Ибо и первоначально было показываемо, что не все плотские чада суть чада обетования. Так выделен из сего ряда Измаил, так выделен Исав. Что же дивиться, что и теперь оказывается часть иудеев выделенных из наследия?! Сие — в порядке Божия о нас промышления. Углубляясь более и более, почему одни выделяются, а другие остаются наследниками, Апостол хотя и положил, что, кого *хощет*, Бог — милует, а кого *хощет* — не милует, дал, однако ж, разуметь, что то и другое делает Он не без разбора, но милует достойных и Ему покорных, а не милует недостойных и Ему непокорных, — что с особенною очевидностию показал на фараоне, подвергшемся казням и смерти за упорство пред Богом, прямо в лице Ему. Но

как сие достоинство милуемых и недостоинство немилуемых не всегда (а в точности, никогда) бывают видимы для нас, между тем пытливость ума относительно судеб Божиих чрез это не укрощается и беспокойные от того недоумения не перестают тревожить сердца, нередко и благочестивого: то, с одной стороны, для укрощения пытливости, а с другой — для успокоения возмущенного тем благочестия Апостол всех возводит к преданности в волю Божию, к тому убеждению, что все, исходящее от Бога, благо и право, как благ и прав есть Сам Господь Бог. И чтоб это представить осязательнее, берет в пример скудельника, из одной и той же глины выделывающего сосуды в честь и не в честь, между тем как изделия молчат и не пытают: почему ты один так сделал, а другой иначе. Он говорит как бы: как молчат эти сосуды, так молчите и вы пред распоряжениями Божиими, видя, как Он одних лишает милости, а на других богато изливает ее, веруя, что то и другое делается согласно с Божиею правдою. Милость эта, по течению речи, есть причисление к наследию благ, обетованных отцам в Спасителе, а немилость в лишении сего наследия; по примеру же скудельных изделий, причисление к наследию есть избрание в сосуды милости, а лишение наследия есть отчисление в сосуды гнева. Вывод отсюда будет такой: видя, как одних избрал Бог в сосуды милости, в

наследники духовных обетований в Избавителе, а других выделил из сего наследия и явил чрез то сосудами гнева Своего, не смущайтесь и не допускайте мысли, будто тут есть какая неправда или *отпаде* обетование; напротив, верьте, что Бог во всех делах Своих благ и прав, и успокойтесь в преданности Его премудрым и непостижимым для нас определениям и решениям.

Из сего видно, что сосуды гнева здесь у Апостола суть не верующие в Господа, а сосуды милости суть верующие. Пренесение или отчисление первых в пагубу есть оставление их вне области веры, а пренесение или определение вторых к славе есть принятие их в ограду веры со всеми благами ее. Что первое есть гневное дело, сказал в начале Предтеча Господень: уже секира при корне древа, уже лопата *в руце* (ср.: Мф. 3, 10, 12). Но в сем начало гнева; окончательное его дело будет на последнем суде. Что уверование в Господа славно, сие свидетельствовалось и свидетельствуется всегда внутреннею духовною славою верующих по благодати Святого Духа; окончательное же прославление их следует за гробом, и паче последует за всемирным судом. И нынешнее прославление духовное есть уже богатство славы Божией; сколь же оно богато будет в будущем, сего ни мысль обнять, ни слово изречь не может.

Этим возбужденная в начале мысль об отпадении обетования вполне отстраняется. Но Апостол на этом не останавливается, а ведет рассуждение далее, чтоб указать настоящую причину участи тех и других, именно — в вере одних и в неверии других (стих 30 и далее). Но наперед останавливается еще несколько на примере скудеделания.

Стих 24. *Ихже и призва нас не точию от Иудей, но и от язык.*

Эти слова суть пояснительное приложение к сказанному пред сим о сосудах милости. Там сказано, что Бог их предуготовал, а здесь говорится, что уже и призвал их; будто ответ на предполагаемый вопрос: как Бог эти предуготованные сосуды *пренесе* в славу? *Пренесе* тем, что призвал, призвал к вере, чрез веру — к Царству благодати славному, а чрез то и другое к Царству славы, неизъяснимо великому.

Но прежняя речь шла об одних иудеях, а тут поминаются и язычники; и если призвал Бог предуготованных, то, значит, предуготованы и язычники. Это заставляет предыдущую мысль Апостола расширить и пример скудеделания распространить и на язычников. В таком случае под скудельным смешением надобно будет разуметь весь род человеческий, до пришествия Христова бывший. Он был в руках Божиих глиною, из которой Он выделывал Себе сосуды милости,

чтоб сделать их сосудами славы. Иудеев обделывал Он ближе и непосредственнее, кроме разума и совести, Своими явлениями, посыланием Ангелов и Пророков, дарованием закона и дивным о них промышлением; а язычников — разумом и совестию, оставшимися в них преданиями о том, что было до разделения языков, и доходившими до них слухами о том, что творил Бог среди иудейского народа, и некиим сокровенным промыслительным руководством. Поелику действовал в сем Сам Бог, то нельзя сомневаться в успехе и плодах Божеского действования. Где же показание сего? В уверовавших благовестию. Проповедь призывала предуготованные сосуды милости; как внявшие сему призванию были не иудеи только, но и язычники, то, значит, предуготованные были и там и здесь; и хотя бы мы не могли объяснить, как это делалось с язычниками, но то, что так было, из-за сего не должно подлежать сомнению. Можно только спросить: Апостольское призывание собирало приготовленные сосуды наличные; но приготовление шло во все предшествовавшее время, сначала всех людей совокупно, а тысячи две с лишком раздельно, то есть особо иудеев и особо язычников; как же принесены в славу сосуды милости, предуготованные тогда? Тоже чрез призывание. Господь, сошедши во ад, проповедал духам прежде живших и отшедших, и все, которые прежде предуготова-

ны были в сосуды милости, вняли призванию и вступили в ряд сосудов славы. Окончательное их подготовление делал святой Предтеча, явившийся туда годами двумя или тремя раньше Господа Спасителя.

Такое промыслительное распоряжение Божие о людях в язычниках не возбуждало никакого недоумения: они только благоговейно принимали его, благодарные вознося к Богу хвалы и изумляясь непостижимой премудрости Божией в промышлении о людях. Но из иудеев иные, несмотря на предшествовавшие объяснения — как *не отпаде* обетование при всем том, что призваны и язычники, всё еще не легко могли отбиться от возникавших у них вопросов: как же так? Мы — Божий народ, а те не люди Божии? Апостол окончательно успокоивает таковых приведением пророчеств о том, говоря как бы: это теперь только открылось, а предназначено быть сему из начала и предсказано совместно с тем, как и предуготовано. Я имел в намерении объяснить вам это предыдущими рассуждениями о том, что не чуждо Божиим советам, если Он недостойных выделяет из наследия обетования, данного отцам их; но, если для вас это невнятно, неубедительно, приведу вам пророчества о том. Верите ли Пророкам? Верьте же, что если теперь в стадо Христово вступают язычники, тогда как многие иудеи остаются вне овчарни Божией; то это делается не

по ошибке проповедников, а по прямой воле Божией. Таким образом в приводимых пророческих предсказаниях можно видеть второе доказательство того, что *не отпаде* обетование чрез призывание язычников и невнитие в наследие некоторых иудеев. Апостол приводит пророчества в двух смыслах: одно о призвании язычников, а другое о невнитии в наследие многих иудеев.

О призвании язычников приводит Апостол из пророка Осии два места, но из одной речи пророческой — первой.

Стихи 25—26. ***Якоже и во Осии глаголет: нареку не люди Моя люди Моя, и не возлюбленую возлюблену*** (ср.: Ос. 2, 23). ***И будет на месте, идеже речеся им: не людие Мои есте вы, тамо нарекутся сынове Бога живаго*** (ср.: Ос. 1, 10).

Те и другие слова говорятся у Пророка от лица Самого Бога, и говорятся по такому случаю. Израильтяне, десять колен, оставили Бога истинного и стали поклоняться идолам, особенно Ваалу. Как они отвратились от Бога, то и Бог отвратился от них, и говорил им: вы не народ Мой, *не людие Мои*, — и отвергал их, как отвергает кто нелюбимую жену, говорит: ты — невозлюбленная. Ради такого особенно укора воздвиг Он пророка Осию, в числе других многих вразумлявших их. Бог сказал Осии: возьми жену-блудницу и рождай с нею чада. Пророк взял, и,

когда стали рождаться у него чада, Бог Сам давал им имена. Между ними одну дочь велел Бог назвать: непомилована, немила, нелюба, а одного сына: *не людие Мои*. Объясняя же, почему так, говорил: вы отвратились от Меня, и Я отвращаюсь от вас и не буду более миловать и любить. Вы не считаете Меня своим Богом, и Я отнимаю у вас дорогое имя народа Моего, людей Моих: вы не люди Мои.

Как Пророк жил пред лицом всех и все знали имена детей его и значение их, то это было непрерывным наглядным обличением, напоминавшим, чего они лишаются чрез свое отпадение от Бога. Израильтяне, однако ж, не внимали сему и продолжали нечествовать, к великому сокрушению и Пророков, и людей богобоязненных, скорбевших о нечестии братий своих и страшившихся немилости Божией. В утешение им Бог, вместе с обличением и угрожением, предрекал и обращение нечествовавших, и милость, имеющую открыться в них от лица Божия. Не всегда так будет,— говорит Он им: обращу вас к Себе, и обратитесь. Обращу и обручу Себе в вере, и уведаете Меня, Господа Бога вашего. Тогда Я назову вас, которые теперь не люди Мои, людьми Моими, и <вас,> которые теперь не любы Мне, как жена нелюбимая,— возлюбленною. И там же, где теперь говорится о вас: не люди вы Мои,— будет сказано: вы — сыны Бога живого.

Таким образом речь пророческая относилась не к язычникам прямо, а к израильтянам оязычившимся. Тем не менее, однако ж, она духом Апостольским могла быть отнесена к язычникам; ибо пред лицем Бога плотское различие ничего не значит, а ценятся одни внутренние настроения. Язычествующие израильтяне для Него то же, что и самые язычники. Почему как пророческий дух в обращении израильтян, яко язычествующих, мог прозревать без различия обращение всех нечествовавших в язычестве: так и дух Апостольский мог видеть в сем предречении об обращении первых общее обращение всех язычествующих, кто бы они ни были по плоти. Израильтянам предрекается милость и принятие в народ не поколику израильтяне суть, а поколику оставляют язычествование. Обобщив сие, получим: что им обещано, то справедливо относить и ко всем оставляющим язычество, каковы уверовавшие в Господа Спасителя. Почему наши толковники пророческие слова принимают так, как бы они сказаны были прямо о язычниках. Святой Златоуст говорит: «Апостол привел во свидетели Осию, чрез которого Бог взывает и говорит: *нареку не люди Моя люди Моя, и не возлюбленую возлюблену*. Кто же *не люди Моя*? Очевидно язычники. Кто *не возлюбленая*? Опять они же. Однако ж сказано о них, что будут народом, возлюбленною, сынами Божиими. *Тамо нарекутся*

сынове Бога живаго – продолжает Апостол. Если скажут, что сие говорится об уверовавших из иудеев (как блаженный Феодорит), то и тогда наше толкование будет иметь место. Если произошла такая перемена в народе, который после многих благодеяний оказался неблагодарным, отложился, утратил даже то, что делало его народом; то какое препятствие быть призванными и удостоиться за послушание тех же милостей тем, которые отчуждены были не после того, как приняты, но с самого начала были чужды?» Амвросиаст пишет: «явно, что это предречено о язычниках, которые прежде не были народом Божиим, но после, в укор иудеям, сподобились милости, названы народом Божиим; и те, которые прежде не были любезными, по отвержении иудеев, удостоены всыновления, стали возлюбленными; так что, где прежде не назывались народом Божиим, там стали называться сынами Бога живого. Ибо прежде нигде не назывались сынами Божиими, как в Иудее или в Иерусалиме, где был дом Божий, как говорится в псалме 75: *ведом во Иудеи Бог* (Пс. 75, 2). После же в пророчестве Захарии говорит Бог: *положу Иерусалима камень попираемый всеми языки* (Зах. 12, 3). Тогда повсюду будут сыны Божии, и дом Божий во всех местах, который есть Церковь. Почему Господь сказал иудеям: *сего ради отъимется от*

вас Царствие Божие и дастся языку, творящему плоды его (Мф. 21, 43)».

И о том, что не все иудеи приняты будут в обетованное Царство спасения во Христе Иисусе, приводит Апостол два пророчества, и оба из Исаии-пророка.

Первое:

Стихи 27—28. ***Исаия же вопиет о Израили: аще будет число сынов Израилевых, яко песок морский, останок спасется. Слово бо скончавая и сокращая в правде, яко слово сокращено сотворит Господь на земли*** (ср.: Ис. 10, 22—23).

Исаия же вопиет о Израили. Приведенные выше пророчества относятся к принятию язычников. Что же касается до иудеев, кои именуются Израиль, хотя не все суть Израиль, то об них вот что *вопиет Исаия*. «*Вопиет*, — то есть смело и не скрываясь провозглашает» (святой Златоуст), показывая, что говорит истину несомненную, решительную и для всех крайне важную. Что же вопиет Исаия? *Аще будет число сынов Израилевых, яко песок морский, останок спасется.* Прямо смотря на сии слова, всякий сознает, что определеннее пророчества о том, что не все израильтяне войдут в спасительное наследие обетования, и быть не может. *Останок* — означает: немногие, как и мы говорим нередко: это остатки, — то есть малая часть из целого. Почему святой Златоуст, обращаясь к слушателям своим, с движением

говорит: «видишь, что и по словам Исаии спасены не все, но достойные спастись. Не боюсь множества, говорит Бог, Меня не устрашает такое размножение рода; Я спасаю только тех, которые оказываются того достойными. Итак, чего же тревожитесь, называя обетование нарушенным, когда Пророки объявляют, что не все спасутся?»

Но если посмотреть на сие пророчение и в том месте, где оно пророчено у Исаии, и тогда не иную подает оно мысль. Святой Исаия говорит в 10-й главе об ассирийском народе, что он назначен быть бичом Божиим на нечестивых и беззаконных, и действительно поразит их, и заберет страны выше Вавилона, Аравию, Дамаск (Сирию), Самарию, Иерусалим (Палестину). Но когда исполнит он сие дело Божие, тогда и сам подвергнется наказанию за то, что возгордится успехами своими, приписывая их своей мудрости и крепости. За это наведет Господь на его *честь безчестие*, и на *славу огнь горя возгорится*: все отнято будет у него. Тогда оставшиеся от его поражения сыны Иаковли не будут уповать на него, то есть не будут к нему обращать очи, чая тем избавиться от конечного истребления, но будут уповать на Бога, Святого Израилева, истиною. *И обратится останок Иаковль к Богу крепкому* (Ис. 10, 21). После сих слов следуют слова, приведенные Апостолом (см.: Ис. 10, 22—23), что именно только *останок* спасется. С первого

раза может показаться, что у Пророка слова сии относятся к возвращению израильтян из плена. Возвратились, точно, не все, и возвратившиеся возвратились, обратясь к Богу крепкому, от Кого уже не отпадали к чужим богам. Но если и так разуметь слова пророческие, все же привесть их в подтверждение того, что не все спасутся и в Господе Спасителе, можно было,— и привесть именно в смысле предсказания сего последнего события. Потому что возвращение из плена израильтян было прообразом возвращения людей из плена духовного, совершенного Христом Господом. А прообразы имели предсказательное значение. Почему все, сказанное о первом, может быть относимо к последнему, как пророческое предсказание. Но, вникая ближе в течение речи Пророка, приходим к мысли, что он прямо здесь указывает на сбывшееся над Израилем во Христе Иисусе. Возьми всяк во внимание, какая была нужда Пророку снова повторять слово о спасении только остатка, когда уже он только что сказал то: *обратится останок Иаковль к Богу?* Не другая, как та, чтоб, пользуясь сим случаем, перевесть мысли слушающих в далекое будущее, когда не в прообразе, а действительно *останок* спасется. Почему, вместо: *обратится останок*,— сказал: *спасется*,— напоминая о чаемом Спасителе и Избавителе. Строй речи у Пророка такой, что прямо внушает, что он хотел здесь сказать

особое нечто, и особенно это внушают слова: *слово бо совершая и сокращая* и прочее (см.: Ис. 10, 23). Здесь то же видим, что часто встречается и в псалмах, где святой пророк Давид, поя песни Богу по случаю текущих событий, часто восторгаем был пророческим Духом к созерцанию имевшего быть в чаемом Спасителе и внезапно изрекал слова, которые и поняты быть не могут иначе, как быв отнесены к Спасителю. То же самое и здесь: помянул Пророк об обращении к Богу остатка Иаковля после поражения сынов его ассирианами, и перенесен был духом пророческим к устроению спасения в лице чаемого Избавителя, и, прозрев, как и тогда не все, а некоторые только вступят в наследие спасения, сказал: *и аще будут людие Израилевы* (число сынов Израилевых) *яко песок морский, останок их спасется* (Ис. 10, 22). Как бы так: будет и еще время, когда повторится подобное.

Слышавшие слово Пророка могли не уразуметь вдруг, когда это будет, что такое хочет внушить Пророк; но потом это должно было для них уясниться, особенно после того, как *останок Иаковль* (Ис. 10, 21) действительно обратился к Богу крепкому, в период возвращения из плена. Возвращение из плена, как уже замечено, было наияснейшим прообразом того извождения из плена, которое имел совершить чаемый Избавитель; так что во внимании истинных израильтян

в первом всегда созерцалось последнее, следовательно, и то, что только *останок* спасется. И Апостол, приведши это место, не сказал ничего, что бы могло затруднять разумного израильтянина. Блаженный Феодорит пишет: «особенно кстати привел Апостол сие свидетельство, давая знать, что Бог всяческих изначала провидел и приступивших к вере, и недугующих неверием. Поелику иудеи (неразумные — ослепленные) говорили, что немногие из них приняли проповедь, все же другие бегут ее, как обмана; то показал он, что сие предсказано издревле, что не все улучат спасение, но одни украшающиеся верою».

Еще более видно сие, то есть то, что Пророк, говоря о тогдашних делах, прозревал имеющее быть в далеком будущем, именно в деле спасения, имевшего устроиться чаемым Избавителем, — из того, что следует: *слово бо скончавая и сокращая в правде, яко слово сокращено сотворит Господь на земли*. Эти слова ясно указывают на нечто совершительное или окончательное. Они очень напоминают другого Пророка пророчение, тоже апостолом Павлом приводимое, в Послании к Евреям, именно: *еще единою Аз потрясу и небом и землею, и морем и сушею, и сотрясу вся языки и приидут Избранная всех язык, и исполню храм сей славы* (ср.: Агг. 2, 7—8; Евр. 12, 26). Святой пророк Аггей поясняет святого Исаию, сказывая определеннее, что такое есть то совершительное и

окончательное, о коем сотнями лет раньше предвозвестил Исаия. Это — то, как все языки, не исключая и иудеев, будут потрясены пришествием Христа Господа и проповедию Апостольскою и избранные от них, не все, *останок*, приидут в Церковь Святую о Господе, — чему начало положено во втором храме Иерусалимском и что составить имело славу его, прореченную святым Аггеем. Что у пророка Аггея названо потрясением *еще единою* языков, то у Исаии обозначено словом сокращенным. *Сокращено*, συντετμημένον, — от: τέμνω — рубить. В нашей обычной речи, когда кто скажет последнее решительное слово, мы приговариваем: отрубил, сказал окончательное слово, нечего более добиваться от него. Такую же мысль подает пророческое речение: *слово сокращено*, — то есть слово окончательное, решительное, последнее, после которого не жди другого. Под речением же: *слово* — надо разуметь не слово только, но и дело, и определение решительное, и исполнение его, окончательное Божие учреждение на земле или, как у Пророка, во всей вселенной. Это ни к чему другому отнесено быть не может, как к пришествию Христа Спасителя и водворению веры в Него на земле. Было слово или распоряжение Божие о спасении до закона; было второе по нем в законе и Пророках, окончательное же слово о сем, распоряжение и учреждение, дано будет, предрекает Пророк, в Еди-

нородном Сыне Божием; и после сего другого слова уже не жди. Слово сие последнее, говорит Пророк, не скажет Господь, но сотворит. Оно и сотворено, — все исполнено и учреждено, и так пребудет до скончания века.

Таков смысл слов: *слово сокращено сотворит Господь на земли*. Но какая мысль в предыдущих словах: *слово бо скончавая и сокращая в правде*? Такая же и здесь мысль. Выражение это неполно, в нем недостает правящего глагола. Надо дополнить. Дополняется чрез: есть. Получим: Господь есть *скончавая и сокращая* слово Свое, — *скончаваюи и сокращающ*. Не все будет Он вводить новые и новые учреждения и распоряжения. Есть у Него окончательное *слово и дело, которое Он наконец и сотворит*. Слово: *в правде* — означает: не в образах и тенях, а в самой существенности дела.

В какой же связи сии слова стоят к прежним: *останок спасется*? В них можно видеть указание на время, когда исполнится сие, то есть что: *останок спасется* — в настоящей действительности и существенности. Когда это? Когда Господь, Который не все будет с вами размножать слова, *сотворит* наконец *слово сокращено на земли*.

Наши толковники, разумея под словом сокращенным устроение спасения в Господе Иисусе Христе, сокращенным понимают его не как окончательное, а как в существе своем краткое, в

противоположность многосложному закону. Но это не противоречит сказанному, а только другую сторону указывает того же решительного слова и дела Божия. Блаженный Феодорит пишет: «*словом сокращенным* назвал Пророк веру. Ибо чему закон обучал многими заповедями и не мог доставить совершенного спасения, в том преуспело исповедание Христово, то доставила вера. Вера же сокращена и не имеет нужды в дальних обходах, судится по душевному расположению и проповедуется языком». Святой Златоуст говорит: «сие, то есть: *слово сокращено сотворит Господь,* — значит: не нужно далеко ходить, трудиться и утомлять себя делами законными, напротив, спасение совершится весьма коротким образом. Ибо такова вера; она в кратких словах содержит спасение. *Аще бо исповеси усты твоими Господа Иисуса,* говорит Апостол, *и веруеши в сердце твоем, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешися* (ср.: 10, 9). Понимаешь ли теперь, что значит: *слово сокращено сотворит Господь на земли?* Достойно удивления то, что краткое слово сие доставило не только спасение, но и праведность».

Стих 29. *И якоже прорече Исаия: аще не бы Господь Саваоф оставил нам семене, якоже Содом убо были быхом, и якоже Гоморру уподобилися быхом* (ср.: Ис. 1, 9).

Это *второе* место из Исаии же, Пророка. *Прорече*, προείρηκεν, — прежде сего рече, в начале

своих пророческих речей. *Якоже*, καθώς, — подобно тому как. Будет: подобно тому, как и впереди сего сказал тот же Исаия. Святой Павел место сие приводит в пояснение слов: *останок спасется*. Хочешь разуметь, что значит: *останок*, — читай у того же Исаии выше: *аще не бы Господь оставил нам семене* (ср.: Ис. 1, 9). «Пророк, которых после назовет *останком*, тех же здесь наименовал *семенем*» (блаженный Феодорит). Что же это за семя? Пророк Исаия, в том месте, откуда взяты сии слова, призвав во свидетели небо и землю, обличает народ израильский в нечестии, потом изображает бедственное состояние, какому подвергся он за такое нечестие: *земля ваша пуста, гради ваши огнем пожжени, страну вашу пред вами чуждии поядают, и опусте низвращена от людей чуждих* (ср.: Ис. 1, 7); остался один Иерусалим, как куща в винограде. (Это очень сходно с тем, что было при Езекии, когда Бог чудно спас Иерусалим от ассириан.) После сего Пророк прибавляет, что если б не оставил в нас Бог семени, то мы все до одного были бы истреблены, как случилось с Содомом и Гоморрою. Это оставленное в нас семя спасло нас; ради него пощадил и прочих из нас Господь Бог. Следовательно, не все оставшиеся живыми суть спасительное семя. Семя сие среди них есть, и ради него пощажены все избегшие конечного истребления. Что же это за семя?

Совокупность лиц, противоположных тем, кои привлекли кару небесную. Эти Бога отверглись, а те, выходит, верными Ему пребывают; эти исполнены грехов, а эти, значит, заповеди Божии исполняют и во всяких добродетелях преуспевают; эти таким образом разгневали Святого Израилева, а те, очевидно, благоугодны Ему суть (см.: Ис. 1, 2—4). За то Бог соблюл их целыми, а ради них и прочих многих. Итак, семя здесь у Пророка суть люди, верующие в Бога, боящиеся Его и свято по заповедям Его живущие. Привнесши это понятие в сказанное прежде, что: *останок спасется*, — получим мысль, что еще пророк Исаия провидел, как из многого множества живущих теперь иудеев спасутся очень немногие, именно те, которые Бога боятся и заповеди Его хранить любят, каковы и суть все оставляющие иудейство и делающиеся христианами. Они и суть *останок*, коему предречено спасену быть.

Кажется, Апостол, приводя сие место об оставленном семени, ничего другого не имел, как пояснить, что это за *останок*, который *спасется*, как сказано выше. Но можно несколько и расширить значение его. Ради сего *останка* спасаемого, ради сего семени соблюденного оставлены жить и все другие иудеи, жить доселе — от начала доселе. Иудеев, ради их богоборства, нечестия и беззаконий, давно следовало бы всех истребить, подобно содомлянам и гоморрянам. Другие язы-

ки тоже нечествовали и беззаконновали; но они не знали Бога истинного и о законе Его не слышали. А эти знали Бога истинного, многократно дававшего знать им о Себе самым осязательным образом, и из уст Его Самого слышали закон. Потому неизвинительно виновны, когда нечествовали и беззаконновали. За это давно бы быть им истребленным. Ежели не истреблены, то потому только, что среди них Бог всегда хранил достойное Его милости семя. Ради него щадил Он и всю массу народа. Это-то собственно семя и причитаемо должно быть в семя Авраамово, которому одному принадлежит обетование. Дорого же в очах Божиих сие семя потому особенно, что от него должно было произойти То Семя единое, о Коем благословятся все народы, и о Коем помянуто было еще в раю пред изгнанием из него, и потом непрестанно поминаемо. То, всегда блюдомое Богом семя, прозревая Сие единое, имеющее породить от него Семя, было едино с Ним в духе и, сим единением питая свою богобоязненность и праведность, всегда состояло в благоволении Божием. Родилось наконец То Семя, совершило Свое дело в Своем Лице и послало другов Своих собирать к Себе всех, которые жили чаянием Его. Это и делается теперь, мог сказать Апостол. Проповедь Апостольская собирает их. Что она не всех берет, это потому, что не все суть от рода сего. Господь чрез нас берет к Себе

Своих Ему. А тех, которые прежде были Ему Свои, Он Сам взял, сошедши во ад. Итак, нечего вам, иудеи, дивиться и недоумевать, видя, что не все приступают к вере. Тут не особое что творится, а лишь исполняется то, что давно Пророками предсказано об остатке спасаемом и семени соблюдаемом.

Здесь оканчивает Апостол доказывание того, что *не отпаде* обетование, хотя не все иудеи приходят в ограду веры, и чрез то в наследие духовных благ, обетованных отцам, и хотя, тогда как иудеи остаются вне наследия, на место их вступают в наследие язычники. Во все течение доказывания Апостол только намекал на то, что если так есть, то потому, что одни достойными являются, а другие недостойными. Теперь же явно это высказывает, показывая, в чем состоит достоинство одних и недостоинство других.

в) Как же так сделалось, что многие иудеи отвержены и на место их призваны язычники? Какая тому причина? Вера одних и неверие других, отвечает Апостол (9, 30—10, 21)

Глава 9, стих 30. *Что убо речем? Яко языцы, не гонящии правду, постигоша правду, правду же, яже от веры.*

Что убо речем? Что скажем на это? Как не люди Божии стали людьми Божиими и невозлюбленная возлюбленною? Как язычники всту-

пили в наследие духовное о Христе, не искавши того, а иудеи исключены из сего наследия, чаявши его? Какая тому причина? Смотрите, и увидите, отвечает Апостол; увидите же вы одно то, что язычники уверовали во Христа и вошли в наследие, а иудеи, преткнувшись о сей камень неверием, лишены наследия. От пророческих предсказаний в далеком прошедшем Апостол переводит теперь мысль на то, что пред глазами, и одно изъясняет другим.

Языцы, не гонящии правду. Язычники жили в собственное удовольствие; вся их забота была о том, чтоб устроить свое земное благобытие. Они поминали и о Боге, но мимоходом; знали и о будущей жизни, но она у них стояла на заднем плане; и правдою не гнушались, но не считали ее законом, а делом приличия и выгоды и не стыдились попирать ее, когда она становилась поперек их главной дороги к земному благобытию. Не гнались, не ревновали они о том, чтоб, помня Бога и страхом Его исполняясь, жизнь свою устроять по воле Его праведно и тем приготовлять для себя блаженное будущее. Все сие есть правда жизни человеческой, Богом указанная в устроении естества человеческого. Смутно носилось в голове язычников, что так бы следовало; но им некогда было строго заняться тем: устроение земной самоугодной жизни поглощало все их внимание и труды. Но когда начала проходить

среди них проповедь Апостольская, тогда загнанная назад и забитая правда естества выступила, и стала пред очами ума и совести, и обличала не внимавших ей. Им не на чем было опереться, чтоб оправдаться, и обличение действовало на них всею силою. Вследствие того они каялись, прилеплялись ко Христу Господу верою, получали благодать и начинали жить праведно, правду поставляя главною целию своей жизни. Так не гонящие правду постигали *правду, правду же, яже от веры*. Под правдою надо разуметь здесь все духовные блага о Христе Иисусе: отпущение грехов, получение благодати, благонастроение ею сердца и всякие добродетели, — чем всем восстановлялась правда, в естестве человеческом начертанная при создании и попираемая дотоле. «Знай, говорит Апостол, что вера для язычников — причина благ, ибо она их, древле заблудившихся, не имевших правды и не хотевших взыскать ее, сподобила правды по благодати» (блаженный Феодорит).

Стихи 31—32. *Израиль же гоня закон правды, в закон правды не постиже. Чесо ради? Зане не от веры, но от дел закона: преткнушася бо о камень претыкания.*

Закон правды, начертанный в естестве человека, есть, — как сказано выше, помня Бога и страх Божий содержа, жить по воле Его, совестию извещаемой, в чаянии блаженного будущего. Сей

закон правды и язычниками был сознаваем, но смутно, и был перепутан ложью в понятиях и о Боге, и о достодолжном, и о будущей жизни. Израиль имел верное богопознание, имел закон, точно и подробно определявший все достодолжное, и будущую жизнь разумел разумнее и яснее. Почему он мог верным путем тещи, или гнать вслед закона правды, чтоб его достигать. И конечно, достигал. Ибо все у него было Божеское учреждение, которое не бывает тщетно. Святые и праведные, просиявшие в законе, все суть постигшие в закон правды. Богобоязненные, заповеди Божии хранившие и грехи свои очищавшие установленным от Бога порядком, все в лоне Авраамовом. Они были то богохранимое семя, ради коего хранима была и вся масса народа израильского и которое теперь проповедию Апостольскою призвано и введено в наследие Христово и составляет *останок* спасаемый. Когда Апостол говорит, что: *Израиль в закон правды не постиже,* — то разумеет того Израиля, который был пред лицом: масса народа с предержащими властями, духовными и гражданскими, и со всеми порядками подзаконной жизни, в Иерусалиме и по всем городам и селам, в Палестине и в рассеянии. Повсюду были уверовавшие в Господа; но их было везде понемногу, они были презираемы, и гонимы, и исключаемы из сонма сынов Израилевых, так что вообще справедливо было

говорить: Израиль не веровал в Господа своего Избавителя. Сию-то преобладающую массу и разумел Апостол, когда говорил: *Израиль в закон правды не постиже*. Как же так сделалось, что эта масса *не постиже*, тогда как среди нее же хранимое семя немногочисленное *постиже*, и сей *останок спасется? Зане не от веры, но от дел закона*. Гнал и этот Израиль вслед закона правды, но не постиг; потому что гнал не в духе веры, а только делами закона. Но ведь и те немногие, постигшие теперь в закон правды, не чужды были дел закона, — они верно исполняли всякую законную правду, как и Сам Спаситель. В чем же тут разница столь большая, что одни, из одинаковых, постигли, а другие — нет?

Апостол характеризует сию разницу словами: *зане не от веры, но от дел закона*. У этих, многих, одни дела закона, а у тех, немногих, не одни такие дела, но и вера, которая и прежде жила в их сердце, как сень, а теперь осуществилась и приняла свой истый, твердый образ.

В делах надобно различать собственно дела, видимо, в своем месте и в свое время творимые, затем расположения, с каким они творятся, а еще глубже — дух, с коим творятся. Возьмем пример: подана милостыня добрая, тому-то, там-то, тогда-то. Это — видимое дело. Расположение, которое под ним, невидимо: могло же это быть по естественному чувству сердоболия, по сознанию дол-

га и заповеди, по тщеславию или для временного зарекомендования себя пред людьми, нужного еще для чего-либо. Правы первые два, а последние неправы, в них совсем нет милостивости, и милостыня является без милостивой души. Дух, с которым делаются дела, обнимает обыкновенно множество расположений и дел, а иногда, или большею частию, и все, — это то, что движет действующего: самость, мир, Бог, и притом — из страха, или из-за воздаяния, или из любви. Эти возбудители, то поодиночке, то попарно, то сопутствуя друг другу, то перекрещиваясь между собою, составляют дух жизни каждого. Дух, естественною правдою требуемый, есть все делать для Бога и по Богу. В какой бы силе это ни делалось, все право. Первые же два неправы.

Дела никогда не бывают без сокрытого под ними и в них расположения и духа. Но бывает, — и не большею ли частию? — что последние (расположение и дух) принадлежат совсем к другому роду, чем первые (дела); и тогда дела остаются одни, принадлежащими к своему роду. В приведенном примере милостыня, из своекорыстных целей, без милостивости сердечной и без мысли о Боге поданная, остается одна лишь, как видимое дело, принадлежащею к роду добрых дел, а расположение и дух не добры, суть другого рода. Между тем сделавший ее может опираться на нее для оценки себя самого, и другие тоже

могут оценивать его по сему делу. Только око Божие иначе оценит его; и еще: если встречается какая проба ему, то и от других не укроется, что было внутри его. Обобщим сей случай и положим, что все дела закона делаются так, что в них с законом сообразна видимая только сторона дел, расположение же и дух несообразны. Тогда справедливо будет сказать, что у известного круга лиц есть только дела закона, и больше ничего; что внутри дел, то чуждо закона. Между тем и они сами могут, опираясь на сих делах, считать себя исправными, и другие тоже. Только Бог видит, насколько они исправны; да окажется это, если подвергнуть их какой-либо пробе, могущей вызвать и выказать, что кроется у них внутри. Приложим сие к словам апостола Павла. Почему иудеи, разумея под ними массу народа, не постигли в закон правды, тогда как и действовали по закону, и были уверены, что исправны и больше для них ничего не потребуется? Потому, отвечает Апостол, что у них только и было, что дела закона, а прочее все (дух и расположение), требуемое при сем, было не право, не сообразно с законом правды. Это недостающее Апостол совместил в слове: *зане не от веры*. Что этим требуется? В другом месте Апостол пишет: *без веры невозможно угодити Богу: веровати же подобает приходящему к Богу, яко есть и взыскующим Его мздовоздатель бывает* (ср.: Евр. 11, 6). Это

общая всех вера, в естестве человеческом напечатленная. Есть Бог, от Коего мы всесторонне зависим и Коему должны всячески благоугождать, действуя пред лицем Его искренно, по внушениям данного Им закона в совести, в чаянии блаженной будущности. Это та естественная правда, о коей поминалось выше. И она-то есть дух, который должен проникать все дела и порождать все добрые расположения (добродетели), осуществляемые делами. Недоставало этого у народа, о коем идет речь, — он и не постиг в закон правды.

Но ведь сего недоставало и у язычников: как же говорится, что они постигли? Постигли потому, что, когда благовестие Евангелия раскрыло им, в чем существо дела, они тотчас восполнили сие недостающее, ибо им не на чем было опереться. И иудеи слышали о сем недостающем, но были обманчиво уверены, что оно у них есть, потому что есть дела закона. Они опирались на делах закона и, думая, что им больше ничего не потребуется, почили на сих делах, считая излишним всякое другое мероприятие, следовательно, и то, что предлагало Евангельское благовестие. Дух же у них был совсем другой, дух самости и миролюбия, которого суть — устроять и обезопашивать земное благобытие или счастие, обращая все в средство к тому, не исключая и Божеского. В сем смысле они на одной стояли линии с язычниками. На языке у них был и Бог, но на сердце

не было Его, ни славы Его. Спаситель часто обличал сие. Обращик их фарисей, который говорил: *Боже, хвалу Тебе воздаю* (Лк. 18, 11). Но дальше что? На чем он опирался? На том, что явно не делал неправды, не похищал, не обижал, не прелюбодействовал; а делал что? Постился два раза в неделю и давал десятину. Все это, конечно, не худо. Но если нет при сем страха Божия, ревности о славе Его и желания все для Него делать, нет любви к братиям и желания делать им добро с самопожертвованием; то все то ничтожно. А очень возможно всему сему при высказанном не быть; возможно даже быть тому, что не только отнимает всю цену таких дел, но относит делателя совсем к противному делам разряду людей. И Спаситель указывал на это: я, говорил иной, отдал на храм, что бы следовало доставлять отцу, бессильному старику. Что же? И пусть умирает с голоду? Не явно ли, что такой совсем стоит в противной законникам части? В другой раз укорял их Господь, что славы Божией не ищут, а только славу человеческую. Выходит, общий дух тогда был таков, что Бога у них не было на сердце и никакой заботы о братиях, а лишь бы им было хорошо; и опирались они во всем на своих силах и способах и на внешних соотношениях, а Бог им не был нужен. Он был только на языке. Конечно, не все иудеи были таковы. Было между ними множество таких, у ко-

торых жива была указанная Апостолом вера (то есть что есть Бог и что Он есть мздовоздатель), составляющая сущность естественного закона правды. Они тоже творили все дела закона наряду с другими, но на них не опирались и делали их не себя ради, а ради Бога, ради славы Его и угождения Ему. Почему наравне с язычниками тоже не имели, на чем опереться. От того, когда услышали благовестие Евангелия, тотчас приняли его, как и язычники, с тою только от них разностию, что они, яко иудеи, сретили в сем чаемое, а язычники приняли нечаемое.

Такова мысль Апостола, если под словом: вера — разуметь один в естестве нашем напечатленный закон правды. Но у него в слове сем содержится нечто гораздо большее. Ветхий Завет, и явным словом, и устроением всех чинов своих, представлял указание на Грядущего, в Коем спасение не иудеев только, но и всех языков. Жившие в сем завете или в законе все имели веру в сие и все чаяли, что грядет Великий и Дивный, но не все в истинном духе веровали и чаяли. Та часть, которая жила только для устроения своего земного благобытия, как в закон правды не постигла, так тем паче не могла право веровать и чаять Грядущего. А другая часть, среди той сокрытая, как семя и *останок*, и в закон правды постигала, и в истинном духе веровала и чаяла Грядущего. Та часть чаяла, что

Грядый приидет и сделает их счастливейшими на земле, — богатыми, славными, владыками всех народов; а эта чаяла, что когда приидет Он, то восполнится в них все то, чего они не успевают стяжевать при всем желании и при всех усилиях постигнуть в закон правды, иначе — чаяла, что Он удовлетворит вполне их духовные потребности и нужды и сделает их совершенными в духе, очистит от грехов и сделает святыми и благоугодными пред Богом. Почему, когда явился Иисус, глаголемый Христос, предъявил, что Он есть Грядый и Обетованный, Коего пришествия они чают, и предлагал удовлетворение всех потребностей духовных тем, кои уверуют в Него и прилепятся к Нему, эти последние, томившиеся неудовлетворенностию духовных потребностей, тотчас уверовали в Него и прилепились к Нему. Какие не успели почему-либо уверовать в Господа при бытии Его среди них, тех собрала потом проповедь Апостольская. Те же, первые, ни по слову, ни по делам Его не поверили, что это Он — Обетованный, Грядый, потому что Он не обещал им ничего такого, чего, по своему духу, чаяли они от Грядущего. Дух у них другой был; почему не только не поверили, но теснили и гнали Его, и не только теснили, но потом и на смерть Его предали. Затем как в отношении к Нему они себя держали, так относились и ко всем, уверовавшим в Него. Произошло разделение резкое: стало явно,

кто какого духа. Проповедь Апостольская была пробою, кто истинного есть духа, а кто — не истинного. И обличилось, что масса народа только видимостию дел была Израиль и семя Авраамово, а во внутреннем настроении совсем была иное; почему не приняла Пришедшего по обетованию отцам: преткнулась о Него. *Преткнушася бо о Него, как о камень претыкания.*

Претыкается о камень тот, кто слеп и не видит камня или, видя его, думает, что не поткнется, и шагает зря. Так и иудеи не видели, что пред очами их камень, о который могут поткнуться, и, устремясь на попрание его, преткнулись и сокрушились, как предрекал им Сам Камень — Христос (см.: Лк. 20, 18). «Претыкается тот, кто засматривается на что-нибудь стороннее и не обращает внимания на то, что у него под ногами. Так и иудеи, засмотревшись на закон, преткнулись о Христа, то есть не уверовали» (блаженный Феофилакт).

Язычники не получали обетования, потому и не чаяли Грядущего. Но те из них, которые стремились постигнуть в закон естественной правды, не менее первых томились неудовлетворенностию духовных своих потребностей: тяготились грехами и не знали, как избыть от них, жаждали помощи на доброе и не знали, откуда и как получить ее, полагали обеты быть исправными и всегда снова падали и падали. Почему, когда

Евангельское благовестие дошло до слуха их, и они увидели, в ком можно получить удовлетворение таких потребностей, тотчас приступили к Нему с верою и, утолив духовную жажду свою в Нем, неотторжимо прилепились к Нему всем существом своим. И тут только постигли в закон правды надлежащим образом: ибо иного к сему пути нет. Что было у них прежде, было только начатком; теперь же все это пришло в совершенство, как и в тех, кои под руководством закона стремились постигнуть в закон правды. Уж само собою не все язычники были таковы; если иудеи не все, тем паче язычники. И среди них было свое семя, свой *останок* — спасаемый. Проповедь Евангельская из тех и других собрала истинных наследников обетования, истинное семя Авраамово, истинного Израиля.

Так вот как сделалось, что одни приняты в наследие обетования, а другие нет! *Зане не от веры, но от дел закона.* «Они думали, что для приобретения правды достаточно для них жития по закону, и пренебрегали веру. А поэтому не сделались причастниками даров веры и не приобрели правды оного жития» (блаженный Феодорит).

Стих 33. *Якоже есть писано: се полагаю в Сионе камень претыкания и камень соблазна: и веруяй в Онь не постыдится* (ср.: Ис. 28, 16; 8, 14).

Преткнулись, потому что не уверовали, а не уверовавши, не постигли в закон правоты и остались вне Божиих, коим принадлежит обетование. Не дивись сему. Так предсказано издревле. Пророчество сие у Апостола сложено из двух мест святого пророка Исаии, в коих обоих говорится о камне. Но в одном (см.: Ис. 28, 16) он именуется камнем краеугольным, честным, верующий в который не постыдится; а в другом (см.: Ис. 8, 14), что он есть камень: для одних прибежища, а для других претыкания. Оба те пророческие места всеми иудеями были относимы к Грядущему, Обетованному. Почему их употребляли, рассуждая о Грядущем, как кому лучше приходилось, то поодиночке, то совместно. Святой Апостол совместил оба места, качество камня, какое ему дано в главе 28 (краеуголен, честен), опустив, а на место его положив качество, какое дано ему в главе 8 (камень претыкания).— Камнем назван Обетованный, потому что Им и на Нем имело основаться Царство Божие, Царство правды и святости, Царство сынов Божиих. Камнем же претыкания и соблазна Он назван не потому, чтоб намеренно был положен для претыкания и соблазна: Он Сам в Себе есть камень прибежища и крепости; но потому, что многие имели не понять, что Он есть, соблазниться Им, не поверить и чрез то преткнуться о Него. Как было предсказано, так и исполнилось на Христе

Спасителе. Евангелисты не раз замечают, что многие соблазнялись о Нем. Он говорит о Себе, что пришел с неба и есть Сын Божий; а по видимости был очень прост и главы не имел где преклонить (см.: Мф. 8, 20). Только взор, речь Его и дела Его показывали, что Он не земен. Но это не все могли уразумевать и ощущать. Большинство не поняло сего и отвратилось от Него. Как во время пребывания Его среди людей было, так было и после, во время проповеди Евангелия. Вменен со беззаконными и распят; говорили: как можно поверить, что Он есть нечто великое и Божеское, — и соблазнялись. Но как, в пребывание Его на земле, многие под смиренною видимостию ясно узревали в Нем Божеское: так и во время проповеди, несмотря на то, что проповедники без прикрытия предлагали вере точию Иисуса Христа и Сего распята, многие уразумевали истину и покорялись вере. Что предсказал святой Симеон Богоприимец о Господе Спасителе, то и исполнялось на Нем всегда, и доселе исполняется, что Он есть *на падение и возстание многим* (ср.: Лк. 2, 34). Предмет веры прикровен. Уразумевают те, коим дано, как о притчах Своих прикровенных сказал Господь, — или, лучше, кого Отец привлекает к Сыну (см.: Ин. 6, 44).

Таковые не постыждались, как и Пророк предрек: *веруяй в Онь не постыдится*, «то есть воистину сподобится величайших благ, какие

восчаял верою получить от Него» (блаженный Феодорит). Сколько крепости надо иметь, чтоб веровать, когда кругом неверие, издевающееся над верою, а предмет веры прикровен! — И однако ж, веровали, являя в вере мужественнейший подвиг. Веровали и не постыждались, потому что с первого движения веры начинали уже воспринимать в себя невидимо, в духе, то, что восчаяли и чего ничто и никто в мире подать не мог, — ни собственные усилия, ни пособия всех мощных людей. А когда проходили всю стадию уверования и восходили к совершенству веры, тогда, что получали и что начинали носить в духе, того никакое слово описать не могло. Почему стыдение и малейшего движения не могло в них возыметь, и тени его не могло появиться, хотя в уши отвсюду доносились устыждающие слова. Скорее непонятным казалось им, как можно стыдить, когда они обладают таким сокровищем, какому цены нет.

Приведши такое пророчество, Апостол и недоумение окончательно рассеявал, как так есть не принятые в наследие многие иудеи, — и причину того решительную выставлял, так что после нечего было ни возражающим привозразить, ни опровергающему возражения — приобъяснить. Дело ясно. Но, кончив это, Апостол берет теперь иудея за самую нежную струну его сердца — ревность по закону, которая у них окрашивалась ревнос-

тию по Богу, и из нее хочет устроить путь к вере. Он сам шел этою стезею, сам ревновал, не слабее всех иудеев, и, однако же, делом испытал, что одна ревность не непременно уже и ведет прямою дорогою. Нет, ее надобно просветить, чтоб не устремиться по возбуждению ее не туда, куда следует.

Глава 10, стих 1. *Братие, благоволение убо моего сердца и молитва, яже к Богу по Израили, есть во спасение.*

После слов: *зане не от веры* — иудеи могли возражать: мы ли не от веры? Кто больше нас проявляет ревность Божию? Имея в виду объяснить им, что, несмотря на сию ревность, они все суть не от веры, потому что не туда направили свою ревность, и таким образом произнесть им укор самый чувствительный, Апостол опять уверяет их в своем к ним благорасположении, чтобы смягчить укор и расположить внемлющих слову его к мирной благопокорности. *Благоволение*, говорит, *моего сердца*, — благожелание мое к вам — не на языке только; им полно все мое сердце; всем сердцем желаю и всегда молюсь Богу о том, чтоб весь Израиль спасение улучил. Святой Златоуст говорит: «Апостол намерен нанести израильтянам еще удар, сильнейший прежнего, а посему опять отклоняет от себя всякое подозрение в неприязни и приступает к делу после многих оговорок. Смотрите не на слова и обличения,

говорит он, а на то, что говорю сие не с враждебным расположением. Несвойственно ненавидеть и отвращаться иудеев тому, кто желает им спасения, и не только желает, но и молится об оном. Ибо под словом: *благоволение* — Апостол разумеет здесь сильное желание. Заметь, что и молитва его происходит от сердца. Не о том прилагает он великое старание и молится, чтобы иудеи избегли наказания, но чтобы спаслись. И не в сих только словах, но и в следующих обнаруживает благорасположение, какое имеет к иудсям. Апостол с великим усилием старается, сколько можно, извинить иудеев и ищет для них хотя тень оправдания. И однако ж, не успевает в том, будучи побежден свойством самого дела».

Стих 2. ***Свидетельствую бо им, яко ревность Божию имут, но не по разуму.***

Свидетельствую — не противоречу, согласен, им самим в глаза говорю и всех других удостоверяю о них, что они имеют *ревность*. Да это и доказывать нечего. Коснись субботы, храма, праздников, жертв, десятин, и увидишь, какою всякий из них загорится ревностию. И глаза, и выражение лица, и жест, и слово — все скажет тебе о сей ревности. И ревность сия у них есть *Божия*, — за Божие дело, как по Богу, ревнует: ибо закон от Бога. При всем том, однако ж, ревность сия *не по разуму*. Ревнуют о законе, как по Богу, но не по смыслу и значению закона; ревнуют по Богу, но

не сообразуясь с волею и указаниями Божиими. Закон сам в себе содержал удостоверение, что он есть тень и, следовательно, должен престать, когда явится тело, коего он есть тень. И Бог неоднократно свидетельствовал, что будет новый закон, Новый Завет, имеющий заменить собою первый завет и закон. Следовательно, ревность о законе без всяких ограничений – будет ревность не по разуму. Ревновать ревнуй; но и посматривай, не пришло ли то время, когда следует престать закону. Им говорят, что пришло, и доказывают то; а они, вместо того, чтоб вникнуть, не так ли и в самом деле есть, твердят одно: наш закон от Бога, не хотим отступать от него, – забывая, что Бог же извещал их, что престанет закон и что Новый Завет тоже от Бога изойдет и исходит. Новое неразумие. Ревность, не руководимая истиною, ослепила очи ума их и повела их дорогою, которой не может одобрить разум, поиудейски же наученный истине Божией – ветхозаветной. Так «с похвалою соединил Апостол порицание, как бы приманкою какою прикрыв уду, чтобы польза слова соделалась для них удобоприемлемою» (блаженный Феодорит).

Стих 3. *Не разумеюще бо правды Божией, и свою правду ищуще поставити, правде Божией не повинушася.*

Место это порождает разное течение мыслей, сходящихся, однако ж, к одному, – обличению,

что ревность у иудеев, точно, неразумна. *Не разумеюще правды Божией,* — такой, какою она изображена и предписана в Ветхом Завете. Там и о страхе Божием говорится, и о том, что все надо делать во славу Божию и всячески блюсти чистым сердце от всех страстей, насаждая в нем добрые расположения, и затем в сем духе и настроении творить дела, как они предписаны в законе, — и дела благочестия, и дела правды и любви. Такова в существе правда Божия ветхозаветная. А они не уразумели сей правды и, полагая, что достаточно одной внешней исправности, о сердце, или о чувствах и расположениях к Богу и ближним, не заботились, а довольствовались одною этою деловою стороною, в ложной уверенности, что тут вся правда Божия и есть. Но это не была правда Божия, а правда, ими самими сочиненная, которую они покушались поставить вместо правды Божией. Что же из этого вышло? Вышло то, что они правде Божией не повинулись, — что можно разуметь двояко: не повинулись правде Божией, как она изображена и предписывалась в Ветхом Завете, как это видно из самого строя их жизни. Они извратили смысл той правды Божией и утвердились в таких порядках жизни, кои противны истинному ее смыслу. Святой Златоуст говорит: «сими словами Апостол показывает, что иудеи впали в заблуждение — и не поставили даже и той праведности,

какая требуется законом». Или не повинулись правде Божией, теперь вновь проповедуемой, правде евангельской; потому что как та, ими измышленная правда, состоящая в одной внешней исправности поведения законного, им очень нравилась по легкости и нетребованию сердечных жертв и самоотвержений; то они на ней и почили и новой никакой принимать не хотели; этой принимать не хотели, а за свою упорно стояли и защищали ее.

Можно это место и так разуметь: что, хотя бы иудеи содержали ветхозаветную правду и в истинном ее значении, все же ныне, когда вводится по Божию повелению евангельская правда, они не свободны от обличения, что свою правду ищут поставити, не покоряясь предлагаемой теперь правде Божией евангельской. Ветхозаветная правда была Божия правда до времени, и кто покорялся ей, Богу покорствовал и Ему благоугождал. Но когда срок ее кончился и Сам же Бог вводит новую правду, отменяя ту, то держащийся той правды уже не Богу покорствует, а своему нраву, уже не Божией воле следует, а своей, не Божию правду ищет поставити, а свою, — и, ища сию, — свою уже теперь, — правду поставити, правде Божией не повинуется. Блаженный Феодорит пишет: «Апостол *своею правдою* назвал неблаговременное хранение закона; потому что стараются хранить закон, утративший уже

свою силу; а *правдою Божиею* наименовал правду, приобретенную по благодати верою».

И еще такая может быть здесь мысль: своя правда есть та, которая своими трудами стяжается, а Божия правда есть та, которая благодатию Божиею в сердце водворяется. Эта последняя и есть только настоящая правда Божия; всякая другая уже не Божия правда. Иудеи же, говорит Апостол, не уразумели сего, то есть что та только и есть правда Божия, которая Богом в сердце созидается, и на том стояли, что своими трудами должно достигать совершенства правды. Почему когда, по Божию повелению, предлагаем мы идти к восприятию от Бога Божией правды посредством евангельской веры, то они не повинуются сему. Святой Златоуст говорит: «праведность иудеев Апостол называет собственною, или потому, что она приобретается трудами и потом, или потому, что закон не имеет уже силы. А правдою Божиею называет праведность от веры; потому что она приобретается единственно по благодати свыше, и мы оправдываемся не трудами, но по дару Божию. Напротив, те, которые постоянно противятся Святому Духу и усиливаются оправдаться посредством закона, далеки от веры. Будучи же далекими от веры и не получив оправдания, даруемого верою, а равно не имея возможности оправдаться законом, они всё потеряли».

Стих 4. *Кончина бо закона Христос в правду всякому верующему.*

Не разумели, говорит, правды Божией, потому что не разумели силы закона и, приняв неправые понятия о той и другом, свою правду составили, за которую и стоят, не покоряясь проповедуемой нами правде о Христе Иисусе. Если бы они уразумели силу закона, то в конце его узрели бы Христа Господа и не стали бы отвергать Его, когда Он проповедуется. Закон и устройством своим указывал на грядущего Христа, и словом своим возвещал о Нем. Почему Христос есть последняя цель закона, и кто верует во Христа, исполняет то, для чего дан закон, и делает то, что в нем закон достигает своей цели — приемлет кончину свою. В сем смысле блаженный Феодорит пишет: «вера в Господа не противна закону, но и весьма согласна с ним; закон путеводствовал нас ко Владыке Христу. Посему верующий во Владыку Христа исполняет назначение закона».

Но это некоторым образом отвлеченная кончина закона во Христе; а в Нем есть, сверх того, и действительная кончина закона, о чем говорят следующие за сим слова: *в правду всякому верующему*. Закон имеет целию делать праведными, и кто бы исполнил его как должно, был бы праведен. Но на такое исполнение никто не был силен. Силу на это подает лишь Христос тем,

которые веруют в Него; и они, прияв сию силу, делаются истинно праведными по всей широте закона: и оправдание получают, в чем погрешили против закона, и силою облекаются действовать во всем сообразно с законом. Так Христос есть в правду всякому верующему, то есть в дарование правды веры ради; почему есть и кончина закона. Праведность верою во Христа есть настоящая законная праведность; а праведность законная одна, без веры во Христа, не есть настоящая праведность. Были праведные и под законом, но лишь ради того, что веровали в грядущего Христа. Не будь сего, не быть бы им праведными. А теперь праведны законно все те, которые веруют в пришедшего уже Христа Господа. Праведность одна и там и здесь. Не уразумели сего иудеи, и по своему смышлению, составив себе обманчивый облик праведности, правде Божией о Христе Иисусе не покоряются, и остаются вне праведности, хотя ревнуют по ней. Святой Златоуст говорит: «заметь благоразумие Павлово! Поелику то и другое, закон и Евангелие, назвал он правдою; то верующие иудеи могли подумать о себе, что они имеют одну правду, а лишены другой и потому обвиняются в беззаконии, а неверующие иудеи могли надеяться исполнить правду и потому могли сказать: если мы доселе не исполняли, то, без сомнения, исполним. Смотри же, что делает Апостол! Он доказывает, что

праведность одна, что законная праведность заключается в праведности по вере; и кто приобрел праведность по вере, тот исполнил и праведность законную; а кто отверг первую, тот лишился и последней. Ибо если конец закона есть Христос, то не имеющий Христа, хотя и думает иметь праведность, однако ж не имеет оной; а имеющий Христа хотя не исполнил закона, все приобрел. Цель врачевания — здравие. Как тот, кто может сделать здоровым, хотя и не владеет искусством врачебным, всем владеет, а не умеющий вылечивать, хотя и думает действовать по искусству, ничего не имеет: так должно сказать о законе и вере. Кто имеет веру, тот достиг цели закона; а кто вне веры, тот чужд и веры, и закона. Ибо чего хотел закон? Сделать человека праведным. Но он не мог сего сделать; потому что никто не исполнил закона. Таков был конец закона; к тому все клонилось, для того все было введено, и праздники, и заповеди, и жертвы, и все прочее, чтобы человек тем оправдался. Но сей цели достиг вернее Христос чрез веру. Итак, не бойся, говорит Апостол, что, приступив к вере, ты преступил закон. Ты тогда преступаешь закон, когда для закона не веруешь во Христа. Когда же веруешь в Него, тогда исполняешь и закон, даже в гораздо большей мере, чем велено в законе; потому что ты приобрел гораздо большую праведность».

Когда сказал Апостол: *всякому верующему*,— то тем уничтожил всякое различие по рождению и крови. Кто ни будь, только уверуй во Христа,— и в тебе совершится кончина закона, то есть и ты будешь праведен. «Прекрасно сказал Апостол: *всякому верующему*; потому что объял все естество человеческое: будет ли кто еллин или варвар, но, если уверует, улучит спасение» (блаженный Феодорит).

Стих 5. *Моисей бо пишет правду, юже от закона: яко сотворивый та человек жив будет в них.*

В стихах 5—8 Апостол из тех самых Книг Писания, в коих изображается закон, доказывает и то, что: *кончина закона Христос в правду всякому верующему*,— то есть что полное в совершенстве исполнение закона и достижение того, для чего дан закон, бывает только верою во Христа Господа, ничем не колеблющеюся. Первое место берет из книги Левит (см.: Лев. 18, 5), где кратко, но полно показывается, чего требует правда законная: *сотворивый та человек жив будет в них*. Сам Бог сказал сие чрез Моисея, когда, указывая на нечестие египтян, где жили израильтяне, и хананеев, куда они переводились, с угрозою запрещал касаться того и другого, но строго требовал, чтобы исполняли одни Его повеления и судьбы. *Аз Господь Бог ваш. И сохраните вся повеления Моя, и вся судьбы Моя, и сотворите я: сотворивый та человек жив будет*

в них (ср.: Лев. 18, 5). Те народы за их нечестие и худую жизнь понесут казни, а вы жить будете — безбедно и безопасно (см.: Лев. 18, 25). Когда сказал: *вся*, — не оставил места никакому исключению: все исполни, и будешь прав по правде законной, — и жив будешь. Апостол не делает никаких наведений, а только словами самого закона показывает, чего требует правда законная, «показывает, в чем состоит законная праведность и чем приобретается. В чем же она состоит и чем приобретается? Исполнением закона. Сделаться праведным по закону нельзя иначе, как исполнивши все заповеди» (святой Златоуст).

Так говорит закон о праведности законной. Но этим не ограничиваются его определения праведности; есть в нем такие указания о сем, какие немыслимы и в дело произойти никак не могут, если не привзойдет вера. Во Второзаконии (см.: Втор. 30), в заключительной речи к народу, Бог говорит чрез Моисея, что если он будет исполнять все заповеди Его, то благо ему будет; а если не будет, то беда за бедою постигнет его. Но если он, по прогневании Его, опять обратится к Нему, то опять будет принят в милость, и, даже если б был рассеян по далеким странам, опять будет собран в наследие отцов. Ибо теми бедствиями *очистит Господь сердце твое, — любити Господа Бога твоего от всего*

сердца твоего и от всея души твоея (ср.: Втор. 30, 6). Оградив таким образом угрозами верность закону, Бог устраняет потом всякое извинение в неисполнении его, какое мог бы кто предъявить по причине трудности знать закон и тяготы самого закона, наложенного, как иго.

Заповедь сия, юже Аз заповедаю тебе днесь (впереди сказано: *обращену быть тебе ко Господу Богу твоему от всего сердца твоего, и от всея души твоея* [ср.: Втор. 30, 10]), *не тяжка есть, ниже далече есть от тебе; не на небеси есть, глаголя: кто взыдет от нас на небо, и возмет ю нам, и услышавше ю сотворим? Ниже об ону страну моря есть, глаголяй: кто прейдет нам на ону страну моря, и возмет ю нам и услышавше ю сотворим? Близ тебе есть глагол зело, во устех твоих, и в сердцы твоем, и в руку твоею, творити его* (ср.: Втор. 30, 11—14).— В словах сих указывается одно такое, что было пред очами, а другое, что имело быть, как обетование. Первое — то, что слово закона *близ есть в руку твоею*, то есть заповеди все ясно и подробно тебе изложены, ты знаешь и видишь их, как кто видит вещь, держимую на руке (у нас — как на ладонке). Нечего тебе воспарять ввысь или заноситься вдаль, чтоб узнать их,— они пред очами твоими. Второе — то, что глагол заповедей сих в сердце. Это особый и главнейший момент в принятии закона. Закон, написанный на скрижалях и хартии, хотя и

близко, так что глаз видит и рука держит письмена его; но все же он вне есть. Переход его отвне в сердце есть особое действие или состояние приемлющего закон, в коем (состоянии) внешно принятое входит внутрь и сливается со всем существом человека, так что все заповеди тогда бывают написанными в сердце. Такое состояние или такое восприятие закона не было условием, при даровании и приятии закона, и не было проявляемо. Израильтяне усердствовали к закону, но из благодарности и покорности к Богу крепкому и благодеющему, а самое указание законного не из сердца исходило. Это ожидалось впереди, — прозреваемо было и предуказываемо. В настоящем месте делается намек только на это; но после Пророки изложили это яснее, когда предрекали о Новом Завете, в коем законы будут написаны не на скрижалях каменных, а на сердцах, для чего и самое сердце будет обновлено, и дух новый дан будет вступающим в завет тот (см.: Иер. 31, 33; Иез. 36, 26). Несмотря, однако ж, на прикровенность указания, место сие не чуждо предсказательного смысла, подобно тому как и пред сим мимоходом помянутое собрание из рассеяния (см.: Втор. 30, 4). Почему ученые иудеи не погрешили, видя здесь указание на время пришествия обетованного Избавителя и Предводителя народа. Для нас же не это иудейское разумение ценно, а то, что дух Апостольский в сих

словах Бога, Дух изводящего, видел предуказание того, что в полном значении исполнилось во Христе Иисусе Господе нашем.— Святой Павел все сие место относит к учреждению Нового Завета и всякий термин в тех словесах Божиих прилагает к совершающемуся в сем завете, как к осуществлению предсказанного.

Стихи 6—8. *А яже от веры правда сице глаголет: да не речеши в сердцы твоем: кто взыдет на небо? Сиречь Христа свести. Или кто снидет в бездну? Сиречь Христа из мертвых возвести. Но что глаголет Писание? Близ ти глагол есть во устех твоих, и в сердцы твоем, сиречь глагол веры, егоже проповедаем.*

Выше сказал, как пишет Моисей о правде, *юже от закона*. Теперь говорит: *а яже от веры правда сице глаголет*,— будто сама правда говорит, олицетворена будучи. Но лучше так изложить: а о той правде, *яже от веры*, так говорит Моисей или Бог чрез Моисея (см.: блаженный Феодорит). Что же говорит? Судя по пророчественному смыслу приводимого места, Апостолу следовало бы указать, как закон новозаветный написывается в сердце; а он говорит о вере,— будто совсем о другом или о далеком от содержащегося в том месте. Но так только кажется; в существе дела он говорит именно о предсказанном, только другими словами, или, лучше,— о предсказанном, как оно исполняется.— Как пи-

шется Новый Завет со всеми его законами в сердце? Веруют в Господа, обновляются крещением, приемлют Духа Святого, и Сей Дух пишет новые законы в сердце. Начало всего – вера во Христа Господа, или она всё: ибо и Дух как пишет законы Свои? Облекая во Христа Господа. Всё, следовательно, в Нем, и верующий в Него полно и искренно имеет в себе уже все новозаветное и заповеди новые. Говорящий о приятии Господа верою говорит и о написании в сердце новых законов. Это и делает Апостол. По течению речи ему нужно было остановить внимание на вере во Христа Спасителя, не развлекая его указанием на то, как при сем и новые заповеди пишутся на сердце, давая сие пополнить самим читающим по руководству приводимого места. Почему к вере прямо относит и все, что, казалось бы, надлежало отнести к начертанию на сердце нового закона.

В том месте, откуда берется приводимое предсказание, говорится: не говори, кто взойдет на небо, чтоб взять оттуда заповедь и принесть нам? Почему? Потому, что она уже принесена, изречена и написана. Святой Павел, с пророчением соединяя исполнение, говорит: не говори, кто взойдет на небо, чтоб Христа свести, дабы с восприятием Его верою возыметь начертанным в сердце новый закон? Почему? Потому, что уже пришел Христос, воплотился Единородный Сын

Божий, и всякий приемлющий Его верою и новый закон с Ним и в Нем приемлет.

Второй вопрос в приводимом месте стоит так: не говори, кто пойдет за море, – тоже чтоб взять там заповедь и принесть к нам? — Она уже принесена. Святой Павел приводит сие в исполнении так: не говори, *кто снидет в бездну*, чтоб *Христа из мертвых возвести?* Он уже возведен, воскрес. Это не противоречие, а то же другими словами. Море именуется и бездною, ἄβυσσος. Край моря в даль есть другая сторона, а край его в глубь есть дно, которое так далеко, что невольно подумаешь, будто нет его и что в этом направлении — бездна. Имея сие в мысли, Апостол сказал: не говори, кто снидет в бездну, чтоб Христа из мертвых возвести? Он уже вышел из нее, как Иона, пророчески погружавшийся в нее. Два предмета веры указывает Апостол, что пришел Господь, умер и воскрес. Приявший сие верою Христа имеет в себе, а с Ним и новый закон.

В пророчественном месте далее говорится: *близ ти глагол есть зело, во устех твоих и в сердцы твоем* (ср.: Втор. 30, 14). И святой Павел повторяет сии слова, прилагая к ним исполнительное истолкование: *сиречь глагол веры, егоже проповедаем. Как близ*? И так же, как заповеди, Богом данные чрез Моисея, – то есть нечего вам далеко ходить, вот мы сами приходим и проповедуем; *близ есть глагол веры*, слушай и веруй; и

весь закон найдешь тогда исполненным в себе: ибо будешь иметь кончину закона — Христа. И в том особенно отношении — близ есть глагол веры, что закон для исполнения своего требует всегда телесного дела и труда, своего времени, места и других соприкосновенных обстоятельств; в вере же все исполняется одним восприятием веры, совершающимся в сердце, а между тем сила сего действия такая, что в нем исполненным является весь закон и все заповеди: ибо имеющий веру имеет Христа, Который есть кончина закона.

Так приведенным предсказательным местом Апостол доказал, что кончина закона — Христос, и потому, что в Нем исполняется предуказанное в законе, и потому, что в Нем исполняется самый закон и то, для чего дан закон. Закон дан для праведности; и тот, кто верует во Христа, делается праведным, — потому что приемлет в Нем и чрез Него благодать, претворяющую сердце и все его преисполняющую святых чувств и расположений, в коих исполнение заповедей или из которых исполнение заповедей исходит, как плод естественный. Если другим способом исполнение закона невозможно, то из ревности по закону не приемлющий веры во Христа уничтожает то самое, чего хощет закон, или идет против закона. Не очевидно ли, что такая ревность не по разуму?

Такова мысль Апостола в приведении означенного места с указанием исполнения сказанно-

го в нем верою. Но как дело веры всеобъемлюще, то слово о ней неудержимо касается и других ее сторон, кроме тех, о которых идет речь. Так и в настоящем месте — Апостол внушает и иное нечто, кроме того, о чем речь. Правда законная требует труда и подвига, чтоб дела свои все во всякое время и во всяком месте весть по закону. А правда от веры вся совершается внутри, не имея нужды в разнообразии действий и выражений: уверовал в сердце, и прав. Однако ж это не означает, что дело веры так легко, как легко поднимается перо движением воздуха. Вера — внутреннее действие; но по тому самому оно и труднее дел. Что в ней от благодати, то легко действуется, а что есть в ней от человека, то представляет чувствительный труд, хотя все внутренний. Движение веры есть полный перестрой всего внутреннего. Подвергающееся перестрою есть устарелое и укорененное, которое не может не предъявлять своих прав, давностию приобретенных, и не затруднять таким образом хода веры. Надо устранять сие, — вот и подвиг. Вера, когда изрекает: «верую», — есть единичное, моментальное действие; но доходят до сего не всегда в одну минуту. Вера есть величайший подвиг, высший всех подвигов, корень и основа их. Почему Апостол и говорит: *да не речеши в сердцы твоем*, — кто сведет Христа на землю и кто возведет Его из мертвых. Воплощение Сына Божия, Его

смерть и воскресение — главный предмет веры и проповеди. Но сколько речей всегда поднимало и поднимает сие в сердцах слышащих? Апостол говорит: не допускай сих речей; *да не речеши в сердцы твоем,* — кто может сие совершить и как может сие совершиться; веруй просто, как дитя, препобедив все такие речи. «Не должно входить в исследование о Владычнем домостроительстве или подвергать сомнению, как вочеловечился Единородный Сын Божий и, прияв страдание, совершил воскресение, — но верою плодоносить спасение» (блаженный Феодорит).

Святой Златоуст той же мысли другой некий дает оттенок: «дабы, доказывая, что путь сей удобен и краток, не навести на мысль, что он не стоит и внимания, смотри, как Апостол распространяется о нем, *да не речеши в сердцы твоем.* — Как добродетели, обнаруживающейся в делах, противоборствует нерадение и расслабление, делающее неспособным к трудам, и, дабы не предаться сему, потребна душа весьма бодрственная: так и в деле веры восстают помыслы, возмущающие и расслабляющие сердце многих, и для отражения оных потребна душа самая бодрая. Посему Апостол обнаруживает самые сии помыслы. И как поступил, рассуждая об Аврааме, так делает и здесь. Доказавши там, что Авраам оправдался верою, дабы не заключил кто, что венец сей приобретен им даром и ни за что, Апостол

восхваляет свойство веры и говорит: *паче упования во упование верова*. Сим доказал, что Аврааму нужна была душа возвышенная, приемлющая то, что выше надежды, и не соблазняющаяся видимым. Так поступает и здесь, доказывая, что нам потребен ум любомудренный, воля сильная и взыскующая небесного. Не сказал просто: *да не речеши*, — но: *да не речеши в сердцы твоем*; то есть даже не колеблись мыслию и сам в себе не говори: как это возможно? Видишь ли, что таково преимущественное свойство веры, — оставив все земные соображения, искать того, что выше природы, и, отринув помощь помыслов, принимать все, утверждаясь на всемогуществе Божием?»

Стих 9. ***Яко аще исповеси усты твоими Господа Иисуса и веруеши в сердце твоем, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешися.***

Сила сих слов: *спасешися*. Уже помянуто было о глаголе веры в устах и в сердце, и какой именно предмет сего глагола; теперь прилагается только, что если так будет, то спасешься. Это отвечает последнему слову приведенных мест: ибо и то место, которое к закону относится, заключается словом: *жив будет*, — и то, которое о вере говорит, заключается словом: *сие живот твой* (Втор. 30, 20). Живу быть чрез что-либо, или живот иметь чрез то, и есть спасену быть. Это есть заключительное применение предсказательной речи, или

последняя конечная черта в исполнении предсказания.

Что святой Павел особо говорит об исповедании устами, и особо о веровании сердцем, и что наперед ставит устное исповедание, а после него верование сердечное, — это делает он применительно к приведенному выше месту. В существе дела всё от веры сердечной. От избытка сердца говорят уста: и исповедание — от веры, в сердце водруженной. Да оно и невозможно без такой веры; и, если бывает иногда, значения никакого не имеет в производстве спасения. Но и вера, когда жива и пламенна, не может укрываться в сердце без обнаружения, а сама собой выходит и в слове, и во взоре, и в движении, и в делах. Так вера и исповедание ее, в истине своей, неразлучны. Да и внимание здесь у Апостола устремлено все на веру, и, приложив исповедание, он не особое что хотел указать, а ту же веру.

Предмет исповедания — Господь Иисус: *аще исповеси Господа Иисуса.* Можно так: если исповедуешь Господа Иисуса, как Он есть в истине, то есть Сын Божий и Бог воплотившийся; или прямо: если исповедуешь Иисуса Господом, что Он есть Господь Бог. Сим утверждается как необходимое условие спасения — исповедание Божества Иисуса Христа. — Предмет веры сердечной — воскресение Христово. Почему так? Потому что от уверования в сие зачиналось и зачинается вера и

на сем основывалось и основывается все последующее здание веры. Что Иисус, глаголемый Христос, распят и умер на кресте, это явно было всем и всем ведомо. И проповедь Апостольская не скрыла сего, а напротив, выставляла на вид, как первый свой пункт; только на этом не останавливалась, а всегда прибавляла: на кресте умер, но и *воскресе и оживе* (14, 9). С сего пункта и вера начиналась и им условливалась: ибо если б только умер, кто бы стал веровать? Апостолы всегда и изображали веру в воскресение, как основу веры Христовой и спасения (см.: 1 Кор. 15, 14).

И по сим предметам видно, что Апостол не разделяет веры и исповедания, как бы возможно было исповедать Божество Иисуса Христа без исповедания Его воскресения или веровать в Его воскресение без веры в Божество, — не вредя делу спасения. То и другое нераздельно: ибо что Иисус Христос есть Сын Божий и Бог, сие явно из воскресения Его, как в начале сказал Апостол (см.: 1, 4); и вера в воскресение Его прямо ведет к исповеданию и Божества Его. Почему место сие по смыслу его можно читать так: если исповедуешь устами твоими и веруешь сердцем, что Иисус есть Господь и что Бог воскресил Его из мертвых, спасешься.

Апостол сказал: *Бог воскреси*, — по немощи слышащих, чтоб не привзошла мысль, как воз-

можно воскресение, и не пресекла течение веры. Поставив: *Бог воскреси*, — он устраняет всякое колебание о возможности: ибо то общая вера, что для Бога все возможно. Святой Златоуст говорит: «что Христос есть Господь, сие явствует из воскресения, как Апостол сказал и в начале Послания: *нареченнем Сыне Божии из воскресения от мертвых* (ср.: 1, 4). А что и воскресение есть дело не трудное, то и для самых несведущих доказано силою Воскрешающего». Что и воскрешенный есть Бог, это он только что сказал, заповедав исповедать Иисуса Христа Господом. Кто Господь есть, Тот и Сам силен воскреснуть. Если говорится, что Бог Его воскресил, то только для указания нераздельности Его с Богом Отцом. Ибо Сын Божий и Бог воплотился, не оставив недра Отча, и, когда воскрешаем был Отцом, участвовал в сем действии Его и Сам. Действия Божеские нераздельны, — исходят от Триипостасного Божества. И воскресение Христово есть дело Бога Отца и Сына и Святого Духа.

Так вот, когда будешь так веровать и исповедовать, что Иисус Христос есть Господь, Бог воплощенный, умерший и воскресший, нашего ради спасения, то спасешься. Но как сие устрояется? Ответ на это надо вывесть из всего предыдущего. То неотложимый закон, что без исполнения заповедей нет спасения. *Аще хощеши внити в*

живот, соблюди заповеди (ср.: Мф. 19, 17),— говорит Господь. И еще: *не всяк глаголяй ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех* (ср.: Мф. 7, 21). Следовательно, если спасение, которое и есть внитие в Царствие и живот, условливается исповеданием и верою во Христа и воскресение Христа Господа, то, надо полагать, потому так есть, что с сим неразрывно соединено исполнение заповедей или воли Отца Небесного. Так оно и есть. Припомним, что говорилось впереди о близости закона. Святой Моисей говорил: близ ти закон, потому что написан и лежит у тебя пред глазами; и хотя прибавил, что он и в сердце, но это было только обетование, которого исполнение потом Пророки указали в будущем пришествии Обетованного, при Коем весь закон и все заповеди будут написаны не на хартии, а на сердце. Так это и бывает. Приемлющий пришедшего Обетованного верою прилепляется к Нему, а прилепляющийся к Нему бывает един дух с Ним (см.: 1 Кор. 6, 17). Дух же Его есть совокупность всех святых чувств, расположений и стремлений, требуемых заповедями и составляющих исполнение их. Следовательно, верою прилепляющийся ко Христу Господу носит в себе исполнение всех заповедей и по тому самому есть спасенный. И другим путем можно прийти к тому же заключению. *Иже верует и крестит-*

ся, спасен будет (ср.: Мк. 16, 16), — говорит Господь. Но кто во Христа крестится, тот во Христа облекается (см.: Гал. 3, 27). Христос же есть все святое и праведное. Следовательно, верующий во Христа носит в себе святость и правду, кои суть исполнение заповедей, и потому спасен. Или так: крещающийся в Господа в смерть Его крестится, чтоб, как Христос восстал от мертвых в славе Отчей, так и ему ходить в обновлении жизни; обновленная же жизнь есть жизнь святая и праведная, во всех заповедях Божиих ходящая. Следовательно, опять верующий потому спасается, что всех заповедей исполнение имеет. Или так: верующий и крестящийся возрождается Святым Духом к новой жизни и чадом Божиим бывает, не именем только, но существенно, потому что соделывается богоподобным, то есть святым, как и Родитель его — Триипостасный Бог свят, — и в этом имеет спасение. — Таким образом, чего ни коснись в вере во Христа Господа, от всего придешь к одному заключению, что, кто воистину верует, тот спасен; но потому, что по устроению веры он бывает исполнителем всех заповедей, кои носит начертанными в сердце, во святых чувствах и расположениях, Духом Святым там созидаемых.

Стих 10. *Сердцем бо веруется в правду, усты же исповедуется во спасение.*

Вера и исповедание — две стороны одного и того же: вера, поколику сокровенна, в глубине сердца пребывает, а поколику обнаруживается вовне пред всеми и словом и делом, есть исповедание. В существе дела то и другое неразлучны. Что за вера, если она в благопотребное время не являет себя? И что за исповедание, когда оно только в устах? Настоящее исповедание то есть, которое хотя устами свидетельствуется, но исходит из сердца, и настоящая вера та есть, которая хотя в сердце сокрыта, но тотчас дает о себе знать, коль скоро дело касается ее. «Есть потребность в том и другом, как в истинной и твердой вере, так и в исповедании, произносимом с дерзновением, чтоб и сердце украшалось несомненностью веры, и язык просиял, небоязненно проповедуя истину» (блаженный Феодорит). «Сердце имеет нужду в устах: ибо что пользы веровать в душе и не исповедовать пред людьми? Хотя вера оправдывает в уме, но совершенное спасение зависит от исповедания; ибо тогда вера просиявает и пользует многих. Но и уста имеют нужду в сердце. Многие исповедуют Христа лицемерно, а сердце их далеко отстоит от Него» (блаженный Феофилакт). Почему когда Апостол веру помещает в сердце, а исповедание в устах, то делает это применяясь к предыдущей предсказательной речи. Равно и указываемые плоды веры и исповедания одно означают. — Правда созида-

ется в сердце верою, то есть всем устроением Христовой веры, и содевает то, в чем состоит спасение; и кому принадлежит спасение, у того оно есть не иначе как в силу насаждения в сердце всякой правды, то есть всего святого, чистого и непорочного, верою, или всем устроением веры. Таким образом и сей текст, как и предыдущий, можно так читать: сердцем веруется и устами исповедуется в правду и спасение.

Так доказал Апостол, что вера дает то, что закон только обещал,— то есть правду и спасение,— и дает легко и действенно; потому ревность по законе пред лицом веры не имеет смысла, есть ревность не по разуму. «Когда оправдание, которое всего важнее, так легко и удобоприемлемо (верою),— когда иначе (без веры) и спастися невозможно; не крайнее ли неразумие, оставив удобное, легкое, браться за невозможное? Теперь никто уже не может сказать, что отказался от дела по трудности его. Видишь ли, как Апостол лишает иудеев всякого извинения? Ибо стоят ли какого оправдания те, которые избирают самое трудное и неудобоисполнимое, а оставляют легкое, но могущее их спасти, чего и самый закон не в состоянии был доставить? Все это доказывает, единственно, упорную волю, противлющуюся Богу. Закон обременителен, а благодать легка. Закон при бесчисленных условиях не спасает, а благодать дает оправдание как благодат-

ное, так законное. Итак, что скажут в свое защищение те, которые упорствуют против благодати, которые без пользы и цели держатся закона?» (святой Златоуст).

Теснит Апостол иудеев и гонит их к вере, представляя одно из сильнейших побуждений, определяющих волю нашу на дела, — разумность, если последуют словам его и пристанут к вере, — и неразумность, если не последуют и отвратятся от веры. Это достаточно уже объяснено, и можно бы остановить речь на сделанном в настоящем стихе выводе. «Но поелику сказанное Апостолом весьма важно; то он опять удостоверяет в том Писанием» (святой Златоуст). Вывод у него был такой: веруй в сердце и исповедуй устами, — и будешь праведен пред Богом и спасешься. Могло казаться иудею: это только твой вывод. Апостол и прибавляет: не мой; и слово Божие прямо говорит о спасительности, как веры, так и исповедания (стихи 11—13). Прочитав сии тексты, святой Златоуст говорит: «примечаешь ли, что Апостол приводит свидетельство о вере и исповедании? Когда говорит: *всяк веруяй* (стих 11), — указывает на веру; а когда говорит: *всяк бо, иже аще призовет* (стих 13), — разумеет исповедание».

Стих 11. *Глаголет бо Писание: всяк веруяй в Онь не постыдится.*

И потому еще счел нужным Апостол привесть особые свидетельства о вере и исповедании, чтоб показать, что блага веры простираются на всех людей без исключения. Почему в обоих текстах направляет внимание на: *всяк*, — и притом особо прилагает и толкование сему слову: *несть бо разнствия* (10, 12). В предыдущих местах он доказывал неразумие ревности иудейской по законе из того, что те же Писания, кои о законе учат, говорят потом, что вся сила в вере, которую имеющий и весь закон исполненным имеет. Но там внимание было ограничено одними иудеями, как и самый предмет того требовал. Прослушав сказанное, иудеи могли сказать: хорошо; видим, что неразумно уклоняться от веры из-за закона, веруем. Но зачем приводятся и язычники?! Апостол отвечает: затем, что сила веры и исповедания не стесняется плотским происхождением: она на всех простирается и всех без различия обогащает. Не в роде сила спасения, а в вере. Кто ни будь, только веруй — и спасешься. Смотри, что говорит Писание: *всяк веруяй в Онь не постыдится*, — и не сомневайся в истине слов моих.

Но о какой здесь говорится вере?! В кого это предлагается веровать? Во Христа Господа. Приведенные слова взяты из того места у пророка Исаии, где он говорит от лица Господа: *се Аз полагаю в основание Сиону камень многоценен,*

честен, и веруяй в онь не постыдится (ср.: Ис. 28, 16). А под сим камнем, с того времени, как изошло из уст Пророка слово о нем, до наших дней, все, и иудеи, и христиане, не другого кого разумеют, как Христа Господа. Он один лежит в основании духовного Сиона – Святой Божией Церкви, которая, утверждаясь на Нем, стоит прочно и простоит непоколебимо до скончания века. Кто верует в Него, не постыдится. В чем не постыдится? В надеждах своих; ибо несомненно получит то, что ожидает от веры сей. А ожидает он чего? Спасения, как в сем веке, так и в будущем. В сем еще веке, в самом начале, в крещении, получает всякий прощение грехов, новую жизнь и благодать Святого Духа, освящающую и укрепляющую, которая служит и залогом того, что и в будущем веке благо будет тому, кто прилепляется к Господу верою. Амвросиаст пишет: «когда в день суда начнется испытание всех дел, бывших на земле, и всякие ложные догматы и учения будут посрамлены, тогда верующие во Христа возликуют, видя, как пред всеми явно откроется, что то, во что они веровали, истинно есть и, что почиталось буйством, разумно. Ибо увидят, что между всеми прочими они только славны и разумны, быв дотоле почитаемы *буиими* и презренными. Ибо там и решительная проба дел, где присуждение награды или наказаний».

Стих 12. *Несть бо разнствия Иудееви же и Еллину: Той бо Бог всех, богатяй во всех призывающих Его.*

Словами: *несть бо разнствия Иудееви же Еллину,* — «толкует Апостол слово: *всяк»* (блаженный Феодорит). «Возвещая, что в благодати все могут участвовать, и низлагая надменность иудеев, Апостол повторяет кратко, что выше доказывал пространно, — что нет разности между иудеем и необрезанным» (святой Златоуст). И как прежде доказывал сие, вопрошая: *или Иудеев токмо Бог, а не и языков? Ей, и языков* (ср.: 3, 29): так и здесь полагает в основание тому следующее: *Той бо Бог всех.* Ὁ γὰρ αὐτὸς Κύριος πάντων. — Ὁ αὐτὸς — один и тот же. Ибо один всех Господь. Не другой у язычников Господь, а Тот же, что и у иудеев. Все Его суть творение, и о всех попечительно промышляет Он, по Своим сокровенным премудрым планам. Так ты не скупись Богом и не представляй Его скупым, как бы рука Его для тебя только была отверста, а для других всех сжата. На всех достанет у Него всякого добра, и Он готов щедро наделять им всех. «*Богатяй во всех,* — то есть богатый для всех, призывающих Его» (блаженный Феофилакт).

Богатяй, — πλουτῶν εἰς πάντας, — богатым являющийся во всех призывающих Его тем, что ради призывания их изливает в них и на них богатство Свое. Кто бы ты ни был, только призо-

ви, и станешь причастником богатства Его. «Он всех есть Господь, яко Творец и Промыслитель, но богат есть только для тех, которые призывают Его. Для неверных же Он небогат: ибо им невозможно сделаться причастниками богатства Его, так как они не веруют, что Он даст им от него» (Амвросиаст).

Можно и так: богат сый призывающими Его в той мысли, что Господь своим богатством почитает призывающих Его; почему не станет различать, иудей ли кто или язычник, а лишь бы призывал Его; и, как только призовет, будет тотчас принят в сокровищницу Божию: ибо Господь любит обогащаться таким добром. «Видишь ли, как Бог сильно желает твоего спасения? Ибо почитает оное даже Своим богатством. Почитающий наше спасение Своим богатством не перестанет обогащаться, а изливать дары на всех для Него также есть обогащение» (святой Златоуст).

Таким образом, если всё от призывания, а не от внешних каких-либо отличий, то само собою уже очевидно, что иудей в деле спасения никакого преимущества не имеет пред язычником. Так и предсказано Пророками.

Стих 13. *Всяк бо, иже аще призовет имя Господне, спасется.*

Сила речи и здесь во: *всяк*. «Поелику иудеев особенно возмущало то, что они пользовались преимуществом пред всем человеческим родом, а

теперь вера низлагает их с сего престола и предоставляет им не более прав, как и другим; то Апостол неоднократно делает указания на Пророков, которые предвещают им о таком равенстве. *Всяк веруяй в Онь*, сказано, *не постыдится; и всяк бо, иже аще призовет имя Господне, спасется*. В устранение всяких возражений в том и другом месте поставлено слово: *всяк*» (святой Златоуст).

Апостол не поминает, что сие место берет он из Писания; но как оно слово в слово читается у пророка Иоиля (см.: Иоил. 2, 32); то нет сомнения, что он привел его, как взятое из Писания, а не помянул, верно, потому, что и его разумел, когда сказал выше, в стихе 11: *глаголет бо Писание*.

Смысл приведенного из святого Иоиля места ясен сам по себе. У пророка Иоиля оно приложено к пророчеству о излиянии Духа Святого на всех рабов и рабынь Божиих. *На рабы моя и на рабыни моя во дни оны излию от Духа Моего, и прорекут* (ср.: Иоил. 2, 29). И в конце: *и будет всяк, иже аще призовет имя Господне, спасется* (ср.: Иоил. 2, 32). – Спасется чем? Тем, что, с верою призвав Господа, Духа Святого приимет, Который освятит его и святым сохранит до конца. Сие пророческое место приводил уже святой апостол Петр в день сошествия Святого Духа. Когда иудеи, смотревшие на восторг Апостолов в

момент излияния на них Духа Святого, подумали, что они пьяны: то он в опровержение сего сказал: не пьяны, а это исполнилось на нас то, что предрек пророк Иоиль о излиянии Святого Духа. Затем привел все место (см.: Деян. 2, 16—21),— и в конце тоже приложил: *всяк, иже призовет имя Господне, спасется* (ср.: Деян. 2, 21). Наконец, когда целые тысячи иудеев пришли в сокрушение и спрашивали, что же им делать, то он, указывая им, что делать, сим самым объяснил и то, что значит спастися и в чем состоит призывание имени Господня: призывание — в покаянии и вере в Господа, а спасение — в крещении во имя Его, во оставление грехов и в приятии дара Духа Святого. *Покайтеся, и да крестится кийждо вас во имя Господа Иисуса Христа, во оставление грехов: и приимете дар Святаго Духа* (ср.: Деян. 2, 38). Сознай, что ты грешен кругом, и уверуй, что нет тебе спасения, как в Господе; затем в сих чувствах и в духе сей веры крестись, чрез что приимешь отпущение грехов и к новой отродишься жизни. Став же таким образом сосудом крепким, приимешь дар Святого Духа, который, излившись в тебя, научит тебя, как тебе быть святым, и силою исполнит к тому, чтоб ты содержал себя в святости все дни жизни твоей. Вот и спасение! Это есть Апостольское изъяснение того, как бывает, что призывающий имя Господне спасается. А не одно только взывание: Господи,

Господи! Ибо не всякий такой непременно уже внидет в Царствие, — сказал Господь в Евангелии (см.: Мф. 7, 21).

Стихи 14—15, 1-я половина. *Како убо призовут, в Негоже не вероваша? Како же уверуют, Егоже не слышаша? Како же услышат без проповедующаго? Како же проповедят, аще не послани будут?*

С 14-го стиха до конца главы идут новые мысли, направленные к тому, чтобы отнять у иудеев последнее возможное извинение в неверии (см.: святой Златоуст). В этой, 10-й главе Апостол объясняет, как сделалось, что большая часть иудеев не участвует в наследии духовных благ о Христе Иисусе, обетованных отцам. Какая тому причина? Причина тому, ответил он, в самих иудеях, в том, что не веруют в Господа Иисуса. Они прикрывают недоброту неверия своего тем, что стоят на законе и ревнуют по нему. Но это их не извиняет, потому что сам закон или те Писания, в коих излагается и изъясняется закон, руководят их к вере и указывают на ее необходимость, указывают, что она есть прямое и единое истинное и надежное средство ко спасению. Отсюда само собою выходит обличение: так чего же вы не верите? Для полноты обличения Апостол теперь или сам придумывает, или другого кого вводит придумывающего, чем бы можно было еще оправдать неверие

иудеев, и затем, доказав, что это последнее прибежище к оправданию неуместно, выставляет во всей силе безызвинительность иудейского неверия. Он говорит как бы: можно было бы еще извинить неверие иудеев и непризывание ими Господа Иисуса или невозложение на Него надежды спасения, если б они не слышали о Нем, а не слышали потому, что не было проповеди, а проповеди не было потому, что не было посланных проповедников. Это совершенно бы извиняло их. Ибо естественно не призывать Господа или не возлагать на Него надежды спасения тому, кто не уверовал; естественно не веровать тому, кто не слышал, чему должно веровать; естественно не слышать о сем, когда нет проповеди; и естественно не быть проповеди, когда нет посланных проповедников. Но дело не так есть: и проповедники посланы (стих 15), и те, к кому посланы,— иудеи, слышали их проповедь (стих 18), и не только слышали, но и разумели (стих 19); и все же остаются в неверии. Потому ничего после сего не остается, чем бы можно было их извинить: кругом виноваты. «Так Апостол, сказав это как бы в оправдание иудеев, тем самым увеличивает обвинение, на них произносимое» (блаженный Феодорит).

Первый вопрос о призывании к вере предложен по поводу предыдущей речи, где об них рассуждалось, и предложен в виде перехода к тому,

на чем преимущественно хотел остановиться вниманием Апостол и что ему больше нужно было для цели обличения, то есть к слуху проповеди и посланию на проповедь. Ибо теперь в этом главные основания обличения, а о первых двух уже сказано выше. Отвечая на эти три последние вопроса, Апостол начинает с последнего (см.: блаженный Феодорит) и идет вверх по вопросам. Разве проповедники не посланы? Посланы. Разве иудеи не слышали? Слышали. Разве не разумели? Разумели.

Замечательно, что Апостол ответы свои: посланы, слышали, разумели — берет не из указания на то, что делом совершалось во очию всех, а из пророческих о том предсказаний. В ответ на то: разве не посланы проповедники? — не говорит: смотри, вот я, вот двенадцать, вот множество других помощников наших, все мы не сами от себя ходим, а посланы. Не говорит так, а пророчество о сем выставляет: *коль красны ноги благовествующих!* В ответ на то: разве не слышали? — не говорит: как не слышать? мы прямо к иудеям идем и в их синагогах сначала проповедуем, но пророческое о сем предлагает слово: *во всю землю изыде вещание их*. В ответ на то: разве не уразумели? — не говорит: как не уразуметь? мы подробно растолковываем им, в чем дело; они понимают, но, по пристрастию к закону, не хотят веровать и нас гонят; особенно раздражаются,

когда мы, отходя от них, предлагаем слово веры язычникам и их обращаем к Господу Иисусу Христу. Не говорит так, но словом пророческим изображает то же: *раздражу вы не о языце.*

Чего ради так делает Апостол? Чтоб разительнее представить дело. Как на все вопросы отвечала действительность, всем было ясно и говорить о том было бы только излишним размножением слов. Иудей, слышавший такие вопросы, получал на них ответ в себе самом, в совести своей. Апостолу оставалось только осветить и освятить сии ответы тем, чем паче всего дорожил иудей, — пророческим словом. Он как бы говорит: видишь, что отвечает тебе действительность; но ты не видишь того, сколь важно значение всего совершающегося пред тобою. Помогаю тебе в этом. Возвратись мыслию в глубь пророческих предсказаний, — и уразумеешь, что все, что теперь делается и что ты делаешь по поводу того, давно было предсказано: предсказано, что иудеи услышат их проповедь, уразумеют и, однако ж, не уверуют. Но если послание проповедников есть дело прямой воли Божией, то непринимание их проповеди ничем иным признано быть не может, как противлением воле Божией. Богу же противиться какой смысл? Из сего уразумей, что тебе следует делать. Сознать неразумие своего вере противления, осудить себя в нем и поспешить исправить дело, достойное Божия осуждения, делом,

достойным Божия благоволения, неверие — верою.

Что касается до вопросов, предложенных в настоящем, 14-м стихе и в начале 15-го, то они ясны сами собою и предложены только затем, чтобы наперед обозначить пункты для обличения иудеев. Самое обличение идет опять вопросами, но с приложением и ответов на них, наводящих на безответное обличение. При сем заметим, что, по течению речи, после: *како проповедят, аще не послани будут?* — и пред: *якоже есть писано* — надобно предположить вопрос: но разве не посланы были проповедники? Посланы, как написано. Предположить это заставляет последующий строй речи. Ниже дается вопрос: *еда не слышаша?* — и предлагается ответ словами пророческими. Еще ниже дается другой вопрос: *еда не разуме Израиль?* И опять предлагается ответ словами пророческими. В начале же сих вопросоответов, в стихе 15, стоит пророческое слово, а вопроса не стоит. Почему есть потребность мысленно дополнить здесь речь вставкою вопроса: разве не были посланы проповедники? И затем читать ответ: были.

Стих 15, 2-я половина. *Якоже есть писано: коль красны ноги благовествующих мир, благовествующих благая!*

Наши толковники все предполагают такой вопрос. Хотя не выражают они его прямо, но

течение речи их показывает, что они предполагают его. Святой Златоуст говорит: «на вопрос: почему не уверовали иудеи? — мог бы кто-нибудь возразить: как бы уверовали они, не слышавши? Они слышали, ответствует Апостол. Опять возражение: как могли услышать без проповедующего? И опять ответ: много было проповедников, на то именно посланных. Из чего же видно, что сии проповедники посланы были? В ответ на это Апостол приводит слова пророка: *коль красны ноги* и прочее». Сила доказательства лежит в согласии Апостольской проповеди с благовестием предвиденных Пророком благовестников. О чем Апостолы проповедовали? О мире с Богом, таком мире, из коего истекали неисчетные духовные блага и для времени, и еще паче для вечности. Святой Павел говорит о сем: Бог дал нам служение примирения, — положил на нас слово примирения. *По Христе убо молим, яко Богу молящу нами, молим по Христе, примиритеся с Богом* (ср.: 2 Кор. 5, 20). Здесь же, приведши слово пророческое о благовестниках мира, он говорит как бы: познай же в нас тех предвиденных Пророком благовестников и не говори, что так как не было проповеди и проповедников, то я не мог слышать и веровать. «Видишь ли, говорит святой Златоуст, как самым образом проповеди Апостол доказывает, что они — проповедники (предвиденные и посланные). Апостолы, обходя вселенную, воз-

вещали не иное что, как неизреченные блага и мир Бога с человеками. Посему вы, неверующие, не нам не верите, говорит Павел, но Исаии, который за многие годы предвозвестил, что мы будем посланы, станем проповедовать, и сказал то самое, что и мы говорим. Итак, ежели спасение зависит от призывания, призывание от веры, вера от слышания, слышание от проповедания, — а Апостолы были посланы и проповедовали, — даже с ними вместе ходил Пророк, указывал их, возвещая и говоря: вот те самые, о которых за долгое время объявлено было свыше чрез меня, которых ноги похвалял я за способ проповеди: то явно, что неверие есть собственная вина иудеев, а со стороны Божией все сделано».

Пророк Исаия в том месте, откуда взято его пророческое слово, воодушевляет иудеев надеждою избавления из плена: десять колен уже были в плену у ассириан, плен остальных Навуходоносором настоял* и был видим Пророком как бы уже совершившимся. Чтоб не пали духом, Пророк именем Господа обещает им избавление: *востани Сионе, облецыся в славу твою Иерусалиме!* (ср.: Ис. 52, 1). — Затем дух пророческий переносит Пророка в далекое будущее, ко времени пришествия Обетованного, и заставляет его говорить от лица Божия: *вас ради имя Мое хулится во языцех* (ср.: Ис. 52, 5); но придет

* *Настоять* — здесь: предстоять, приближаться. — *Ред.*

время, когда *познают имя людие Мои* (ср.: Ис. 52, 6). Как познают? Сам Я, говорящий сие, буду среди них, и будут посланы благовестники, проносящие радостную о Мне весть. Это выражено словами: *коль красны ноги благовествующих мир, благовествующих благая* (ср.: Ис. 52, 7). – *И воцарится Бог, – и узрят вси концы земли спасение, еже от Бога* (ср.: Ис. 52, 10). Здесь указание о Христе Иисусе Господе Спасителе так очевидно, что иудеи легко познали тут пророческое указание о времени пришествия Его. Амвросиаст так прилагает сие место ко времени Апостольской проповеди. «*Ногами* – означает хождение Апостолов, обходящих весь мир и проповедующих, что пришло Царствие Божие. Это их хождение освящало людей, показывая им путь, которым в мире шествуется к Богу и который предуготовать сперва приходил Иоанн Креститель. Это тот есть мир, к коему спешно шествуют верующие во Христа. Царство Божие есть мир; ибо в нем, всякое отсекши несогласие, все единому Богу преклоняют колена. Так здесь; а вышний Иерусалим, который есть матерь наша, по имени своему есть и толкуется – зрение мира (как наслаждение миром)».

Стих 16. *Но не вси послушаша благовестия. Исаия бо глаголет: Господи, кто верова слуху нашему?*

Наши все толковники первые слова читают, как вопрос, в виде возражения: но, скажет кто,

как же не все послушались благовестия? Ибо если б оно было от Бога и посланные Им были посланы, то, конечно, все бы послушались их и вняли слову их. В ответ на это Апостол говорит: это нисколько не умаляет достоинства посланных и истины их благовестия. Ибо еще Исаия провидел, что так будет. И это сказал он вслед за предсказанием о благовестии. О красных ногах, благовествующих мир, предсказал он в половине 52-й главы, а о том, что не все поверят им, предсказал в начале 53-й. Итак, что не все поверили благовестию, это не опровергает того, что благовестники посланы от Бога и возвещают истину: ибо так было предсказано Богом. Блаженный Феодорит пишет: «приведя свидетельство о проповедниках, Апостол ведет речь в виде вопроса: *но не вси послушаша благовестия?* – а потом в виде ответа приводит слова Пророка».

Пространнее изображает сие святой Златоуст: «иудеи опять делали новое возражение, говоря: ежели Апостолы были посланы от Бога, то надобно, чтобы все их послушались. Заметь же благоразумие Павлово, как он доказывает, что то самое, что приводило в смущение, должно уничтожить смущение и беспокойство. Что, говорит он, соблазняет тебя, иудей, после толикократного и столь важного свидетельства и после подтверждения его самыми делами, – что не все послушались благовестия? Это самое, что не все слуша-

ются, при других доказательствах достаточно к тому, чтобы уверить тебя в истине проповедуемого. Ибо и о сем издревле предсказал Пророк. *Что говорите вы?* — спрашивал он. То ли, что: *не вси послушаша благовестия*? Но Исаия давно предсказал и сие; вернее же, он предсказал не это одно, но гораздо большее. Вы ставите в вину то, что не все послушались; а Исаия говорит еще больше. Что же именно? *Господи, кто верова слуху нашему?»* Приложим к сему из блаженного Феофилакта: «впрочем, слово: *кто* — употреблено здесь вместо: редкие, — то есть немногие поверили слышанному от нас».

Место пророческое взято из 53-й главы святого Исаии, где он живописует страдания и смерть Христа Спасителя так наглядно, как бы они совершались у него пред глазами. В самом начале сего изображения он поставляет вопрос: *Господи, кто верова слуху нашему?* Он тут принимает на себя лицо Апостолов и от них говорит так. В действительности так и было, что Апостолы проповедали Христа распятого, как свидетельствует апостол Павел. А это для иудеев было соблазном, для еллинов же безумием (см.: 1 Кор. 1, 23). Те и другие потому и упирались веровать. Веровали, но немногие, — избранные. Справедливо потому было быть вопросу в душе их: Господи, как немногие веруют тому, что мы влагаем в их уши? Кто — кто верует? Провидя это, Пророк

и воззвал как бы от лица их пред изображением страданий и смерти Господа Спасителя: *кто верова?*

Читать вопросом слова: *но не вси послушаша благовестия?* — ближе к предмету 15-го и 16-го стихов. В сих стихах Апостол отвечает на предложенный вопрос: разве не посланы проповедники? Посланы, говорит, и проповедуют; и то, что не все слушают, не должно наводить сомнения в том, что они действительно посланы. — Если читать сии слова безвопросно, то в них будет содержаться обличение иудеев безответное, предмет всего отделения (см.: 10, 14—21). Следовательно, и это уместно; но несколько возмущает строй речи. В ответах на: *еда не слышаша?* — и на: *еда не разуме Израиль?* — приводятся только слова пророческие, без приложения обличения; а тут будет стоять обличение, тогда как у Апостола цель та, чтоб не обличать в глаза, а чтоб иудеи сами на себя произнесли обличение на основании того, что он говорит.

Стих 17. *Темже убо вера от слуха, слух же глаголом Божиим.*

Слова сии сказаны по поводу слов пророческих. Пророк говорит: *кто верова слуху нашему,* — то есть тому, что мы влагаем в слух слышащих. Очевидно, что, по Пророку, вере предназначено зарождаться от слуха, или слушания, когда слух поражаем бывает глаголами Божиими. Глаголы

Божии поражают слух, чрез слух проходят в ум и сердце и зарождают веру. Итак, слушай, принимай слышимое за глаголы Божии и веруй — и больше этого ничего не требуй. Будто Апостол, после того как объяснил, что то, что не все слушаются проповеди, не опровергает действительности посланничества проповедников, слышит еще возражение: как верить им, когда они такие простые? Пусть бы они творили знамения и чудеса, — повсюду, явно; тогда бы и веровать легко. Апостол отвечает: чудеса и знамения — не естественная принадлежность благовестия. Естественный путь таков: приходит посланный от Бога благовестник, возвещает глагол Божий, и те, которые имеют чем ощутить, что тут действительно возвещается глагол Божий, веруют. Чудеса же и знамения не в нашей власти. Их творит Бог, хотя чрез нас, но не по нашему изволению, а где и как угодно то Его святой воле. Потому непременно требовать от благовестников знамений и чудес несправедливо. Они приняли глагол Божий и влагают его чрез благовестие в слух; слышащие пусть веруют, если суть от веры. Вот и все; больше этого не требуй. — «Верующий, приемля Божественные глаголы, плодом слышания приносит веру» (блаженный Феодорит). Святой Златоуст так говорит о сем: «после того как, приведши слова Пророка, уничтожил ими смущение, Апостол, столь справедливо основываясь на сем сви-

детельстве, говорит: *темже убо вера от слуха*. И сие сказано не без цели. Но как иудеи непрестанно искали чудес, желали видеть воскресение и много было таких, которые с жадностию сего домогались; то Апостол говорит: Пророк возвестил, что вера наша должна происходить от слышания. Сие самое и доказывает наперед Апостол, говоря: *темже убо вера от слуха*. А как сие повидимому было еще незначительно, смотри, каким образом усиливает речь свою. Не о простом слышании сказал я, продолжает он, не о том, что должно выслушать человеческие речи и им поверить; напротив, говорю о слышании высоком: *слух же глаголом Божиим*. Проповедники не свое говорили, а возвещали слышанное от Бога. Это гораздо выше чудес. Богу, когда говорит Он и когда чудодействует, равно должно верить и повиноваться, потому что дела и чудеса производятся словом Его. Так совершено небо и все прочее».

Стих 18. *Но глаголю: еда не слышаша? Темже убо (напротив) во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их.*

Доказал Апостол, что есть проповедники посланные и что все, основываясь на пророческом о них предсказании, должны были признать их таковыми и потому послушаться их, ничего от них не требуя, кроме того, что они делали, то есть кроме возвещания глагола Божия. Отсюда само

собою следовало, что если есть неверующие, то вина не в недостатке проповеди и проповедников, а в упорном неверии слышащих. Это наведение оставляет Апостол сделать иудеям, а сам снова обращается к изысканию того, чем бы еще можно было извинить их неверие. Но может быть, говорит, они не слыхали. Если не слыхали, то, конечно, не виноваты в неверии: ибо как можно веровать в то, о чем не слышишь? Но дело не так есть: нельзя сказать, что они не слыхали. Как им не слышать, когда вся вселенная слышала вещание их? Святой Златоуст говорит на это место: «Апостол спрашивает: что же из того, ежели проповедники были посланы и проповедовали то, что им повелено было, но иудеи сего не слыхали? И за сим дает самое достаточное решение возражения: *напротив, во всю землю изыде вещание их* и прочее. Что ты говоришь, спрашивает Павел, они не слышали? Слышала вселенная, слышали все пределы земные. Как же не слыхать вам, у которых проповедники столько провели времени и от которых они произошли? Возможное ли дело? Ежели слышали пределы вселенной, тем более вы». — Продолжим эту речь словами блаженного Феодорита. «Возможно ли было не слышать иудеям, когда в целой вселенной слышали язычники? Иудеям первым возвестили проповедь проповедники истины. Ибо и Сам Господь сказал им: *идите паче ко овцам*

погибшим дому Израилева (ср.: Мф. 10, 6); и в Деяниях Апостольских сказано: *вам бо лепо первее глаголати слово Божие* (ср.: Деян. 13, 46)».

Пророческое слово взято из псалма (см.: Пс. 18, 5). Святой пророк Давид в том псалме сначала изображает, как небеса проповедуют о славе Божией,— о премудрости, благости и всемогуществе, творчестве и промышлении Бога беспредельного, и как такая проповедь всюду слышится и всем понятна, так что ее слышат все люди, и все, перенимая сию проповедь небес, повторяют ее на своем языке. Затем присовокупляет, что милостивый Бог не ограничился одним этим возвещением о Своей славе, но, при сей безмолвной проповеди о ней от лица тварей, даровал нам еще и словесное откровение — закон, оправдания, заповеди, судьбы, которые *вожделенны паче злата и камене честна многа, и слаждша паче меда и сота* (Пс. 18, 11). Если таким образом Пророк откровением в творении наведен был на мысль о лучшем откровении чрез слово; то ничего нет дивного, что сквозь то и другое, тогда бывшее пред лицом его откровение, он пророческим духом своим прозревал и будущее высшее откровение в имевшем прийти обетованном Избавителе,— что дивного, что в солнце, исходящем на востоке, яко жених от чертога своего (см.: Пс. 18, 5–6), и потом, яко исполин, совершающем течение свое до запада, он прозревал Солнце правды,

Христа Бога нашего, чрез проповедь Апостольскую имевшего обходить всю вселенную, начиная с востока, чтобы всех согреть теплотою Своею и просветить светом Своим, — и что, когда слышал он, как на всех языках повторяется слава Божия, возвещаемая творением, то в то же время слышалась ему и та проповедь, которую имели пронести на всех языках, по всему миру Апостолы? Что прозревал дух пророческий сокровенно, то узрел и уразумел дух Апостольский и возвещает теперь всем явно, как пророчество: *во всю землю изыде вещание их.*

Стих 19. *Но глаголю: еда не разуме Израиль? Первый Моисей глаголет: Аз раздражу вы не о языце (о не языце), но о языце неразумне прогневаю вас.*

Что еще можно бы придумать в извинение неверия иудеев? Думаю, вот что. Может быть, они *не разумели*, — не поняли значения настоящего времени — того, что в нем исполняется все предсказанное Пророками, все обетованное Богом, как и Спаситель их укорял не раз, когда, например, говорил, что они *лице неба умеют разсуждати, а знамений временом* (то есть настоящего времени) не могут *искусити* (ср.: Мф. 16, 3), или когда плакал над Иерусалимом, приговаривая, что он не разумел, что есть день сей, — не разумел времени посещения своего (см.: Лк. 19, 42—44). Если точно *не разумели*, — то для

них слышанное было то же, что неслышанное. В таком случае извинение уместно. Но правда ли, что: *не разуме Израиль*? Можно ли о нем сказать сие? Со стороны смотря, можно бы так ответить: если и в самом деле не разумел, то это нисколько не извиняет его; потому что он имел и имеет все способы к уразумению и долг имел уразуметь, чтоб разумение свое предать потом и всем народам. Всем другим извинительно не разуметь, а ему никак: виновен по тому самому, что не разумел. Но Апостол на том настаивает, что он разумел да не верил: тут уж никак не уместно извинение, тут явно одно сатанинское упорство. Чем же доказывает Апостол, что иудеи уразумели, в чем дело? Исполнением пророчества, в коем предсказано было, что будет время, когда Бог раздражит их о не народе, то есть таким народом, который иудеи считать будут недостойным того, чтоб именовать его народом: так иудеи думали о язычниках. Чем же раздражит? Тем, что примет их в милость Свою и то, что следовало бы иудеям, на них перенесет и им передаст. Это исполнилось в точности, когда язычники оглашены были благовестием и верою призваны к наследию духовных благ о Христе Иисусе, обетованных отцам иудеев, и вступили в обладание им. Могли ли иудеи этого не увидеть и не уразуметь?! «Сие делалось, говорит святой Златоуст, не в тесном углу, на суше и море, в целой вселенной. Тех,

коих презирали прежде иудеи, увидели они обладателями бесчисленных благ. Итак, надлежало им заключить, что это тот самый народ, о котором говорит Моисей: *раздражу вы о не языце, о языце же неразумне прогневаю вас*. Видишь ли, что Бог заранее дал иудеям все признаки и ясные знамения сих времен, дабы отверзть слепоту их?» И они в самом деле поняли, что видно из раздражения их на то, зачем призываются язычники. Если раздражились, значит, видели, что язычники вступают в наследие их благ, как и Спаситель в лицо им сказывал: *отъимется от вас Царство и дастся языку, творящему плоды его* (ср.: Мф. 21, 43). И еще прежде: *мнози от восток и запад приидут и возлягут со Авраамом, Исааком и Иаковом во Царствии Небеснем: сынове же царствия изгнани будут вон* (ср.: Мф. 8, 11–12).

Слово пророческое взято из Второзакония (см.: Втор. 32, 21). Изрекает его пророк Моисей, когда, исчислив благодеяния Божии к народу израильскому, при изведении их из Египта и в охранении их в продолжение сорокалетнего странствия по пустыне, и прозрев, что со временем они забудут Бога и *пожрут бесовом*, а не Богу, — угрожает им от лица Божия разными казнями, главнейшими из коих ставит следующее: *тии раздражиша Мя не о бозе, прогневаша Мя во идолех своих: и Аз раздражу их не о языце, о языце же неразумливе*

прогневаю их. И грех израильтян, и то, чем угрожает им Бог, относится к будущему. Видит Бог впереди отступление Израиля и за него наперед грозит наказанием; но не определяет, в чем оно будет состоять и когда исполнится. Так как дух Апостольский указал исполнение сего наказания в призвании язычников в наследие Христово вместо иудеев; то нет сомнения, что и Бог, изрекший его устами Моисея, имел именно это в виду при словах тех, хотя, может быть, применительно можно полагать исполнение сего и в чем-либо бывшем прежде.

Святой Златоуст к следующему стиху переходит так: «но один ли Моисей говорил сие? Нет. Напротив, после него то же подтвердил Исаия. Посему Павел и сказал: *первый Моисей,* — давая тем знать, что есть и второй, говорящий о том же яснее и открытее. И как выше сказал: *вопиет Исаия,* — так и здесь».

Стих 20. *Исаия же дерзает и глаголет: обретохся не ищущим Мене, явлен бых не вопрошающим о Мне* (ср.: Ис. 65, 1).

Исаия дерзает, то есть с уверенностию говорит, и говорит ясно и открыто, о призвании язычников в лице иудеев, не страшась их убийственных угроз (см.: блаженный Феодорит). Святой Златоуст говорит: «сие значит, что Исаия усиливался и употреблял все меры, чтобы не выразиться темно, а представить дело взорам вашим во

всей наготе, и лучше соглашался, сказав ясно, подвергнуться опасности, нежели, заботясь о своей безопасности, оставить вам какой-нибудь предлог к извинению своего упорства. Чтоб совершенно заградить вам уста, обо всем предсказывает со всею ясностию и прямыми словами. О чем же — обо всем? О вашем отпадении и введении язычников, говоря так: *обретохся не ищущим Мене, явлен бых не вопрошающим о Мне*. Кто же сии *не ищущие* и *не вопрошающие*? Очевидно, что не иудеи, а язычники, которые дотоле не знали Бога. Как Моисей отличительный их признак выразил словами: *о не языце, о языце же неразумливе*; так и Исаия изображает здесь то же свойство в них — незнание в крайней степени. Самым важным обвинением для иудеев было, что *не ищущие* нашли, а ищущие потеряли».

Обвинением и вместе раздражением: как так язычники, столь ничтожные и нечистые в глазах их, сподобляются такой милости на глазах у них?! Ибо обрести Бога, сподобиться иметь Его явленным себе, есть великая милость. Иудеи никого не считали достойным ее и вот видят, что она дарована язычникам, — и притом в ущерб им самим. Как не раздражиться?! Они и раздражились. А если раздражились, значит, повторим опять, понимали дело, совершившееся у них пред глазами. Слова пророка Исаии святой Павел приводит в пояснение того, чем грозил Бог раз-

дражить иудеев в лице язычников, и только усиливает ими данный уже ответ на вопрос: *еда не разуме Израиль?*

«Видишь, пишет Экумений, сколько имели они поводов и случаев уразуметь? Ибо, видя, какое чрез веру являет Бог благоволение к язычникам, они должны были опомниться и отбросить ослепление». Да и прямо смотря, нельзя думать, чтобы, когда язычники, обретшие Бога чрез принятие евангельской проповеди, уразумели, — Израиль не уразумел. Уразумел, но по упорству не покорился истине. О сем и Исаия говорит вслед за приведенными словами о язычниках.

Стих 21. *Ко Израилю же глаголет: весь день воздех руце Мои к людем непокоривым и прекающим* (ср.: Ис. 65, 2).

Если Бог простирает к ним руки, призывая и привлекая их к Себе, то как Он мог не увиден быть ими и не уразумен? Увиден и уразумен, но они не пошли к Нему по упорству и прекословливому нраву своему. *Весь день* — у Пророка означает весь день Израиля, со времени изведения его из земли Египетской, а в исполнении пророчества в устах апостола Павла означает все время, как воплотился Господь и явил Себя среди Израиля (см.: Экумений). Он Сам, ходя среди иудеев, взывал: *приближилось Царствие; покайтесь и веруйте во Евангелие**. А потом Апостолов послал, которые и во Иудее, и по всем странам,

* Ср.: Мк. 1, 15. — *Ред.*

где ни случалось им встречать иудеев, первым им возвещали слово Евангелия. Таким образом, в призывании, ясном и понятном для всех, не было недостатка. Недоставало только благопокорливой веры и послушания Зовущему. Блаженный Феофилакт пишет: «дабы иудеи не имели права сказать Богу: Ты обрелся язычникам, а с нами не хотел обращаться,— Пророк присовокупляет: *Я весь день*,— то есть во всякое время, *воздех руце Мои*,— то есть привлекал вас, но вы оказались народом непослушным и упорным. Следовательно, вы виновны, а не Я. Я простирал руки Свои к вам и призывал вас, но вы не послушались. Отсюда видно, что израильтяне и слышали, и знали, но не хотели покориться».

Этим заканчивает Апостол отъятие всякого извинения неверия иудеев (стихи 14—21). И проповедники есть, и слышат, и разумеют,— и все еще остаются в неверии. Вывод отсюда: никакого нет им извинения. Но Апостол не делает его гласно, а дает всякому читающему или слышащему сделать его самому, равно как и приложение его, то есть: если неизвинительны, и неизвинительны пред Богом, Которого суд нелицеприятен; то очевидно, что следует,— следует покориться проповеди и уверовать в Евангелие. Это-то приложение и имел в виду Апостол, представляя иудеев безответными, а не одно голое обличение.

Святой Златоуст все сие отделение заключает такими словами: «вот какое ясное решение дал Апостол на все предложенные выше затруднения, доказав, что иудеи погибают по собственной воле и во всех отношениях не заслуживают извинения. Хотя слышали, хотя понимали сказанное, но при всем том не захотели прийти. И что гораздо важнее, Бог не только дал им услышать и уразуметь сие, но и употреблял меры более сильные для побеждения и привлечения упорных и противящихся. Какие же именно? Раздражал их, пробуждал в них соревнование. Вы сами знаете мучительство сей страсти, знаете, какую силу имеет соревнование к преодолению всякого упорства, к восстановлению падших. И нужно ли говорить о взрослом человеке, когда соревнование оказывает великое действие и над детьми в незрелом возрасте? Ребенок часто, когда призывает его отец, не слушается и продолжает упрямиться; но, когда видит, что ухаживают за другим ребенком, без всякого зова бежит к груди родительской, и чего не могло сделать призывание, то производит соревнование. Так и Бог поступал с иудеями; не только умолял их, простирал к ним руки, но и возбуждал в них страсть соревнования, наделяя благами тех, которые были гораздо ниже их, — что особенно производит соревнование, впрочем, не теми благами, какие даны иудеям, но, что гораздо важнее, что делает страсть му-

чительнейшею, — благами гораздо большими и нужнейшими, — такими, каких иудеи и во сне себе не представляли. Но они при всем том не послушались. Итак, какого стоят извинения показавшие в таком избытке свое упорство? Никакого. Впрочем, Апостол не говорит сего сам, но предоставляет совести слушателей заключить о том из соображения сказанного».

г) Утешение народа Божия (11, 1—36)

Из предложенных объяснений Апостола выходило, что если есть иудеи, не участвующие в благах веры, как следовало бы по обетованию, то причина этому в них самих, в том, что они упорно отказываются принять благовестие и покориться вере, — чего им извинить никак нельзя. Тяжело должно было отозваться такое обвинение в сердце уверовавших иудеев, которые, несмотря на прилепление к вере, не могли, однако ж, не жалеть о народе своем, столь высоком по избранию Божию и столь унизившемся по неразумию своему. Не желая оставлять их под таким неприятным впечатлением, Апостол предлагает теперь утешительные для них мысли, такие, однако ж, которые могли благотворно подействовать и на неверующих иудеев. Он говорит с сею целию, что если не все приняты, то и не все отринуты, что отпадение не покорившихся вере служит во спасение языкам; и что потому послед-

ним нечего выситься над первыми; да к тому же ослепление это, по целям промышления Божия о людях, допущено лишь на время. Исполнится сей предел, и весь Израиль вступит в ограду спасения.

Глава 11, стих 1. *Глаголю убо, еда отрину Бог люди Своя? Да не будет: ибо и аз Израильтянин есмь, от семене Авраамля колена Вениаминова.*

Сими словами Апостол возвращается к прежнему своему положению: *не такожде, яко отпаде слово Божие* (ср.: 9, 6) — и спрашивает: после всего сказанного можно ли утверждать, что Бог отринул людей Своих? Никак. Ибо Он и обетование давал не всем, а только тем, которых провидел покорными слову Своему. Эти собственно и суть люди Его. Вам следует только теперь осмотреться кругом и удостовериться, есть ли из сынов Израиля внимающие благовестию и чрез то вступающие в наследие духовных благ, обетованных в Избавителе. Если есть хоть один, — обетование не нарушено. А один — вот вам — я. — *Я Израильтянин от семени Авраамова, колена Вениаминова*. Если я, израильтянин, принадлежу к приявшим обетованное наследие, то уже нельзя говорить, что *отпаде* слово Божие, *и отрину Бог люди Своя*. «В доказательство того, что иудеи не отвержены, говорит святой Златоуст, указывает на себя: *ибо и аз Израильтянин есмь*. Я учитель, проповедник, сам иудей. Если б Бог

определил отринуть иудеев, то не избрал бы из них и Павла, которому вверил всю проповедь, дела целого мира, все тайны, все домостроительство спасения. Но само собою очевидно, что, указывая на себя, Апостол хотел только поскорее и понагляднее дать пример неотриновения Божия, а разумел под собою всех уверовавших из иудеев. Они повсюду были: и в Иерусалиме, и по всем другим городам и весям Палестины, и во всех местах вне ее, где жили иудеи. Все они суть наследники обетований, данных отцам. Следовательно, не следует говорить, что Бог отринул людей Своих».

Стих 2, 1-я половина. *Не отрину Бог людей Своих, ихже прежде разуме.*

Прежде разуме, προέγνω, — предведал. Предведал Бог, что будут покорные слову Его, и дал обетование, выражая его общим ко всем сынам Израиля словом, в виду же имея собственно сих покорных и верных, коих одних и следует называть Божиим народом. И вот, что вы видите теперь совершающимся пред очами вашими, все сие идет по предуведанному — и есть прямое исполнение обетования. Не отринул Бог людей Своих, а именно их-то и приял теперь и ввел в наследие обетования. Святой Златоуст в словах Апостола видит два доказательства того, что не отринул Бог людей Своих: первое то, что и он израильтянин, а второе «заключается в словах:

люди, ихже прежде разуме, — то есть о которых верно знал, что они способны к принятию веры и примут оную. Ибо из иудеев уверовали три тысячи, пять тысяч и многое множество, дабы на слова его: *аз Израильтянин* — не возразил кто: разве ты составляешь народ, и из того, что ты призван, следует ли, что призван целый народ? Апостол присовокупил: *не отрину людей Своих, ихже прежде разуме.* Он говорит так как бы: со мною есть три тысячи, есть пять тысяч, есть многое множество».

Стихи 2, 2-я половина, — 5. *Или не весте о Илии, что глаголет Писание? яко приповедует Богу на Израиля, глаголя: Господи, пророки Твоя избиша, и олтари Твоя раскопаша: и аз остах един, и ищут души моея, изъяти ю. Но что глаголет ему Божественный ответ? Оставих Себе седмь тысящ мужей, иже не преклониша колена пред Ваалом. Тако убо и в нынешнее время останок по избранию благодати бысть* (ср.: 3 Цар. 19, 14, 18).

Апостол говорит как бы: то, что видите вы совершающимся теперь пред очами вашими, очень похоже на то, что было при пророке Илии, когда, не встречая кругом видимо ни в ком истинного благочестия, он жаловался Богу: все уклонились в нечестие; остался я один; и когда Господь сказал ему: нет, не все; есть у Меня среди них семь тысяч мужей, верных Мне и отвращающихся от идолов. Как тогда было, что и царь, и вельможи,

и все власти, и все, на кого ни взгляни, богоборствовали, а между тем среди них было у Бога семь тысяч истинных Его чтителей: так и теперь есть. И цари наши, и правители народные, и первосвященники, и ученые, и весь народ, если смотреть на него в целом, богоборствует, противится Христу Господу и Апостолов Его преследует и убивает; но между тем среди него же, во всех местах, есть верующие в Господа искренно, прилепляющиеся к Нему всем сердцем и от всей души служащие Ему. Вот эти и суть собственно люди Божии, Свои Богу, соблюденные Им для Себя, прежде предвиденные, и теперь призванные, и чрез призывание выбранные из народа. Как тогда Свои Богу были только те семь тысяч, а прочие все были чужие Ему, так и теперь весь народ, когда смотришь на него в целом, чужд Христу и Богу нашему, Свои же Ему суть только эти верующие, исчезающие будто среди общей массы народа, на деле же составляющие настоящий народ Божий. Блаженный Феодорит пишет: «как тогда из неисчетных тысяч только семь тысяч остались свободными от нечестия, так и ныне неуверовавших больше, а уверовавших и воспользовавшихся Божественною благодатию меньшее число». Сила сравнения сих обстоятельств, то есть того, что было при пророке Илии и что совершается теперь, заключается в том, что как тогда весь народ в целом богоборствовал, а семь

тысяч, среди них кроющиеся, чтили Бога и Бог их назвал Своими, так и теперь весь народ в целом христоборствует, а верующие, среди них вращающиеся, веруют во Христа и поклоняются Ему, — и их-то Бог имеет Своими. Сей остаток по избранию Божию бысть. Бог выбрал и выбирает его из среды народа благовестием, верою и благодатию. Отсюда заключай всяк, что все теперь совершается сообразно с волею и намерениями Божиими и не противно Его обетованиям; потому нельзя говорить, что Бог отринул людей Своих.

Святой Златоуст пространно выясняет и другие черты сходства в сих обстоятельствах. «Смысл сих слов таков: Бог не отверг народа. Ибо, если бы отверг, никого бы не принял. А если некоторых принял, то не отверг. Но ежели не отверг, говоришь ты, то, значит, всех принял? Нимало. Ибо и при Илии спаслось не больше семи тысяч. И ныне (кроме явно верующих), вероятно, много есть уверовавших (тайно). Неудивительно, если вы и не знаете их; потому что не знал сего так же и пророк Илия, столь великий муж. Но Бог устроял Свои дела, хотя Пророк и не знал (так и теперь сокровенно устрояет Он Свое дело веры). Заметь же благоразумие Апостола, как он, доказывая то, что предположил доказать, неприметно увеличивает вину иудеев. Для того привел на память все это свидетельство,

чтобы торжественнее обнаружить их неблагодарность и показать, что они издревле таковы. А если б не имел сего намерения, но хотел доказать одно то, что не многие составляют народ (собственно Божий), то сказал бы только, что и при Илии осталось семь тысяч. Но теперь приводит все свидетельство сначала, так как всеми мерами старался доказать, что поступки иудеев со Христом и Апостолами нимало не странны (не новы), но обыкновенны у них и обратились им в навык. Дабы не сказали они: мы убили Христа, как обманщика, преследуем Апостолов, как обольстителей, — Апостол приводит свидетельство, в котором говорится: *Господи, пророки Твоя избиша, и олтари Твоя раскопаша*. (Это означало, что как тогда они избили не лживых, а истинных Пророков, так и теперь убили не лживого, а истинного Спасителя и преследуют не обольстителей, а истинных проповедников.) Но Апостол, чтоб не слишком огорчить их словом, (не выразил сего явно, а) представляет другую причину на приведение сего свидетельства, будто бы приводит оное не с тою главною целию, чтобы укорить их, но имея в виду доказать нечто иное (именно что не многие составляют собственно народ Божий); а между тем лишает их всякого извинения и в предшествовавших делах (распятии Господа и преследовании Апостолов). Смотри же, как обличение получает особенную силу от лица облича-

ющего. Обличает не Павел, не Петр, не Иаков, не Иоанн, но тот, кому иудеи удивлялись более, нежели всякому другому, глава Пророков, друг Божий. Что же говорит он? *Господи, пророки Твоя избиша, и олтари Твоя раскопаша: и аз остах един, и ищут души моея.* Что может быть свирепее такого зверства? Надлежало молиться о содеянных уже грехах, а они намереваются убить еще Пророка. И это не во время голода, но при наступившем уже плодородии. Все это делает их совершенно неизвинительными. (Но как тогда было, так делают они и теперь.) Когда бесы посрамлены, могущество Божие явлено (во Христе Иисусе), они отваживаются на сие злодеяние (против Него), переходят от убийств к убийствам, умерщвляют учителей и исправителей их нравов. И что могут сказать они против сего (обличения, в защиту себя)? Ужели и те (Пророки) были обманщики? Ужели и тех не знали, откуда они? Они огорчали вас, но зато говорили полезное. (Так разумей и об Апостолах.) А алтари? Ужели и алтари огорчали? Ужели и они оскорбляли? (Очевидно, что они делали все сие по богоборству [см.: блаженный Феодорит].) Вот какие примеры упорства и злонравия всегда показывали иудеи. Посему Павел и в другом месте, пиша к фессалоникийцам, говорит: *таяжде и вы пострадасте от своих сплеменник, якоже и тии от Иудей, убивших Господа и Его пророки, и нас*

изгнавших, и Богу не угодивших и всем человеком противящихся (ср.: 1 Сол. 2, 14–15). Подобно и здесь говорит, что иудеи раскапывали алтари и избивали Пророков (чтоб показать, что они всегда Богу противятся). *Но что глаголет ему Божественный ответ? Оставих Себе седмь тысящ мужей, иже не преклониша колена пред Ваалом.* Ты спросишь, идет ли сие к настоящему времени? Весьма идет. Ибо сим доказывается, что Бог и всегда обыкновенно спасает достойных, хотя обетование дано и целому народу. То же Апостол доказывал и выше, когда говорил: *аще будет число сынов Израилевых, яко песок морский, останок спасется*; и: *аще не бы Господь Саваоф оставил нам семене, якоже Содом убо были быхом.* Так же доказывает и здесь. Посему и присовокупил: *тако убо и в нынешнее время останок по избранию благодати бысть.* Смотри, как каждое слово у Апостола удерживает свою силу, выражая и благодать Божию, и неукоризненность спасаемых. Ибо словом: *по избранию* – Апостол показал достоинство спасаемых, а словом: *благодати* – означил дар Божий».

Стих 6. *Аще ли по благодати, то не от дел: зане благодать уже не благодать бывает. Аще ли от дел, ктому несть благодать: зане дело уже не есть дело.*

Сказавши: *тако и в нынешнее время останок по избранию благодати бысть,* – Апостол вводит

в глубь совершающихся событий. Тогда Бог из множества многого народа Сам соблюл для Себя семь тысяч: и теперь Он же благодатию избирает из всей массы народа не многих спасающихся. Кто же такие избранники? Все те, которые не надеются на себя, на дела свои и на какие-либо сторонние преимущества, но все спасение свое предают в руки Божии с готовностию приять его от Его благости, если благоволит Он удостоить ее. На таких смиренников падает луч благодати Божией и привлекает их к источнику спасения. Она естественно находит их, как вода сама собою стекает в низменные места. Это нахождение благодатию тех, кои способны приять ее, и есть избрание. На кого ниспадает благодать, так что он восприимет воздействие ее, тот внутренно выделяется из прочей массы и начинает быть инаковым. Все таковые суть *останок* спасаемых благодатию подобно немногим спасенным при Илии.

Вот главная причина, почему одни ныне спасаются, а другие нет! Это потому, что те ни на что свое не надеются, но смиренно предают дело спасения своего в руки Божии, – и таковых не много бывает всегда; а эти на дела свои опираются и спасения будто по праву требуют себе от Бога. Как это противно законам спасительной жизни по Богу, то они и не приемлются в ограду спасаемых, и таковых самонадеянников всегда много. Такое положение выводится из предыду-

щих слов: *останок по избранию благодати бысть.* Слова же настоящего, 6-го стиха прилагаются к ним и в виде укора, и в виде увещания, — так: если избрание ко спасению от благодати, то не от дел; ибо если б было оно от дел, то не было бы по благодати, потому что благодать уже не бывает благодать, когда привходят дела. Что же ты, иудей, опираешься на дела? Отбрось сию тщетную надежду и смиренно предай себя действию благодати. Если опираешься на дела, то не чувствуешь нужды в благодати; не чувствуя такой нужды, не ищешь ее; не ища, не обретаешь; не обретая и не получая, спасения чужд бываешь. И выходит, что то, на чем ты чаешь спасение свое основать, служит тебе в пагубу. Совместить то и другое невозможно. Если вносишь дела в основу спасения, устраняешь благодать; и основа твоя гнила бывает. А если к благодати взор свой простираешь, то отвлеки его от дел: ибо при благодати дела уже не дела, то есть ничего не значат. Такими ты их и сочти в уме твоем и сердце твоем или совсем их изгони из внимания и голым себя представляй воздействию благости Божией.

Святой Златоуст говорит: «итак, почему же боишься ты приступить, когда не требуют от тебя дел? Что споришь и упорствуешь, когда предлагают тебе благодать? Что без нужды и пользы ссылаешься на закон? Законом себя не спасешь, а дар сей умалишь. Если упорно хочешь спа-

саться законом, то уничтожаешь благодать Божию. Но чтобы не сочли сего новым учением, Апостол говорит, что и оные семь тысяч, приводимые им в пример, спасены благодатию. Ибо словами: *тако и в нынешнее время останок по избранию благодати бысть* — дает разуметь, что и те спасены благодатию. То же самое видно из слов: *оставих Себе*. Сим показывает Бог, что большую часть дела совершил Он Сам. А ежели по благодати, говоришь ты, то почему не все спасаемся? Потому, что вы сами не хотите. Ибо благодать, при всем том, что она благодать, спасает желающих, а не тех, которые не хотят и отвращаются благодати, которые постоянно восстают на нее и противятся ей. Видишь, как Апостол везде утверждает ту истину, что не может статься, чтобы слово Божие не сбылось; и доказывает сие тем, что обетование простиралось на достойных и что достойные, хотя их и не много, могут составить народ Божий».

Как святой Златоуст говорил свои Беседы к христианам из язычников, то и прибавил: «итак, возблагодарим Бога за то, что мы стали в числе спасаемых и, когда не могли спастися от дел, спасены по дару Божию. Благодарность же нашу засвидетельствуем не словами только, но и делами и поступками, сообразными с чувствами благодарности. Ибо благодарность тогда бывает полною, когда исполняем то, что служит к славе

Божией, когда избегаем того, от чего освободились». Эта речь и к нам идет.

Стих 7. *Что убо? Егоже искаше Израиль, сего не получи, а избрание получи: прочии же ослепишася.*

Что убо? Что же вышло из таких порядков жизни Израиля? То, что Израиль, если смотреть на него в целом, во всей массе народов, не получил того, чего искал; но среди сей же массы Бог и прежде провидел, и теперь узрел некий *остаток* достойных лиц и выбрал их из массы благодатию Своею, так что сей *остаток* избранный получил искомое, а прочие ослепились. Чего искал Израиль? Быть Божиим и наследником обетований, данных отцам. Но это есть доброе искание, сообразное с намерениями Божиими; почему же он не получил сего? Потому что не воздал должного благодати Божией. Он делал дела закона и этими одними трудами своими и усилиями чаял получить искомое, забыв, что получение сие при всем том есть дело благодати, верою приемлемое, а не по праву приходящее. От сего произошло то, что, когда явилась благодать и ему предложено было слово веры, как условие получения искомого, он возупорствовал, настаивая на том убеждении, которое сам себе набил в ум и сердце. Как это противно было порядкам Божиим, то Бог за это упорство лишил его того, чего он чаял и что должно было сделаться его достоянием, если б он не упорствовал

и не противился вере. Напротив, те не многие, кои суть *останок* Божий, хотя также верно хранили закон, но надежду получения искомого полагали в одной благодати Божией. Почему, когда явилась благодать и возгласилось слово веры, они всем сердцем приняли его и прилепились к Проповедуемому. За то получили больше, чем чаяли или чаять могли. Тех ослепило неправое их предубеждение; а эти, не допуская предубеждения, всегда имели очи свои отверстыми к Богу и удобно узрели ниспосылаемую от Него благодать, которая и избрала их. Блаженный Феодорит пишет: «избранием называет Апостол уверовавших из иудеев. Сказует же сие: Израиль, привязавшись к закону, не достиг цели, потому что ныне противозаконно хранит закон и не пожинает от того никакой правды; но уверовавшие из израильтян получили ее. *Прочии же ослепишася,* — то есть неверие ожесточило сердце их». Почему справедливо в настоящем месте святой Златоуст видит «не только вопрос, но и обличение. Апостол говорит, что иудей сам себе противоречит, ищет оправдания и не хочет приять оного. Он представляет иудеев неизвинительными, доказывая неправость их тем, что некоторые получили: *избрание,* говорит, *получи.* Иудеев осудят избранные. Так и Христос Господь сказал: *аще же Аз о веельзевуле изгоню бесы, сынове ваши о ком изгонят? Сего ради тии будут*

вам судии (Лк. 11, 19). Дабы никто не смел ссылаться на свойство самого дела, а всякий винил произволение иудеев, Апостол упоминает о получивших. Почему и употребляет выразительное речение, изображающее вместе и благодать свыше, и собственное их тщание. Ибо словом: *получи* — не свободное произволение уничтожает, но выражает величие благ и то, что большее, хотя и не всё, было делом благодати. И у нас о человеке, которому выходит большая прибыль, в обычае говорить: он получил, он нашел. Потому что большая часть приобретается не человеческими трудами, но по дару Божию. *Прочии же ослепишася*. Заметь, когда Апостол отвержение прочих осмелился назвать собственным именем. Хотя и прежде говорил об оном, впрочем, обвинителями представлял Пророков, а теперь сам уже является обвинителем. Однако же и здесь не довольствуется собственным своим мнением, но опять свидетельствуется пророком Исаиею; ибо, сказав: *ослепишася*, — присовокупил»:

Стих 8. *Якоже есть писано: даде им Бог дух умиления, очи не видети и уши не слышати даже до днешняго дне* (ср.: Ис. 29, 10; Втор. 29, 4).

Эти слова взяты святым Павлом из двух пророческих мест, и самое пророчество выражено своими словами. Первые слова, что Бог дал им дух умиления, или отупения, взяты из 29-й главы пророка Исаии, а последние — об очах невидя-

щих и ушах неслышащих взяты у пророка Моисея (см.: Втор. 29, 4). Пророк Исаия в той главе предсказывает крайнее некое бедствие для иудеев от врагов и то, что, когда враги сии будут считать цель свою уже достигнутою, явится помощь свыше и разорит их надежды. Затем, обращаясь к властям иудейским, говорит, что они при этом от изумления будут, как пьяные, потому что Господь напоит их духом отупения и смежит очи их, и Пророков их, и князей их; и они ничего не уразумеют из совершающегося пред ними; будет это для них, как книга запечатанная. К какому бедствию и избавлению относятся пророчества, не видно; но как изображенное Пророком отупение властей и всех набольших лиц иудейских совершенно сходно с тем, как относились сии лица к Господу Иисусу Христу Избавителю и к изумительному делу Его и Апостолов Его; то нет сомнения, что дух пророческий устами пророка Исаии предвозвещал именно это отупение и умственное ослепление иудейских властей, а за ними и всего народа, пред лицем Господа Иисуса и Святого Евангелия. Дух Апостольский указал сие Апостолу в словах Пророка, и он верно засвидетельствовал ими то, что имел нужду засвидетельствовать, именно что: *ослепишася.*

Святой пророк Моисей, в 29-й главе Второзакония помянув, как Господь Бог избавил израильтян от рабства египетского и сколько дивных

знамений и чудес явил при сем, — прибавляет затем: *и не даде вам Господь Бог сердца разумети и очес видети, и ушес слышати даже до дне сего* (ср.: Втор. 29, 4). То есть: а вы смотрели на это открытыми очами, и не видели; слышали о сем отверстыми ушами, и не слышали и сердца не имели, чтоб разуметь, что значит все сие. Избавление израильтян из рабства египетского святым Моисеем есть самый наглядный прообраз избавления нашего от рабства греху и диаволу Господом нашим Иисусом Христом. Почему что говорится Пророками о первом, то несомненно было пророческим прозрением о втором. Дух Апостольский уразумел сие и слова, изображающие умственное состояние тогдашних, привел как изображение настоящих. Как тогда сердца не имели уразуметь, так и теперь слепотствуют — *ослепишася.*

Из сих двух мест Апостольский дух взял мысль пророческую и предложил ее своим словом: *даде им Бог дух умиления, очи не видети и уши не слышати.* И у Пророков, и у Апостолов говорится так, что будто Бог Сам Своею силою произвел такое недоброе состояние. Так обычно говорить Пророкам, все к Богу относящим, как доброе, так и худое. Но иное прямо от Бога дается, а иное только попускается. Бог всем людям добра желает и всех наделить им ищет. Но когда встречает противление со стороны людей, то пос-

ле попыток к преодолению сего противления оставляет их в руках произволения их, которое, как Богу противляющееся, никогда к добру не приводит, а всегда сопровождается худыми последствиями. Эти худые последствия очевидно бывают в виде наказания Божия за сопротивление Его воле. Почему и приписываются Ему, хотя причина, почему так попускает Бог, находится в самих людях, — в их непокорности. Так было и с Евангелием. Сколько Сам Господь являл иудеям доказательств, ясно указывавших на то, Кто Он есть? Сколько также Апостолы и словом и делом убеждали, что Он есть именно Обетованный и что должно следовать учению Его? Иудеи не имели сердца разуметь совершающегося пред очами их и слышать о значении того не хотели. Но кто виноват? Господь и оставил их в своем им ослеплении. Блаженный Феодорит пишет: «слово: *даде*, — как и: *предаде*, — значит: попустил. Ибо не Бог сделал это, что они не уверовали; иначе возможно ли, чтобы Сам Он вложил в них неверие и Сам же подверг за то наказанию? Сему же яснее научил и Пророк: *одебеле бо сердце людей сих, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежиша* (ср.: Ис. 6, 10). Посему не другой кто ослепил их, но сами *очи свои* смежиша и не захотели видеть света». Святой же Златоуст говорит: «от чего же произошло сие ослепление? Апостол и прежде объяс-

нил причины оного, сложил всю вину на голову самих иудеев, доказывая, что они подверглись ослеплению за безвременное упорство, и теперь повторяет то же самое. Ибо когда говорит: *очи не видети и уши не слышати*, — обвиняет не иное что, как упорную их волю. Имея очи, чтобы видеть чудеса, получив уши, чтобы слышать чудесное это учение, они ни теми, ни другими не воспользовались как должно. Почему под словом: *даде* — разумей здесь не действие, а попущение».

Даде им, говорит, *дух умиления*, κατανύξεως. — Κατάνυξις — умиление, сокрушение сердечное — есть доброе расположение; как же слово сие употреблено для обозначения недоброго состояния? Но слово сие, от: νύσσω — поражать, может изображать состояние такого поражения или поразительного впечатления, при котором пораженный теряется, с мыслями собраться не может, смотрит и не видит, слышит и не ощущает слышимого. Таковы точно были иудеи пред лицем Господа и Апостолов, как пораженные, отупевшие, остолбеневшие, подобные тем, о которых у нас говорится: столбняк напал. Славянское в сноске заменение сего слова словом: нечувствия — хорошо выражает силу речи. Наши толковники не изменяют значения слова, но берут во внимание при толковании не самое сокрушение и умиление, а силу его, ту, что когда оно овладеет сердцем, то уже не преклоняется на худшее. Эту непреклон-

ность умиления они и берут здесь во внимание и под духом умиления: κατανύξεως — разумеют дух непреклонного упорства иудеев. Блаженный Феодорит пишет: «духом умиления назвал Пророк (и Апостол) непременное расположение сердца; ибо как имеющий похвальное умиление не приемлет изменения на худшее, так совершенно предавшийся пороку не допускает перемены на лучшее». То же говорит и святой Златоуст полнее и яснее: «умилением называет здесь Апостол такой навык души к худшему, который неисправим и непременяем. Ибо и в другом месте говорится: *яко да воспоет Тебе слава моя и не умилюся* (ср.: Пс. 29, 13),— то есть не переменюся. Как умилившийся в благочестии не вдруг выходит из сего состояния, так умилившийся во зле с трудом может измениться. Посему Апостол, желая выразить, что воля иудеев неисправима и неудобопременима, назвал это духом умиления».

Стихи 9—10. *И Давид глаголет: да будет трапеза их в сеть и в лов, и в соблазн и в воздаяние им: да помрачатся очи их еже не видети, и хребет их выну сляцай* (ср.: Пс. 68, 23—24).

Место сие взято из 68-го псалма, который есть пророчественный псалом, прорекший о страданиях Христа Спасителя и о наказании иудеев. Из сего псалма в Евангелиях приводятся: *ревность дому Твоего снеде мя* (стих 10); и: *даша в снедь мою желчь, и в жажду мою напоиша мя оц-*

та (стих 22). Этим стихом кончается изображение страданий Господа нашего Иисуса Христа, а вслед за ним стоят стихи, приводимые святым Павлом (стихи 23—24), которыми начинается у пророка Давида изображение пагубных последствий от несправедливого осуждения Христа Господа на смерть. Несомненно потому, что в сих стихах содержится пророчение, которое, уразумев духом своим, святой Апостол приводит в подтверждение своего положения. Наказание иудеев за предание на смерть Господа выражается у Пророка желательным: *да будет... да помрачатся.* Так приводятся слова сии и Апостолом. Смысл же сего таков: и будет трапеза пред ними в сеть, — и помрачатся очи их, и хребет их будет слячен*.

Святой Афанасий Великий**, толкуя сей псалом, говорит на слова: *да будет трапеза их пред ними в сеть* (Пс. 68, 23) — следующее: «сим изображает Пророк, что постигнет иудеев по страдании Господа». Слову: *трапеза* — святой Златоуст и блаженный Феодорит дают иносказательный смысл, разумея под нею наслаждение или удовольствие. То, что обещало им удовольствие и наслаждение, чего они так желали, как питательной трапезы, то самое обратится им в

* *Слячен* — здесь: согбен. — *Ред.*

** *Святитель Афанасий Великий (†373)* — Отец Церкви. — *Ред.*

сеть, — запутает их в бедствия, из которых не выпутаться им. Как жаждали и алкали они смерти Господа, крича: *распни, распни Его* (Лк. 23, 21), — и никаким увещаниям Пилата не внимали! Наконец удовлетворили жажду крови, — насытились. И это самое привлекло на них самые крайние бедствия. Крови жаждали, кровию расплатились. Святой Афанасий Великий пишет: «этими словами как бы так от лица Господа говорит Пророк: потерпят они то самое, что уготовали для Меня, желая, чтобы Я испытал это. Горе лукавому, *лукавая бо прилучатся ему по делом рук его* (ср.: Ис. 3, 11)».

Прочие слова: лов, соблазн — то же значат: соблазнились, — думали избавиться от беды, предавая на смерть Избавителя, и попали в лов, на всякие беды. Слово же: *и в воздаяние им* — Пророк присовокупил, дабы видно было, что иудеи потерпят все это в наказание.

Да помрачатся очи их еже не видети, — то есть и омрачатся очи их. Не увидели они Господа в Сыне Человеческом, ходившем по земле, хотя в нем ясно давал видеть Себя Господь. Но то было еще полуомрачение. Полное же омрачение настало для них после смерти и воскресения Господня. Тут уже очевидно ослепление их было карою на них Божиею. Как было не увидеть Господа в знамениях, сопровождающих смерть Его, когда Его увидел язычник, в предивном

воскресении Его, в сошествии Святого Духа, в свидетельствах Апостолов, потверждаемых силами и чудесами о имени Господа? Можно было осязать Господа во всем этом и воскликнуть подобно апостолу Фоме: *Господь мой и Бог мой!* (ср.: Ин. 20, 28). А они не видели, потому что не хотели видеть. И Господь омрачил очи их, *еже не видети*.

И хребет их выну сляцай — и будут они навсегда уже состоять под игом рабства. Они уже были в подданстве чуждой власти, но все еще удерживали за собою некую часть самоуправления. Когда же предали Господа на смерть, то скоро затем всё потеряли, — и город, и святилище, и рассеяны были повсюду в виде рабов. И до сих пор состоят они под чуждыми властями; и всегда будут состоять под ними, как показывает пророческое слово: *выну сляцай*, — то есть всегда держи их под игом согбенными.

Святому Павлу для подтверждения своей мысли пророчеством можно бы привесть только следующие слова: *да помрачатся очи их еже не видети*, — то есть омрачатся очи их. А он привел и то, что впереди стоит у Пророка, и то, что после. Для чего так он сделал? Может быть, для того, чтоб речь не была скудна и более округлена. А вернее, для того, чтоб показать, что омрачение сие по пророчеству есть им воздаяние, — кара и наказание Божие, — о чем говорится вперe-

ди, и что оно есть только преддверие соблазна, сети и уловления, конец же сего будет окончательное порабощение. Когда Апостол приводил сии слова, омрачение уже действовало в иудеях, а *сляченuя* хребта еще не было: они гордо еще держали главу свою и питали тщетные надежды на свое возвеличение. Приводя о сем предуказание пророческое, он наводил их на мысль о том, что ожидает их вскоре, и тем чаял расположить к принятию благовестия не принявших еще его и к утверждению в вере в него принявших.

Святой Златоуст, писавший Беседы свои по исполнении этой, предсказанной святым Давидом кары, *сляченuя* выи, останавливается вниманием паче на нем и в доказательство верности пророчеств, и в показание пагубности неверия.

«Нужно ли здесь, говорит он, какое-либо толкование? Не ясно ли это и для самого малосмысленного?* Еще прежде наших слов действительный опыт засвидетельствовал сказанное Пророком. Когда бывало, чтоб иудеи так легко пленяемы и одолеваемы были? Когда подвергались они такому рабству? Важнее же всего то, что сим бедствиям конца не будет, как заметил об этом Пророк. Ибо не просто сказал: *хребет их сляцай*, — но присовокупил: *выну*. Если же ты, иудей, утверждаешь, что бедствия кончатся, то суди о настоящем по прошедшему. Ты переселен был

* *Малосмысленный* — здесь: неразумный. — *Ред.*

в Египет, но прошло двести лет, и, при всем твоем нечестии, Бог тотчас освободил тебя из сего рабства. По освобождении из Египта ты поклонялся тельцу, приносил сынов своих в жертву Ваал-Фегору (см.: Чис. 25, 3), осквернил храм, погрузился во все роды порока, наполнил мерзкими жертвами горы, дебри, холмы, источники, реки, сады, убил Пророков, опрокинул жертвенники, вполне преуспел в злобе и нечестии; однако же Бог, предав тебя вавилонянам на семьдесят лет, опять извел в прежнюю свободу, возвратил тебе и храм, и отечество, и прежний образ пророчества. Даже и во время самого плена ты не был оставлен; но и там были у тебя Даниил и Иезекииль. После этого снова обратился ты к прежним порокам, предался распутству и при нечестивом Антиохе* принял еллинские правила жизни. Но и тогда, три года или немного больше пробыв в подданстве у Антиоха, чрез Маккавеев воздвигли вы себе новые знаменитые победные памятники. Но теперь у вас нет ничего подобного, напротив, все пошло иначе. И что особенно удивительно, прежних пороков не видно, а наказание увеличивается, и нет никакой надежды на перемену вашего положения. Прошло не семьдесят, не сто и не двести лет, но триста (а ныне — 1800) и гораздо более; однако же неприметно и

---

* *Антиох IV Епифан (175—164 до Р. Х.)* — сирийский царь. — *Ред.*

тени подобной надежды. И все это постигло вас тогда, как не служите идолам, не делаете ничего такого, на что отваживались прежде. Какая же тому причина? Та, что образ заменен истиною и закон исключен благодатию. Сие-то древле предрекая, Пророк сказал: *хребет их выну слящай*. Примечаешь ли точность пророчества, как в нем предсказано неверие, обнаружено упорство, объявлен следующий затем суд и обозначена нескончаемость наказания?»

Объяснив, что отвержение иудеев и принятие язычников в Царство Христово сообразно с данными обетованиями, и указав причину того в вере одних и неверии других, святой Павел вводит теперь сие событие в планы Божественного промышления о роде человеческом, чтоб таким образом окончательно успокоить умы и пресечь всякие на сей предмет недоумения. Но, делая это, он вместе с тем дает сильное внушение верующим из язычников — не небречь о явленной им милости — и утешает томящихся жалостию об иудеях предсказанием, что ослепление постигло Израиля только на время, после весь он обратится и спасется. «Так поступает Апостол для того, чтобы и иудеям, ввергнув их в отчаяние, не заградить путь к вере, и уверовавшим из язычников не дать повода к высокоумию, и они, возгордившись, не потерпели бы ущерба в вере. Мы должны не просто слушать то, что говорится, но вникать в

мысль и намерение говорящего. Если с таким размышлением будем принимать каждое слово, то ни в одном не встретим затруднения. А в настоящем случае цель Апостола состоит в том, чтобы в уверовавших из язычников истребить высокоумие (а иудеям внушить, что они не совсем пали); ибо как язычники, научившись скромности, безопаснее пребудут в вере, так и иудеи, будучи выведены из отчаяния, охотнее приступят к благодати. Итак, обращая внимание на сию цель Апостола, выслушаем все сказанное им в настоящем месте» (святой Златоуст).

Стих 11. *Глаголю убо, еда согрешиша, да отпадут? Да не будет: но тех падением спасение языком, во еже раздражити их.*

Вы думаете, что это все случилось так себе, без особого чего. Нет. Отпадение Израиля в неверие имеет последствием своим то, что в ограду спасения вводятся язычники, а это введение благоволено с тем, чтоб привлечь туда же после и Израиля, возбудив в нем ревность или соревнование, и таким образом спасся весь род человеческий. Вот промыслительное значение того, что совершается ныне пред глазами нашими среди язычников и иудеев!

Еда согрешиша, да отпадут? — Μὴ ἔπταισαν ἵνα πέσωσιν? Можно двояко перевесть: ужели они преткнулись, разумеется о Камень, Христа Господа, неверием и тем согрешили, чтобы вконец

пасть, расшибшись до смерти? Или: ужели они преткнулись, чтобы только пасть и больше ничего? Последнюю мысль видит здесь блаженный Фотий у Экумения. Она ближе к непосредственно следующим словам, а первая – к дальнейшей речи. Ту и другую потому уместно принимать. Блаженный Феофилакт пишет: «ужели они согрешили так, что нельзя уже уврачевать их? Никак. Они *согрешили*, – то есть преткнулись, однако падение их не таково, чтоб не было средства поправить дело». Так и святой Златоуст, Амвросиаст, Экумений. Последний пишет: «грех иудеев очень велик; однако ж так ли преткнулись они, чтобы, падши, восстать не могли, хотя бы и захотели? Нет. Как сильно ни преткнулись они, однако могут быть приняты Богом опять в милость, если захотят». Затем он приводит слова блаженного Фотия. «Как из числа претыкающихся одни повихляются только, подобно поскользнувшимся, а другие совсем падают, то Апостол, желая, с одной стороны, болезнование о себе возбудить в иудеях, как достойно подвергшихся укору, а с другой – расположить их к вере, говорит, что преткновение их случилось не в совершенное их падение, но что они будто только поскользнулись. И это не просто (не кое-как случилось), но попущено по некоему промыслительному домостроительству, чтоб по случаю их падения совершилось спасение язычников, а потом

и их самих восстановление, когда они спасением язычников раздражатся к соревнованию и подражать станут им. Так что самое преткновение их служит некоторым образом к их восстановлению, именно так: в преткновении их спасение язычникам, в сем спасении раздражение ревности иудеев, а чрез это возревнование — восстановление преткнувшихся. Таково неизреченное и непостижимое Божие промышление и домостроительство, извлекающее из вредного полезное и из разрушительного благотворное! Иудеи преткнулись и пали, — и лежать бы им, ни себе, ни другим не доставляя никакой пользы. Но Бог употребил это их падение в средство и ко спасению язычников, и к восстановлению их самих от сего падения. Так что они, по Божию благоустроению, преткнулись не затем, чтобы пасть, а чтобы чрез преткновение восстать и исправиться».

Что в преткновении иудеев спасение язычников было по Божескому устроению, Апостол уразумел сие из самых событий. Как он, так и другие Апостолы всюду возвещали слово благовестия сначала иудеям, и потом уже, видя, что, когда из иудеев принимали благовестие один-другой, а прочие упорствовали, язычники с радостию внимали слову благовестия, они в этом самом увидели указание перста Божия и убедились, что принятие язычников, вместо упорствующих иудеев,

есть прямая воля Божия. Святой Златоуст эту преимущественно развивает мысль.

«*Тех падением спасение языком*. Это не Павловы только слова, напротив, и притчи в Евангелиях имеют такой же смысл. Сотворивший брачный пир для сына тогда уже стал звать с перекрестков, когда не захотели идти званные (см.: Мф. 22, 9). И насадивший виноградник тогда уже положил отдать оный другим виноградарям, когда первые убили наследника (см.: Мф. 21, 38). И Павел вооружавшимся против него иудеям сказал: *вам бы лепо первее глаголати слово Божие: а понеже недостойны творите сами себе, се обращаемся во языки* (ср.: Деян. 13, 46). Из всего этого явствует, что по порядку следовало сперва прийти иудеям, а потом язычникам; но, поелику иудеи оказались неверующими, порядок изменен. Неверие и падение иудеев сделали то, что язычники вошли прежде. Посему Апостол и говорит: *тех падением спасение языком, во еже раздражити их*. Смысл слов его таков: Господь Иисус пришел к иудеям; но они, несмотря на великое множество совершенных Им чудес, не приняли Его и распяли. После этого начал Он привлекать к Себе язычников, дабы оказанною им честию уязвить бесчувственных иудеев и взаимным соревнованием убедить их прийти к Нему. Ибо надлежало прежде принять иудеев, а потом и нас. Почему и сказал Апостол: *сила бо*

Божия есть во спасение всякому верующему, Иудеови же прежде и Еллину (1, 16). Поелику же иудеи отщепились, мы, вторые, стали первыми. Итак, видишь, какие почести выводит для них и из этого. Во-первых, ту, что мы призваны тогда уже, когда они не захотели; во-вторых, ту, что мы призваны не для нашего единственного спасения, но дабы и они стали лучшими, поревновав нашему спасению. Что же, скажет кто-нибудь, ужели бы мы не были призваны и спасены, если б это не стало нужным для иудеев? Были бы призваны и спасены, но в надлежащем порядке, то есть не прежде, а после иудеев. Посему и Христос Господь, посылая учеников Своих на проповедь, не просто сказал: *идите ко овцам погибшим дому Израилева*, – но: *идите паче* (ср.: Мф. 10, 6), показывая тем, что после иудеев должно идти и к язычникам. Все же это и сделано, и сказано, дабы иудеи не прибегали к бесстыдному извинению, что они оставлены без внимания, а потому не уверовали. Посему и Христос хотя все предвидел, однако же пришел к ним первым».

Стих 12. *Аще ли же прегрешение их богатство мира, и отпадение их богатство языков: кольми паче исполнение их.*

Святой Златоуст говорит на сие: «здесь Апостол говорит приятное иудеям. Он ободряет падших из них, с преизбытком доказывая, что они могут надеяться на спасение, если переменятся.

Ежели, говорит, столь многие получили спасение, когда они преткнулись, и столь многие призваны, пока они были отвержены, то подумай, что будет, когда они обратятся? Ибо не сказал: *кольми паче* — обращение их, или перемена их, или исправление их, но: *кольми паче исполнение их*, — то есть когда все придут ко Христу. А сим дает он разуметь, что тогда будет большая или полная мера благодати Божией».

В словах: *отпадение их богатство языков* — отпадение по-гречески: ἥττημα, — что обозначает между прочим и малость, малое число; а в словах: *кольми паче исполнение их* — исполнение по-гречески: πλήρωμα, — что означает полноту, полное число. Будет: если, когда малое число иудеев уверовало, столько добра принесено языкам, то есть что они уверовали, приняли благодать и стали наследниками Царства Небесного; то что будет, когда все они уверуют? Так толкует сие место блаженный Феодорит: «если, когда большая их часть не уверовали, уверовавшие из них богатство боговедения принесли язычникам, то явно, что, все уверовав, сделались бы для всех людей снабдителями больших благ. Ибо удобнее уверовали бы все, если бы они не прекословили, но вместе с нами проповедовали истину».

Утверждая: *кольми паче исполнение их* — принесет богатство, пророчествует Апостол, что это со временем будет, то есть что иудеи обратятся,

вступят в ограду веры, дадут полноту сонму верующих. Когда же сие сбудется, это объясняет ниже; здесь же делает только намек на это.

Стих 13, 1-я половина. *Вам бо глаголю языком* (и прочее до 17-го стиха).

Вам глаголю языком — вас, верующие из язычников, имею в виду, говоря сие, вас научить, вам дать предостережение хочу. Что именно намерен он им внушить, об этом начнет говорить ниже, с 17-го стиха. Но чтобы лучше приноровиться к сему внушению и сделать его удобоприемлемее и впечатлительнее, наперед еще раз повторяет, что прежде сказал о значении текущих событий в обращении одних и упорстве других (стихи 13—16). Ход речи его таков: как Апостол языков, я так высоко ставлю обращение ваше; но при этом не на вас одних останавливаюсь вниманием, но имею в виду и родичей своих, чтоб чрез ваше обращение и их обратить, чего очень желаю не потому только, что люблю их как плоть свою, но потому особенно, что, как только обратятся они, тут и воскресение всеобщее, и настанет светлое Царствие Божие. А что так будет, что в самом деле иудеи все обратятся, в этом сомневаться нельзя; ибо если корень свят, то есть их родоначальники, то и ветви, то есть их потомки, эти самые неверующие иудеи, тоже сделаются святыми. Но как этому сбыться иначе нельзя, как только верою во Христа Иисуса Господа, то и

нельзя сомневаться, что они наконец обратятся к Господу с верою. Дошедши до этого: если корень свят, то будут святы и ветви, — Апостол строит потом на этом задуманное им внушение верующим из язычников (стих 17 и далее). Святой Златоуст говорит о сем отделении (стихи 13—16): «Апостол переходит к язычникам и помещает вводную речь о них, желая показать, что все это говорит, чтоб научить их скромности».

Стих 13, 2-я половина. *Понеже убо есмь аз языком Апостол, службу мою прославляю.*

Службу прославляю — значит то, что он всячески заботится об обращении язычников, или то, что так высоко ставит обращение сие и такое большое придает ему значение, что от него зависит обращение иудеев, а далее всего мира преобразование. Первое выражает блаженный Феодорит: «поелику Бог назначил мне быть проповедником для язычников, то по необходимости домогаюсь спасения язычников и за них веду слово и доказываю, что божественные Пророки предвозвестили сие издревле». Второе — святой Златоуст: «хвалю (обращение ваше и) вас (обратившихся), говорит Апостол, по двум причинам: во-первых, потому что имею в том нужду, как посланный служить вам; во-вторых, дабы чрез вас спасти мне других».

Стих 14. *Аще како раздражу мою плоть и спасу некия от них.*

И умножением числа верующих из язычников, и возвеличением значения обращения их Апостол косвенно имеет в намерении и то, «чтобы по крайней мере этим возбудить иудеев к соревнованию и соделать некоторых из них причастниками спасения» (блаженный Феодорит).

Плотию своею назвал Апостол иудеев потому, что хотя они коснели в неверии и неприязненно относились к нему, но он не переставал любить их, как любят плоть свою. Блаженный Феофилакт пишет: «словом: *плоть* – показал нежную свою любовь к иудеям». А может быть, и потому так назвал их, что как они расходились с ним в убеждениях, в правилах жизни и чувствах, то близость с ними осталась у него только по плоти. Святой Златоуст говорит: «Апостол не сказал: братий моих, сродников моих, – но: *плоть*». Поясняя сие, блаженный Феодорит прибавляет: «*плотию* своею называет иудеев, как чуждых ему по образу мыслей, имеющих же общение с ним по одному плотскому сродству».

«Потом, обнаруживая их упорство, не говорит: не убежду ли тем, – но: *аще раздражу и спасу*; и при этом опять не говорит: всех, – но: *некия от них*. Столь жестокосерды были иудеи!» (святой Златоуст). «Каково упорство иудеев! Нельзя было надеяться привлечь их к вере иначе, как чрезмерным некиим давлением, и то не всех, а только некоторых» (Экумений).

Сличая сказанное в сих текстах (стихи 13—14) о язычниках и иудеях, святой Златоуст говорит: «и в сем опять обнаруживает превосходство язычников. Хотя иудеи и язычники взаимно служат друг другу в деле спасения, однако же неодинаково. Иудеи доставляют блага язычникам неверием своим, а язычники иудеям своею верою. Откуда видно, что язычники равняются с иудеями, даже превосходят их. Ибо что скажешь ты, иудей? Если бы не были отвержены, вас не призвали бы так скоро? То же скажет и язычник: если бы я не был спасен, в тебе не возбудилось бы ревности. А если хочешь знать, чем мы превосходим, то я спасаю тебя тем, что верую, а ты, преткнувшись, доставил мне случай прийти прежде тебя».

Стих 15. *Аще бо отложение их примирение миру: что приятие разве жизнь из мертвых?*

Выставляется здесь причина заботы святого Павла о спасении иудеев. Предполагается некто спрашивающим: чего ради ты, святой Павле, так заботишься об иудеях, говоря: *аще како раздражу и спасу некия от них*? Зачем такой подвиг? Нельзя, говорит, иначе, нельзя не заботиться и не подвизаться о них; понуждает меня к тому то, что если *отложение их примирение миру* и прочее. То есть — если то, что они отвергли веру и за то отвергнуты были сами, послужило к тому, что Бог примирил Себе мир (языческий) и

разрушил средостение древней вражды, то сколько добра, и добра предивного, произойдет, когда они приложатся к вере и спасены будут? Если преткновение их послужило во спасение миру, — что будет, скажи мне, кто может, когда они восстанут, обратятся к вере и приняты будут Богом в прежнюю милость? Что другое, говорит, разве воскресение из мертвых? (см.: Фотий у Экумения). Можно приложить к сему сказанное блаженным Феодоритом: «ежели, говорит Апостол, и когда не веровали они, язычники приняты и освобождены от прежнего неведения; то явно, что если бы все они захотели уверовать, ничему иному не оставалось бы совершиться, как воскресению мертвых. Сие сказал и Господь: *и проповестся сие Евангелие Царствия* у всех народов *во свидетельство* им; *и тогда приидет кончина* (ср.: Мф. 24, 14)».

Святой Златоуст обращает внимание на то, что неверие иудеев не причина веры язычников, а только повод, равно как уверование всех язычников не будет причиною принятия иудеев, а только поводом: причина же всего вера. Не будь веры у язычников, сколько бы ни отвергаемы были иудеи, не было бы от того для них никакой пользы, и наоборот. Он говорит: «не дивись, что Апостол приписывает иудеям случившееся по нужде (то есть принятие язычников, помимо воли иудеев). Ибо он так ведет речь, чтоб одних

смирить, а другим подать совет. Между тем если б иудеи тысячу раз были отвергаемы, язычники же не показали веры, то последние никогда бы не спаслись. Сказанное Апостолом значит: ежели Бог, прогневавшись на иудеев, оказал столько милости другим, то чего не дарует, примирившись с ними? Но как воскресение мертвых не от принятия их, так не от них же нынешнее наше спасение. Напротив, они отвержены за свое неверие, а мы спасены своею верою и благодатию свыше. И все это не может принести им ни малой пользы, если не покажут надлежащей веры».

Стих 16. *Аще ли начаток свят, то и примешение: и аще корень свят, то и ветви.*

Примешение, φύραμα, — тесто замешенное. Когда замешивают тесто для хлебов, сначала основу полагают, от которой зависит и хорошая замесь, и хороший всход или вскисание теста. Потом подсыпают муки и месят, пока тесто придет в должную меру. Если основа заложена как должно, то хлеб выйдет хороший, а если в основе что-либо неисправно, неисправен будет и хлеб. Апостол называет ее *начатком* и говорит, что если он свят, то и все *примешение*, или вся замесь, свята. Начаток для хлебной замеси то же, что корень для ветвей. Кого же разумеет здесь Апостол и для чего сказал это? Разумеет под начатком и корнем родоначальников Израиля, Авраама, Исаака, Иакова, а под примешением и ветвями —

весь народ израильский и утверждает, что если родоначальники святы, как и действительно святы и во славе суть у Бога *на небеси*, то и вся масса народа свята. Сказал же сие Апостол для того, чтобы внушить: вся масса народа должна быть свята, — такою она заложена в родоначальниках и такою быть предназначена и способна. Почему, видя теперь не верующих из иудеев, не думай, что они так и останутся; придет время, уверуют и они и святы станут. А такое удостоверение представляет он в подтверждение того, что не тщетно его пред сим высказанное ожидание, что они приняты будут, после чего откроется и славное Царство Божие по воскресении мертвых; не тщетны потому труды его над тем, чтоб обращать поскорее язычников и тем способствовать скорейшему обращению иудеев и скорейшему открытию Царства Божия. Простирая же мысль свою в далекое будущее, Апостол, конечно, не выпускал из внимания и бывших налицо иудеев и предложенным приточным изречением хотел, может быть, тоже раздражить их к вере, говоря как бы: вот к чему вы назначены! Чего же ждать? Обращайтесь скорее и вступайте в чин святых, чтобы не оставаться долго в отчуждении от корня своего святого. Блаженный Фотий у Экумения говорит: «ежели с начатком и корнем — святыми — необходимо быть святыми замеси (хлебной) и ветвям, а иудеи не святы (по

причине неверия); то очевидно, что они состоят в отпадении от родового корня своего — Авраама». К чему сам Экумений прибавляет: «называя их святыми, он располагает их к вере, говоря как бы: вы пригожи и подобающи для веры, одного только недостает у вас — желания веровать».

Стихи 17—18, 1-я половина. *Аще ли нецыи от ветвей отломишася, ты же дивия маслина сый, прицепился еси в них и причастник корене и масти маслинныя сотворился еси, не хвалися на ветви.*

Дошедши до: *аще корень свят, то и ветви*,— Апостол строит теперь на сем свое внушение уверовавшим язычникам — быть смиренными, как предположил, и делает это вот как: сказавши: *аще корень свят, то и ветви*,— подал мысль, что народ иудейский всею массою свят, а между тем налицо были многие из них неверовавшие и, следовательно, несвятые. Это не могло не возбудить вопроса уверовавших язычников: как же так? ветви не все святы; как видим, Апостол уже, хотя не ясно, предрешил этот вопрос в словах: *кольми паче исполнение* — и: *что приятие разве жизнь из мертвых?* То есть будут святы и они, или — в возможности они уже святы. Потому не повторяет того теперь, но, соглашаясь с возражателями относительно иудеев, переносит взор свой на них самих и их самих располагает на себя больше обращать внимание, чем на иудеев, говоря как бы: пусть некоторые отломились, ты на этом

не упирайся глазами своими, а на себя более смотри. Они отломились, а ты прицепился. Оставь ты отломившихся; их устроит Бог по благоволению Своему. А все внимание свое устреми на то, к чему тебя обязывает сие прицепление и как тебе следует держать себя, чтоб и самому не отломиться подобно им.

Дав такой оборот мысли, Апостол пространно научает потом верующих язычников смирению и опасливости. Но, излагая сей урок, он вносит такие речения, которые, смиряя язычников, не могли не затрагивать и иудеев неверовавших; так что нельзя не предположить, что он при этом и их имел во внимании, не раздражит ли кого и этою речью и не привлечет ли тем к вере.

Ты, язычник, дикая маслина, у которой и соки были дурны, и плоды негожи для употребления, прицепился теперь к доброкачественной и доброплодной маслине, не извнутрь ее произрос, а совне прицепился,— будто хочет сказать: приклеен и непрочно сидишь; прицепился ты и причастен стал корня и доброкачественного сока маслины. Добрые соки чуждой тебе маслины вошли в тебя, вытеснили из тебя твои дурные соки и сделали гожим к принесению добрых плодов. У тебя нет ничего своего, все чужое. Один толковник замечает: обыкновенно прививок облагораживает соки дерева; но, как замечают древние и новые путешественники, у маслин бывает иначе: дикая

маслина, привита будучи к корню, принимает в себя соки добрые. Так обновляют устаревшие маслины. Все это указания смирительные для язычника. Из них выходило: то, конечно, похвально, что ты прицепился, но тебе самому нечем тут похвалиться.

Но в этих речениях сколько содержится внушений, сильных затронуть иудея?! Эту преимущественно сторону выясняет святой Златоуст: «обрати внимание на мудрость Апостола, с какою он по-видимому говорит в пользу иудеев и придумывает для них утешение, но скрытным образом поражает их и чрез слова: корень и начаток — представляет не имеющими никакого извинения. Ибо вообрази себе негодность ветвей, которые, имея сладкий корень, не уподобляются ему, и негодность примешения (замеси хлебной), когда оно не изменяется (не всходит и не вскисает) от начатка. *Аще ли нецыи от ветвей отломишася*. Отломилась большая часть ветвей, но Апостол хочет утешить иудеев (что немного таких). Между тем, однако же, уязвляет их, доказывая (словом: *отломишася*), что они отступили от родства с Авраамом. Ибо то именно и старался сказать Апостол, что у иудеев неверующих ничего нет общего с Авраамом. Потому что ежели корень свят, а они не святы, то далеки от корня. Потом по-видимому утешая иудея, снова поражает его самым обвинением (охуждением) язычников.

Ибо, сказав: *аще нецыи от ветвей отломишася,* — присовокупляет: *ты же дивия маслина сый, прицепился еси в них.* Чем малоценнее язычник, тем более скорбит иудей, видя, что он наслаждается его достоянием. Язычнику же не столько приносит стыда его малоценность, сколько чести его перемена. И заметь мудрость в словах Апостола, — не сказал: ты посажен — но: *прицепился еси,* — чем опять язвит иудея и показывает, что язычник стал на древе, вместо иудея, а иудей лежит на земле. А потому не остановился на этом и, сказав: *прицепился еси,* — не кончил тем речи, хотя все уже высказал; напротив, продолжает описывать благоденствие язычника и распространяется в изображении чести, говоря: *и причастник корене и масти маслинныя сотворился еси.* Хотя по-видимому поставляет язычника на степени чего-то придаточного (смиряет его); однако ж показывает, что он от сего не терпит никакого вреда, а имеет все, что свойственно ветви, происшедшей от корня. Дабы из слов: *ты же прицепился еси* — нельзя было заключить, что язычник унижается пред природною ветвию, смотри, как Апостол уравнивает его, говоря: *и причастник корене и масти маслинныя сотворился еси,* — то есть достиг того же благородства, принял ту же природу (этим поражает иудея). Потом, когда вразумляет и говорит: *не хвалися на ветви,* — по-видимому утешает тем иудея, в самом же деле

показывает его малоценность и большее бесчестие. Посему не сказал: не хвалися, — но: *не хвалися на ветви*, — не превозносись пред ними, как пред отломленными. Ты поставлен на их место и пользуешься тем, что им принадлежало. Видишь ли, как по-видимому укоряет язычников, а в самом деле уязвляет иудеев».

Стих 18. ***Не хвалися на ветви: аще ли же хвалишися, не ты корень носиши, но корень тебе.***

Не хвалися на ветви — не возносись над этими отломившимися ветвями, не унижай их и не потешайся над ними, видя, в какую беду ввергло их неверие. «Этого, как заметил Амвросиаст, не должно было делать и по общему правилу Премудрого, по коему не следует радоваться преткновению другого, потому что это не угодно Господу (см.: Притч. 24, 17—18). Но Апостол в побуждение к тому приводит то самое, как язычники приведены в такое состояние, что им можно, хоть с грехом, похвалиться над иудеями, именно то, что хотя они лучше стали отломившихся ветвей, но все же суть ветви на чужом корне, а не особое дерево с своим корнем. *Не ты*, говорит, *корень носиши, но корень тебе*, — то есть ты не имеешь сам в себе никакой твердости и все у тебя чужое, почему нечем тебе похвалиться». *Аще ли хвалишися*, — если приходит тебе искушение похвалиться, то, надо дополнить, «рассуди, что корень тебя носит, а не ты носишь корень и что

ты имеешь в нем нужду, а не он в тебе» (блаженный Феодорит), и пройдет искушение, прогонишь тем зачинающуюся самопохвальбу. Этим смиряет Апостол язычников. «Но, как замечено, придумывая некую слабую тень утешения для иудея, он даже тем самым, что укоряет язычников, наносит благовременный удар иудеям. Сказав: *не хвалися* — и: *аще же хвалишися*, — дал разуметь иудею,что совершавшееся достойно того, чтоб им похвалиться, хотя и не должно тем хвалиться; а сим возбуждает и поощряет его к вере, представляет себя защитником его, показывает ему понесенный им ущерб и то, что чужие владеют его собственностию» (святой Златоуст).

Сими словами Апостол подает мысль, что род спасаемых один от начала мира, как одно древо жизни, и что никто не спасается особняком, но, если хочет спастися, должен привиться к сему древу спасенного рода, вступить в общение с его жизнию и стать едино с ним. Сей род особенным Божественным промышлением был соблюдаем в народе иудейском, а потом чрез Господа Иисуса Христа вход в него или сроднение с ним открыты всем народам. Это и Спаситель показал, когда, беседуя с самарянкою, сказал, что: *спасение от Иудей есть* (Ин. 4, 22). Сюда же можно отнести и пророческое благословение Ноя праведного, данное Иафету: *да вселится* он *в селениих Симовых*. Симу же прежде предсказал, что в его роде

пребудет род спасаемых и Господь Бог всегда будет Богом Симовым (см.: Быт. 9, 26—27).

Стихи 19—20. *Речеши убо: отломишася ветви, да аз прицеплюся. Добре: неверием отломишася, ты же верою стоиши: не высокомудрствуй, но бойся.*

Продолжает Апостол смирять уверовавшего язычника и поражать неверующего иудея. «Представляется возражающим язычник: как мне не хвалиться, когда столько прибыло мне благ? Те отломились, а я привился и пользуюсь обетованиями, им данными, я, чуждый им и ни в каком не состоящий с ними родстве» (Экумений). Что ни слово, то поражение иудею. Что же Апостол? Хотя тут нет причинной связи, отломление одних не есть причина прицепления других; но Апостол соглашается с сею речью и говорит: *добре*. Так; ты видишь, вижу и я, и всякий другой видит, что сии события последуют одно за другим. Но ты не останавливайся на одном этом видимом последовании, а вникни в причину того и другого. Причина отломления иудеев не твое привитие, а их неверие, и причина твоего привития не их отломление, а твоя вера. Каждое из сих событий, одно за другим последующих, не одно в другом имеют причину, но каждое свою имеет причину. В тех неверие, в тебе вера. Сюда каждый из участвующих в сих событиях и направляй свое внимание. Ты верою прицепился, но вера дает

всё даром, и никакие сторонние преимущества не берутся при сем в счет. Потому тебе нечем хвалиться. Те отломились неверием; но что легче, удобнее и подручнее веры? Ни времени особого, ни особого места, ни труда она не требует; только внутренний поворот – Богу себя предать и на Него все возложить. Потому ваше неверие никакого не может иметь извинения. «Вот опять новая похвала язычникам, низлагающая, однако ж, кичение их, и новое обвинение иудеев, могущее, однако ж, послужить им сильным побуждением к вере» (святой Златоуст).

О тех сказал: *отломишася*, – а этому говорит: не прицепился, – а: *стоиши*. Хочет сим выразить, что он твердо установился на корне и потому может быть благонадежен, если не потеряет, конечно, той силы, которою прицепился и стоит теперь: ибо тут «все не есть дело природы, но дело веры и неверия» (святой Златоуст). Поелику же как от неверия в веру, так и от веры в неверие переход удобен и может мгновенно совершиться, то Апостол и прибавил: *не высокомудрствуй, но бойся*. Ничего себе не приписывай и не думай о себе высоко, сподобясь великих духовных благ по благодати. Ибо тут все от Бога и самая вера от Него. Ты только согласился уверовать, самую же веру дал Бог, а по вере уже и все прочее даровано. Да и самая основа веры есть крайнее самоуничижение: я неоплатный

Божий должник и осужденник; нет мне спасения ни в чем, кроме Господа Иисуса Христа; Ему и предаю себя вседушно. И вера как зачинается в сем духе самоуничижения, так и стоит им, и от него вся ревность и благопопечительность у верующих. Почему Апостол, сказав: *верою стоиши*, — не другое что приложил, как *не высокомудрствуй*, потому что в невысокомудрии и смиренном самоунижении дух веры и сила жизни по вере. Кто мало-мало начнет уклоняться в мнение о себе, у того уже начала колебаться вера, уже зародилось презорство к самому делу веры, уже пришло в движение нерадение о спасении (см.: святой Златоуст). А во всем этом какая крайняя опасность?! Почему и присовокупил Апостол: *но бойся*. С опасностию ходи и со всею зоркостию следи за сердцем, как бы не прокралось туда высокое о себе мнение. Ибо как только оно прокрадется, так ослабит веру, а за сим ослаблением последует надломление, а от надломления недалеко до отломления, а в этом пагуба. Бойся высокоумия, как огня, и со всяким страхом и трепетом содевай свое спасение.

Стих 21. *Аще бо Бог естественных ветвей не пощаде, да не како и тебе не пощадит.*

Естественными ветвями называет иудеев, происшедших от патриархов, родоначальников их, которым и роду которых даны обетования. Обетования и на сей род простерты под условием,

если лица, составляющие его, пребудут в одном с патриархами-родоначальниками духе веры Богу и покорности Его велениям. Так это и есть: которые уверовали и послушали Евангелия, те причастны, как видите, обетованиям и состоят в милости Божией, как и отцы их, а которые не веруют и упорно противятся воле Божией в сем, те лишены обетований и исключены из рода отцов своих, потому что они стали не одного духа с сими отцами. Не посмотрел Бог на то, что они происходят от таких великих отцов и такого благословенного рода, а отверг их, когда они неверием своим сделались недостойными милости. Ибо у Бога нет лицеприятия. Кто чего стоит, тот сообразно с тем и получает, — или милость, или непощадение. Вот, ты, язычник, уверовавший и за то принятый в благословенный род Божий, род людей спасаемых; рассуждай и держи в мысли, что если Бог за неверие отверг тех, род которых Он имел Своим и столь попечительно блюл доселе; то тем паче не пощадит тебя, чуждородного, со стороны принятого в род Божий, если ослабеешь в вере, или пошатнешься в ней, или будешь вести себя недостойно ее. Держи это в мысли и бойся, — бойся потерять благо, которого сподоблен, и лишиться милости Божией.

«И иудеев чуждыми корню соделало неверие, и тебя соединила с корнем и соделала причаст-

ным тука* его вера. Посему надлежит не высокомудрствовать, но бояться и трепетать. Чего же? (Того, чтоб не потерять этого духа веры и за то не лишиться милости Божией.) Ибо если им не принесло ни малой пользы сродство по естеству, когда не стали они иметь одного и того же произволения (с отцами своими); тем паче ты, не сохранив благодати, соделаешься чуждым корню» (блаженный Феодорит). «И праведно. Ибо если тех, которые по преимуществам отцов своих были достойны, которым дано даже и обетование быть усыновленными Богу, Бог по причине неверия отсек; то чего не сделает Он тем, которые так возвышены без всяких преимуществ, если они поколеблются в вере или возгордятся? Они ведь почтены совсем не по достоинству» (Амвросиаст).

Мысль Апостола в словах: *да не како и тебе не пощадит* — та, что всеконечно не пощадит и тебя; но он выразился так нерешительно и колебательно, или в соответствие слову: *бойся*, — так как боязнь обнаруживается обычно нерешительными ожиданиями, не случилось бы то-то, не потерпеть бы того-то; или чтоб смягчить в слове строгость приговора (см.: Экумений), давая доразуметь его самим читающим. И святой Златоуст говорит: «сказав: *аще бо Бог естественных ветвей не пощаде*, — Апостол не продолжал так: и тебя не пощадит, — но говорит: *да не како и*

* *Тук* — здесь: богатство, благодеяние. — *Ред.*

тебе не пощадит. Таким образом, исключая из речи жесткие выражения и верующего заставляя быть заботливым, иудеев привлекает, а язычников смиряет».

Стих 22. *Виждь убо благость и непощадение Божие: на отпадших убо непощадение, а на тебе благость Божия, аще пребудеши в благости: аще ли же ни, то и ты отсечен будеши.*

Два пред очами твоими примера — пример благости Божией и пример Божия непощадения, то есть строгого осуждения и отвержения виновных. Не уверовали иудеи, не покорились в сем воле Божией, отпали чрез то от рода избранных сынов Божиих, — и Бог не пощадил их, не посмотрел, что они таких имеют отцов по плоти и что Сам Он столько иждил* на них попечения, а как только сделались они недостойными Его благости упорным неверием своим, тотчас отверг их и лишил Своей милости. Ты уверовал смиренно и благопокорливо, — и благость Божия излила на тебя все блага, предопределенные таковым. И блага сии навсегда пребудут твоим достоянием, если ты до конца жизни будешь держать себя достойным Божия человеколюбия и чрез то пребывать в благости Божией. Но «если не будешь так поступать, то будешь отсечен и ты» (блаженный Феофилакт). Не жди пощады; пример пред глазами. Святой Златоуст говорит: «не сказал

---

* *Иждить* — здесь: расточить, потратить, уделить. — *Ред.*

Апостол: *виждь* заслуги свои, *виждь* труды свои, — но: *виждь* человеколюбие Божие. Сим показывает тебе, что все совершено благодатию свыше, и приводит тебя в трепет. Самый предлог к тщеславию заставляет тебя бояться. Владыка стал к тебе милостив, потому и бойся. Как у тебя не неотъемлемы блага, если вознерадишь, так и для иудеев не неотвратимо зло, если переменятся».

Стих 23. *И они же, аще не пребудут в неверствии, прицепятся: силен бо есть Бог паки прицепити их.*

Бог и милует, и отвергает, смотря по настроению произволения людей: благопокорливым являет милость, а непокорливых отвергает. Но пока мы здесь, на земле, отвержение Божие не бывает окончательным: оно всегда есть только исправительное. Отвергает Бог, чтоб самым отвержением образумить и привлечь к Себе. Как бы ни был кто отвергнут, но, коль скоро образумливается и прибегает к Богу, Он опять принимает его в милость. Так и с иудеями будет: если они бросят свое неверие и перестанут упорствовать, Бог опять примет их в род Свой, в род спасаемых, избранных и святых. Святой Златоуст говорит: «видишь ли, какова сила свободы? Какова власть воли? Ничто не неизменно, ни твое (язычник) благо, ни его (иудея) зло. Видишь ли, как Апостол и отчаявающегося иудея восставил и смирил самонадеянного язычника?

И ты, иудей, слыша о строгости, не приходи в отчаяние; и ты, язычник, слыша о благости, не надейся на себя. Тебя не пощадил и отсек для того, чтобы ты пожелал возвратиться; а тебе оказал благодать для того, чтобы пребывал, и не сказал Апостол: в вере, — но: *в благодати*, — то есть чтобы ты делал достойное Божия человеколюбия; потому что требуется не одна вера. Примечаешь ли, как Апостол не дает падшим лежать, а другим высокомудрствовать; напротив, первых еще возбуждает к соревнованию, из примера язычников показывая иудею возможность снова стать на месте язычника, так как язычник предзанял место иудея? Язычников, дабы они не превозносились пред иудеями, устрашает примером иудеев и тем, что с ними случилось; а иудею внушает смелость тем, что сделано для еллина. И ты будешь отсечен, говорит Апостол язычнику, если вознерадишь. Иудей отсечен, но он прицепится, если потщится, потому что и ты прицепился. И весьма мудро поступает Апостол, что обращает всю речь к язычнику и, по всегдашнему своему обыкновению, нанося удар сильнейшим, исправляет тем слабейших. — Потом, дабы ряд его умозаключений не мог быть оспариваем, берет доказательство от всемогущества Божия. Хотя иудеи отсечены и отвержены, хотя другие заступили их место, но им не следует, при всем том, отчаяваться. *Силен бо есть Бог*, говорит, *паки прицепити*

их. Бог силен произвесть и то, что сверх надежды. Но если требуешь опытных доводов, то на себе самом имеешь самый достаточный пример».

Стих 24. *Аще бо ты от естественныя отсечен дивия маслины, и чрез естество прицепился еси к добрей маслине: кольми паче сии, иже по естеству, прицепятся своей маслине.*

Объясняет возможность прицепления иудеев, отпадших от древа спасаемых, прицеплением к нему не принадлежавших ему язычников. Всё от веры, а вера от произволения. Примут иудеи веру, и прицепятся. «Ежели вера возмогла произвесть, что не по природе, тем паче произведет, что по природе» (святой Златоуст). Дикою маслиною называет весь род язычников, потому что они не были воспитываемы, как воспитываемы были иудеи, не имели ни закона, Богом данного, ни Пророков, Богом посылаемых, ни особых не испытали промыслительных Божеских действий. Росли, как растет дикая маслина, не воспитываемая искусным садовником. Почему не имели в себе ничего особенного Божеского, кроме того, что вложено в естество: и, однако ж, привились благодатию по вере. У иудея же, хотя он не верует еще, все же остаются следы того особенного Божеского, что дано и явлено было его предкам, — у него закон и Пророки. Следовательно, он имеет в себе много сродного с началами веры. Почему тем скорее может обратиться, когда захо-

чет. Блаженный Феодорит пишет: «если ты, будучи дикою маслиною (потому что не было у тебя ни закона возделывающего, ни Пророков, орошающих, очищающих и прилагающих надлежащее о тебе попечение), отделен от злочестивых предков и родственников, соделан же причастником Авраамовой веры и хвалишься, что Авраам — твой корень, отец и праотец, не по естественному закону, но по щедрости Божией: тем, конечно, законнее и естественнее иудеям, уверовав, быть присоединенными к собственному их корню. Сие же говорит Апостол, и уверовавших из язычников научая скромности, и неверовавших из иудеев привлекая ко спасению». Пространнее излагает такое внушение святой Златоуст, обращая речь свою к неверующему иудею: «ты, если захочешь возвратиться, утвердишься не на чужом, как язычник, а на собственном корне. Итак, будешь ли достоин какого-либо извинения, когда для язычника стало возможным, что не в его природе, а ты не возможешь сделать того, что в твоей природе, и, напротив, погубишь природное? Поелику же Апостол сказал (о язычнике): *чрез естество* — и: *прицепился еси*, — а из сего мог бы ты заключить, что язычник получил нечто большее; то он устраняет такое заключение, говоря, что и иудей прицепится. *Кольми паче сии*, говорит он, *иже по естеству, прицепятся своей маслине*; и еще: *силен Бог прицепити их*; и выше сказал: *аще не пребу-*

дут в неверствии, прицепятся. Когда же слышишь, что Апостол часто употребляет выражение: *чрез естество* — и: *по естеству,* — не заключай из того, что он разумеет здесь непреложную природу; напротив, сими наименованиями означает он как сообразное и соответственное, так и несообразное природе. Добрыми и злыми бывают не естественные действия, а только действия воли и свободы».

Стих 25. ***Не бо хощу вас не ведети тайны сея, братие, да не будете мудри о себе, яко ослепление от части Израилеви бысть, дондеже исполнение языков внидет.***

О чем прежде говорит по соображениям, то теперь предлагает как промыслительную волю Божию, извещенную ему по откровению. Ибо когда говорит, что хочет возвестить им тайну, то дает знать, что это возвещаемое есть нечто сокровенное, недоведомое* для ума; а когда обещает возвестить сие, дает понять, что оно открыто ему — свыше. Если же свыше открыто, значит, такова воля Божия, чтоб бывающее было так, как он возвещает. «Тайною здесь называет он, говорит святой Златоуст, недоведомое и сокровенное, в чем много чудесного и непонятного. Так и в другом месте говорит: *се тайну вам глаголю: вси бо не успнем, вси же изменимся* (ср.: 1 Кор. 15, 51)». — Блаженный Феодорит к сему прибав-

* *Недоведомый* — непостижимый, неисследимый. — *Ред.*

ляет: «тайна есть то, что известно не всем, но одним доверенным. Почему Апостол сказывает: хочу сделать для вас известным, какую тайну о предмете нашего рассуждения знаем мы (по откровению)». В чем состоит тайна сия? *Яко ослепление от части Израилеви бысть. — От части* — значит: или не вконец, не навсегда, а только на определенное время, или что не все подвергались слепоте сей по причине неверия, но что есть и верующие, или то и другое вместе, что часть уверовала, а часть остается в ослеплении, но и в них не должно отчаяваться; уверуют впоследствии и они, когда спадет ослепление с очей их. Ослеплением назвал состояние неверующих иудеев, потому что в самом деле у них лежало покрывало на очах ума, по причине пристрастия их к закону, и не давало им узреть о Христе Господе, — они не веровали по заблуждению. Рассеются заблуждения, и уверуют. Когда? *Когда исполнение языков внидет.* Будет продолжаться ослепление Израиля, пока не внидут в ограду веры «все предузнанные Богом язычники» (блаженный Феофилакт). «По принятии же проповеди язычниками, уверуют и они, когда придет великий Илия и возвестит им учение веры. Сие и Господь изрек в Святом Евангелии: Илия *приидет и устроит вся* (ср.: Мф. 17, 11)» (блаженный Феодорит). Амвросиаст пишет: «ослеплением поражены иудеи только на время, и из них

только те, которые, ревнуя о законе, не увидели, что обетованные Богом блага пришли во Иисусе Христе Господе и возвещаются. Так они ослепились неразумною ревностию и, думая, что закон дел никогда не должен престать, ревнуют о субботе. Таким преткновением они ослеплены отчасти, чтоб помучились за неверие свое, видя, как язычники с радостию пользуются их неверием и вступают в наследие обетования Авраамова. Когда же внидет полное число язычников, тогда спадет ослепление с очей ума их, и они возмогут уверовать, и уверуют. Дух отупения, наводящий на них слепоту, отступит от сердца их и возвратит свободу доброму произволению их. Неверие их не от зловолия, а от заблуждения: исправятся и спасутся».

Такое откровение сообщает Апостол *братиям*, то есть всему сонму верующих римлян, как из иудеев, так и из язычников, и сообщает для того: *да не будут мудри о себе*. Может быть, сим желает избавить их от труда исследования и решения предлежащего недоумения относительно отвержения иудеев и призвания язычников, как бы так: чтоб вам не ломать над этим головы и по ошибке не прийти к заключениям ложным, которые для вас, однако ж, будут казаться верными и тем надымать* вас. Или так: римляне были образованнее других и естественно им было

* *Надымать* — здесь: приводить к гордыне. — *Ред.*

придавать себе некоторое пред другими преимущество, особенно по просвещении верою, которая сообщала воззрения, обнимающие все сущее от начала до последних дней и на всю вечность. Апостол и говорит: чтоб вы не возмечтали о себе, будто уже все знаете, сообщаю вам изумительную, неизреченную и недоведомую тайну промышления Божия о всех людях в отвержении иудеев на время и в призвании язычников. Уразумейте и смиритесь (см.: Геннадий у Экумения). Подобное, кажется, имел в мысли и блаженный Феодорит, когда написал: «чтобы вы, почитая себя очень разумными, не составили оттого высокого о себе мнения».

Стихи 26—27. *И тако весь Израиль спасется, якоже есть писано: приидет от Сиона Избавляяй и отвратит нечестие от Иакова. И сей им от Мене завет, егда отъиму грехи их.*

И тако, — а как, не говорит, а дает доразуметь из течения речи. Ослепление Израиля до внития полного числа язычников. Следовательно, когда внидет сие число, тогда спадет ослепление с очей Израиля, узрит он истину, уверует в Господа Спасителя, — и тако спасется. «*Весь Израиль*, вместо: большая часть, — отвратится от грехов и обратится ко Господу» (Экумений). Как во время проповеди Апостольской говорили: весь Израиль не верует, разумея большинство, массу; так в последнее время будут говорить: весь Израиль

спасся, обратясь к истинной вере, тоже по причине большинства уверовавших. Спасаемые всегда суть избранные, из язычников ли то или из иудеев, а не все из того или другого рода людей. *Весь Израиль*, — может быть, и означает у Апостола всех верующих, кто бы они ни были; потому что собственно они-то и суть Израиль. Блаженный Феодорит так и полагает: «*всем Израилем* называет Апостол верующих, будут ли то иудеи, имеющие естественное сродство с Израилем, или язычники, присоединяемые к Израилю сродством веры».

«Поелику благовествуемое Апостолом важно, то он приводит во свидетели Пророка, говорящего то же. Не представляет свидетельства на то, что произошло ослепление, так как это очевидно; но, что иудеи уверуют и спасутся, свидетельствуется Исаиею, который восклицает и говорит: *приидет от Сиона Избавляяй и отвратит нечестие от Иакова*» (святой Златоуст).

Пророк Исаия предвозвестил пришествие Христа Спасителя, называя Его избавляющим или Избавителем и сказывая, что Он придет от Сиона, то есть из среды самих же сынов Израиля, и отвратит нечестие от Иакова, который первый назван Израилем. *Отвратит нечестие* — значит: сделает благочестивым, то есть научит вере, снабдит благодатию, освятит и представит Богу искренним верователем. Во времена Апостолов от

многих-многих израильтян отвращено было нечестие верою в Господа и благодатию Святого Духа,— от многих, но не от всех,— масса народа оставалась в нечестии. Поелику же пророк Исаия решительно утверждает, что Избавитель, пришедши, отвратит нечестие от Иакова без ограничений, а это еще не сбылось, то всеконечно сбудется: ибо пророческое слово не может *солгатися*. Сбудется то, что от всего Иакова отвращено будет нечестие; но как этому нельзя совершиться, пока он состоит в ослеплении, то будет время, когда отпадет сие ослепление, и Израиль спасется, став истинно благочестивым. Что и хотел подтвердить Апостол приведенным пророчеством.

Но чтобы кто не стал криво толковать слова Пророка и говорить, что это отвращение нечестия означает, что израильтяне сделаются совершенно верными данному им закону, а не то, что они освятятся верою и благодатию,— Апостол приводит другие слова того же Пророка, показывающие, в чем будет состоять сие отвращение нечестия. *И сей от Мене завет, егда отъиму грехи их*. Сущность сего завета и знамения, по которому можете уразуметь, что обетованное исполнилось,— есть: когда *отъиму грехи их*.— *Отъиму* — не прощу только вину, но их самих сделаю чистыми, изгнав из них грехи. «Явно, что слово сие означает очищение грехов, подаваемое крещением» (блаженный Феодорит). Вот сущность завета,

вот признак, когда исполнится: *отвращу нечестие от Иакова!* Как этого еще нет, — надо опять прибавить, — как не все еще израильтяне уверовали и крещены и потому лежат еще на них грехи их, а пророческое слово не может *солгатися*; то это непременно будет.

Святой Златоуст говорит: «Апостол указывает здесь на знамение спасения, дабы кто не отнес и не приложил его ко временам прошедшим. Не тогда, говорит, совершится сие, когда будут они обрезываться, приносить жертвы, совершать прочие законные дела, но когда получат отпущение грехов. А ежели это предвозвещено и доселе не исполнилось над иудеями, они еще не получили отпущения грехов посредством крещения; то непременно исполнится». Амвросиаст прибавляет: «Господь не тотчас осуждает (и отвергает) неверующих, но ожидает обращения их, зная, что и они могут прийти в познание Бога».

Пророческие слова — до: *сей им завет* — взяты из 59-й главы пророка Исаии (стихи 20—21); а последние слова: *егда отъиму грех их* — взяты из 27-й главы (стих 9) того же Пророка. Но, хотя бы и из разных Пророков взявши слова, Апостол сложил одно пророчение, и то было бы правильно; ибо не в словах сила, а в мысли. Пророческий же дух есть один и тот же с Апостольским, и Апостолы вещания всех Пророков видят, как единое вещание.

Стих 28. *По благовествованию убо врази вас ради: по избранию же, возлюблени отец ради.*

Из всего сказанного выходит, что если смотреть на иудеев по отношению их к Евангелию, то они враги. Чьи? Божии, как вслед за сим и возлюбленные они – тоже Божии. Поколику они противятся Евангелию, и враждуют как на благовестников, так и на верующих, и чрез то Божиим противятся распоряжениям, – потолику и Бог не благоволит к ним, отверг, не пощадил, отсек от маслины, как негодные ветви. И это *вас ради*, язычники, – чтоб вы вошли в ограду веры и спаслись. Так и пребудет, пока вы все войдете. Этим внушает Апостол язычникам: видите, как возблаговолил к вам Бог! «Поелику вы призваны, иудеи стали упорнее. Однако же Бог и при этом не прекратил вашего призвания, но ожидает, пока взойдут все имеющие уверовать из язычников. Тогда уже взойдут и иудеи» (святой Златоуст).

А что это действительно будет, заключать следует из того, что хотя теперь иудеи за свое неверие не пользуются действительными благодеяниями Божиими, но поелику они принадлежат к избранному роду, – такому, который из всех языков выбран Богом и Себе усвоен; то Бог ради сего избрания, которого удостоены они ради отцов своих великих, не вконец отвратился от них, не вконец отверг их, но продолжает Отечески

воззревать на них и готов опять принять их, как только уверуют. Таким образом они не перестают быть возлюбленными Богу, ради отцов своих, в силу избрания родоначальников их, а в них — и их самих. Этим внушает Апостол иудеям: видите, как любит вас Бог, что, несмотря на ваше неверие и противление Ему, все еще не отвергает вас вконец, а ждет вашего обращения. Видите также, что «добродетели предков нимало не пользуют вам, если сами не веруете» (святой Златоуст). Итак, спешите к вере, чтоб не истощилось Божие ожидание и вы не подпали конечному отвержению. «Апостол не перестает утешать иудеев словами, дабы привлечь их» (святой Златоуст).

Стих 29. ***Нераскаянна бо дарования и звание Божие.***

Это приводит Апостол как основание убеждения в сказанном. *Нераскаянна* — не раскаявается Бог и не отменяет, что даровал и кого призвал. Напоминает первоначальное избрание народа иудейского. Сколько было родоначальников из потомков Ноя и сколько народов образовалось из них по столпотворении?! Но из всех их Бог избрал только Евèров род (см.: Быт. 10, 21, 24—30), и его не весь, а только взял из него одного Авраама, от которого и произвел Себе особый народ. Этот народ и есть избранный, имевший особое звание и предназначение и

пользовавшийся столькими благодеяниями и дарованиями: ему дан закон, к нему посланы Пророки, для него явлены знамения и чудеса. И после всего этого возможно ли, чтобы Бог вконец отверг его?! Нет; кого избрал Бог, того будет наказывать исправительно, будет лишать милости Своей на время, но вконец не отвергнет его. Ибо иначе Он и не избрал бы его, если бы предвидел, что он когда-нибудь окончательно сделается недостойным милости Его. Иудеи имели свои недостатки, и имеют; но из всех народов никто не мог лучше их исполнить намерения Божии о спасении людей. Предвидел сие Бог и избрал их. Если же избрал, то не отверг вконец, несмотря на то, что в настоящее время они являются достойными отвержения и отвержены. Это только на время. После опять возвратится к ним то, что первоначально для них предназначено.

Стихи 30—31. *Якоже бо и вы иногда противистеся Богови, ныне же помиловани бысте сих противлением: такожде и сии ныне противишася вашей милости, да и тии помиловани будут.*

И вы, язычники, некогда противились Богу, ἠπειθήσατε, — не убеждались словом истины Его и не слушались, не шли вслед ее. Когда это? Может быть, разумеется то время, когда Бог одинаково руководил все языки, еще до призвания Авраама. Бог, видя, что они не вразумляются ни потопом, ни смешением языков и все больше и

больше уклоняются от Божией истины и правды, не по Его, но по своей воле и умствуя, и ходя, — видя все это, решил избрать и как бы создать особый народ, который исполнял бы Его преднамерения. Избрал Авраама и из него создал народ иудейский. Очевидно, что этот народ образован по случаю непокорливости всех языков. Или *иногда* — означает время по издании закона и устроении по нему народа иудейского. Живя по сему закону, иудеи Богу покорствовали, а язычники и знать не хотели сего Божия учреждения и никак не соглашались подчиниться ему, хотя, как в момент установления, так и после, слух о нем проходит всюду. В таком случае речь сложится так: вы иногда, или прежде сего, противились, а иудеи покорствовали, но не ради вашего противления, а так, что ваше противление шло об руку с их послушанием. Так было *иногда*. Ныне же вышло наоборот: иудеи стали противиться воле Божией и Божию учреждению о спасении людей, и Бог, по поводу сего противления, к вам простер слово призвания; вы послушались и приняты в милость, вместо иудеев. Рассудите же: вы противились, иудейский народ образован и содержим был в милости; теперь он воспротивился, и вы приняты в милость ради их противления. Если таким образом вы, противившиеся *иногда* сами по себе, приняты в милость; что дивного, что и они, ныне противящиеся с пользою

для вас, — так как вы помилованы по сему случаю, — и сами некогда помилованы будут?

Приводим слова наших толковников. Святой Златоуст говорит: «здесь Апостол показывает, что прежде были призваны (и руководимы) все языки; а потом, когда они не захотели (следовать руководству Божию), избраны иудеи, и что теперь случилось то же самое: поелику иудеи не захотели веровать, то снова призваны языки. Но он не останавливается на этом и все клонит не к тому, что иудеи отвержены, а к тому, что и они опять будут помилованы. Смотри, язычникам дает он столько же, сколько прежде того дал иудеям. Поелику вы, язычники, говорит Апостол, были некогда непослушны, то взошли иудеи. И опять, поелику они стали непослушны, взошли вы, однако же они не совсем погибнут (а будут помилованы)».

Блаженный Феодорит пишет: «припомните, как все вы весьма долгое время нечествовали, и человеколюбивый Владыка не посмотрел на это долговременное и упорное нечестие, но восхотевших сподобил неизреченного человеколюбия и, когда иудеи не уверовали, вас призвал, вместо них. Посему нимало не странно, если и противящиеся ныне (иудеи), пожелав уверовать, будут приняты Богом и улучат то же человеколюбие. Употребил же опять Апостол речение: *да* — по свойственному для него образу выражения. Ибо

не для того противились, чтоб им быть помилованными; но хотя противились по упорству разума, однако же будут помилованы, прибегнув к покаянию».

У Амвросиаста читаем: «поелику, говорит, вы, языки, когда иудеям вверены были словеса Божии, противились Богу, ныне же получили милость не по вашему достоинству, но по причине предосудительного образа действий иудеев; то почему не паче получат милость они, прежде под законом Божиим жительствовавшие и удостоенные особых обетований Божиих?»

Фотий у Экумения так рассуждает: «такими словами Апостол располагает иудеев к вере и благие им подает надежды, всякое стыдение отъемля. Не стыдись, говорит, того, что поупорствовал приступить к вере, и не отчаявайся, как позже приступающий: получишь милость и поздо* (под вечер) приступая. Ибо и язычники, быв призваны, не послушались прежде, но ныне уверовали, ни прежнего не устыдясь непослушания, ни в опоздании не встретив препятствия ко спасению. Так и ты, иудей, не стыдись и не отчаявайся, но с готовым сердцем приступи к вере, и всеконечно помилован будешь. Итак, или в виде такого увещания и внушения сказано сказанное, или в виде пророчества, располагая к вере в имеющее быть применением того к бывшему

* *Поздо* — поздно. — *Ред.*

уже. А что говорит: *помиловани бысте сих ради противления* — и: *противишася вашего ради помилования*, — то говорит ни потому, чтоб противление иудеев было причиною помилования язычников, ни потому, чтоб помилование язычников было причиною противления иудеев, но чтоб показать и научить, что Бог никогда не перестает делать Свое и источать милость Свою. Пусть древле не слушались язычники, а ныне не слушаются иудеи, — Он, однако ж, не прекращает Своих благодеяний и милостей. Это видно из того, что как тогда, по случаю непослушания языков, милости сподоблены иудеи, так ныне милуются языки, по случаю непослушания иудеев. И еще яснее это видно из того, что Он помилует этих самых иудеев, ныне непокорствующих. Вместе с тем Апостол делает наказ иудеям, говоря как бы: хотя вы отстранились от веры, не думайте, чтоб чрез сие вера сколько-нибудь умалялась в своем значении. Ибо как древле, когда отступили языки, не терпели умаления дела служения истинному Богу, так и ныне, когда вы отсекли себя от веры, дела веры нисколько не умаляются в своем значении. Преобразил же сказанное на язычниках, желая сделать укор и внушение иудеям чувствительнейшими. Можно и так принять, что Апостол сказал сие, имея в виду верующих язычников, чтоб они не высокомудрствовали, что уверовали. Вы, говорит, по милости уверовали; уве-

руют и будут помилованы и иудеи, ныне не покоряющиеся вере».

Стих 32. *Затвори бо Бог всех в противление, да всех помилует.*

«То есть всех обличил, объявил непослушными (всех заключил в один разряд непослушных), — не для того, чтобы все оставались непослушными, но для того, чтоб спасти одних упорством других, иудеев чрез язычников, а язычников чрез иудеев. Смотри же: вы (язычники) были непослушны, и они (иудеи) спаслися. Потом они стали непослушными, и вы спасены; впрочем, спасены не для того, чтобы снова удалиться, подобно иудеям, но для того, чтобы, пребывая в вере, и их привлечь, побудив к соревнованию» (святой Златоуст).

Стих 33. *О глубина богатства и премудрости и разума Божия! Яко неиспытани судове Его, и неизследовани путие Его.*

Глубиною называет непостижимость; *богатством* — полноту благости; *премудростию* — благоуспешное приведение в исполнение великих планов промышления Своего о роде человеческом, пригодными средствами, которых пригодность непостижима для ума нашего, хотя он и видит ее; *разумом* — ведение Божие, наилучшим образом определяющее все, чему как следует быть. Или, может быть, *богатство* относится к премудрости и к разуму так: о, глубина богатства как прему-

дрости, так и разума Божия, то есть богатой премудрости и богатого разума! И премудрость, и разум Божий богаты и глубоки. *Судами* называет Божии присуждения и определения, чему как быть, а: *путями* – способы исполнения определенного. Все сие у Бога непостижимо и недомышлимо*. Святой Златоуст говорит: «востекая мыслию к первым временам, обозревая в уме древнее Божие домостроительство от начала мира и до настоящих событий (и до конца мира прозревая его), размышляя о том, как разнообразно Бог все устроял, Апостол пришел в изумление и воскликнул, удостоверяя тем слушателей, что сказанное им совершится непременно. А если бы не надлежало непременно тому совершиться, он не стал бы восклицать и изумляться. И хотя знает, что это глубина, однако же не знает, какая глубина. Это речь человека удивленного, который не знает всего. Исполненный же удивлением и изумлением пред благостию, возвестил о ней двумя выразительнейшими словами, какие только нашел: *богатство и глубина*. А в изумление приведен тем, что Бог восхотел, и мог совершить это, и произвел противоположные действия одно другим. – *Яко неиспытани судове Его*. (*Яко*, ὡς. – Как неиспытанны!) Не только невозможно постигнуть оные, но даже испытывать. – *И неиз-*

---

* *Недомышлимый (недомыслимый)* – непостижимый человеческой мыслью. – *Ред.*

следовани путие Его! То есть способы домостроительства; потому что и сих не только невозможно познать, но даже исследовать. И я, говорит Апостол, не всё нашел, но открыл малую часть, а не всё. Один Бог совершенно знает Свои дела. Посему Апостол присовокупил:»

Стихи 34—35. *Кто бо уразуме ум Господень? и кто советник Ему бысть? Или кто прежде даде Ему и воздастся ему?*

Слова пророка Исаии (см.: Ис. 40, 13—14). Все место читается у него так: *кто уразуме ум Господень, и кто советник Ему бысть, иже научает Его? Или с кем советова и настави и (Его)? Или кто показа Ему суд? Или путь разумения кто показа Ему? Или кто прежде даде Ему, и воздастся Ему?* «Эти слова значат то, что Бог, будучи столько премудр, не от другого заимствует премудрость, но Сам есть источник (ее, как и всех) благ; что Он, столько для нас совершивший и столько нас облагодетельствовавший, не заимствованное у другого даровал нам, но излил это от Себя; что Он никого не должен вознаграждать, как взявший что-либо у другого, но всегда Сам есть главный источник благ. Богатство в том и состоит особенно, чтобы во всем изобиловать и ничем не одолжаться другому» (святой Златоуст). Приложим к сему и сказанное блаженным Феодоритом: «Апостол предложил три сии вопроса в показание трех преимуществ,—

богатства, премудрости и ведения: *кто уразуме ум Господень?* — в показание ведения; *кто советник Ему бысть?* — в показание премудрости; *или кто прежде даде Ему и воздастся ему?* — в показание богатства. Ибо столько неизмеримо богатство благости, что несуществовавшим дал бытие, и приведенным в бытие дарует благобытие, и не воздает, но дает блага, по человеколюбию же даяние называет воздаянием».

Стих 36. *Яко из Того и Тем и в Нем всяческая. Тому слава во веки. Аминь.*

«Сам изобрел, Сам сотворил, Сам поддерживает, потому что богат и не имеет нужды брать у другого; потому что премудр и не нуждается в совете» (святой Златоуст). «Он Сам есть источник всего: это значит: *из Того.* Он и Творец всего: это значит: *Тем.* Он и поддержка всего: это значит: *в Нем.* Все имеет начало от Него, и Им сотворено, и все стоит и держится, опираясь на Нем, как на основании каком» (блаженный Феодорит). Святой Василий Великий этим местом доказывает Божество Святого Духа, относя к Нему слово: *в Нем,* — *Тем* — к Сыну Божию, — а: *из Того* — к Богу Отцу, Кои совмещены в едином имени — Господь и Бог, как Единосущные и Равнопоклоняемые. «В словах: *из Того и Тем и в Нем всяческая* — в единое имя соединены отличительные свойства Отца и Сына и Святого Духа. Ибо Один Бог, от Которого всё; и Один

Господь Иисус Христос, Которым всё; Один также Дух Святой, в Котором всё, как сказано: *вы несте во плоти, но в дусе, понеже Дух Божий живет в вас* (8, 9). Почему сказанное: *в Боге живем и движемся и есмы* (ср.: Деян. 17, 28) — ясно выражает отличительное свойство Духа в Боге. Тварь содержится, живет и существует, конечно, не тварию, которая сама имеет нужду в поддержке силою Сотворшего; конечно, не действием твари прославляется Бог, когда о Нем Самом говорится, что: *в Нем живем, движемся и есмы*; но действительно Божеский Дух всё, что от Бога и что чрез Сына, поддерживает в бытии. Посему приобщающимся Его дарует продолжение бытия. И в Нем снова живем мы, которые прежде, чрез удаление от Него, стали растленны».

Тому слава! «У Павла в обычае заканчивать речь благодарением, когда говорит он о чем-нибудь важном. Так поступает он теперь. Так как он исполнился изумления благости, премудрости, ведению и способам домостроительства Божия, то и славословит наконец Бога, научая тем и нас благодарить Бога за великие блага и прославлять Его словами и жизнию» (блаженный Феофилакт). «Ибо Сам Он все сотворил, Сам продолжает править творением. К Нему надлежит обращать всем взоры, принося благодарение за то, что имеют в настоящем, и прося промышления о последующем. Ему же должны мы воссылать и подобающее славословие» (блаженный Феодорит).

НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ (12, 1—15, 13)

«Достаточно побеседовав о догматах, Апостол переходит наконец к нравственному учению» (блаженный Феофилакт). «Начало и основание благ есть ведение Божественного естества, вера в Него и приверженность к Нему. Что глаз в теле, то в душе вера и ведение Божественного. Впрочем, вера имеет нужду и в деятельной добродетели, как глаз в руках, ногах и других членах тела. Посему-то божественный Павел к догматическим учениям присовокупил и учение нравственное, приуготовляя в нас совершеннейшую добродетель. Ибо, уча римлян, оказал он пользу всем людям» (блаженный Феодорит).

На первом месте ставит Апостол, в очерке кратком, но всеобнимающем:

1) ИЗОБРАЖЕНИЕ ДУХА ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ (12, 1—2)

Глава 12, стих 1. *Молю же вас, братие, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше.*

Молю... щедротами Божиими. «После длинной беседы о Божием человеколюбии, в которой

Павел доказал неизреченную Божию попечительность, несказанную и неисследованную благость, — сею уже самою благостию убеждает он облагодетельствованных Богом явить жизнь, достойную дара. И, будучи столь велик и высок, не отказывается умолять их, умолять не о том, что послужило бы собственно для него, но о том, из чего они могли извлечь для себя пользу. (Апостол дает законы, и скрывает власть, и, прося, предлагает учение.)» (блаженный Феодорит). «И удивительно ли, что не отказывается умолять, когда представляет умоляющим самое милосердие Божие? Поелику от Божиих щедрот, говорит он, излились на вас бесчисленные блага: то устыдитесь, убойтесь оных, потому что самые щедроты сии обращаются к вам с просьбою не обнаруживать в себе ничего их недостойного. И я, говорит Апостол, умоляю вас ими же, теми щедротами, которыми вы спасены. Так желающий пристыдить много облагодетельствованного, обыкновенно, представляет умоляющим самого благодетеля» (святой Златоуст).

И опыты жизни подтверждают, что самое сильное побуждение к богоугодной жизни есть сознание великих Божиих благодеяний, как вообще ко всему роду человеческому, так и в особенности к самому лицу, ревнующему о том. Оно рождает теплое чувство благодарности и возбуждает готовность посвятить Богу все силы свои и

все достояние свое. Потому что засеменяет любовь, которая ничего не удерживает для себя, а все приносит в жертву Тому, Которого возлюбила душа.

Представите телеса ваша жертву живу. Уже учил он сему прежде, говоря: *да не царствует грех в мертвеннем вашем теле, во еже послушати его в похотех его: ниже представляйте уды ваша оружия неправды греху: но представляйте себе Богови, яко от мертвых живых* (ср.: 6, 12—13). И несколько ниже: *человеческо глаголю, за немощь плоти вашея: якоже представисте уды ваша рабы нечистоте, и беззаконию в беззаконие: тако ныне представите уды ваша рабы правде во святыню* (ср.: 6, 19). Тут подробно изображено, как из тел наших можем мы и должны представлять Богу жертву, именно — не слушать их *в похотех их*, не отдавать членов своих в орудие греху, но предавать их в орудие правды *Богови*, не делать их рабами нечистоты и греха, но заставлять работать *правде во святыню.* Святой Златоуст говорит: «спросишь, как тело может быть жертвою? Глаз, не смотри ни на что худое; и он стал жертвою. Язык, не произноси ничего срамного; и он стал приношением. Рука, не делай ничего беззаконного; и она стала всесожжением. Но и сего недостаточно,— мы должны делать добро: пусть рука раздает милостыню, уста благословляют обидящих, слух постоянно упражня-

ется в слушании слова Божия. Жертва есть начаток того, что имеешь. Принесем же Богу начаток рук, ног, уст и всего прочего. — Заметь, какая точность в речениях у Павла. Не сказал он: приготовьте тела свои в жертву, — но: *представите*. Сим как бы сказал: вы не имеете уже над ними власти, вы отдали их другому. Поставщики боевых коней по поставке не имеют на них права собственности. И ты, поставив члены свои на брань с диаволом, в сие грозное ополчение, не отвлекай их на собственные свои услуги».

Начинает Апостол уроки с того, как относиться должно к телу; потому что греховная жизнь, против которой он вооружает христиан и которая ими оставлена и подсечена в решении противостоять греху, укрепленном благодатию обновления в крещении, преимущественно опирается на плоти, и самоугодие — душа грешности — исключительно почти есть плотоугодие. Почему определивший не поблажать греху с первого шага начинает новую жизнь непощадением тела. Эту необходимость подтверждает святой Павел и освящает словом своим, требуя непрестанную делать из тела своего жертву Богу. Кто держит тело свое как должно, действительно и приносит такую жертву Богу, — всегда *распиная плоть свою со страстьми и похотьми* (ср.: Гал. 5, 24). И тут есть закалание, и закалание для Бога, есть жертва Богу. И именуется сие самоумерщвлением, но не

смерть приносящим, а жизнь истинную. Подзаконная жертва умерщвляла живую тварь, а христианская живым оставляет приносимое и жизнь воспламеняет самою жертвою, или самопожрением Богу. Апостол и наименовал сию жертву живою. Святой Златоуст говорит: «поелику сказал: *жертву*; то, дабы иной не подумал, что велит закалать тела, тотчас присовокупил: *живу*... В иудейской жертве жертвуемое делалось мертвым; *наша* жертвуемое делает живым. Когда умертвим члены тела, тогда в состоянии будем жить. Но в этом устав жертвоприношения; потому и род огня необыкновенен. Нет нужды в дровах и в сгораемом веществе; напротив, огонь поддерживается у нас сам собою и не сожигает жертву, а еще оживляет ее. Такой жертвы Бог требовал издревле, почему Пророк и сказал: *жертва Богу дух сокрушен* (Пс. 50, 19). Такую жертву приносили три отрока, говоря: *несть князя и пророка, ни места, еже пожрети и обрести милость; но душею сокрушенною и духом смиренным да приятны будем* (ср.: Дан. 3, 38—39)».

Сия самая жертва должна быть и *свята*. *Представите... жертву... святу*. Святой Златоуст говорит: «при сем Апостол внушает еще и то, что, принося члены свои в жертву, должны мы сделать их неукоризненными; потому что представляем их не земному человеку, но Самому Царю вселенной — Богу, и не для употребления

только на брани, но дабы восседал на них Сам Царь. Ибо Господь не гнушается восседать на наших членах; напротив, весьма сего желает, и чего не избрал бы царь, служащий одному с нами Господу, то избирает Владыка Ангелов. И так поелику члены твои должны быть принесены и суть жертва; то отсеки от них всякую скверну. Доколе есть в них что-либо скверное, дотоле не будут они жертвою. Глаз, если он смотрит на предметы, возбуждающие сладострастие, не может быть принесен в жертву; а равно негодны для жертвоприношения — рука хищная и любостяжательная, ноги, *храмлющие* и входящие в театр, чрево, раболепствующее сластолюбию и возжигающее страсть к удовольствиям, сердце, питающее гнев или нечистую любовь, язык, говорящий срамное. Со всех сторон надобно осмотреть, нет ли в нашем теле чего скверного. Если в Ветхом Завете приносившие жертвы обязаны были всё осматривать, и не позволялось приносить безухого, бесхвостого, в струпьях, в наростах; тем более мы, которые приносим не бессловесных овец, но себя самих, должны наблюдать большую осмотрительность и во всех отношениях быть чистыми. — И мы сделаемся чистыми, если потребим ветхого человека, умертвим земные члены, распнем для себя мир. В таком случае не нужно уже нам будет ни ножа, ни жертвенника, ни огня; или, правильнее говоря, все сие

будет нужно, только не руками сделанное: подается нам то свыше, — и огнь свыше, и нож, и широта неба будет для нас жертвенником. Ежели Илия приносил чувственную жертву, и сошедший с неба пламень истребил все — и воду, и дрова, и камни; то тем паче совершится сие с тобою. Ежели и есть в тебе что-нибудь житейское, но приносишь жертву с надлежащим расположением; то снисшедший от Духа огнь потребит сие житейское и все приношение соделает совершенным».

Святая жертва, надо бы полагать, уже и благоугодна Богу; однако ж Апостол счел нужным особо прибавить: *представите... жертву... благоугодну Богови*. Этим Апостол внушает иметь в деле жертвы надлежащие расположения, как сказал пред сим святой Златоуст, — именно: надобно жертву сию приносить Богу, ничего стороннего не имея в намерении, кроме угождения Богу: ибо возможно, что жертва, чистая по делу, будет нечиста по намерению. Надобно еще, чтобы жертва сия совершаема была в духе веры Христовой, — потому что Сам Христос прошел крестным путем, и что спасения, крестом нам дарованного, нельзя причастным быть иначе, как крестом же, в произволении подъемлемым, — что бывает именно тогда, когда кто из тела своего делает жертву Богу.

Так настроиваться должны вы для того, продолжает Апостол, чтобы в вас совершалось непрестанно *словесное служение*. — *Служение*, λατρεία, — служба Богу, богослужение. Служба сия будет словесна, то есть разумна, мысленна, духовна, когда вы будете из тел святых представлять Богу жертву. Что всякий должен совершать такое богослужение, это приемлется не требующим особого доказательства и пояснения. Апостол только указывает верный способ к тому. Приноси Богу в жертву тело, и будешь непрестанно совершать духовную Богу службу, которую обязан совершать. На твоем жертвеннике всегда таким образом будет куриться жертва, и не плотская, хотя тело в ней жрется. Тело станет и жертвою, и храмом, в коем жрец — ум, или дух, — жертву Богу приносит или службу Божию совершает. Святой Златоуст говорит: «что такое *словесное служение*? Духовное служение. Как служащий и священнодействующий в Божием дому, каков бы ни был в другое время, при служении входит в себя и делается благоговейнейшим; так и мы целую жизнь должны быть в таком расположении духа, как совершающие служение Богу и священнодействующие. А сего достигнешь, ежели каждый день будешь приносить Богу жертвы, соделаешься священником своего тела и душевной добродетели, принося то целомудрие, то милостыню, то кротость и терпение. Исполняя сие, бу-

дешь совершать словесное служение, то есть не имеющее ничего телесного, грубого, чувственного».

Стих 2. *И не сообразуйтеся веку сему, но преобразуйтеся обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая, и угодная, и совершенная.*

Дав закон для тела, пишет закон и для души. *И не сообразуйтеся веку сему,* — то есть духу века сего, не живите по сему духу, не по нему себя образуйте, чтобы никто не мог будто написанным на челе вашем читать: вот человек века сего или мира сего. Но в чем состоит дух века сего? В том, когда всю заботу и попечение имеют лишь о том, как бы получше устроить свое земное благобытие всеми подручными средствами, какие могут быть даны, своими личными способностями и силами, семейством, имением, связями, всем гражданским бытом и порядками его, даже порядками и делами веры и Церкви, и течением всех событий, и близких, и далеких, и зависящих, и не зависящих от нас, — устроить, полагаясь в этом на себя, на свои способы, на людей и тварей, а не на Бога, все правящего, хотя и — *Верую*, и — *Отче наш* читают и даже разглагольствуют о промысле Божием и уповании на него. Они помышляют и о Боге, знают, что есть другой мир и другая жизнь, но сердцем живут в сем веке и в том, что дает он, вкуса не имея ни к чему, что выше его, и стремления никакого не испытывая

к тому, что не чувственно, не плотяно, не земно. Дух века не означает непременно бесстыдную порочность и необузданную страстность. Он грехолюбив и страстен, и самоугодие в сем составляет неотъемлемую черту его; но явного зла и греха он не терпит, а хочет казаться добропорядочным и честным, скрывая нередко за такою благовидною ширмою грехи иногда до злодейства и страстность даже самую срамную. Но не все чада его таковы. Главное в нем, как в начале сказано, то, что он *в веце сем* только уповающий есть, земное счастие преследует и своими средствами устроить его напрягается.

В ком качествует такой дух, в том нет ничего христианского, хотя он христианин. Христианство начинается с того момента, когда зарождается в сердце позыв и стремление к небесному, духовному, вечному и Божескому, с отвращением от земного, чувственного, временного и тварного. Дух Христов противоположен духу века сего, и тогда, как сей последний весь на земле и в земном, тот весь на небе и в небесном, в Боге и Божеском, — сие одно любит, сие одно преследует, в сем одном находит вкус. Это не значит, что он, будучи отрешен от всего земного и тварного, ничего уже такого не касается и ничего не имеет в делах своих похожего на дела сынов века. Формы жизни человеческой одинаковы, как там, так и здесь; но дух и направление всего инако-

вы. Дух Христов не пресекает удовлетворения естественных потребностей человеческих, не гонит непременно из семьи и общества. Он допускает и гражданские службы, и воинствование, и торгование, и научность, и художественность, но все сие обращает в средства к преспеянию в духе, к стяжанию благ неземных, к угождению Богу, изгоняя бесщадно из всего этого лишь то, что противно такому направлению. Бывает, что он иных совсем отрешает от семьи и общества, но это не исключительная его принадлежность, а высшее и совершеннейшее его проявление, в истинном своем виде достояние немногих избранных.

Зарождается такой дух жизни христианской, когда благодать Божия, нашедши вход в сердце человека, пробуждает там страх Божий и растревоживает совесть и чрез них приводит человека к восчувствованию опасности пребывания в духе века сего и в порядках жизни его, далее к раскаянию и перемене направления жизни своей в мыслях, чувствах, желаниях и делах и к решимости жить не по земному, а по небесному, духовному и Божескому. После сего, кто не крещен, крестится; а кто крещен, приемлет Таинство Покаяния и, благодатию Божиею вооружен будучи, в том и другом случае начинает жить не по духу века сего. К таковым и обращает слово свое святой Павел: *не сообразуйтеся веку сему*. Кто

состоит еще под обаянием духа века сего, тому это правило невместимо: и слышит, но не внемлет, и понять его, как должно, не может. Говорит же сие к тем, которые уже прогнали дух века и начали жить по духу Христову, потому что дух века сего обольстителен и снова может увлечь тех, коим по прежней жизни знакомы мутные сласти дел его. Он говорит как бы им: смотрите, не увлек бы вас опять дух века и не стал снова переделывать по-своему, совлекая с неба на землю, от духа в плоть, от Бога к твари. Не слушайте его и не хотите сообразоваться с ним и порядками дел его. Ибо дух века, маня земным благобытием, изобрел такие дела, утехи и блага, из которых, кажется, так и течет рекою счастие. Увлеченные им кружатся в этих его порядках, чая упоиться счастием, и хоть никогда его не вкушают, но чают вкусить впереди. У кого выгнан дух века сего духом Христовым, те извлекаются из сего кружения, крушащего сердце. Но как они всё же вращаются в сопредельности с порядками духа века, то есть опасность: не зацепило бы их снова это кружение и не увлекло бы в прежний круговорот. Апостол и предостерегает: уж это все надо оставить, вам не след вращаться в таких порядках и сообразоваться с ними.

Святой Златоуст, толкуя сие место, от этого старается отвратить своих слушателей, преиму-

щественно изображая призрачность благ века сего. «Образ (дух) века сего прилеплен к земле, низок, кратковременен, в нем нет ничего возвышенного, постоянного, правильного, и все извращено. Посему, если хочешь идти надлежащим путем, то не напечатлевай в себе образа настоящей жизни. В нем ничего нет непременного и твердого; потому и назван образом, как в другом месте Апостол говорит: *преходит бо образ мира сего* (1 Кор. 7, 31). В нем ничего нет постоянного, неподвижного, но все временно; посему и сказал: *веку сему*, — означая тем кратковременность, словом же: *образ* — выразил бессущность. Укажешь ли на богатство, славу, телесную красоту, забавы и все прочее, что люди почитают за великое, — все сие есть один образ, а не действительная вещь, явление и личина, а не пребывающая сущность. Но ты не сообразуйся с сим, говорит Апостол, а преобразуйся обновлением ума. Не сказал он: преобразуйся наружно, — но: преобразуйся существенно, — показывая тем, что мир имеет наружный только образ, а добродетели принадлежит не наружный, но истинный, существенный образ, который имеет природную красоту, для которого не нужно наружных притираний и личин, вдруг появляющихся и исчезающих; так как все сие исчезает прежде, нежели появится. Посему, если сорвешь личину, тотчас увидишь

настоящий образ. Ничего нет слабее порока, ничто так скоро не стареется».

Но преобразуйтеся обновлением ума вашего. Дух века прогнан со всеми порядками и проявлениями его, воспринят дух Христов. Что далее? Далее предлежит преобразовать себя. Живя по духу века, по его обычаям и правилам, настроиваемся на то всею душою, и образ мыслей у нас мирской или века сего, и склонности с делами и предприятиями таковы же, и вкусы с чувствами и сочувствиями такие же. Восприяв новый дух, предлежит все сие переделать, перенастроить, преобразовать. Новый дух, благодатию Божиею восстановленный и поддерживаемый, есть сила великая. В ком пробудится он, того влечет неудержимо к высшему, неземному, духовному. Но внутренняя жизнь человека, в ком пробуждается сей дух, не вдруг вся перестраивается по нему. Восприята только сила к тому, а для самого преобразования требуется и время, и труд. Вот сие и внушает Апостол, говоря: *преобразуйтеся обновлением ума*. Ум, или дух, ваш обновлен, то есть, как сказано выше, благодатию Божиею ожил в вас страх Божий и растревожил совесть, и под действием их помощию Божиею вы дошли до решимости оставить жизнь века сего и начать жить по требованиям века иного, решимости, скрепленной благодатию в Таинствах Крещения или Покаяния. Так совершилось в вас обновле-

ние ума вашего, или духа. Теперь силою сего обновленного ума, или духа, преобразуйте себя, то есть мысли свои, расположения и склонности свои, чувства и вкусы свои,— всю душу свою. Душа ваша вся обращена была к земле и земному, к веку сему и делам его,— и только тем и занята была, как бы устроить благобытие земное. Сему же она подчиняла и ум, или дух, ваш и содержала его в подъяремном у себя и у века сего положении. Теперь — благодарение Богу! — он высвобожден из сих уз и вступил в права свои; теперь уже не он душе, а душа ему покорствовать будет и перестраиваться по его требованиям. Научите же ее усвоить себе образ здравых словес, чтоб о всем судить и на все смотреть очами духовными, или Божиими, как указано в Божественном откровении; научите ее вкоренять в себе, вместо страстных, святые расположения, или всякого рода добродетели, чтоб добродетели составили неотъемлемый нрав ваш, как прежде составляли его страсти; научите ее воспитать в себе вкусы и сочувствия к духовному, невидимому, небесному и вечному, чтоб сокровище ваше было не в плотяном, осязаемом, земном и преходящем, а в противоположном тому,— а за сокровищем и сердце было уже не здесь, а там. Все же сие не думайте и не надейтеся совершить сами собою, но и это все, и всю участь свою предайте в руки Божии и единственно от Его благодатной

помощи ожидайте верного успеха, повесив будто себя на деснице Божией — всемощной.

Для всего сего нет нужды принимать что-либо особенное; но те же обычные всем дела человеческие делать по новому духу. Предлежит какое-либо дело: восстают прежние о нем мысли, — прогони их и прими новые; показываются прежние страстные движения, руководившие им, — пресеки их и пробуди новые движения; раздражается старое чувство самоугодия, сласть находившее в нем и питавшееся им, — подави его и раздражи сочувствие к тому, что есть в деле сем неземного. Так в каждом деле, — и преобразование души будет идти верным путем, действенно и плодоносно. Только обновленный ум, или дух, храни в воспринятом им обновлении.

Но нет человека без греха. Как ни блюдись, — недобрые мысли, чувства, расположения, дела и слова проторгнутся и проторгнутся. От этого ход преобразования души замедляется и самый ум, или дух, слабеет в обновлении. Почему надобно непрестанно обновлять себя покаянием. Покаянность есть неотъемлемая принадлежность нового духа жизни христианской, выражающейся всегдашним содержанием сердца сокрушенного и смиренного. Святой Златоуст говорит: «поелику Павловым слушателям, как людям, было сродно каждый день грешить; то Апостол утешает их, советуя ежедневно обновляться. Как поступаешь с

домом, то и дело починивая в нем все обветшавшее, так поступай и с самим с собою.Ты согрешил сегодня? Душа твоя обветшала? Не отчаявайся, не унывай, но обновляй ее покаянием, слезами, исповедию, добрыми делами и никогда не оставляй сего дела».

Во еже искушати вам, что есть воля Божия благая и прочее.— Предлежит обновленным умом преобразовывать себя. По какой норме? По воле Божией. В слове Божием все показано, как это делать. Изучай, усвояй и прилагай у себя к делу, несмотря на противление тому внутри и препоны вовне. Нет лучшего и вернейшего указателя и руководителя. И когда станете вы во всем поступать по воле Божией, тогда самым делом искусите и испытаете, что если хочет кто преобразовать себя по-новому, то не достигнет сего иначе, как действуя по воле Божией. Действие по ней тотчас будет давать плод, явный и ощутительный, и удостоверять делом, сколь воля Божия блага, угодна и совершенна.— У Апостола плодом преобразования себя полагается не познание воли Божией, а испытание и опытное вкушение качеств сей воли, ее благотворного на нас действия. *Во еже искушати*, εἰς τὸ δοκιμάζειν.— Δοκιμάζειν — отведывать, вкушать, делом испытывать. Познание воли Божией можно поставлять под условие обновления ума, а не преобразования себя обновленным умом, что уже предполагает познание

воли Божией. И действительно, пока не обновлен ум, или дух, пока он весь объят и подавлен духом века сего, до тех пор не может человек познать и понять волю Божию; невнятна она для него, невместима, сколько ни толкуй. Поставляя познание воли Божией в зависимость от обновления ума, святой Златоуст говорит: «спросишь: кто же не знает, в чем состоит воля Божия? Всякий, кто прилеплен к настоящему, кто почитает завидным богатство, а бедность уничижает; кто домогается власти, пристрастен к мирской славе; кто считает себя великим человеком, когда настроил великолепных домов, заготовил пышные гробницы, имеет толпу слуг, водит за собою множество евнухов; такой человек не знает, что для него полезно и в чем состоит воля Божия. Ибо то и другое есть одно и то же: что полезно для нас, того хочет Бог; и чего хочет Бог, то полезно для нас. Итак, чего же хочет Бог? Того, чтобы мы любили нищету, смиренномудрие, презирали славу, жили воздержно, а не роскошно, в скорби, а не в неге, плакали, а не веселились и смеялись, — исполняли всё то, что заповедал нам Бог. Но многие отвращаются сего как зла, а не только не согласны признавать полезным и волею Божиею; и потому не могут никогда даже приближаться к подвигам добродетели. Такие люди, не зная того, что есть добродетель, и восхищаясь пороком, как могут отрешиться от настоящего века?»

При сем святой Златоуст предлагает и другую, полезную в жизни мысль. Полагая возможным под обновлением ума разуметь приобретение здравых о вещах суждений, он учит, что и это хорошо, хотя нет соответствующей тому жизни, хоть и не так живем; но знание должного образумит наконец и приведет к делам должным. «Прежде всего прочего, говорит он, надлежит нам иметь правильное суждение о вещах. Если еще не следуем добродетели, по крайней мере, научимся хвалить ее. Если еще не убегаем порока, по крайней мере, навыкнем порицать худое, дабы хотя суд наш был правый. Держась сего пути, можем приняться и за самые дела. На сей конец и Павел повелевает обновляться, *во еже искушати, что есть воля Божия*».

В пояснение того, что значит воля Божия — *благая и угодная и совершенная*,— блаженный Феофилакт сокращенно приводит толкование сих слов, данное Василием Великим, в «Кратких...» его «...правилах», в ответе на 276-й вопрос. Приводим сие место вполне. «Во-первых, надобно искать, что есть благая воля Божия; это прямая заповедь делать что-либо, например: *будите милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (ср.: Лк. 6, 36) — или: *ходите в любви, якоже и Христос возлюбил есть нас* (Еф. 5, 2); потом, когда узнаем благую волю, должно исследовать, угодна ли Богу сия благая воля (в отношении к нам).

Ибо иное в особом отношении есть воля Божия, и воля благая; но когда это делается или не тем лицом, или не в то время, как бы надлежало, то не бывает уже благоугодным Богу. Например: была воля Божия и воля благая, чтобы кадили Богу; но не благоугодно было Богу, чтобы делали сие Дафан и Авирон. И еще: есть воля Божия и воля благая, чтобы творили милостыню; но, чтоб делали сие ради прославления от людей, это уже не благоугодно Богу. И еще: была воля Божия и воля благая, чтобы ученики, *еже во уши слышали, проповедали на кровех* (ср.: Мф. 10, 27); но, чтоб говорили о чем-либо (о некоторых вещах) прежде времени, сие не благоугодно было Богу. Ибо говорит: *никомуже поведите видения* сего, *дондеже Сын Человеческий из мертвых воскреснет* (ср.: Мф. 17, 9). И вообще всякая воля Божия благая тогда и благоугодна, когда исполняется в ней сказанное Апостолом: *вся во славу Божию творите* (1 Кор. 10, 31) — и: *вся благообразно и по чину да бывают* (ср.: 1 Кор. 14, 40). Но опять, если на что есть воля Божия, и воля благая, и воля угодная, то и в сем случае должно не беспечности предаваться, но подвизаться и заботиться, чтоб сие было совершенно и без недостатков, в мере как самого дела, так и силы совершающего дело. (Можно прибавить: со всем усердием, вниманием и тщанием; потому что не благоволит Бог к творящему дело Его небреж-

но.) Ибо сказано: *возлюбиши Господа Бога твоего от всея души твоея, и всею силою твоею, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим: и ближняго своего, яко сам себе* (ср.: Лк. 10, 27), как и Господь научил в Евангелии от Иоанна: *якоже возлюбих вы, да и вы любите себе* (Ин. 13, 34). Да и всякую заповедь люби, как написано (см.: Втор. 6, 6). Ибо сказано: *блажен раб той, егоже, пришед господин его, обрящет тако творяща* (Мф. 24, 46)» (*Святитель Василий Великий*. Правила, кратко изложенные в вопросах и ответах. Ответ 276).

Очертив дух жизни христианской, Апостол начинает теперь изображать:

2) КАК ОН ДОЛЖЕН ВЫРАЖАТЬСЯ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ (12, 3—13, 14)

а) Сначала среди них самих, яко христиан (12, 3—21)

На первом месте здесь ставит он: аа) *общее* для сего *правило*, именно: в сказанном духе действуй в среде верующих по своим дарованиям, какие получил от Бога, — имея в виду преимущественно лица, заправляющие обществом (стихи 3—8).

Чтоб приблизить это к понятию, он представляет общество христиан подобным телу и говорит: тело одно, а много имеет членов; каждый член свое имеет дело, и все, делая свое дело,

устрояют и хранят жизнь тела. Так и мы, верующие, — одно тело о Христе Господе, а особо каждый — члены сего тела. Каждому дано свое дарование, и в нем назначено свое дело. Делай каждый сие дело свое, указываемое дарованием Божиим, и духовное благосостояние всех верующих будет цвести беспрепятственно. Это указывается в 4—8-м стихах. Но в заглавие всему этому уроку Апостол ставит урок смирения, который можно выразить так: как бы велико ни было твое дарование, не высокомудрствуй о себе и, как бы оно ни было мало, не тянись ввысь и не бери на себя того, что не по силам твоим (стих 3).

аа) Как — заправители общества (12, 3—8)

Глава 12, стих 3. *Глаголю бо благодатию давшеюся мне, всякому сущему в вас не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати: но мудрствовати в целомудрии, коемуждо якоже Бог разделил есть меру веры.*

Желая научить смирению, свое обнаруживает смирение: *глаголю бо благодатию, давшеюся мне*. Слово мое к вам не мое, но благодать Божия, данная мне, внушает его и понуждает предложить вам. Благодать, данная святому Павлу, есть благодать Апостольства, которая выражалась во власти вязать и решить, — все установлять, предписывать правила и взыскивать за неисполнение

их, — и в том, что Апостолам Дух Святой внушал, что кому когда говорить. Едва ли Апостол в приведенных словах имел в виду первую сторону Апостольской благодати; потому что высказывание власти не располагает к смирению, а раздражает сознание и своего достоинства. А скорее, он хотел выразить, что «узаконяет пишемое не он, но действующая чрез него благодать Духа, говоря как бы: я — орудие благодати» (блаженный Феодорит); не стал бы сам докучать вам этим уроком, но понуждает Дух Божий, Коему не могу противиться. Святой Златоуст говорит: «выше сказал: *молю щедротами Божиими*, — а теперь опять говорит: *глаголю благодатию*. Заметь смиренномудрие учителя, заметь кротость его сердца! Для таких увещаний и советов он никак не признает достаточными собственных своих слов, но в подтверждение оных ссылается то на милосердие Божие, то на благодать. Не от себя предлагаю я слово, говорит он, но от Бога. И не сказал: убеждаю вас премудростию Божиею, законом Божиим, — но: благодатию, — непрестанно напоминая о благодеяниях, дабы внушить большую благодарность и доказать, что и благодать требует исполнения того, о чем здесь говорится».

Всякому сущему в вас. «Не тому или другому, но всем, — начальнику и подчиненному, рабу и свободному, неученому и мудрецу, женщине и му-

щине, юноше и старцу; это общий закон, потому что Господний. Итак, Апостол никого не оскорбляет словом своим; предлагает наставление всем, даже и тем, которые не виновны (в противоположном наставлению пороке), дабы удобнее приняли сие вразумление и исправление виновные» (святой Златоуст).

«И что же говоришь ты, скажи мне? *Не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати*. Предписывает смиренномудрие, матерь всего доброго, подражая в том своему Учителю. Как Христос, взойдя на гору, дабы предложить нравственную беседу, начал словом о смиренномудрии и такое предложил основание: *блажени нищие духом* (ср.: Мф. 5, 3); так и Павел, от догматических истин переходя к нравственным, хотя преподал урок о добродетели вообще (в 1-м и 2-м стихах), требуя от нас удивительной жертвы, но намереваясь описать добродетели порознь, начинает с смиренномудрия, как бы с главы, и советует *не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати*, — потому что такова воля Божия» (святой Златоуст).

Не мудрствовати паче, μὴ ὑπερφρονεῖν, — выше меры своей мудрствовать, — мудрствовать или о себе самом, что будет то же, что высокомудрствовать, гордиться своим дарованием, высясь над другими и свысока смотря на них, — или мудрствовать выше меры — загадывать дела не по

силам и требовать себе места и должности не по способностям, что будет то же, что — быть притязательным не в меру, честолюбивым, властолюбивым, славолюбивым. Все сие и подобное запрещается одним словом: *не мудрствовати паче* — знай свою меру и как в мыслях о себе не выходи из нее, так и в замыслах и требованиях своих — не заходи за черту ее. Это и будет: *мудрствовати в целомудрии*, φρονεῖν εἰς τὸ σωφρονεῖν, — мудрствовать так, чтоб это значило целомудрствовать. Целомудрие здесь — не добродетель чистоты, а здравомыслие. Σωφρονεῖν — собственно и значит: здравоумствовать, — от: σόος — целый, неповрежденный, здравый — и: φρονεῖν — мудрствовать. — Φρονεῖν — не отвлеченное мудрствование означает, а обдумывание дел, занятий, предприятий. Σωφρονεῖν — будет: уметь обдумывать все сие здраво, благоразумствовать. Апостол одну сторону благоразумия берет, именно не загадывать и не требовать ничего выше своей меры, — как и Спаситель учил притчею о замышляющих строить дом или вести войну. Кто себя и дела свои держит в своей мере, тот целомудрствует или здравомудрствует. Святой Златоуст говорит: «слова сии: φρονεῖν εἰς τὸ σωφρονεῖν — значат: мы получили силу рассуждения, дабы обращать оную не в высокоумие, но в целомудрие. Не сказал Апостол: думайте о себе смиренно, — но: целомудренно, — разумея здесь под целомудрием не

противоположную бесстыдству добродетель и не удаление от распутства, но ум трезвенный и здравый. Ибо иметь здравые мысли называется: σωφροσύνη — целомудрием. Называя смиренномудрие целомудрием (здравомудрием), Апостол показал, что нескромный (несмиренный) не здрав умом, но сумасбродствует, бесчинствует и поступает несмысленнее всякого безумного». «Гордыня есть болезненный образ мыслей» (блаженный Феодорит).

Коемуждо якоже Бог разделил есть меру веры. Какая же мера здравомудрия? Та, чтоб всякий мудрствовал в мере дара, который получил от Бога. Мерою веры назвал здесь Апостол меру дарований, поставляя причину вместо действия, — потому что вера причина дарований, и мера сих определяется мерою той. Феодорит пишет: «Апостол верою назвал здесь благодать. Ибо верою приобретается даяние благодати и по мере веры даются дары благодати. Повелевает же данною благодатию измерять мудрование души». — А святой Златоуст говорит: «поелику многие из римлян и из коринфян по причине духовных дарований впали в высокоумие, то заметь, как Апостол выводит наружу причину сей болезни и понемногу отклоняет оную. Сказав, что должно *мудрствовати в целомудрии*, — присовокупил: *коемуждо якоже Бог разделил есть меру веры*, — называя здесь верою духовное дарование! Сло-

вом же: *разделил,* – как утешил получившего меньший дар, так смирил пользующегося большим даром. Ежели Бог разделил так, а не от твоего зависит успеха, то почему тебе думать о себе много? Ежели же кто скажет, что здесь о вере говорится, а не о даровании; то сие еще более доказывает, что Апостол хочет смирить тщеславных. Ежели вера есть причина дара, ею творятся чудеса и все сие (то есть и самая вера) от Бога, то на каком основании думаешь о себе много? Если бы Бог не пришел на землю и не воплотился; вера не имела бы таких успехов. Итак, все доброе имеет начало в Боге. А если Сам Он дает, то умеет и разделить. Сам все сотворил и о всех равно печется. От Его человеколюбия зависит, как дать, так и дать в известной мере. Явивший благодать в главном, – в том, что сообщил дары Свои, не обойдет тебя в разделе. Если бы хотел Он лишить тебя чести, то не дал бы тебе и самого первого». Мера веры есть мера дарования; но как и самая вера от Бога, то нет существенной разности – меру ли собственно веры разуметь здесь, как слово требует, или меру дарования, условливаемую мерою веры, как требует течение речи. Ибо после Апостол говорит уже не о мере веры, а о мере дарований.

Стихи 4–5. *Якоже бо во единном телеси мнози уды имамы, уды же вси не тожде имут делание:*

такожде мнози едино тело есмы о Христе, а по единому друг другу уди.

Сказанное пред сим Апостол поясняет примером. Потребовав не мудрствовать паче меры своей, то есть знать свою меру, и как не думать о себе паче меры, так и не загадывать дел выше своих сил и не требовать себе места и должности выше своих способностей, теперь убеждает: смотри на тело, и научишься всему сему. У нас в одном теле много членов, и не все члены одно делают дело, но у каждого есть свое дело, которым одним он и занят и не заявляет требования, чтоб ему дали другое дело, которое кажется ему повыше. Не все члены видят, не все слышат, не все дышат... Но зрение дано глазу,— он им и занят; слышание — уху,— оно то и делает; дыхание — легким,— они и дышат: так и прочие члены имеют всякий свое дело: желудок варит пищу, сердце обращает кровь и прочее. Желудок не заявляет требования: дай, я буду смотреть,— потому что он к этому не настроен и способности не имеет. Так и всякий член не лезет туда, где он негож,— свою меру знает и о том лишь заботится, чтоб свое дело исправлять как должно. Похоже на тело и общество христианское, продолжает Апостол. Нас много, но все мы — одно тело о Христе Иисусе Господе, Который есть Глава сего тела. Все мы — одно тело, но не все — одно и то же, но разнимся друг от друга; мы то же в

отношении друг к другу, что члены. — Далее сего сравнение у Апостола нейдет. Ожидалось бы, что он скажет: так и мы, как члены одного духовного тела о Христе, не одно и то же имеем или должны иметь делание, как не одно имеют делание и члены тела вещественного. Но как это само собою было очевидно, то Апостол не счел нужным делать такое приложение, равно как выводить отсюда урок: свое дело всякий делай и выше своего дарования не лезь.

Очсвидно, что Апостол так поставил сие сравнение, чтоб поддержать вторую особенно сторону немудрствования паче должного, то есть ту, чтоб не быть притязательным, не искать высшего себя, а свою меру знать и свое дело делать. Но и первая тут же: ибо таких притязаний нельзя иметь, не думая о себе паче меры. Почему не неуместно наши толковники и в сих стихах видят продолжение Апостольского наставления о смиренномудрии. «Почему ты думаешь о себе высоко? Не все ли мы, большие и малые, составляем одно тело? А когда по отношению к Главе мы одно тело и один для другого члены; для чего ты отторгаешься высокоумием? Для чего стыдишься брата? Как он есть твой член, так и ты его член; и в этом отношении вы равночестны» (святой Златоуст).

Стих 6. *Имуще же дарования по благодати данней нам различна: аще пророчество, по мере веры.*

Речь Апостола усеченна; дополним ее. Члены тела не одно имеют делание; и мы должны не одно иметь делание, а каждый свое. Какое же? На какое получил каждый дарование от Бога. Имея таким образом разные дарования, мы должны действовать каждый своим дарованием: кто получил пророчество, пророчествуй и прочее. Экумений пишет: «усеченно говорит Апостол, не все употребляя речения, какие нужны для выражения мысли. Здесь надо дополнить после: *имуще дарования различна* — такие слова: пребывай каждый в том даровании, которое получил, — *или*: довольствуйся им, — *или*: действуй по нему и согласно с ним, — *или* что подобное».

Дарования, о которых поминает здесь Апостол, разумеются не естественные, которые каждый получает в рождении, хотя и они все от Бога; но разумеются дарования сверхъестественные, благодатные, подаемые Святым Духом по Крещении в Миропомазании, что при Апостолах совершалось возложением рук и составляло неотъемлемую принадлежность всякого верующего и признак того, что он есть Христов, верующий. Дарования сии Апостол подробно перечисляет в Послании к Коринфянам (см.: 1 Кор. 12, 7—11). Такое раздаяние дарований явно было для всех. Почему Апостол не доказывает сего, а только указывает: *имуще дарования*.

Святой Златоуст и здесь видит урок к смирению: «итак, не думай о себе много. Все, что ты получил, дано тебе от Бога, а не сам ты приобрел. По сей причине Апостол, коснувшись духовных дарований, не сказал, что один получил больше, а другой меньше; а как наименовал дарования? Различными. Ибо говорит: *имуще дарования* — не большие и меньшие, но: *различна*. Что за дело, ежели не то же тебе вверено, когда ты принадлежишь к тому же телу?»

Но и к дополнительной мысли, то есть той: получили вы разные дарования, и действуй теперь каждый сообразно с своим,— святой Златоуст делает особое внушение: «поелику достаточным образом усмирил уже слушателей, то желает сделать их ревностными и подвинуть к большей рачительности, указывая на то, что и от них самих зависит получить больший или меньший дар. Дабы смирить горделивых, он утверждает, что дается сие от Бога, когда, например, говорит: *коемуждо якоже Бог разделил есть меру веры* — и еще: *по благодати данней нам*. Но для поощрения беспечных присовокупляет, что первое основание полагают сами люди. Для тех же двух целей то же самое утверждает он и в Послании к Коринфянам. Когда говорит: *ревнуйте дарований* (ср.: 1 Кор. 12, 31), показывает, что и они сами бывают причиною разности даруемого. А когда говорит: *вся же сия действует един и*

тойжде Дух, разделяя властию коемуждо, якоже хощет (ср.: 1 Кор. 12, 11), доказывает тем, что получившие дар не должны оным превозноситься. Так в обоих отношениях врачует недуг коринфян. Подобно поступает и с римлянами». Приложим и слова блаженного Феодорита: «каждая часть тела не себе только полезна, но приносит пользу и целому. Посему и приявшему свыше какую-либо благодать надлежит ясно знать, что для общей потребности приял он дар сей... Мы друг для друга члены, по данной нам благодати имеющие разные дарования; ибо хотя они и различны, однако же Божественною благодатию подаются к общей пользе».

Аще пророчество, по мере веры. И здесь речь усеченна. Апостол хотел сказать: имеет ли кто дар пророчества, пророчествуй по мере веры. Он начинает перечислять разные дарования и указывает их должное употребление. Слова: *по мере веры* — наши толковники относят не к употреблению дара пророчества, а к получению его, именно в том смысле, что дар сей получается по мере веры. Так святой Златоуст: «хотя пророчество дается по благодати, но изливается не просто, а заимствует меру от приемлющих; и течет столько, сколько велик будет подставленный сосуд веры». Так блаженный Феодорит: «верою каждого измеряет благодать Податель благ». Так и другие. Но и в таком случае все же надо

будет речь дополнять: пророчество ли получил кто по мере веры, — пророчествуй во благо другим. А что так дополнить необходимо, обязывает вся речь. Ибо далее говорится: если служение получил, служи; если учение, учи и так далее. Следовательно, и здесь надо доразумевать указание на употребление дара пророчества, относить ли слова: *по мере веры* — к получению дара пророчества или к употреблению его.

«Пророчеством Апостол называет не только предведение будущего, но и ведение сокровенного» (блаженный Феодорит), и, частнее, ведение сокровенных помышлений сердечных, вместе с которым находило и понуждение повесть речь об открытых помышлениях, для отгнания ли их и изменения, если они неодобрительны, или для большего их утверждения, если они хороши. В каком бы смысле ни принять слово: *пророчество*, — употребление сего дара требует большой веры и опытности духовной. Иначе может случиться, что или совсем останется без употребления дар сей, по излишней скромности и несмелости, или к употреблению его примешается многое личное, свое, а не благодатию внушенное. Вера же и дерзновение подает и научает верному различению своего от Божиего. Вера, детски смиренная, ни в том, ни в другом случае не постыждает. Ей принадлежит преданность Богу, за которую, как за повод, ведет Бог смиреннопреданного

Ему непогрешительным путем. Потому *по мере веры* можно понимать — по мере убеждения, внутреннего свидетельства совести. По-гречески стоит: κατὰ τὴν ἀναλογίαν τῆς πίστεως, — что справедливо можно перевесть: согласно с верою. Вера здесь, как совокупность догматов, — символ веры. Это проба пророческих созерцаний и откровений и программа для их употребления. Из открываемого предлагай другим то, что согласно с общею верою, ее разъясняет, питает, утверждает.

Стих 7. *Аще ли служение, в служении: аще учай, во учении.*

Если получил дар служения, пребывай в служении. Служение, διακονία, — разумеется собственно исправление чего-либо по церкви: смотрение за входящими в храм и за порядком в нем, прислуживание при совершении таинств и все прочее есть διακονία. Этим обнимается не диаконский только, но и весь священноцерковнослужебный чин. Святой Златоуст говорит: «служение взято здесь в общем понятии; ибо и Апостольство называется служением, и всякое доброе духовное дело есть служение. Хотя сие же наименование употребляется для означения частной должности; впрочем, здесь говорится вообще». То же пишет и блаженный Феофилакт: «есть служение и дарование особенное в чине церковном, каково служение “седми диаконов”. Но здесь под именем служения разумей вообще

всякое духовное дело. Каковое, говорит, получил ты служение, в исправлении того пребывай (это слово должно приложить здесь), не ищи чего-либо большего и не превозносись пред другим, а будь доволен тем, что получил».

Аще учай, во учении. Если ты *учай* — учитель, получил дар учительства; то пребывай в учении, об нем думай, им занят будь, его исправлять, как должно, всячески старайся и ревнуй. — «Под учением разумеется истолкование Божественных догматов» (блаженный Феодорит) — о Пресвятой Троице, о творении и промышлении, о блаженном состоянии в раю и падении, о воплощении Бога и нашем в Нем спасении, о благодати Святого Духа и надеждах христианских. Что это есть особое дарование, видим доселе: ибо иной очень ясно преподает догматы, но утешить, но распутать нравственную запутанность и вывесть на путь не умеет. От пророчества этот дар отличается тем, что дух пророческий находил внезапно и понуждал к слову, не ограничиваясь лицами и не стесняясь ни временем, ни местом; а дар учения действовал постоянно и давал учащему свободу избирать предметы и порядок учения, наблюдать время и готовить поучения. Святой Златоуст говорит при сем: «заметь, что Апостол не наблюдает строгого порядка, но малое (служение) ставит впереди, а большое (учение) после,

научая тому же, чему научил прежде, то есть не надмеваться и не превозноситься».

Стих 8. *Аще утешаяй, во утешении: подаваяй, в простоте: предстояй, со тщанием: милуяй, с добрым изволением.*

Если ты *утешаяй* — получил дар утешения, то пребывай *в утешении* других. Утешение, παράκλησις, — двоякое может иметь значение, — или утешение в скорби, умиротворение и успокоение смущенного сердца, или убеждение к доброй жизни, упорядочение нравственной стороны. То и другое может исправлять один и тот же дар по однородности дела и одинаковости требуемого к исправлению его настроения. Почему и здесь то и другое можно разуметь, как и делают наши толковники. Блаженный Феодорит под «*утешением* разумеет убеждение к добродетели»; а блаженный Феофилакт — успокоение скорбящего сердца, говоря: «и утешение есть особый вид учения. Ибо учением называется вообще рассуждение о всяком предмете, а утешением собственно то, когда кто успокоивает словом души, возмущенные скорбию или гневом. Итак, утешающий, говорит, пусть пребывает в утешении, делая свое дело, и не превозносится пред другим».

В Апостольские времена были в Церкви особые чины Пророков и учителей, кроме Апостолов, и особые чины служащих по церкви. Но был ли особый чин утешающих и на путь правый настав-

ляющих? Верно, был, когда о даре к тому особо говорит Апостол. Их делом могло быть смотрение за нравственностию и уговаривание неисправных исправиться, прежде чем возьмется за сие власть церковная. — Не след ли сего чина есть ὁ εὐταξίας — смотрящий за благочинием в церкви?

Подаваяй, в простоте. Если ты *подаваяй* — получил дарование экономства и приставлен к раздаванию потребного нуждающимся от лица Церкви; то подавай *в простоте*, то есть не подозревая того, кто предъявляет свои нужды, в лукавстве, а в простоте сердца веря его слову, что точно он нуждается так, как говорит, — или в простоте сердца подавай ему, не скупясь, не жалея, сердцем широким. В первенствующей Церкви общества христианские содержали своих бедных, и для того каждый по силе жертвовал в общую церковную экономию от имения своего, что кто мог и чем усердствовал. Для раздаяния пособий избирались особые способные к тому лица. В Иерусалимской Церкви Апостолы избрали на то семь диаконов. Так, надо полагать, делалось и во всех Церквах. Потом, когда диаконы отошли на прислуживание при совершении таинств, для раздаяния потребного нуждающимся избирались особые экономы, на попечении которых были все бедные, вдовы, сироты, больные и все всякого рода нуждающиеся. Что умение

вести такого рода дела есть особое дарование, это всякий знает по всегдашним опытам. Об этом даровании и говорит здесь Апостол, но не как о естественной способности, а как о благодатном даре, давая разуметь, что такого рода дарование проявлялось тогда в лицах, которые естественно не выказывали к тому особого предрасположения. Но если и предполагать в ином подобное предрасположение, все надо полагать, что благодать Божия, пришедши, вызывала, возвышала и направляла его.

Полагать, что здесь Апостол разумеет особый дар — распоряжаться церковным имением — заставляет то, что сей: *подаваяй* — стоит у него между: *учай* — и: *утешаяй*, — с одной стороны, и: *предстояй*, — с другой, — то есть в ряду чинов, ведущих благообразные порядки по церкви. Наши толковники говорят при сем более о том, с какими расположениями должно подавать нуждающимся, — так, однако ж, что все сказанное ими может относиться не к общей только добродетели подавания милостыни, но и к особым экономам церковным. Вот слова их: святого Златоуста: «не довольно еще того, чтобы подать, но надо подать нескудно; ибо сие разумеется везде под словом: *простота*»; блаженного Феодорита: «*подаваяй, в простоте*, — не славу себе от других уловляя, но удовлетворяя потребности нуждающегося и не рассуждая, достаточно ли будет или

недостаточно для себя, но полагаясь на Бога и щедро делая подаяние»; блаженного Феофилакта: «сказав об учении и утешении, то есть о том, что относится к попечению о душах, теперь говорит о телесном, как занимающем второе место. *Простотою* называет щедрость; следовательно, учит раздавать со щедростию. Ибо никакая добродетель не бывает добродетелию, если совершается ненадлежащим образом. Так и девы хотя имели елей, но имели его недостаточно, почему и отвержены (см.: Мф. 25, 1—12)». Все сии наставления могут идти к раздаятелям как своего, так и церковного имущества.

Предстояй, со тщанием. Если ты предстоятель, веди дело предстоятельства со тщанием. Апостолы, где ни насаждали веру, везде поставляли священников или и епископов с рукоположением, чтоб они управляли образовавшимся христианским обществом, или Церковию, во всем касающемся веры и спасения. Были назначаемы предстоятели и для каждого собрания верующих. Храмов пока не было; собирались в домах. Если общество верующих было велико, то собирались не в одном доме. Для каждого такого собрания был особый предстоятель с полною властию предстоятельства. Это было начало многих приходов в одном месте жительства — городе, местечке или большом селе. Всякому такому предстоятелю, и большому, и малому, заповедует

Апостол предстоять со тщанием. Куда весть и направлять и как действовать, было известно. Не ленись только, и все будет идти добре. Это то же, что внушал святой Павел и святому Тимофею: *не неради о своем даровании живущем в тебе, еже дано тебе бысть пророчеством с возложением рук священничества* (1 Тим. 4, 14). «Не довольно быть начальником, но надобно начальствовать с рачением и усердием» (святой Златоуст). «Тому, кто получил попечительное о братиях настоятельство, надлежит вместе с властию восприять и тщательную о них заботу, чтоб начальствуемые им преуспевали и ему иметь в них плод и для себя самого» (Амвросиаст).

Милуяй, с добрым изволением. – *С добрым изволением*, ἐν ἱλαρότητι, – что выразить вполне следует так: с радостным сердцем и веселым лицом, – радушно. Но кто сей *милуяй*? Поелику он стоит в ряду лиц строящих и держащих порядки в христианском обществе, то и под ним пригожее разуметь какой-либо чин. Может быть, это пекущийся о больных. Он вместе с *подаваяй* и *утешаяй* залечивали все раны верующего общества, кто пособием, кто словом, кто попечением о здоровье. И тем надо быть радушными, но паче их ходящему за больными.

Но может быть, Апостол перечисление чинов церковных и особых дарований для них кончил предыдущим: *предстояй, со тщанием*, – а с сего

слова начинает предписывать общие всем христианам добродетели, поставляя на первом месте радушную милостивость к нуждающимся. Наши толковники разумеют здесь общую добродетель милосердия. Святой Златоуст говорит о сей добродетели пространно: «мало оказывать милосердие, но надобно делать сие нескудно и без скорби; или, лучше сказать, не только без скорби, но еще с веселым и радостным духом. Ибо не одно и то же не быть печальным и радоваться. То же самое с великим тщанием доказывал Павел и в Послании к Коринфянам. Ибо, побуждая их к щедрости, говорил: *сеяй скудостию, скудостию пожнет; а сеяй о благословении, о благословении и пожнет* (ср.: 2 Кор. 9, 6) и, научая, с каким расположением должно оказывать щедрость, присовокупил: *не от скудости, ни от нужды* (ср.: 2 Кор. 9, 7). В оказывающем милосердие должно быть то и другое, и щедрость, и веселое расположение. Для чего плачешь, подавая милостыню? Зачем тужишь, оказывая милосердие, и чрез то лишаешься плода заслуг своих? Ежели тужишь, то нет в тебе милосердия; напротив, ты жесток и бесчеловечен. Ежели сам тужишь, то как можешь ободрить того, кто в горе? Нелегко сделать, чтоб в нем не родилось худого подозрения, когда подаешь ему и с радостию; потому что человеку кажется всего унизительнее принимать что-нибудь от другого. Ежели ты особенною веселостию

своего расположения не отвратишь подозрения и не покажешь, что сам одолжаешься больше, нежели одолжаешь; то, скорее, уронишь, чем восстановишь приемлющего. Посему Апостол говорит: *милуяй, с добрым изволением*. Кто с печальным лицом получает царскую власть? Кто остается с потупленными взорами, получив прощение грехов? Смотри не на трату денег, но на плоды сей траты. Ежели сеятель радуется, хотя и наудачу сеет; тем более должен радоваться делатель неба. Если и малое дашь с радостию, дашь много. Равным образом, если ты и много подал, но с прискорбием; то из многого сделал мало. Так две лепты вдовицы (см.: Мк. 12, 41—44) превзошли многие таланты, потому что ее расположение было не скудно. Скажешь: как может подавать с радушием, кто сам живет в крайней бедности, у кого истощено все? Спроси вдовицу, у нее научишься, как это можно, и узнаешь, что не от бедности происходит душевное беспокойство, но что собственная воля производит как сие, так и все противное. Можно и в бедности быть великодушным, и при богатстве малодушествовать. Посему Апостол требует при подаянии простоты, при милосердии радушия, при начальствовании рачения. Он желает, чтобы мы помогали нуждающимся не только деньгами, но и словами, делами, телесным трудом и всем прочим. И, сперва упомянув о главном роде вспоможения,— учени-

ем, советами, — которые тем нужнее, что служат пищею душе, потом уже переходит к вспоможению деньгами и всем прочим».

Указав, как должны действовать лица, заправляющие делами христианского общества, пишет теперь Апостол:

бб) Правила, как должны действовать все другие христиане (12, 9—21)

Здесь он представляет перечень расположений и действий, в каких выражаться должен указанный в начале дух жизни о Христе Иисусе — в каждом христианине (см.: 12, 9—21).

Глава 12, стих 9. *Любы нелицемерна: ненавидяще злаго, прилепляйтеся благому.*

Любовь нелицемерная должна составлять душу и всех пред сим показанных действий, как изъясняет святой Златоуст: «Апостол, научая, как можно преуспевать в тех добродетелях, представляет матерь их — любовь. Если будешь иметь любовь, то не почувствуешь траты от денег, ни телесного труда, ни тяжести при научении других, ни пота при служении; напротив, все перенесешь мужественно, потребуется ли помощь ближнему телесными трудами, деньгами, словом или иным чем». Но она должна составлять душу и всех христиан во всех их действиях, служа отличительною чертою истинного христианства, как Сам Господь указал: *о сем разумеют вси, яко*

Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин. 13, 35). Сознание, что так должно быть, глубоко лежит в сердце христиан, и все стараются являть себя и словом и делом любящими других. Но как показывание себя любящим не всегда исходит от любящего сердца, то Апостол и приложил: любовь да будет нелицемерною, то есть не внешно только показывайте любовь, но, главное, в сердце ее питайте. Святой Златоуст и говорит далее: «как Апостол требует не просто подаяния, но в простоте, не просто начальствования, но со тщанием, не просто милостыни, но с радушием; так не просто же требует он любви, но любви непритворной. Ибо такова истинная любовь; а если она такова, все прочее последует само собою».

Апостол не заповедь любви предписывает: это у него есть общепризнанная истина. Но указывает качество любви, в виде предостережения от уклонения к неправости в сем главном деле. Любовь печатлеется в сердце вместе с принятием возрождения, которое созидается на разрушении самости, как в другом месте пишет Апостол: *любы Божия излияся в сердца наша Духом Святым* (5, 5). Но потом возможно, что самость опять прокрадется в сердце и, оставляя на деле внешнюю любезность, ослабит любовь сердца или совсем изгонит ее оттуда и займет ее место. Тогда любовь хоть видна будет в делах, но будет

уже лицемерная. Вот от сего и предостерегает Апостол.

Ненавидяще злаго, прилепляйтеся благому. Под злым и благим не люди разумеются, а злое и благое — дело, слово, помышление, всякое зло и всякое добро. Что в поведении христиан не должно ничего быть худого, укорного и зазорного, а напротив, они должны быть святы и непорочны во всем житии своем, об этом и говорить нечего. Но требуется не одно поведение, чуждое греха и полное добродетели, но сердце, с ужасом отвращающееся от всего худого и пламенно любящее все доброе. Как это не всегда бывает, то Апостол и напоминает о сем особою заповедию.— Святой Златоуст говорит: «Апостол велит не удерживаться только от зла, но ненавидеть оное, и не просто ненавидеть, но с ужасом отвращаться от него. Поелику многие хоть не делают зла, но имеют злые пожелания; то Апостол сказал: отвращайтесь с ужасом. Он хочет, чтоб наши помышления были чисты, чтоб мы объявили пороку явную вражду, ненависть и войну. Поелику я предписал вам, говорит Апостол, любить друг друга; то не заключайте из моих слов, что велю и в худых делах содействовать друг другу. Я предписываю вам совершенно противное: чуждаться зла не только делом, но и расположением; и не только чуждаться злых расположений, но и всячески отвращаться зла и ненавидеть оное. И

сим еще не довольствуется Павел, но требует упражнения в добродетели, говоря: *прилепляйтеся благому*. Не сказал: делайте добро,— но: будьте привержены к оному; ибо сие выразил он, повелев прилепляться к добру. Так Бог, сопрягая мужа и жену, сказал: *прилепится к жене своей* (Быт. 2, 24)».

Стих 10. *Братолюбием друг ко другу любезни: честию друг друга больша творяще.*

Любовь и взаимноуважение суть основные расположения, которыми заправляются и держатся христианские друг к другу отношения. Где они в силе, там глубокий мир и прочное благоденствие. Любовь связует, а взаимноуважение отгоняет все пошлое из любовных союзов, могущее как-нибудь омрачить их.

Братолюбием друг ко другу любезни. Как выше, так и здесь Апостол не заповедь любви пишет, а качество ее определяет. Там сказал, что она должна быть нелицемерна, искрення; а здесь указывает, как она может быть таковою, определяя новые ее качества, именно родственные друг к другу чувства. Ибо *любезни*, φιλόστοργοι,— указывает собственно на родственную любовь; а братолюбие из круга родственной любви выбирает братскую. Мы и по естеству братья, но паче братья по духовной жизни: рождены единою благодатию Святого Духа о Христе Иисусе от единой матерней утробы — святой купели; напое-

ны едиными водами благодатных даров из единого источника — Миропомазания; омываемся в единой бане — в слезных водах Таинства Покаяния; питаемся единою нетленною пищею от единой Трапезы, — Таинства Пречистого Тела и Крови Господа. В ком все сие истинно и в силе совершается, те имеют себя в чувствах сердца братьями, без особых предписаний и напоминаний. И однако же, Апостол напоминает. Потому что в жизни непрерывное течение разнообразных случайностей, а около сердца (и в возрожденных) навязчивый рой чуждых движений затуманивают светлый лик братской любви и обезображивают черты ее. Апостол рассеявает сей туман, твердя каждому из нас: смотрите, вы — братья; относитесь же друг к другу, как относятся кровные братья. «Имейте друг к другу горячую любовь и братьям приличную расположенность» (блаженный Феодорит). «Вы братья, вы произошли из одной утробы (то есть купели крещения [как у Феофилакта стоит]). Следовательно, сим самым обязаны уже любить друг друга. Любовь должна быть у вас не только непритворная, но крепкая, горячая, пламенная. Что пользы, если любишь хотя искренно, однако же без горячности? Посему и сказал Апостол: *друг ко другу любезни*, φιλόστοργοι, — то есть любите горячо. Не дожидайся, чтобы другой обнаружил к тебе любовь; но беги к нему сам и начни первый. Тогда

ты приобретешь награду и за его любовь» (святой Златоуст).

Честию друг друга больша творяще. Προηγούμενοι ἀλλήλους, — предпочитая друг друга, ставя другого выше себя, достойнее, совершеннее, почетнее, — держась всегда в отношении других последнейшей, смиреннейшей части. «Показав причину, по которой обязаны мы любить друг друга, Апостол объясняет, как любовь наша может сделаться непоколебимою. Посему присовокупляет: *честию друг друга больша творяще.* Ибо чрез сие любовь рождается и поддерживается. Ничто не приобретает нам столько друзей, как старание превзойти ближнего почтительностию. От сего возрастает не только любовь, но и почтение. Как любовь от почтения, так равно почтение от любви» (святой Златоуст). Есть великие христиане, которые умеют почитать всех выше себя, несмотря даже на явные недостатки иных, — и это не по видимости только, но в чувстве сердца. Такова им благодать Божия. Совершенству отдавать почтение ничего нет мудреного; но предпочитать менее совершенного или даже имеющего явные недостатки и непочтительные пороки — это выходит из естественного порядка и есть прямое дело благодати Божией. И благодать Божия не вдруг совершает такое расположение высокое. Необходим навык и самопринуждение с самопротивлением. В самом за-

родыше благодатной жизни полагается чувство сокрушения и самоуничиженного смирения. Растет жизнь, растет и сие чувство. Но чем более оно углубляется, тем выше становятся в глазах сего преуспевающего все другие. Он видит в них образ Божий, Христа Господа, в них обитающего, и над главою их венец Царствия, им уготованный. Недостатки и падения их, по его мысли, шаг вперед, как у апостола Петра. Ныне отстали немного, — завтра всех упредят: силен бо есть Бог даровать им сие. Великая при сем премудрость — всегда держать лик всякого ближнего незапятнанным или лишь случайно забрызганным. Опыты жизни желающего и ревнующего о совершенстве всему научат.

Стих 11. *Тщанием не ленивы, духом горяще, Господеви работающе.*

Внушает, какова должна быть ревность наша о богоугождении и спасении. Идет и тот, кто с ноги на ногу переваливает, но явно показывает, что у него душа не лежит к тому, куда и для чего он идет. У кого душа в деле делаемом, тот быстродвижен, не жалеет сил, весь в напряжении. Такую энергию подрывает леность — одна из главных страстей, злодействующих в человеке. Ее и изгоняет Апостол, заповедуя быть неленивыми. Быть неленивым — значит: усердствовать к делу, быстро и усиленно действовать. Но не одну быстродвижность внушает Апостол, а вмес-

те и тщание о деле. Иной и быстро действует, но без всякого внимания к делу, спешит, чтоб поскорее дело с рук свалить, и оно делается кое-как. Это другая сторона лености, ничего не делающей. Против этого Апостол велит делать дела свои со всем тщанием, со всем вниманием к делу, всячески заботясь, чтоб дело выходило вполне совершенное, такое, каким должно ему быть. Как премудро соединил Апостол слова: *тщанием не ленивы*! Чтоб кто не вздумал оправдывать своей медлительности тщанием, говоря: надобно же дело сделать как следует, он заповедует быть при тщании не ленивыми. А чтобы кто по той же лености не стал спешить делом, стараясь поскорее отделаться, сделавши дело кое-как, он при неленивости заповедует быть тщательными. С той и другой стороны ограждает правую энергичность.

Но какой предмет неленостного тщания? Если поставить слова сии в связь с предыдущим, то это будут дела любви к ближним. Блаженный Феофилакт пишет: «так как многие по-видимому душевно почитают и любят друг друга, но руки к ним не простирают; то Апостол научает заботиться друг о друге и самым делом помогать другим». Эту речь заимствовал он у святого Златоуста, который пространнее говорит в том же смысле: «Апостол требует от нас не одной почтительности, но чего-то еще большего, говоря: *тща-*

нием не ленивы. И сие рождает любовь, когда при почтительности оказывает услуги. Ибо ничто так не заставляет любить, как почтение и почтительность. Не довольно любить, но нужно иметь и сие, или, лучше сказать, как это происходит от любви, так и любовь делается от сего горячее; одно подкрепляет другое. Многие хотя сердечно друг друга любят, однако же не подадут друг другу помощи. Посему Апостол отвсюду подкрепляет любовь». — Так и Экумений.

Но ничто не препятствует предметом неленостного тщания признать вообще деятельность в духе веры, все доброе, богоугодное и спасительное, куда войдут и дела любви к братиям. Ибо неленостная тщательность требуется не в этих только делах, но вообще во всех делах христианина, которые исключительно должны быть направляемы на угождение Богу и представляемы Ему как служение Ему. Амвросиаст и пишет: «в словах: *тщанием не ленивы* — то же говорится, что говорит пророк Иеремия: *проклят всяк творяй дело Божие с небрежением* (ср.: Иер. 48, 10). Ленивый в делах богоугождения есть без надежды (ни теперь дерзновения к Богу не имеет, ни в будущем ничего светлого ожидать не может)». Так понимает и блаженный Феодорит: «будьте, говорит Апостол, *тщанием не ленивы*, — показывая живое усердие к хорошему и совершенно избегая лености».

Духом горяще, — то есть будьте горящи духом. Указывает источник неленостной тщательности. Кто горит духом, у того и все дела горят в руках, то есть скоро и хорошо делаются; потому что делаются со всем усердием и ревностию. «Заметь, говорит святой Златоуст, что Апостол во всем требует усиления. Он сказал: не только подавайте, — но неоскудно; не только начальствуйте, — но с рачением; не только совершайте дела милосердия, — но с радостию; не только будьте почтительны, — но предупреждайте в почтении других; не только любите, — но любите непритворно; не только удерживайтесь от зла, — но ненавидьте оное; не только держитесь доброго, — но прилепляйтесь к оному; не только будьте дружелюбны, — но с нежностию; не только будьте тщательны, — но неослабно; не только имейте дух, — но пламенейте духом, то есть будьте усердны и ревностны».

Духом называется та сила или та сторона нашей внутренней жизни, которая обращена к Богу, добродетели, небу и вечности. В падении она ослабла и подавлена; но, когда приходит благодать, оживляет ее, и человек начинает ревновать о Божеском, святом, неземном. Гореть духом — значит: ревновать пламенно о богоугождении, спасении и стяжании Царства Небесного. И душа ревнует, но лишь по устроению земного быта; а к духовному она холодна. И весь человек

бывает к сему холоден, пока в нем преобладает душевная сторона. А когда дух пробудится благодатию, тогда он не только делает духовное ревностно, но и все душевное, телесное, семейное и гражданское туда же направляет и одухотворяет.

Мы все прияли благодать в Крещении и Миропомазании. Потому следовало бы нам гореть духом, который оживляется благодатию Святого Духа. Отчего же не можем сказать, что горим духом? Оттого, что занимаемся более или исключительно душевным, житейским, гражданским; дух и заглох, хотя и дает знать о себе. Чтоб разжечь дух, надо сознать неудовлетворительность направления нашей деятельности, наипаче к земному и житейскому,— углубляться размышлением в созерцание Божеского, святого, небесного и вечного,— а главное — начать ходить в делах, духовными именуемых. И загорится дух: ибо всем сим возгреется дар благодати, живущий в нас. Так толкуют святые Отцы и учители наши. Святой Златоуст, перечислив, как выше приведено, роды усиленной деятельности, прибавляет затем: «если будешь иметь все теперь исчисленное, то привлечешь Духа. А если пребудет в тебе Дух, то соделает тебя рачительным ко всему исчисленному. Когда же воспламенен будешь Духом и любовию, тогда все сделается для тебя легким. Ужели ты не видывал, сколько ужасен для всех вол, когда у него на хребте зажжен огонь? Так

и ты сделаешься нестерпимым для диавола, если возьмешь оба сии пламенника (то есть благодать Духа и любовь)». Амвросиаст пишет: «гореть духом — значит: не быть в деле Божием ни теплым, ни холодным, о каковом состоянии говорит в Апокалипсисе святой Иоанн: *яко объуморен еси, и ни тепл, ни студен, изблевати тя от уст Моих имам* (ср.: Апок. 3, 16). Если хочешь избежать сего, размышляй о Божественных вещах. Всегдашнее о сем размышление гонит усыпление и сообщает живодейственную бодренность». — Полнее о сем слово блаженного Феодорита: «духом Апостол назвал дарование (благодати, возбуждающей дух наш) и повелел, чтобы усердие наше доставляло ему пищу, как дрова — огню (разумеются — размышление о Божественном и духовные дела). То же говорит он и в другом месте: *духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19). Угашается же дух недостойными благодати; потому что, не имея чистого ока ума, не приемлют оного луча. Так и для слепотствующих телесно тьмою бывает и свет, и среди дня служат они мраку. Посему Апостол повелевает нам гореть духом и иметь горячую любовь к Божественному».

Господеви работающе, — то есть будьте Господни работники, на Господа работайте, а не на кого-либо другого, ни на себя, ни на мир. С сего слова, и во весь следующий стих, Апостол определяет направление горящего духа. Первое у

него в сознании и стремлении есть Господь, живой союз с Ним, и всяческое угождение Ему, и невыступление из Его воли ни в малом, ни в великом, ни в слове, ни в деле, ни в мысли. Дух по естеству своему Божествен; почему, когда пробуждается, к Богу устремляется, к Богу прилепляется, Богом живет и жить хочет. В вере Христовой у человека к сему присоединяется сознание, что куплен бесценною ценою крови Господней, а с этим сознанием неразрывно связано чувство обязательства неустанно работать Купившему, и Ему только единому. Почему он все к сей работе и направляет, даже *аще яст или пиет* (ср.: 1 Кор. 10, 31), помня внушение Апостола: *куплени есте ценою. Прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия* (ср.: 1 Кор. 6, 20). По этому признаку всякий может непогрешительно определять, ожил ли и живет ли в нем дух его: если он с ревностию направляет всю свою деятельность к Господу, значит, живет дух его; если нет – не живет. И надо, следовательно, позаботиться оживить его: средства у всех под руками.

Стих 12. *Упованием радующеся, скорби терпяще, в молитвах пребывающе.*

Вот признаки горения духа! «Кто горит духом, тот усердно работает Владыке, ожидает наслаждения уповаемыми благами и преодолевает встречающиеся искушения, приражениям их про-

тивопоставляя терпение и непрестанно призывая на помощь Божественную благодать» (блаженный Феодорит). «Все сие служит к поддержанию оного огня (то есть горения духа)» (святой Златоуст).

Упованием радующеся. С первой минуты пробуждения духа благодатию, сознание и стремление человека переходят от твари к Богу, от земного к небесному, от временного к вечному. Там, в той области, сокровище его, там и сердце его (см.: Мф. 6, 21). Здесь ничего он не ждет, все надежды его об ону сторону*. Отпадает сердце его от здешнего, ничто из сего не влечет его, ничего здесь не ждет он, ничем не радуется. Радуется будущим благам, которыми несомненно чает обладать. Сие преселение благ и надежд сердца есть существенная черта пробужденного и горящего духа. Оно делает человека существенно странником на земле, взыскующим отечества, Иерусалима небесного. Все христиане, как облагодатствованные, должны быть таковы. Почему Апостол всем предписывает и в другом месте: *Аще воскреснусте со Христом* (то есть если ожили вы духом благодатию Христовою), *вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога седя: горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо* (то есть умерли для всего земного, тварного, времен-

* *Об ону сторону* — здесь: по ту сторону, на другой стороне. — *Ред.*

ного), *и живот ваш сокровен есть со Христом в Боге* (ср.: Кол. 3, 1—3).

Что Апостол говорит: радуйтесь упованием,— этим внушает несомненность получения благ уповаемых. Хотя они еще в будущем, но несомненно наши. Потому, считая их своими уже, можем радоваться. И потому так он мог сказать, чтоб поддержать ревность к доброделанию, к которой обязал пред сим. Много трудов он назначил; но как труд поддерживается плодами труда, а на земле доброделание ничего не должно ожидать, то и вперяет наше внимание в созерцание будущих от того благ, могущее всякий труд сделать незамечаемым. Святой Златоуст говорит: «как Апостол требовал денежных издержек, телесных трудов, покровительства, рачения, учения и других подвигов, то, сверх любви и духа, умащает еще подвижника надеждою. Ибо добрая надежда всего более делает душу мужественною и на все готовою».

Скорби терпяще — будьте в скорби терпеливы. И прискорбность, и терпение суть неотъемлемые принадлежности духа горящего или возбужденного. Возбужденный благодатию дух встречает неизбежно противление и в самом человеке, и в порядках текущей вокруг жизни. Противление рождает нападки; нападки причиняют скорбь. Почему Спаситель сказал: *в мире скорбни будете* (Ин. 16, 33). *Аще от мира бысте были, мир*

убо свое любил бы: якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир (Ин. 15, 19). Прискорбность – неизбежный спутник живущих по духу. – И было, и бывает, и будет всегда так.

И терпение в истинном своем виде, – благодушное, *ничем от сопротивных не колеблющееся* (ср.: Флп. 1, 28), имеет место только в тех, у коих в силе облагодатствованный дух. Где нет этого, там качествует саможаление, не любящее ничего прискорбного и не могущее мириться с ним. От того там прискорбное несут, но терпения не имеют, а лишь страдают, ропщут, осуждают всех и всё и горят местию. Кто духом горит, тот себя не жалеет и с первой минуты пробуждения его определяет себя на все скорбное, даже до смерти; почему встречает прискорбности не как нечто чуждое (см.: 1 Пет. 4, 12), а как естественное и ожидаемое. Самое же благодушие при сем исходит у него оттого, что он есть упованием радующийся. Переселился он надеждами своими в иной мир, в сем же мире никакой надежды не имеет; почему в безнадежном положении находящимся никогда себя не чувствует.

В молитвах пребывающе. Как дыхание – телу, так молитва естественна духу. Почему, как только оживает он благодатию, начинает воздыхать молитвенно и дышит так непрестанно. Естество его таково, что он Бога ищет и на Божией

деснице почивает преданностию. Все же сие суть стихии молитвы. Почему он и есть *пребывающ в молитве*, когда оживает и гореть начинает. Верх совершенства в сем деле указал Апостол, когда сказал о духе, в коем живет Дух Святой: *Самый Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными* (ср.: 8, 26). В псалмах так изображаются воздыхания духа. *Тебе рече сердце мое: Господа взыщу, взыска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, взыщу* (ср.: Пс. 26, 8). *Возжада Тебе душа моя* (Пс. 62, 2), *— когда приидеши ко мне?* (Пс. 100, 2). *В крове крилу Твоею возрадуюся. Прильпе душа моя по Тебе: мене же прият десница Твоя* (Пс. 62, 8—9). *Исповемся имени Твоему, яко благо, яко от всякия печали избавил мя еси* (ср.: Пс. 53, 8—9). *Очи мои выну ко Господу, яко Той исторгнет от сети нозе мои* (Пс. 24, 15). *К Тебе возведох очи мои, Живущему на небеси. Се, яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедрит ны* (Пс. 122, 1—2). Но и то не чуждо внушения Апостола в сем месте, чтобы не опускать общих молитв, а всегда бывать на них. Ибо сказал: не в молитве, непрестанно в духе действующей, а — в молитвах, кои бывают в свои времена, и бывают разнообразны.— Всякий раз, как бывает общая молитва, спеши на нее. И то еще может значить слово Апостола: чаще

становись на молитву дома. Как только возможность есть, становись и молись. Так будешь пребывать в молитвах.

Стих 13. *Требованием святых приобщающеся, страннолюбия держащеся.*

Изобразив горящий дух с его отличительными чертами или неотъемлемыми его свойствами, обращается Апостол к деятельному его проявлению, чем он занят бывает и какие дела творит. Пред сим изображением горящего духа сказав: *братолюбием друг ко другу любезни*, — в изображении его указал силу, из коей исходит братолюбие; а теперь обозначает дела, в коих выражается братолюбие, движимое силою горящего духа. Горящий дух Богу лишь угождать ревнует. Но поелику Сам Бог сказал, что никто Ему не может угодить без благотворения братиям, то он ревность свою и обращает преимущественно на это. Святыми, как везде, так и здесь, называет Апостол христиан. «Учит о милостыне к верным; ибо их называет святыми» (блаженный Феофилакт). *Требованиями* их называет потребности и нужды, пищу, питие, одежду, кров. Приобщаться сим нуждам святых, когда кто из них имеет их, есть иметь часть в удовлетворении их. «Не сказал: приобщайтесь большим издержкам их, — но: *требованием* их, — чтоб удовлетворить нуждам святых» (блаженный Феофилакт). Словом: *приобщайтеся*, — общитеся, — указывается на некую

при сем взаимность, то есть что при сем одно дается, а другое получается. Помогающие им дают вещественное, чем сами богаты; а от них получают духовное, чем те богаты,— молитвы. Эта взаимность может служить и побуждением к помоганию. Так пишет блаженный Феодорит: «напоминанием общения убеждает к щедрости. Ибо кто не согласится отдать деньги и соделаться общником преспеяний (то есть того, в чем преуспевают и в чем богаты святые)? Сие сказал Апостол и в Послании к Коринфянам: *ваше избыточествие во онех лишение: да и онех избыток будет в ваше лишение* (ср.: 2 Кор. 8, 14)». Святой Златоуст указывает и то, что именно получается при сем от святых. «Не сказал: помогайте святым в нуждах, но: приобщайтеся их нуждам, — показывая тем, что помогающие более получают, нежели дают, что вспоможение есть и купля, так как оно есть общение. Ты даешь деньги, а они дают тебе дерзновение пред Богом (то есть у помогающего молитва, спомоществуемая молитвою святых к Богу, дерзновеннее и доступнее)».— В другом месте (под 11-м стихом) святой Златоуст говорит о сем так: «что делаешь для брата, то Владыка твой относит к Себе и, как бы Сам получив от тебя благодеяние, вознаграждает тебе за то». Благотворя, входишь в часть Божию. Избавлять святых от нужд есть Божие дело, Божий труд. Удовлетворяя сим

нуждам, ты входишь в часть труда с Богом. Так Бог и приемлет сие, и вознаграждение за то готовит.

Страннолюбия держащеся, διώκοντες, — гоняще, усиленно заботясь о нем и всячески стараясь не пропустить к тому случая. «Странными Апостол называет святых, пришедших откуда-либо из другого места и имеющих нужду в услужении; о них-то и повелевает прилагать попечение» (блаженный Феодорит). — Тогда многие были лишаемы своего крова и изгоняемы из своих городов и сел. Почему и вынуждены бывали искать крова в других местах. Тогда повсеместным среди христиан делом было упокоение странных. Убеждая гнаться за страннолюбием, Апостол внушает как бы отбивать у других являющихся странников, по ревности упокоевать их. — Святой Златоуст говорит: «не сказал Апостол: будьте страннолюбивы, — но: преследуйте страннолюбие, научая нас, чтобы мы не дожидались, когда нуждающиеся (в крове и покое) придут к нам, но сами бежали к ним и догоняли их. Так поступал Лот, так поступал Авраам. Целый день провел он, выжидая сего прекрасного лова, и, увидев, вскочил, побежал навстречу, поклонился до земли и сказал: *Господи, аще убо обретох благодать пред Тобою, не мини раба Твоего* (Быт. 18, 3). Он не подражал нам, которые, как скоро увидим странника или нищего, поднимаем брови и не хотим

удостоить его даже словом. А если, тронувшись тысячею просьб, велим кому из слуг подать небольшую монету, то думаем, что с нашей стороны выполнено все должное. Не так поступал Авраам: он представлял из себя просителя и слугу, хотя не знал, кого примет у себя. А мы совершенно знаем, что принимаем у себя Христа; однако ж не становимся от того снисходительными. Авраам зовет, просит, кланяется; а мы оскорбляем приходящих к нам. Авраам все исправляет сам с женою; а мы не хотим заставить слуг. Особенно заслуживает он удивление тем, что показал щедрость и усердие, не зная, кто были пришедшие к нему. Так и ты не любопытствуй; потому что принимаешь для Христа. Принимающий и недостойного не делается виновным, но имеет свою награду. *Ибо приемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу приимет* (ср.: Мф. 10, 41). Итак, не любопытствуй о жизни и делах; за один кусок хлеба подвергать испытанию целую жизнь — показывает крайнюю неразборчивость».

Стих 14. *Благословляйте гонящия вы; благословите, а не кляните.*

Не вращание языка разумеет Апостол, заповедуя не клясть, а благословлять, но чувства сердца. Можно благословлять без благожеланий; можно не клясть языком, питая в сердце неприязнь, месть, зложелательство и клятьбу: чтоб тебе то-то было, чтоб с тобою то и то случилось. Апостол

требует, чтоб к гонителям не только ничего не иметь неприязненного, но, напротив, питать доброжелательное расположение, как к благодетелям и друзьям. Как это возможно? Возможно, когда кто живет духом, возбужденным и горящим под воздействием благодати Божией, в нем обитающей. Перешедши сознанием и произволением на сию сторону духа, христианин ничего уже не имеет на земле, а переселяется сердцем, помыслами и надеждами в иной мир. Там его блага, тамошним он занят; земное же все не занимает и не тревожит его. Отрезан он от здешнего и оценивает его по отношению его к тамошнему. Что способствует к стяжанию, умножению и сохранению тамошних благ, то имеет он благом, а что противное сему имеет действие, то — злом. И это не языком и мыслию, а в глубине сердца, всем чувством. Вследствие сего у него блага мира — зло, а зло его — благо. Так и в гонениях не зло видит он и чувствует, а благо; почему благословляет гонящих, как благодетелей. Зачем же напоминает о сем Апостол, когда и без того естественно сему быть на сердце у живущих духом облагодатствованным, каковы все истинно верующие, таинствами освященные? Затем, что внутрь нас всегда есть подле высшей духовной стороны сторона низшая, душевная, которой природа есть устроять земное благополучие. Пока сия сторона не пересоздана духом, не одухотворена и не

перенесена вместе с духом в иной мир, дотоле она не перестает предъявлять требований своих. По ее требованиям, когда гонят, надо защищаться, отмщать, доказывать, что нам нельзя причинить никакой напраслины ненаказанно: иначе и жить на земле нельзя. Кто примет к сердцу такие предъявления, тому нельзя будет благословлять гонящих. Но как это есть неотложное требование жизни во Христе Иисусе, то Апостол и напоминает: смотрите, не допускайте до сердца неприязненных к гонителям самостных чувств, а держитесь того, что требует дух Христов: *благословите, а не кляните*.

Пространно о сем толкует святой Златоуст: «не сказал Апостол: не помните обид, не мстите; но требовал гораздо большего. Первое исполняет и человек любомудрый; а то, чего требует Апостол, есть дело ангельское. – Гонители суть приставники для раздачи нам наград. А если будешь бодрствовать, то сверх этой награды сам приобретешь себе другую. Он доставит тебе награду за то, что ты гоним; а сам приобретешь за то, что благословляешь гонителя; ибо сие служит вернейшим доказательством любви твоей ко Христу. Как проклинающий гонителя показывает, что не с большою радостию терпит гонения за Христа; так благословляющий обнаруживает тем сильную любовь. Итак, не укоряй гонителя, дабы тебе самому получить большую награду, а его вразу-

мить, что терпишь по усердию, а не по нужде,— что это составляет для тебя торжество и веселие, а не бедствие и горесть. Посему и Христос сказал: *радуйтеся, егда рекут всяк зол глагол на вы лжуще* (ср.: Мф. 5, 12, 11). Посему и Апостолы возвратились из синедриона радуясь, что не только их злословили, но и били. Сверх того приобретешь и другую немаловажную выгоду: ты приведешь в изумление противников и вразумишь их своими делами, что ты готовишься к другой жизни. Как скоро заслышит твой гонитель, что ты с радостию и охотою терпишь зло, то самым опытом уверится, что у тебя есть иные надежды, превосходящие все настоящее. А если станешь вести себя иначе, будешь плакать и жаловаться; из чего узнать ему, что ты ожидаешь другой жизни? Кроме сего, тебе представляется еще новый успех. Когда гонитель увидит, что ты не оскорбляешься обидами, но еще благословляешь обидевшего; перестанет тебя беспокоить. И так вот сколько происходит отсюда добра! Награда твоя увеличивается, искушение уменьшается, гонитель прекращает гонения, Бог прославляется, любомудрие твое обращается для заблуждающегося в урок, руководствующий ко благочестию. Посему оскорбляющим не только словом, но и делом, даже гонителям, Апостол повелел воздавать противным. И сначала заповедует благословлять их;

впоследствии же (стихи 20—21) убеждает оказывать им благодеяния».

Стих 15. *Радоватися с радующимися, и плакати с плачущими.*

Таков закон любви, что любящие себя взаимно живут один в другом; потому, что бывает с одним, другой принимает это так, как бы оно случилось с ним самим. И радуется с радующимися, и плачет с плачущим. Сострадание естественно нам и глубоко чувствуется; но сорадование не так обычно, реже встречается и поверхностнее проявляется. Это оттого, что сострадание может не проявиться только в отношении к обидевшим. В этом случае живет в душе желание отмщения. Прискорбность, посетившая обидевшего, удовлетворяет это желание и, вместо сострадания, отзывается злорадством. Но как обиды в общежитии не повсюдны; то сострадание редко встречает препоны к своему проявлению. Напротив, сорадование предполагает предпочтение благобытия других своему благобытию, тогда как, в естественном порядке, качествующее в сердце самолюбие заставляет и мудрствовать, и чувствовать противно сему. Благобытие другого прямо оскорбляет самость, которая вместо сорадования томит завистию. Так бывает в естественном порядке жизни. Но когда благодать приходит и оживляет дух, тогда вместе с возгорением его возрождается и бескорыстная любовь к братиям;

однако не вдруг обнимает все существо, а восходит до пламени чрез борьбу с самостию. Мера подавления самости бывает мерою возвышения любви. Когда та совсем истнивает*, — сия пламенем начинает гореть. И тогда сорадование и соскорбение проявляются во всей силе. До того же они выдерживаются искренно не иначе как чрез борьбу. И сия борьба, то есть самопобедительное, наперекор себе, возбуждение и удерживание в силе чувств сорадования и сострадания, служит наилучшим средством к преуспеянию в любви и возвышению ее до должной степени.

Святой Златоуст и эти чувства пространно истолковывает: «Апостол хочет, чтобы мы были согреты дружелюбием. Посему присовокупил, что должно соболезновать и сострадать, когда видим, что ближние впали в несчастие. — Согласен, скажешь; но ежели Апостол имел причину предписать, чтобы мы скорбели с плачущими; то для чего дал он другое повеление (радоваться с радующимися), в котором, кажется, никакой нет нужды? Напротив, для того, чтобы радоваться с радующимися, душе нужно более любомудрия, нежели для того, чтобы плакать с плачущими. К последнему влечет нас сама природа; и нет такого каменного человека, который бы не плакал при виде несчастного. Но чтобы, видя человека в благополучии, не только не завидовать, но еще

* *Истнивать* — здесь: сокрушаться в прах. — *Ред.*

разделять с ним радость, на сие потребна душа очень благородная. Посему Апостол и сказал о сем наперед. — Всего более располагает нас к любви, когда разделяем друг с другом и радости, и печали. Итак, не чуждайся сострадания, потому что беды от тебя далеко. Когда твой ближний терпит зло, ты должен несчастие его считать как бы своим. Разделяй с ним слезы, чтобы облегчить печаль его; разделяй радости, чтобы веселие было прочнее, любовь неразрывнее, чтобы не один ближний, но и сам ты получил пользу, когда, плача с ним, приобучишься к милосердию и, радуясь с ним, прогонишь зависть и недоброжелательство. Смотри же, как необременительна заповедь Павлова! Не сказал он: избавь от беды; тогда мог бы ты возразить, что сие во многих случаях невозможно. Напротив, Апостол предписал легчайшее, что совершенно в твоей воле. Если не можешь отвратить несчастия, проливай слезы, и тем весьма уменьшишь оное. Если не можешь увеличить благополучия, присовокупи свою радость, и тем много придашь оному. Итак, Апостол повелевает не только не завидовать, но, гораздо важнее, радоваться вместе с ближним; потому что сие гораздо больше значит, чем не завидовать».

Стих 16. *Тожде друг ко другу мудрствующе: не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся. Не бывайте мудри о себе.*

Тожде друг ко другу мудрствующе — может иметь не один смысл. Можно видеть здесь урок о единомыслии вообще, как в Послании к Филипписеям: *да тожде мудрствуете единодушни, единомудренни* (ср.: Флп. 2, 2). Разрозненность в воззрениях на вещи и в суждениях о них есть начало разделения и сердечного, вследствие коего неизбежно разномыслящие становятся друг для друга иными, чуждыми, а после сего не будет уже у них радости с радующимся и плача с плачущим, ни единства в молитве. Почему ниже святой Павел и молится: *Бог терпения и утешения да даст вам тожде мудрствовати друг ко другу о Христе Иисусе, да единодушно едиными усты славите Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа* (ср.: 15, 5–6).

Но можно и так понять: будьте одинаковых друг о друге мыслей, применяйтесь друг ко другу, мыслию и сердцем входите друг в друга, ни в чем не особьтесь. Святой Златоуст говорит: «что значат слова: *тожде друг ко другу мудрствующе*? К тебе в дом пришел нищий: будь с ним единомыслен, не принимай на себя слишком важного вида, потому что ты богат. Во Христе нет ни богатого, ни бедного. Не стыдись наружного одеяния, а принимай по внутренней вере. Видишь ли плачущего, — не считай его недостойным утешения. Видишь ли благоденствующего, — не стыдись разделять его удовольствия и чув-

ствования; но как думаешь о себе, так думай и о нем. Например, ты считаешь себя большим человеком? Почитай и его таким же. Ты подозреваешь, что он мал и низок? Произнеси такой же суд и о себе, отринь всякое неравенство. А как возможно сие? Возможно, если отложишь высокоумие. Посему Апостол присовокупил: *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся*».

Не высокая мудрствующе. Не думайте о себе высоко. Высокоумие рождает презорство к другим и производит разделение. Высокоумный уже отделил себя от других; но и другие, как только заметят высокоумие в ком, тотчас отделяются от него сердцем. Высокоумие есть яд, разъедающий и разлагающий общества. Апостол всюду и вооружается против сего зла, и особенно у римлян, к которым ближе было зло сие, чем к другим. Выше уже говорил он против этого; теперь «снова запрещает надмение гордыни» (блаженный Феодорит). «Опять, как и в начале речи, весьма заботится о смиренномудрии, потому что римляне и по месту жительства, и по другим многим причинам, как и естественно, исполнены были гордости. Посему Апостол постоянно старается удалить болезнь и низложить надмение. Ибо ничто так не разделяет тела Церкви, как высокомерие» (святой Златоуст). «*Высокая* мудрствовать есть гордость. И диавол, возмудрствовав *высокая*, отпал от Бога. Да не будет возношения

в сердце, чтоб, присвояя совершенство делам своим, не уничижать брата, будто грешника, когда сам состоишь уже в грехе по тому самому, что возносишься, и в грехе большем всякого другого. Сие означая, и Господь сказал: *лицемере, изми первее бревно из очесе твоего, и тогда прозриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (ср.: Лк. 6, 42). Возносящийся возносится, будто безгрешный, и этим самым грешит: ибо кто без греха? Он становится грешником, как только начинает высокоумствовать и гордиться. И за то гневу Божию подпадает больше всякого другого. Посему премудрый Соломон и написал: *Бог гордым противится* (ср.: Притч. 3, 34)» (Амвросиаст).

Но смиренными ведущеся. Слово: *смиренными* — можно принять и в смысле людей уничиженных по состоянию и внешнему положению. Так святой Златоуст: «под именем смиренных Апостол разумеет здесь не просто смиренномудрых, но уничиженных и презираемых». Так и все наши. Блаженный Феодорит мысль Апостола выражает так: «Апостол узаконяет снисходить до тех, которые, по людскому мнению, унижены». С ними водиться, входить в их нужды и самому лично удовлетворять их, не боясь потерпеть чрез то какое-либо унижение. Святой Златоуст говорит: «снизойди, применись, приспособись к его низости. Не только разделяй смиренные его чувствования, но помогай, подавая ему руку, не

чужую, а свою, как отец радеет о сыне, голова о теле. То же самое говорит Апостол и в другом месте: *поминайте юзники, аки с ними связани* (Евр. 13, 3)».

Но можно под: *смиренными* — разуметь смиренные мысли и чувства. Наставление будет такое: не думайте о себе высоко, но руководитесь смиренными о себе мыслями и чувствами. У святых подвижников часто встречается урок: держись всегда смиреннейшей или последнейшей части. Идешь ли с кем, приотставай немного; в собрание ли входишь, избирай последнее место; беседа ли ведется, или молчи, или, если должен говорить, говори последним; послушание ли избираешь, бери низшее. Так и во всем. Это самый надежный путь к стяжанию истинного смирения. Такая мысль проглядывает у Амвросиаста, который пишет: «смиренными водитесь, чтоб иметь благодать у Бога».

Не бывайте мудри о себе. Не думайте, что сами всё можете хорошо обдумать и устроить, а свои мысли поверяйте совещанием с другими опытнейшими. *С советом вся твори* — учил еще Премудрый (см.: Притч. 31, 4). И это как в житейских, так тем паче в духовных делах. Блаженный Феодорит мысль Апостола выражает так: «не довольствуйтесь тем, что сами придумали, но принимайте советы от других». Святой Златоуст так толкует: «не думайте, что сами себя во всем

удовлетворять можете. И в другом месте говорит Писание: *горе иже мудри в себе самих, и пред собою разумни!* (ср.: Ис. 5, 21). Апостол опять подрывает здесь высокоумие, низлагает кичение и гордость. Ибо ничто так не отвращает и не отделяет нас от людей, как мысль, что я сам во всем себя удовлетворить могу. Бог поставил нас в зависимость друг от друга. Хотя ты и умен, но имеешь нужду в другом. А если думаешь обойтись без сторонней помощи, то ты сам глупее и бессмысленнее всякого. Кто так думает, тот сам себя лишает сторонней помощи; если он в чем согрешит, некому его поправить и извинить; он раздражит Бога своим высокоумием и учинит множество грехов. Часто и очень часто бывает, что умный не видит должного, а менее умный открывает должное. Это случилось с Моисеем и тестем его, с Саулом и отроком его, с Исааком и Ревеккою. Не считай для себя унижением иметь нужду в другом. Напротив, это возвышает тебя, делает сильнее, знаменитее, доставляет тебе большую безопасность».

О том, сколь опасно в духовной жизни полагаться на один свой разум и сколь спасительно все здесь делать с советом, пространно учит святой авва Дорофей* в 5-м Поучении своем. Желающего пообстоятельнее узнать о сем отсылаем

---

* *Преподобный авва Дорофей Палестинский († 620)* — византийский богослов. — *Ред.*

к сему Поучению. Но и у всех других подвижников много о сем уроков. У них и особая фраза придумана для обозначения сей болезни ума: принимать помыслы или верить своему уму. Опасность главная в том, что враг подоспевает и влагает многое, что кажется добрым, а не есть. Как сам он в *Ангела светла* претворяется, так и мыслям своим умеет придавать светлую благовидность. И водит таким образом иного от одного кажущегося добра к другому, а там заводит и ко злу, кажущемуся добром, далее к настоящему злу и, наконец, — ввергнет в пагубу.

Стих 17. *Ни единому же зла за зло воздающе: промышляюще добрая пред всеми человеки.*

Воздавать злом за зло, отмщать, — стало естественною потребностию падшего. Он сам на себя взял самоохранение и самозащиту и считает законом правды для себя не оставлять неотмщенным зла потерпенного, чтоб пресечь повторение или больший приток его. Месть есть прямое порождение самости, которая не успокоивается, пока не найдет прямо или косвенно удовлетворения себе. Месть ослабевает, когда приемлется в закон себе самоотвержение, и совсем погасает лишь вместе с окончательным погашением эгоизма. В совершенном виде это имеет место только в освященных благодатию. Благодать, оживляя дух, восставляет жизнь в Боге, вместе с тем порождает богопреданность, все попечение о себе, о жизни

своей и делах своих возлагающую на Бога. Почему все и доброе и злое приемлет как от руки Божией и не вмешивается с своими усилиями в поправление того, в убеждении, что, если нужно, Бог все исправит Сам. Отмщение таким образом исчезает в преданности Богу и совершенном на Него возложении всякого упования. «И это есть преспеяние, близкое к совершеннейшей добродетели и к бесстрастию» (блаженный Феодорит).

Заповедь о неотмщении и невоздавании злом за зло дана, когда пришла благодать, — в знамение того, что только благодатное возрождение делает способным к тому. Заповедь сия изошла из уст Самого Спасителя: *слышасте, яко речено есть: возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего. Аз же глаголю вам: любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас, и молитеся за творящим вам напасть и изгонящия вы* (ср.: Мф. 5, 43—44). И какими сильными, понудительными и вместе достолюбезными побуждениями сие обставляется! — *Да будете сынове Отца вашего, Иже есть на небесех, яко солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и неправедныя. Аще бо любите любящих вас, кую мзду имате? Не и мытари ли тожде творят? И аще целуете други ваша только, что лишше творите? Не и язычницы ли тожде творят? Будите убо совершени, яко Отец ваш Небесный совершен*

есть (ср.: Мф. 5, 45—48). К сему немного ниже прибавляет Господь: *аще отпущаете человеком согрешения их* (что и есть неотмщение), *отпустит и вам Отец ваш Небесный: аще ли не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений ваших* (ср.: Мф. 6, 14—15).

Амвросиаст пишет: «Господь сказал: *аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное* (Мф. 5, 20). В законе было написано: *возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего* (Мф. 5, 43). Это по видимости будто и справедливо. Но да избудет правда христиан, они получили заповедь не воздавать злом за зло, чтоб быть совершенными и получить за сие награду на суде Божием. Ибо кажется превышающим самую правду тот, кто, подражая небесной правде, не делает того, что считается позволительным в среде мирских людей».

Отмщение считается отмщающим мерою благоразумия. Но так думать научает только ослепляющая страсть. Настоящее благоразумие не может не видеть, что маслом не тушат огня. Если горит уже огонь неприязни в сделавшем зло; то воздаяние ему злом не угасит, а воспламенит его более. Если хочешь погасить сей огонь, залей его водою кротости, невзыскания, благотворения. — И опять что за благоразумие подражать злу?! Если

полагаешь, что сделавший тебе зло поступил худо; зачем идешь наперекор своему же суждению и напрягаешься сделать зло, которое делать почитаешь худом? Святой Златоуст говорит: «если упрекаешь другого в злом умысле, то для чего и себя делаешь виновным? Если он сделал зло, для чего не уклоняешься от подражания ему? Заметь, что Апостол не сделал здесь никакого разграничения, но дал общий закон. Он не сказал: не воздавай злом за зло верному; но говорит: не воздавай никому, ни язычнику, ни злодею, кто бы то ни был».

Промышляюще добрая пред всеми человеки. Если сии слова поставлять в связь с предыдущими и в обоих положениях видеть одинаковую мысль; то смысл их будет такой: доброе всегда промышляйте в отношении к другим людям. Желающий отмстить другому сидит и придумывает разные приемы, как бы уязвить сделавшего ему неприятность. Апостол, запретив воздавать злом за зло и, следовательно, ухитряться в сделании зла, говорит теперь: не занимайте этим головы своей, не то придумывайте, как бы зло сделать обидевшему или оскорбившему, а как бы делать добро всякому человеку, кто бы он ни был, — об этом только пекитесь, это имейте в сердце. Так, между прочим, толкует Экумений: «поелику выше сказал: *ни единому же зла за зло воздающе*, — то приложил и: *промышляюще доб-*

рая, — как бы так говоря: не довольно только не воздавать злом, надобно еще и попечение иметь о сделавшем нам зло. И выше еще, не удовольствовался он сказать: не кляните гонящих, — но заповедал и благословлять их».

Но если взять сии слова отдельно от предыдущих и видеть в них особый урок, то в них мысль будет такая: пекитесь всегда делать добро пред лицом всех людей, — из опасения, как бы кого не соблазнить. Еще Премудрый учил: *промышляй добрая пред Господем Богом и человеки* (ср.: Притч. 3, 4). И Апостол не раз уже повторял сей урок в прежних Посланиях. Так, во Втором Послании к Коринфянам, заповедуя собирать милостыни для бедствующих в Иерусалиме братий, советует им делать сие с благоразумною осторожностию, чтоб не пала какая-либо тень и на него самого с его спутниками, которым предлежало отнести сию милостыню к месту назначения. *Блюдитеся,* говорит, *да не кто нас поречет в обилии сем служимем нами, промышляюще добрая не токмо пред Богом, но и пред человеки* (ср.: 2 Кор. 8, 20—21). А в Первом к ним же Послании тот же урок, по случаю указания правил, как поступать в отношении к идоложертвенным животным, иными словами выразил он, говоря: *безпреткновенни бывайте Иудеем и Еллином и церкви Божией: якоже и аз во всем всем угождаю, не иский своея пользы, но многих, да*

спасутся (ср.: 1 Кор. 10, 32—33). И Спаситель заповедал: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16). И святой Павел пред вышеприведенными словами сказал: *аще ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (ср.: 1 Кор. 10, 31).

Так понимают слова сии все наши толковники, не исключая и Экумения. Блаженный Феофилакт, со слов святого Златоуста, пишет: «так говорит Апостол не для того, чтобы мы жили для тщеславия, но для того, чтобы не подавали повода укорять нас тем, которые желают этого. Ибо требует, чтобы мы жили несоблазнительно и без преткновений; потому что за нами и касающимся нас наблюдают многие». Амвросиаст останавливает внимание более на том, когда наиболее приложимо это правило, именно в делах, не определенных заповедию, а оставленных на произвол, — позволительных. О заповедях редко когда приходится подумать, как их исполнить; но позволительное всегда надо обдумывать, чтобы как-нибудь свободою в нем не соблазнить брата. «Промышлять доброе, говорит он, есть провидеть или пред очами иметь добро, имеющее быть от дел наших, чтобы то, что делается, не могло быть обращено нам в укор, а напротив, служило в похвалу как пред Богом, так и пред людьми. Не

думай никто, что так как позволительное не неприятно Богу (иначе оно не было бы позволительно), то нечего заботиться о том, послужит ли оно в соблазн брату или нет. Предотвращая сие, Апостол учит, что надобно так действовать, чтоб делаемое было и Богу не неблагоугодно, и брату не служило в соблазн. Пусть иное позволительно, но если оно соблазняет брата, то уже не благоугодно Богу; потому что Бог *хощет*, чтоб мы взаимно пеклись о спасении друг друга. Таким образом промышляется доброе *пред Богом и человеки*, когда позволительное так делается, что не соблазняет брата».

Стих 18. *Аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте.*

Се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе, — то есть в мире и согласии (см.: Пс. 132, 1). Все это знают по опыту и все стараются о хранении мира и взаимного согласия; но, пока есть какие-либо остатки самости внутри, есть и для вне всегда источник разделения, разлада, неудовольствий друг на друга и неприязни взаимной. Из-за чего всё? Из-за земных интересов. Небесное никогда не служит к тому поводом: ибо оно независтно. Бери всякий сколько можешь и сколько хочешь. А земное все таково, что коль скоро досталось одному, то другому уже нечего взять.

В живущих по духу века сего, то есть с одними земными целями, в самости и в самоугодии, едва ли и бывает настоящий мир, а если бывает — случайный, непрочный. Отвергшиеся себя и вслед Господа пошедшие имеют в себе прочную основу мира; но как и в них ветхий человек не вдруг умирает, то и в них нередко чувствуются припадки раздражения, покушающиеся разрушить взаимный мир. И подобает блюстись.— Не многое требуется: жертвуй всегда своим в пользу другого, и никогда мир твой с другими не нарушится. Кажется это убыточным; но на деле всегда оказывается прибыльным. Чрез это не только внутреннее, духовное, неземное преспеяние и довольство упрочивается; но и земное благоспеется, то благословением свыше, то силою действия такого рода действования на других.

Если так будем действовать, мир с нашей стороны не будет нарушаем. Но можно ли ручаться, что он не будет при этом нарушаем и другими? Нельзя: ибо есть люди *ненавидящии* мир, как дает знать пророк Давид (см.: Пс. 119, 6). Как тут быть и что делать? То же, что делал и святой Давид: *с ненавидящими мира бех мирен* — говорит он. Так и всем надо поступать. И в сердце будь мирен, и вовне не позволяй себе ничего такого, что обычно разоряет мир и может обратить начавшуюся искру разлада в пламень раздора и неприязни враждебной. Посему-то Апостол и

прибавил: *аще возможно, еже от вас*. С своей стороны употребляй все возможное, чтоб не нарушился мир, а случайно нарушившийся скорее восстановился. Если не увенчивается такое старание успехом, буди воля Божия: потерпи, не прекращая усилий к водворению мира. И Бог да устроит, что благоугодно есть пред Ним. «Кто не воздает злом за зло, а старается добрым победить злое, тот уже есть миротворец. Пусть другой не будет любитель мира; но ты, стараясь быть в мире, сколько от тебя зависит, исполняешь заповедь — иметь со всеми мир. Будем мы готовы со всеми мирствовать; если другие противятся тому, не наша вина» (Амвросиаст).

Но бывают случаи, когда истина попирается и правда нарушается. Заповедь велит заступиться за неправо обижаемого и отстаивать истину; между тем ни того, ни другого нельзя исполнить, не возбудив разлада. Как быть? Мужественно стой за истину и защищай обидимого; но в сердце будь мирен с тем, против кого восстаешь за истину и правду. Делай сие в духе любви, а не из самолюбивых побуждений. Святой Златоуст к этим случаям относит слово Апостола: *аще возможно, еже от вас*. Ибо иногда невозможно быть в мире, например: когда идет речь о благочестии и когда ты заступаешься за обиженных. Смысл Апостольских слов таков: «сколько от тебя самого зависит, никому не подавай случая ко вражде

и брани, ни иудею, ни язычнику. Если же видишь, что нарушается благочестие, не предпочитай согласия истине, но стой за нее мужественно, даже до смерти. И в этом случае не враждуй сердцем, не теряй доброго расположения, а восставай только против поступков. Вот что значат слова: *еже от вас, со всеми человеки мир имейте.* Если другой не соблюдает мира, ты не воздвигай бури в душе своей; но внутренно будь его другом, однако же нимало не изменяя истине, как заметил я выше». — Те же мысли блаженный Феофилакт выражает так: «Апостол внушает: исполняй свои обязанности и никому не подавай случая к враждам и смятениям. Если же видишь, что оскорбляется благочестие, то восстань мужественно, сражаясь за истину, однако не против человека враждуя, но против нечестия, а о человеке, напротив, сожалея и щадя его. Таким образом, что прежде казалось невозможным, то становится возможным: ибо что касается тебя, то ты находишься в мире с ним, а брань ведешь с одним нечестием».

Стих 19. *Не себе отмщающе, возлюбленнии, но дадите место гневу: писано бо есть: Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь.*

Уже говорил, чтоб не воздавали злом за зло: что и значит не отмщать за себя. Что же значит новое внушение не отмщать за себя? Или повторение того же для усиления заповеди; потому

что отмщение так соблазнительно и такою благовидностию прикрывается, что и не считается грехом, — а между тем случаи к тому в житейских столкновениях очень часты. Этим повторением напоминает Апостол быть внимательными, не прорвалось бы как чувство или дело мщения. Или, может быть, говоря сие, Апостол имел в виду особый род отмщения — судом, именно: когда терпите какую напраслину от другого, очевидно неправо, не ищите восстановления своего права порядком судебным, ибо: ἐκδικεῖν — это собственно означает. Хотя это, по-граждански, и неукорное дело; но как при сем все же питается и удовлетворяется чувство мести, то Апостол не велит совсем заводить судебных дел. Потерпи лучше, пребудь лучше обидимым, как в Послании к Коринфянам говорится: *почто не паче обидими есте?* (1 Кор. 6, 7) — или как учит Спаситель: если кто хочет взять *ризу твою, отдай ему и срачицу* (ср.: Мф. 5, 40). То или другое намерение припишем Апостолу, более всего должно обратить внимание на выставляемое здесь побуждение к неотмщению, именно — предание дела суду Божию. Отмщающий считает дело свое правым и, отмщая, держит ту мысль и то чувство, что стоит за правду. Пресечение отмщения кажется ему будто отступлением от правды. Апостол делает отвод этому помышлению, говоря как бы: правда ничего от твоей уступчивости не потер-

пит. Есть отмститель правды — Бог. Предай дело отмщению Божию; Он воздаст, если должно. Это и значат слова: *дадите место гневу*, — гневу Божию, то есть праведному Его воздаянию: ибо у Бога нет гнева, а есть праведное воздаяние, которое кажется гневом тому, кто подвергается ему. Так толкует святой Златоуст: «Чьему гневу должны мы дать место? Божию. И как обиженный всего более желает видеть сие, дабы насладиться мщением; то Бог даст то самое в большей мере. И если ты сам не отмстишь, то Он будет твоим мстителем. Итак, Ему, говорит Апостол, предоставь отмщение. Вот что значат слова: *дадите место гневу*! Ту же мысль выражает несколько сильнее и блаженный Феофилакт: «дайте, говорит, место гневу Божию в отношении к обижающим вас. Если вы мстите сами за себя, то Бог не будет мстить за вас; а если вы простите, то Бог отомстит строже». — Экумений прибавляет: «если ты сам отмстишь за себя, то гнев Божий, пришедши, не будет иметь, что воздать обидевшему, потому что ты наперед уже взыскал с него». А Амвросиаст наводит даже на такую мысль, что гнев Божий, пришедши, найдет, что ты, взявшись стоять за правду, преступил меру правды, взыскав более должного, паче меры, и, вместо воздаяния обидевшему тебя, тебе воздаст за излишек взыскания, допущенный тобою. А что это возможно, можешь судить по свойству гнева, всегда стояще-

го в содружестве с отмщением. Гнев никогда праведной меры не соблюдает, а всегда забирает выше меры. Почему апостол Иаков и написал: *гнев мужа правды Божией не соделовает* (ср.: Иак. 1, 20). Амвросиаст именно пишет: «для сохранения союза мира Апостол убеждает воздерживаться от гнева, потому особенно, что в гневе нельзя не погрешить: ибо движимый гневом обычно взыскивает более, нежели сколько требует неправое дело, — чем и себе самому причиняет вред, оказываясь неправым по причине несоразмерного взыскания, и обидевшего делает худшим, тогда как снисходительностию мог бы исправить его. Почему премудрый Соломон учит: *не буди правдив вельми... есть праведный погибаяй в своей правде* (ср.: Еккл. 7, 17, 16): ибо когда гнев обдержит нас, находит в нас место враг и, под благовидностию правды, внушает неправое и пагубное».

Писано бо есть: Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь. «Для большего убеждения Апостол привел свидетельство, подкрепляя слово свое» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт). Не моя это заповедь; но такова воля Божия, таков закон промыслительных о нас действий Божиих. Бог Сам на Себя берет дело отмщения. Не вмешивайтесь в сие дело, говорит как бы Он, Я Сам воздам, Мое это дело. Вы не сумеете сделать это как должно. По-вашему, сейчас надо

отмстить, а по лучшему порядку – лучше отложить отмщение, или на время, или совсем. Можно бывает обойтись и совсем без отмщения: обидевший сам придет в чувство и исправит свою неправду; а это гораздо лучше. – Или – сделай ему теперь отмщение, и он паче ожесточится; но покарай его чем-либо после, – и он умягчится сердцем и исправится. Как вы этого ничего не знаете, то и не беритесь лучше за сие дело. К тому же ты, обиженный, сам бывал неправ во многом. Я послал эту тебе напраслину, в воздаяние тебе за твои неправды и грехи, чтоб избавить тебя от будущего воздаяния. Если претерпишь, видишь, какую беду предотвратишь? А если отмстишь, сгубишь весь благой плод для тебя от напраслины. Грехи твои на тебе остаются, и жди вечного воздаяния, если в очищение тебе не выпадет на твою долю другая напраслина. Так не ищи отмщения. С тем, кто причинил тебе напраслину, Я лучше тебя знаю, как поступить по всей правде, а ты прими ее, как врачевство для тебя и как отвод большего и страшнейшего зла. У Меня все направляется к тому, чтобы из всего всем выходило благо, – не временное, а вечное, не земное, а небесное, не видимое, а духовное. Так и бывает, когда вы не вмешиваетесь со своими правдами; а когда вмешиваетесь, возмущаете Мои порядки и, вместо добра, размножаете и пожинаете зло.

Слова: *Мне отмщение, Аз воздам* – не читаются слово в слово в ветхозаветных Писаниях, но мысль эта ясно выражена пророком Моисеем другими словами, именно: *в день отмщения воздам* (Втор. 32, 35). Дух Апостольский взял мысль духа пророческого, – того же с Апостольским, – и выразил ее другим, сильнейшим словом.

Стих 20. *Аще убо алчет враг твой, ухлеби его: аще ли жаждет, напой его. Сие бо творя, углие огненное собираеши на главу его.*

Слова сии взяты из притчей Премудрого (см.: Притч. 25, 22–23) и указывают единственный благословенный способ отмщения – благотворение тем, которые сделали и делают нам что-либо неприятное и худое. То же самое заповедал и Спаситель, говоря: *добро творите ненавидящим вас* (Мф. 5, 44). Это одно отмщение приводит в чувство, и притом очень сильное, того, кто оказывает нам неприязнь. Уподобительное выражение: *углие огненное собираеши на главу его* – означает не злое что, а выражает сокрушение, в какое приходит злотворец по случаю сделанного зла тому, кто ему делает добро на место зла. Сие *углие огненное*, собираемое *на главу его* благотворением, погашает или испаряет огнь неприязни, горящий в сердце его, и водворяет мир. Тому, кто добро творит ненавидящему его, это умиротворение и надобно иметь в мысли при сем, а не то скорбное

состояние, в какое поставлен будет тем ненавидящий его: ибо тут все же будет проскользать чувство отмщения, которое не дивно, что помешает и благотворному действию благотворения. Может быть, впрочем, в словах Апостола содержится и угроза ненавидящему, — что если он не исправится, то добро, ему сделанное, вместо его зла, увеличит наказание, которое Бог пошлет ему, отмщая за обиженного: так что слова сии, с одной стороны, поощряют обиженного, с другой — обуздывают страхом обидчика. Такая мысль видна у всех наших толковников. Святой Златоуст видит здесь некоторую поблажку или уступку чувству отмщения. Чувство сие, сливаясь с правом самозащищения, бывает так неотвязчиво, что будто уже и возможности нет отстать от желания видеть обидчика терпящим что-либо неприятное. Апостол будто и не поперечит сему, обнадеживая, что обидчику еще более достанется от Бога, если будешь благотворить ему. Но не с тою целию говорит он так, чтоб оправдать сие чувство, а чтоб, утолив его несколько, проложить путь к охотному приятию следующего за сим правила: *не побежден бывай от зла*. Вот что именно говорит святой Златоуст: «что я говорю, продолжает Апостол, надобно жить в мире со врагом? Я повелеваю благодетельствовать ему. Накорми его и напой, сказано. Поелику же заповедь сия весьма трудна и велика, то присовокуплено: *сие бо*

творя, углие огненное собираеши на главу его. Апостол сказал сие для того, чтобы обидчика обуздать страхом, а обиженного поощрить надеждою воздаяния (возмездия врагу от Бога). Ибо когда обиженный ослабевает в духе, не столько поддерживают его собственные блага, сколько казнь оскорбившего его. Всего приятнее для человека видеть врага наказанным. А чего человек желает, то Апостол и дает ему прежде. Когда же яд извлечен, предлагает ему увещания более возвышенные, говоря: *не побежден бывай от зла*. Апостол знал, что враг, хотя бы он был зверь, будучи накормлен, не останется врагом и что обиженный, сколько бы он ни был мстителен, накормив и напоив врага, не станет уже желать мщения. Посему, будучи уверен в окончании дела, не только угрожает, но делается щедрым на самые наказания. Не говорит, что навлечешь мщение (то есть Божие), но: *углие огненное собираеши на главу его*. Апостол дает свою заповедь, говоря: *не побежден бывай злом, но побеждай благим злое*. Чрез сие же скрытным образом внушает, что не с таким намерением должно благодетельствовать врагу (чтоб, то есть, угли собирать на главу его). Ибо помнить обиду — значит: уже быть побеждаему злом. И хотя сначала Апостол не сказал сего, потому что сие было еще неблаговременно; впрочем, как скоро утолил гнев

слушателя, немедленно присовокупил: *побеждай благим злое*».

Вот слова блаженного Феодорита: «указав Судию и объявив праведное Его определение (ибо сие означают слова: *Мне отмщение, Аз воздам*), Апостол повелевает мужественно переносить наносимые обиды, обидчикам воздавать не обидами и неприязненным доставлять потребное для них. Ибо сие соплетает венцы любомудрым, а обидчикам увеличивает наказания. Впрочем, надобно знать, что не для того надлежит услуживать неприязненным, чтобы понесли они большие наказания. Ибо божественный Апостол привел слова сии с намерением угасить раздражение в обиженном, а не на то покушаясь, чтобы добром увеличить зло». Вот слова Амвросиаста: «не предоставлять только Богу отмщение заповедует Апостол, но и оказывать благодеяния врагам; чтобы показать, что мы не делами своими наделали себе врагов, когда, для укрощения их враждебности, стараемся победить их услугами им. Если они ожесточатся во враждебности своей, по нечестию ума своего, то наши им услуги послужат к большему им наказанию; а может быть, будучи тронуты усердностию наших услуг, они оживут благорасположением к нам, как иногда разгораются замершие уголья. Итак, желая сделать нас совершенными и научить не только самим себе, но и другим стяжевать жизнь вечную, Господь чрез

Соломона не только запрещает отмщать врагам нашим, но убеждает благорасположением к ним и делами, тому соответственными, возвращать их к дружбе». Вот слова блаженного Фотия у Экумения: «не с тем благотвори обидевшему, чтобы большее навлечь на него наказание. Это в утешение тебе некое сказано, что, насыщая и напаяя его, *углие огненное* собираешь *на главу его*, а не затем, чтобы с этим именно чувством и добро ему сделать. Пусть Бог по тому случаю, что ты благотворишь врагу, больше прогневается на него, в отмщение за тебя, и огнь искушений и озлоблений, устроенных им для ближнего, обратит на главу его: но ты не с той целию благотвори ему, чтоб увидеть его подверженным такой беде, иначе ты окажешься побежденным от зла. И будет, что тот ничего более не постраждет, что следовало ему пострадать, а ты потеряешь мзду, быв побежденным от зла. И еще более того, — если Бог увидит в тебе такое намерение, то и отмщать за тебя не станет. Ибо за доброго и кроткого, когда его обижают, Он отмщает, а не за того, кто сам за себя отмщает гневом и зложелательным расположением, чрез доброе дело благотворения злоумышляя против оскорбившего его и желая видеть его разорившимся. Итак, благотвори, чтобы победить благим злое и быть сыном Отца Небесного, как сказал Господь».

Стих 21. *Не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое.*

Это — точнейшее определение сказанного выше. Когда кто, встречая оскорбление, обиду и напраслину, поддается чувству оскорбления, тогда он побеждаем бывает злом, а еще более, когда гневается, и еще более, когда замышляет отмщение. Но когда кто ничему такому не поддается, а напротив, вместо зла полагает делать добро, тогда он является победителем. Апостол и заповедует: первого не допускать, а второе себе избрать в правило жизни. «Ибо отмщать — значит: уступать над собою победу, славная же победа — за зло вознаграждать добром» (блаженный Феодорит). «Этими словами убеждает Апостол не воздавать врагам взаимно злом. Больше для нас пользы, когда уступим злобе; ибо побеждает зло, кто на время кажется им побежденным. Отмщение действует против себя и думает, что одерживает победу, когда терпит поражение. Тут и враг действует, стараясь, отвлекши нас от расположения, ввергнуть в грех. Но когда мы, будучи им разжигаемы, не воздаем злом за зло, то побеждаем его добром. Для того не противимся мы злу, чтоб сохранить благо (мира), оставя без удовлетворения справедливость: ибо к возмездию, обыкновенно, побуждает чувство правды (хотя не всегда справедливое)» (Амвросиаст).

Святой Златоуст пространно беседует о сем: «*побеждай благим злое*. Ибо это и есть победа. Боец одерживает победу не тогда, как подвергает себя ударам противника, но когда приводит себя в такое положение, что противник принужден бить воздух один. Чрез сие как сам он спасается от ударов, так противник понапрасну тратит силы свои. То же бывает и при оскорблениях: когда укоризну отражаешь укоризною, тогда побеждает тебя не человек, а, что гораздо стыднее, низкая страсть; потому что тобою владеет гнев. Когда же молчишь, ты победил и без труда воздвиг себе трофей, тысячи людей готовы увенчать, и признать ложь злословия. Кто опровергает злословие, тот своими возражениями показывает, что оно уязвляет его; а кто уязвляется, тот внушает подозрение, что сознается в том, за что злословят. Но ежели отвечаешь смехом, то самый смех опровергает худое о тебе суждение. И если хочешь иметь ясное доказательство справедливости слов моих, спроси самого врага своего, что для него больнее, то ли, что ты, разгорячившись за оскорбление, платишь ему оскорблением, или то, что смеешься над обидчиком? Он скажет, что последнее гораздо для него больнее. Не столько приятно для него то, что не слышит от тебя оскорблений, сколько мучительно то, что не может вывесть тебя из терпения. Лишая врага успеха в

том, чего особенно он желает, ты его унижаешь, показываешь, что достоин презрения, что он ребенок, а не муж. Сам ты приобретаешь тем славу любомудрого человека, а о нем заставляешь думать как о негодном звере. Те же употребим меры, ежели случится принять побои; и кого хотим бить, тому не будем платить ударом за удар. Ударившему тебя подставь другую щеку; сим нанесешь ему тысячи ран. Те, которые будут рукоплескать тебе и дивиться, сделаются для него страшнее бросающих в него камнями; а еще прежде осудит и приговорит его к ужасному наказанию совесть, и он пойдет прочь со стыдом, как осужденный на смерть. Если ты заботишься и о людской славе, то приобретешь ее в большей мере таким поступком. Ибо к злостраданиям других, во всяком случае, имеем мы некоторое сострадание. А когда видим человека, который не платит за удар ударом, но сам подставляет щеку; то не столько о нем сожалеем, сколько дивимся ему. — Побеждать, делая зло, есть один из диавольских уставов. Не таков устав наград на поприще Христовом; там узаконено увенчивать не поражающего, но пораженного. Таково поприще Христово; все постановления оного противоположны; не одною победою, но еще более самым способом победы оно возбуждает удивление. Что в другом месте считается низложением, то здесь

составляет победу. Это сила Божия, это небесное поприще, это ангельское позорище*!»

То и другое, то есть и то, как должны действовать лица, заправляющие порядками дел общества христиан, и то, как должны действовать и какими добродетелями украшаться все другие христиане, не исключая и тех заправляющих лиц, относится к христианам, яко христиане суть. Теперь Апостол хочет указать:

б) Как они должны действовать, как члены гражданского общества или государства (13, 1—14)

аа) Первое здесь — повиновение властям (13, 1–7)

Глава 13, стих 1. *Всяка душа властем предержащим да повинуется: несть бо власть аще не от Бога: сущия же власти от Бога учинены суть.*

«Образовав нравы (то есть показав в предыдущей главе, какими должны быть христиане по нраву), Апостол повелевает и начальствующим воздавать подобающую честь. Ибо, как преизобильно приявший благодать Всесвятого Духа, предвидел, что иные, водясь паче кичливостию, нежели ревностию (к доброму), будут пренебрегать мирских начальников, почитая себя высшими по ведению; притом же делает это, чтоб подавить распространившуюся об Апостолах молву; ибо клеветали на них, будто бы низвергают

* *Позорище* — здесь: зрелище. — *Ред.*

общественные порядки; и одни говорили: *иже развратиша вселенную, сии и зде приидоша* (Деян. 17, 6); а другие: *они вводят иные обычаи* (ср.: Деян. 16, 21). Посему-то поставил неизлишним постановить закон и о сем» (блаженный Феодорит).

«Апостол много рассуждает о сем и в других Посланиях, когда говорит о подчиненности, как слуг господам, так и подначальных начальникам. А чрез сие желает он показать, что Христос ввел Свои законы не для испровержения общего гражданского устройства, но для исправления и улучшения оного; и вместе хочет научить, чтобы мы не предпринимали лишних и бесполезных войн. С нас довольно тех козней, какие устрояют против нас за истину; а лишних и бесполезных искушений прилагать не должно. Заметь же, как кстати завел Апостол речь об этом предмете. После того как предложил слушателям различные требования христианского любомудрия, настроил их жить в мире с друзьями и врагами, научил быть полезными и для счастливых, и для несчастных, и для нуждающихся, коротко сказать — для всех, насадил уставы общежития, приличные Ангелам, истощил гнев, низложил высокоумие и совершенно умягчил их сердца, — после всего этого предлагает свои увещания о повиновении властям. Он призывает нас к повиновению представлением долга. И, желая внушить, что заповедь его простирается не на одних мирских людей, но на

всех, и на священников, и на монахов, объявляет о том наперед, говоря так: *всяка душа властем предержащим да повинуется*. Хотя бы ты был Апостол, хотя бы Евангелист, хотя бы Пророк, хотя бы другой кто, повинуйся. Подчинение власти не подрывает благочестия. Апостол здесь разумеет не простое повиновение, но подчинение (смиренное, с преклонением главы). Первое основание такого установления, удовлетворяющее разуму верных, состоит в том, что власти учреждены от Бога. *Несть бо власть аще не от Бога* — говорит Апостол. Как это? Ужели всякий начальник поставлен от Бога? Не то, говорю я, ответствует Апостол. У меня идет теперь речь не о каждом начальнике в особенности, но о самом начальстве. Что есть начальства, что одни начальствуют, а другие подчинены им и что нет того неустройства, чтоб происходило что-нибудь кое-как и без порядка, чтобы народы носились туда и сюда подобно волнам,— все сие я называю делом Божией премудрости. Посему Апостол не сказал, что нет начальника, который не был бы поставлен от Бога, но, рассуждая вообще о начальстве, говорит: *несть бо власть аще не от Бога: сущия же власти от Бога учинены суть*. Подобно сему, когда Премудрый говорит, что: *от Господа сочетавается жена мужеви* (ср.: Притч. 19, 14),— разумеет чрез сие, что брак установлен от Бога, а не то, что Бог сочетавает каждого

вступающего в брак. Ибо видим, что многие вступают в брак с худыми видами и не по закону, чего, однако ж, никак не можем вменить Богу. Но что сказал Христос: *Сотворивый искони, мужеский пол и женский сотворил я есть; и рече: сего ради оставит человек отца своего и матерь и прилепится к жене своей* (ср.: Мф. 19, 4—5), то же самое разумел и Премудрый. Поелику равенство часто доводит до ссор, то Бог установил многие виды начальства и подчиненных, как то: между мужем и женою, между сыном и отцом, между старцем и юношею, рабом и свободным, между начальником и подчиненным, между учителем и учеником. И дивиться ли такому установлению между людьми, когда то же самое учредил Бог в теле? Ибо Он так устроил, что не все члены имеют равное достоинство, но один ниже, другой важнее, и одни управляют, другие состоят под управлением. То же самое замечаем и у бессловесных животных: у пчел, у журавлей, в стадах диких овец. Даже и море не лишено такого благоустройства, но и там во многих родах рыб одна управляет и предводительствует многими, и под ее начальством они отправляются в отдаленные путешествия. Напротив, безначалие везде есть зло и производит замешательство» (святой Златоуст).

Впрочем, из других мест Писания видно, что и начальники, такие или другие, бывают по

Божескому промыслительному устроению; только добрых и благодетельных поставляет Бог, а худых попускает быть начальниками в наказание за грехи людские. Так пишет блаженный Феодорит: «если благоволит Бог, то дает начальников, почитающих справедливость. Ибо сказано: *дам вам пастыри по сердцу Моему и упасут вас разумом* (ср.: Иер. 3, 15); и еще: *приставлю судии твоя, якоже прежде, и советники твоя, яко от начала* (ср.: Ис. 1, 26). Но чтобы вразумить погрешающих, попускает Бог начальствовать и злым начальникам. Ибо сказано: *поставлю юноши князи их, и ругатели господствовать будут ими*» (ср.: Ис. 3, 4).

Стих 2. *Темже противляяйся власти, Божию повелению противляется: противляющиися же себе грех приемлют.*

«Апостол, сказав, кем установлены начальства, присовокупил: *темже противляяйся власти, Божию повелению противляется*. Смотри, куда ведет дело, чем устрашает и как доказывает, что повиноваться начальству есть наша обязанность. Дабы не сказал кто из верующих: ты нас унижаешь и делаешь презренными, подчиняя (земным) начальникам тех, кому предоставлено Небесное Царство, — Апостол доказывает, что и в настоящем случае подчиняет их не (земным) начальникам, но опять Богу. Ибо подчиняющийся начальству повинуется Богу. Впрочем, Апостол не гово-

рит сего прямо и такими словами: кто слушается начальства, тот повинуется Богу; но устрашает противным и то же самое подтверждает с большею силою, сказав: кто не повинуется начальнику, тот противится Богу, узаконившему начальства; как и везде старается внушать, что повиновение начальству есть не добровольная какая с нашей стороны уступка, а наш долг. Такими наставлениями Апостол и верных побуждал к повиновению, и неверных начальников располагал в пользу христианского благочестия. Тогда повсюду носилась молва, будто Апостолы — мятежники и нововводители, которые словом и делом стараются подорвать общественные уставы. А доказав, что общий нам Владыка всем Своим чтителям повелевает соблюдать сии уставы, можно и заградить уста клеветников, обвиняющих нас в нововведениях, и с большею смелостию защищать истинное учение. Итак, не стыдись подчиненности, говорит Апостол. Этот закон дал Бог и грозно отмщает презрителям оного. Если ослушаешься, то Он накажет тебя, накажет не легким, а самым строгим образом; никакие отговорки не спасут тебя, напротив, и от людей понесешь жесточайшее наказание, потому что никто за тебя не вступится, и Бога сильно прогневаешь. Сие-то самое внушает Апостол, говоря: *противляющиися же себе грех приемлют»* (святой Златоуст).

Грех приемлют, κρίμα λήμψονται, — приимут κρίμα — осуждение и наказание вследствие того: ибо означает то и другое.

Стих 3. *Князи бо не суть боязнь добрым делом, но злым. Хощеши же ли не боятися власти? Благое твори, и имети будеши похвалу от него.*

«Подействовав страхом, Апостол доказывает пользу повиновения и убеждает из разума, говоря так: *князи бо не суть боязнь добрым делом, но злым* (то есть «делающим добрые дела, но злодействующим» [Экумений]). Прежде нанес глубокую рану, привел слушателей в страх; теперь делает опять послабление и, как мудрый врач, дает успокаивающее врачевство, утешает, говорит: чего боишься? Чего ужасаешься? Разве начальник бранит делающего добро? Разве он страшен для ревнующего о добродетели? — Посему Апостол и присовокупляет: *хощеши же ли не боятися власти, благое твори, и имети будеши похвалу от него*. Видишь ли, как он делающего добро примиряет с начальником, показав, что начальник поставлен хвалить его? Видишь ли, как обезоруживает всякое негодование» (святой Златоуст).

Стих 4. *Божий бо слуга есть тебе во благое. Аще ли злое твориши, бойся, не бо без ума (всуе) мечь носит: Божий бо слуга есть, отмститель в гнев злое творящему.*

«*Божий бо слуга есть тебе во благое*. Начальник не только не страшен для тебя, но еще и хвалит тебя; не только не препятствует тебе, но еще способствует. Если же хвалит и помогает, для чего не подчиняешься? Он облегчает тебя в подвигах добродетели даже и тем, что наказывает злых, а добрых осыпает благодеяниями и почестями, содействуя тем воле Божией, – в каком смысле Апостол и назвал его слугою Божиим. Смотри же: я советую тебе быть целомудренным; и он того же требует по законам. Я убеждаю тебя не быть любостяжательным, грабителем; и он над тем же поставлен судиею. Следовательно, он нам сотрудник и помощник; на то он и поставлен Богом. Итак, в двояком отношении достоин он нашего уважения, – и как Божий посланник, и как приставленный к одному с нами делу» (святой Златоуст). «И тебе он есть служитель во благое, будучи слугою Божиим. Как же он есть тебе служитель? Ограждая тебя от злых, предотвращая вред, который они могли бы тебе причинить, и доставляя тебе простор делать благое. Служит он тебе во благое и тем, что страшит за зло и тем от него тебя отвращает, а к добродетели направляет» (Фотий у Экумения).

«*Аще ли злое твориши, бойся*. Итак, не начальник причиною страха, но наши собственные пороки. *Не бо всуе мечь носит*. Видишь ли, что Апостол представляет его вооруженным подобно

воину, дабы соделать страшным для преступников закона? *Божий бо слуга есть, отмститель в гнев злое творящему*. А дабы ты, слыша о наказании, казни и мече, не побежал прочь, Апостол снова подтверждает, что начальник исполняет Божий закон. Какая тебе нужда, если он и сам того не знает? Довольно того, что так учредил Бог. Итак, если начальник, наказывает ли он или награждает, Божий есть слуга, потому что защищает добродетель и гонит порок, чего Сам Бог хочет; то для чего противишься тому, кто производит столько добра и споспешествует твоей пользе? Многие сначала старались жить добродетельно для начальников, а впоследствии прилепились к добродетели из страха Божия. На людей грубых не столько действует будущее, сколько настоящее. А кто и страхом, и почестями предрасполагает сердца людей, чтобы они были способнее принять слово учения, тот справедливо называется Божиим слугою» (святой Златоуст).

Отмститель в гнев, εἰς ὀργὴν, — не в наказание, а на страх: ибо наказание уже содержится в слове: *отмститель*, воздаятель, — что в отношении к злым исполняется чрез наказание. «Начальник как служит Богу, хваля добрых, так и, наказывая злых, подражает Богу тем, что гневается на них и взыскивает с них» и тем страх на них наводит (см.: Фотий у Экумения).

Стих 5. *Темже потреба повиноватися не токмо за гнев, но и за совесть.*

Повиноваться должно не только по страху наказания, но и по совести, по сознанию долга. Совесть всегда стоит за познанную волю Божию. Почему Апостол, указав в начальстве слуг Божиих и повиновение им освятив волею Божиею, заключает: повиноваться должно не по одному страху, но хотя бы не было никакого страха, по совести. Блаженный Феодорит пишет: «*гневом* Апостол назвал наказание (страх наказания). Повелевает же повиноваться по той и другой причине: и по страху наказания, и чтобы выполнить должное; ибо сие назвал *совестию*». «Хотя бы и никакого не было страха от начальства, прибавим слова Фотия, совесть понуждает слушаться его и повиноваться ему. Злые и нехотя повинуются ему из страха, а ревнители порядка и добра должны повиноваться ему по совести, добровольно и от сердца».

Святой Златоуст так толкует сие место. «Что значит: *не только за гнев*? Ты должен повиноваться, говорит Апостол, не потому только, что, не подчиняясь начальнику, противишься Богу и тем от Бога и людей сам навлекаешь на себя великие бедствия; но и потому, что начальник, как охранитель мира и гражданского благоустройства, есть величайший твой благодетель. Тысячами выгод государства обязаны своим правитель-

ствам. Как скоро упразднить начальство, все рассыплется; не устоят ни города, ни селения, ни домы, ни торжище, ни какое другое заведение; напротив, все испровергнется оттого, что сильнейшие поглотят слабейших. Итак, если бы неповинующихся и не преследовал гнев, тебе и тогда надлежало бы соблюдать подчиненность, дабы не оказаться бессовестным и неблагодарным благодетелю».

Стих 6. *Сего ради и дани даете: служители бо Божии суть во истое сие пребывающе.*

«*Сего ради и дани даете.* Не перечисляя всех благодеяний, какими государства обязаны своим правительствам и каковы суть: благочиние, мир и другие услуги, как по военной, так и по гражданской части, Апостол на все то приводит одно следующее доказательство. Платя дань правительству, говорит он, сим самым ты свидетельствуешь, что оно благодетельствует тебе. Заметь мудрость и искусство блаженного Павла. То, что признавалось тягостным и несносным, то есть налоги, обращает он в доказательство попечительности правительства. За что, спрашивает он, даем царю дани? Не за то ли, что он промышляет о нас? Не есть ли это награда правителю за его попечения? Мы не стали бы платить даней, если бы наперед не знали, что покровительство начальства будет для нас полезно. Напротив, издревле, с общего согласия, всеми принято, чтобы правители содер-

жались на наш счет; потому что они, оставив собственные дела, пекутся о делах общественных и все свое время проводят в заботах о том, чтобы наша собственность была неприкосновенна.

Приведши побуждения, заимствованные отвне, Апостол опять возвращается к прежнему своему доказательству; ибо таким образом он удобнее мог привлечь на свою сторону верных. Посему снова показывает, что так угодно Богу, чем и заключает свои убеждения, говоря: *служители бо Божии суть*. Потом, изображая труды и беспокойства, сопряженные со властию, присовокупляет: *во истое сие пребывающе*, — то есть на то посвящена вся жизнь их, о том все заботы их, чтобы ты наслаждался миром. (*Пребывающе*, προσκαρτεροῦντες, — а это слово означает: корпеть над чем неусыпно). Посему и в другом Послании Павел повелевает не только подчиняться начальникам, но и молиться за них; причем показывает и общую от того пользу, присовокупив: *да тихое и безмолвное житие поживем* (1 Тим. 2, 2). Ибо начальники немало содействуют к спокойствию настоящей жизни нашей тем, что вооружаются против врагов, отражают их, усмиряют внутренние мятежи, решают всякие споры. Не говори мне, что иной употребляет власть во зло; напротив, обрати внимание на стройность гражданского постановления и рассуди, сколько было му-

дрости в том, кто узаконил сие в начале» (святой Златоуст).

Стих 7. *Воздадите убо всем должная: емуже убо урок, урок: а емуже дань, дань: а емуже страх, страх: и емуже честь, честь.*

Урок, φόρος, — *дань*, τέλος. Блаженный Феодорит толкует сии слова так: «Апостол *уроком* называет поземельную подать; *данию* же — сбор за право торговли», пошлину. А Экумений с блаженным Феофилактом так: «отдавайте всякому, как долг, то, что следует ему отдавать по роду вверенного ему начальствования: кому следует отдавать *урок*, φόρος, — поголовную подать, тому отдавайте урок; а кому следует отдавать *дань*, τέλος, — взнос за землю, тому отдавайте дань». — Святой же Златоуст, оставя деньги, обращает все внимание на то, что требуется словами: *страх* — и: *честь*, — то есть на нравственную сторону дела. «Апостол продолжает еще прежнюю мысль и повелевает в дань начальникам приносить не только деньги, но честь и страх. — Как же он сказал выше: ежели хочешь не бояться власти, то делай добро; а теперь говорит: воздадите страх? Здесь под страхом разумеет он высшую степень почтения, а не страх, происходящий от худой совести, какой разумел выше. И не сказал: дайте, — но: *воздадите*; притом присовокупил: *должная*. Ибо исполнение этого не есть дар, но долг; и если не выполнишь сего, то будешь наказан,

как неблагодарный.— Не думай, что унизится и потерпит ущерб честь твоего любомудрия, если в присутствии начальника встанешь или откроешь голову. Ибо ежели Апостол так узаконил, когда начальниками были язычники, то кольми паче* надлежит наблюдать сие ныне, когда имеем начальников-христиан. Если же скажешь, что тебе самому вверено больше (разумеются вера и благодатные дары); то знай, что еще не пришло твое время. Теперь ты странник и пришлец; а будет время, когда окажешься сильнее всех. Ныне жизнь твоя сокрыта *со Христом в Боге; когда же Христос явится, тогда и вы с Ним явитеся во славе* (ср.: Кол. 3, 3—4). Итак, не ищи себе воздаяния во временной жизни; но, если бы нужно было тебе и со страхом предстать начальнику, не считай сего унижающим твое благородство. Так угодно Богу, чтобы приявший от Него почесть власти начальник имел свою силу. А для тебя послужит сие еще к большей чести; ибо человек унижается еще не тем, что оказывает другому почтение, а тем, что не оказывает оного. Да и начальник тебе же удивляться больше станет и, если бы даже он был неверный, прославит за то Господа».

Блаженный Феофилакт согласно с Экумением так толкует сие место: «не одни только деньги давайте, воздавайте и страх, то есть почтение,

---

* *Кольми паче* — тем более.— *Ред.*

благоговение и отменную почесть. Поэтому присовокупляет: *емуже честь, честь*. Страх двух родов. Один страх тот, которым боятся преступники, — страх, происходящий от нечистой совести: этот страх еще прежде отверг Апостол. Другой же страх тот, который имеют любящие к любимому, то есть высшая степень почтения».

Но можно страх относить ко всем начальственным лицам, а честь — ко всем другим почтенным в обществе лицам. Такую мысль выражает Амвросиаст: «страх изъявлять пристойно пред начальством и властию, потому что страх не допускает до погрешностей и преступлений (преследуемых властию). А в отношении к родителю и господину сын и раб должны оказывать честь из чувства благодарности. Можно указываемую здесь честь относить к лицам, высоким по-мирски в мире, чтоб они, видя смирение рабов Христовых, более хвалили, а не укоряли евангельское учение».

бб) Второе, в гражданском отношении (13, 8—14):

α) исполнение всех обязанностей общежития (см.: 13, 8—10), с: β) удалением, однако ж, от худых обычаев, получивших гражданство в языческом обществе (см.: 13, 11—14).

α) Хранение исправной гражданской жизни (13, 8—10)

Апостол говорит в сем отделении (стихи 8—10) о соблюдении обязанностей общежития, законом

определенных. Эти законы он и указывает (стих 9). Все они отрицательного свойства: того не делай, другого не делай — и взяты из второй скрижали Десятословия. Для язычника, и даже для иудея, достаточно не делать, а для христианина мало сего: надобно еще иметь добрую основу неделания. Апостол указывает ее в любви. О любви к братиям он уже говорил; теперь говорит о ней как об основании и источнике достохвальной жизни гражданской. Он говорит как бы: законов тут много; но люби, и ты все исполнил, хоть бы ты и не знал законов, любовь сама научит тебя законному действованию, и с нею ты всегда будешь самый исправный гражданин.

Глава 13, стих 8. *Ни единому ничимже должни бывайте, точию еже любити друг друга: любяй бо друга закон исполни.*

Пред сим указал, что должностным лицам, какою бы то ни было властию облеченным, надлежит воздавать должное, всякому свое по чину его. Рождается вопрос: а в отношении к другим согражданам что есть должное? *Ни единому ничимже должни бывайте, точию еже любити друг друга.* Тут неуплатимым долгом своим имейте любовь. Поголовную или поземельную подать отдал, пошлину уплатил,— и свободен; а любовь считайте всегдашним долгом, всегда его уплачивайте, но никогда не считайте вполне уплаченным. Святой Златоуст говорит: «Апостол снова

обращается к матери благ, к совершительнице всякой добродетели, — к любви, и говорит, что она есть долг наш не временный, каковы подать или пошлина, но всегдашний. Ибо он хочет, чтобы долг сей никогда не был выплачен, и хотя всегда уплачиваем, но не вполне, а так, чтобы все еще оставаться в долгу. Потому что это такого рода долг, что непрестанно уплачивается, но никогда не выплачивается. Сказав же, как должно любить, Апостол открывает и выгоды любви, говоря: *любяй бо друга закон исполни*».

В этом и заключается ответ на вопрос, как действовать должно в отношении к другим. Люби, — и все должное в сем отношении исполнишь. Ибо любовь есть исполнение закона, — она и указывает должное, и силу дает к исполнению того; она есть исполнительная сила закона, источник, из которого исходит все законное и одно законное. У любви только и дела, что творить законное, не потому, чтобы закон навязывал ей сие совне, а потому, что если она в движении, то ничего не может делать, кроме законного, сознает ли она сие законное или не сознает. Она же есть основа мира, благоденствия и спокойствия общественного. Когда бы сделалась она общедвижущею силою, тогда не нужно было бы ни охранителей порядка, ни судов. Все спелось бы стройно само собою. А без любви общежитие не прочно. Внешно все одно, а внутренно разрозне-

ны: это куча песку несцепленного. «Если нет любви в нас, то весь состав тела расторгнут» — говорит святой Златоуст.

Стих 9. *Еже бо не прелюбы сотвориши, не убиеши, не украдеши, не лжесвидетельствуеши, не похощеши: и аще кая ина заповедь, в сем словеси совершается, во еже: возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе.*

Показывает, как любовь исполняет закон. Перечисляет такие дела, которые и гражданским законом преследуются, и внушает, что любовь не допустит ни до одного из сих и подобных дел. Любящий друга может ли позволить себе соблазнить жену его? Может ли поднять руку на него или протянуть ее к его собственности? Повернется ли у него язык, чтоб взнесть на него что ложное? И сердце подвинется ли пожеланием чего-либо, что принадлежит другу его, или позавидовать ему? И ничего другого неприятного и вредного другу его не позволит он себе сделать ему. Так что, где любовь, там только одни законные дела, — и дела не только правды, но и взаимносодействия, помогания и поддержания. Блаженный Фотий у Экумения пишет: «как любящий ближнего исполняет закон, видно из следующего. Любящий не покусится расторгнуть брачный союз любимого, понаветовать против того, что есть самое главное в жизни, и в этом главном причинить ему вред. Но и смерто-

убийственных рук не вооружит он против него, ни украсть что-либо у него не позволит себе, ни другим каким-либо образом насильственно отнять что-либо у него не решится, потому что не может поблажить похотению того, *елика суть ближняго его.* Ничто такое не свойственно любящему. Ни ложного свидетельства не даст он против ближнего, ни клятвопреступной клятвою не поклянется во вред ему. Оградивший же себя такими расположениями какую другую добродетель не приложит к сказанным? Так что любящий ближнего воистину является верным исполнителем всего закона».

И аще ина кая заповедь, в сем словеси совершается, во еже: возлюбиши. — *Совершается,* ἀνακεφαλαιοῦται, — возглавляется, под это заглавие подходит: *еже возлюбиши,* — и в нем содержится, и в исполнении его исполняется. Святой Златоуст говорит: «Апостол сказал не просто: дополняется, — но: ἀνακεφαλαιοῦται, — то есть в сей заповеди сокращенно вмещается весь состав заповедей. Ибо начало и конец добродетели есть любовь. Она есть и корень, и необходимое условие, она и вершина добродетели. А если любовь есть начало и полнота, то что ей равняется? Впрочем, Апостол требует не просто любви, а любви в высшей степени, ибо не просто сказал: *возлюбиши,* — но присовокупил: *яко сам себе*».

Стих 10. *Любы искреннему зла не творит: исполнение убо закона любы есть.*

Существо любви – жертвовать собою и всем своим для любимого и делать ему всевозможное благо. Если таково свойство ее, то как возможно, чтоб она сделала какое-либо зло? Апостол эту вторую сторону любви, – что она зла не творит, – выставляет, имея в виду гражданскую жизнь. Закон гражданский преследует нарушителей добрых взаимных отношений, делание же добра предоставляет совести каждого. Почему, хочешь ли быть граждански исправным, не делай зла. Но чтобы быть тебе сильным не делать зла и быть исправным пред гражданским законом, – люби. Если любишь, все гражданские законы легко будут тобою исполнены, и тебе нечего будет бояться и беспокоиться в этом отношении.

Такая мысль здесь по течению речи. Но если взять сии слова отвлеченно, то в них выражаются общие черты любви. Святой Златоуст говорит: «видишь ли, что любовь имеет то и другое совершенство: как воздержание от зла, – ибо сказано, что она *зла не творит*, – так и делание добра, – ибо сказано, что она есть исполнение закона? Любовь не только преподает нам сокращенное учение о том, что должно делать, но и облегчает исполнение нравственных законов. Она не только заботится о том, чтобы мы познали свои обязанности (это делает и закон), но и много

способствует нам к исполнению сих обязанностей и совершает в нас не одну только какую-нибудь часть заповедей, но целую добродетель во всей ее полноте. — В ней для нас Царство Небесное, в ней наслаждение благ, в ней всякое утешение, в ней веселие, в ней радость, в ней блаженство, и, что бы ни сказал я о сем благе, ничто не изобразит его вполне: оно дознается только опытом».

β) Удаление злых обычаев (13, 11—14)

Изобразив, как следует быть исправным гражданином в духе христианском, предотвращает теперь Апостол римлян от срамных обычаев, получивших гражданство в языческих обществах. Побуждением к тому выставляет он пришествие Христово. Пришествие Христово есть день, а те обычаи темны, как ночь; потому нам, христианам, не должно следовать им и участие в них принимать. Какое пришествие Христово разумеет Апостол? Одни полагают второе, имеющее быть, а другие — первое, уже бывшее. Будем принимать и то и другое.

Глава 13, стих 11. *И сие, ведяще время, яко час уже нам от сна востати. Ныне бо ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом.*

И сие. Слово: *сие* — можно относить и к предыдущему, и к последующему. В первом случае оно будет значить: и это тем более. Сказал: не

бывайте никому ничем должны, кроме любви, и указал тому причину в том, что любовь сама собою все должное исполнит. Теперь прилагает новое побуждение: и это «особенно потому, что теперь не время сну, а бодрствованию» (блаженный Феодорит). То есть что пришел Христос Господь и просветил нас — или что вот-вот приидет, и настанет день будущего воскресения славного. А во втором будет значить: кроме того, еще и сие. Сказал: любите и чрез то легко исполните все законное. Теперь прибавляет: кроме того, еще и сие должно вам делать. Что же это? Зная время, что пришел Христос Господь и просветил нас или — что вот-вот приидет, и день вечный настанет, — отложим дела темные — козлогласование, пиянство и подобное. Последнее лучше подходит к течению речи.

Ведяще время. Очевидно ведение времени выставляет Апостол в побуждение к сообразному с ним действованию. И Спаситель говорил в укор иудеям: *лицемеры, лице небу и земли весте искушати: времени же сего како не искушаете?* (ср.: Лк. 12, 56), давая разуметь, что если б они уразумели, то не упорствовали бы в неверии и противлении Ему: это разумение заставило бы их совсем иначе действовать. То же говорил Он и к Иерусалиму, при торжественном входе в него: *аще бы разумел и ты, в день сей твой, еже к смирению твоему,* — то есть к миру, благоустрое-

нию, спасению. Но не разумел и, не разумея, действовал не как следует и тем навлек на себя кары небесные: *понеже*, — говорит, — *не разумел еси времени посещения твоего* (ср.: Лк. 19, 42, 44), — посещения Господом, не в этот только раз, но вообще пришествия Его на землю. То же и Апостол теперь говорит: *ведая время*, — сознавая ясно то, к чему оно нас обязывает, — а оно обязывает к тому, чтоб не спать, а бодрствовать, — отложить дела темные, ночные.

Время разумеется пришествия Христова. Какого? Первого или второго? Разумей первое, разумей и второе. То и другое есть день. В первое воссияло Солнце правды, Христос Бог наш, и настал день боговедения; и во второе воссияет светлое воскресение и возустроение всяческих, и настанет невечерний день блаженной и вечной жизни. Когда первое сличишь с предшествовавшим временем, то оно есть день; а когда сличишь его со вторым, то оно есть только рассвет дня. Какое время ни разуметь, то и другое громогласно взывает к каждому из нас: вставай, будет спать, — как добрый хозяин кричит сыновьям и работникам: вставайте, пора работать. Размышление и памятование о пришествии Христовом, как первом, так и втором, всегда было и есть самым сильным побуждением к удалению от худых дел и к преуспеянию в добрых, — к тому, чтоб *от сна востати* и начать бодрствовать,

бросить нерадение и восприять ревность о спасении и делах, приводящих к нему. Святой Златоуст, обращая мысль ко второму пришествию, говорит при сем: «Апостол, предписав все нужное, побуждает римлян к добрым делам и самою краткостию времени. Время суда, говорит он, стоит уже при дверях. Так писал он коринфянам: *яко время сокращено есть прочее* (ср.: 1 Кор. 7, 29) и также к евреям: *еще мало елико елико, Грядый приидет и не укоснит* (ср.: Евр. 10, 37). Но там говорил он в одобрение трудящимся и в утешение тех, которые от частых искушений пришли в изнеможение; а здесь хочет пробудить спящих. И действительно, Апостольское слово сие полезно для нас в обоих случаях. Что же значит это: *час уже нам от сна востати*? То, что близок день воскресения, близок страшный суд, близок день, разжженный, как пещь; и нам должно уже отложить нерадение». Амвросиаст же, держа внимание на первом пришествии, пишет: «*от сна востати* – значит: делать добро как днем, явно; ибо ночью в сокровенности делаются обыкновенно дела запрещенные. Мы же, находясь в состоянии освещенных, то есть в боговедении, и зная, чему надлежит следовать, должны всячески стараться жить чисто и свято, отрясши сон неведения и нерадения».

Ныне бо ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом. Держа внимание на первом прише-

ствии Христовом, слова: *егда веровахом* — отнесем к ветхозаветному времени, когда только чаяли и ожидали Христа Спасителя, с полною верою, что придет, а ныне мы уже видели Его, слышали и осязали. И тогда было спасение верою в Грядущего, но ныне оно ближе к нам. Теперь Сам Спаситель с нами, облекает нас в Себя и питает Собою и всякие Божественные *силы подает, яже к животу и благочестию* (ср.: 2 Пет. 1, 3). Потому нам никак не пристало спать, а надо бодрствовать и бодренно трудиться. Как в рабочее время, когда погода хороша, никто себе сна не дает, все спешат на работу, чтоб не пропустить удобного времени: так и мы, христиане, имея такое благоприятное время для спасения, напряжем все усилия к деланию только того, чем содевается спасение, устраняясь от всего вредящего ему. Сие внушает Апостол и коринфянам, говоря: *споспешествующе же и молим, не вотще благодать Божию прияти вам: се ныне время благоприятно, се ныне день спасения* (ср.: 2 Кор. 6, 1—2).

Но очевидно, что эта мысль переводит и к помышлению о втором пришествии: пропустишь срок, настанет день суда Божия, что тогда скажешь и чем оправдаешься, если Он застанет тебя спящим или за темными нощными делами? Почему Амвросиаст и пишет: «явно, что те, которые после бани пакибытия в купели крещения живут

добре и ревнуют о делах любви, недалеки от славы обетованного воскресения. Ибо добрая христианская жизнь – знамение будущего спасения». Святой же Златоуст говорит на сии слова: «видишь, как Апостол выразил им приближение воскресения? С течением времени, говорит он, настоящая жизнь исчерпывается; а жизнь будущего века делается к нам ближе. Ежели ты готов и выполнил все заповеданное Богом; то день сей будет для тебя днем спасения. В противном же случае не надейся сего. Впрочем, Апостол убеждает римских христиан не представлением горьких последствий, но указанием на блага, и таким образом стараясь отвлечь их от пристрастий к настоящему. Притом не удивительно, что они сначала и вскоре по принятии веры, когда усердие было еще в самой силе, отличались большею ревностию, с течением же времени ревность их ослабела. Потому Апостол внушает, что надлежит поступать совершенно напротив и с продолжением времени не ослабевать, но более воспламеняться. Чем ближе к нам Царь, тем более должны мы быть готовы. Чем ближе награда, тем больше должны мы возбуждать себя к подвигам. Так делают состязающиеся в бегу; они, когда приближаются к цели и к получению награды, тогда с большею ревностию напрягают последние силы. Посему Апостол сказал: *ныне бо ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом*».

Когда мы уверовали, то есть приняли веру Христову; то спасение, то есть второе пришествие Христово, когда обнаружится, спасен ли кто или нет, было от нас дальше; но после того, чем больше живешь, тем оно становится ближе, и, сколько мы прожили после крещения, настолько оно стало ближе. Но пока не придет второе пришествие, для каждого из нас час смерти есть то же, что оно само. Блаженный Фотий у Экумения пишет: «спасением Апостол называет конец жизни, потому что тогда открывается уже, достоин ли кто спасения и блаженства».

Такие внушения подаются, если в приведенных словах разуметь второе пришествие. Но прямее будет разуметь в них первое пришествие, как показывают и следующие слова.

Стих 12. *Нощь убо прейде, а день приближися. Отложим убо дела темная и облечемся во оружие света.*

Слова: *нощь убо прейде, а день приближися* — блаженный Феодорит толкует так: «Апостол *нощию* называет время неведения, и *днем* — время по пришествии Владыки; потому что Солнце правды, воссияв, осветило вселенную светом боговедения». И Амвросиаст пишет: «*нощию* назвал Апостол ветхого человека, который чрез крещение делается новым. Прешел, говорит, сей человек, как ночь, а день приближился, во свете коего истина нам открылась, — чтоб мы ведали, что

должно нам делать. Прежде, не зная Христа, мы были во тьме; но, когда познали Его, свет воссиял в нас, потому что мы перешли от лжи к истине».

А другие наши толковники, держась все той же мысли, что здесь Апостол говорит о втором Христовом пришествии, под *нощию* разумеют настоящую жизнь и настоящий век, а под *днем* будущий век; а что говорит Апостол: *прейде и приближися*, – то здесь то выражается, что как положено одному прейти, а другому приблизиться, и то и другое непременно будет, то содержи в уме, что это уже и есть: ночь прешла, а день приближился. Блаженный Феофилакт пишет одинаково с Экумением: «*нощь прейде*, – то есть ночь скоро кончится. Например: положим, что ночь состоит из двенадцати часов. Когда пройдет десять часов, то говорим, что ночь уже пресеклась, προέκοψεν, – вместо: прошла, близка к концу. Ночью называет Апостол настоящий век, потому что в нем многие находятся во тьме и житие каждого покрыто тьмою; а днем именует век будущий, как по причине светлости праведных, так и потому, что тогда откроются тайны всех». И святой Златоуст говорит: «итак, ежели ночь скончавается, а день приближается, то займемся уже дневными делами, а не ночными. Сие наблюдается и в делах житейских. Как скоро видим приближение рассвета и слышим пение ласточек, то будим друг друга, хотя бы ночь еще не

прошла. А когда она пройдет, то понуждаем друг друга, говоря: наступил день, пора одеваться, расстаться с грезами, отрясти сон и приниматься за дела дневные. Пусть день застанет нас готовыми; ибо поздно уже вставать и сряжаться, когда осветят солнечные лучи. Так мы ведем себя в делах житейских; так будем поступать и в делах духовных. Оставим мечты, расстанемся с грезами настоящей жизни, отложим глубокий сон и, вместо одежды, облечемся в добродетели».

Отложим убо дела темная и облечемся во оружие света. Как мы просвещены святым крещением, — оправданы, освящены и облечены благодатию, то нам не пристало уже делать темные дела греховные; надо отложить их, сбросить и отбросить, а вместо того, облещися во оружие света, то есть в добродетели. Грехи суть темные дела, потому что во тьме творятся и в тьму погружают творящего их, в тьму неведения, ослепления, страстности и плотяности чувственной. Добродетели же суть оружие света, потому что каждая добродетель, утверждаясь в сердце, поражает противоположную страсть греховную, которая иначе и поражена быть не может, как сею противоположною ей добродетелию. Добродетель поставляет человека в светлое состояние: он тогда пред Богом ходит и дерзновенно воззревает на Него, видит себя самого ясно и не прячется от людей, смело смотрит всем в глаза. Такие

свойства добродетели и грешности отражаются и во всем естестве человека; и те, у которых открыты очи духовные, одних видят темными, а других светлыми. Ангелы же Божии и всегда нас видят или светлыми, или темными, смотря по тому, каково наше внутреннее настроение.

Блаженный Феофилакт пишет о сем так: «делами темными назвал Апостол греховные действия, а оружиями света наименовал действия добродетельные. Словами: *отложим и облечемся* — показал удобство того и другого, то есть удаления от злых дел и обращения к добродетели. Как не трудно отложить одежду и облечься в другую; так возможно удалиться от порока и восприять добродетель». — Но может быть, так говорится не потому, чтоб было легко то и другое: ибо на деле как совлечение грехов и страстей, так и облачение в добродетели сопровождается не малым трудом; но для того, чтоб внушить, что то и другое должно быть сделано полно, в совершенстве, так, чтобы и следа не оставалось ничего порочного и, напротив, добродетель была видна во всем, с какой стороны ни посмотри на человека.

Амвросиаст так рассуждает: «дела тьмы — плотская жизнь, которая водится приманками и прелестями века сего. Будучи темны, они и достойны тьмы, как говорит Господь: *связавше ему* (не имевшему одеяния брачного) *руце и нозе,*

возмите его и вверзите во тму кромешную (ср.: Мф. 22, 13). Оружия же света суть добрые деяния. Как худые дела отлагаются до темноты ночной,— потому что обыкновенно делающими их делаются утаенно; так и делающие добро действуют явно; потому что не стыдятся дел своих, а смело и радостно делают их. Добрые дела суть оружия света, потому что прогоняют тьму плотских страстей».

Святой Златоуст останавливает внимание более на слове: оружие света — и воодушевляет к воинствованию за добро.— «День, говорит он, призывает нас в воинские ряды и на сражение. Но не пугайся, слыша о воинских рядах и об оружии. Тяжело и несносно облекаться в вещественное оружие; но облечься в духовное оружие вожделенно и должно составлять предмет наших молитв; потому что это оружие есть оружие света. Оно сделает тебя светлее солнечных лучей, блистающих как молния; оно поставит тебя в безопасность, потому что есть оружие; оно соделает тебя светоносным, потому что есть оружие света. Что же? Поэтому не нужно и сражаться? Сражаться нужно; но не опасайся при этом бед и изнурения. Ибо это не брань, а ликование и торжество. Таково свойство сего оружия, таково могущество вождя! Облеченный в сие оружие столько же украшен, как и жених,

выходящий из брачного чертога; ибо он вместе и жених, и воин».

Стих 13. *Яко во дни, благообразно да ходим, не козлогласовании и пиянствы, не любодеянии и студодеянии, не рвением и завистию.*

Грех прячется во тьму ночи, а днем боится показаться наружно: ибо и самые грешники греха стыдятся и пред людьми стараются показывать себя добропорядочными. Этот обычный порядок берет Апостол во внимание и внушает, что как мы теперь *во дни*, в свете боговедения и в освещающей благодати, то нам надлежит ходить благообразно; не по внешности только, но паче по внутреннему настроению, в душе и сердце: ибо там и день у нас. Блаженный Феодорит пишет: «Апостол посредством телесного указует духовное. Ибо и возлюбившие жизнь беззаконную беззаконие творят ночью, а днем принимают на себя вид благочиния. Посему желательно ему, по прошествии ночи и по прекращении неведения, избавиться от дел злых». То же и у Амвросиаста: «публично не грешат; будем же и мы действовать так, как действуют публично».

Но грех не всегда прячется. Бывают состояния общества, когда грех смело выступает наружу и не боится хвастаться самыми срамными делами. Это еще пророк Давид замечал: *видех беззаконие и пререкание во граде. Днем и нощию обыдет и по стенам его: беззаконие и труд*

посреде его и неправда: и не оскуде от стогн его лихва и лесть (ср.: Пс. 54, 10—12). Впрочем, и то верно, что такое бесстыдство греха бывает только напускное и держится ожиданием, что и общество сочувствует таким делам. Но стоит только кому властно обнаружить неодобрение, как беззаконное общество разбежится и попрячется. Стыд ходит вслед греха и всегда покрывает грешащего, в большей или меньшей степени. Святой Златоуст говорит: «поелику римляне много ценили людское мнение, то Апостол и предлагает им в побуждение то, чем всего более трогаются люди обыкновенные, то есть благообразие».

В чем должно состоять это благообразие, Апостол означает указанием безобразия, которого должно избегать. Безобразие это составляли пьянство, пирушки, срамные песни, блудные дела, ссоры, споры и подобное. От всего этого желающему жить благообразно надлежит воздерживаться. Мы, христиане, сыны света и дня,— прияли свет веры и благодать Духа. Не следует нам увлекаться такими делами или какое-нибудь принимать в них участие. Это языческие обычаи, и для нас они совсем непригодны. То же писал Апостол и солунянам и то же выставлял побуждение: мы не во тьме ночи, а во свете дня. Упиваются ночные, а нам надлежит трезвиться и бодрствовать (см.: 1 Сол. 5, 5—7). Это главный предмет настоящего отделения, в коем Апостол

требует, чтоб христиане, пребывая добрыми гражданами, воздерживались, однако ж, от худых обычаев, получивших гражданство в языческих обществах. Святой апостол Петр замечает, что христиане тогда так себя и держали. *Довлеет вам мимошедшее время жития, волю языческую творившим, ходившим в нечистотах, в похотех, в пиянстве, в козлогласованиих, в лихоимании. О немже дивятся* (то есть язычники) *не сходящимся вам в тоже блуда разлияние* (ср.: 1 Пет. 4, 3—4). Из этого надлежит заключить, что послабление таким обычаям есть верный признак ослабления духа христианской жизни и что общество, в котором они в ходу, язычествует, прикрываясь именем христианским.

Козлогласования — «пирушки, на которых имеют обычай буйствовать и сквернить язык срамными песнями; а виновник этого — пьянство. Оно же бывает матерью непотребства и наставницею в ссорах и спорах» (блаженный Феодорит). Это — «разгульные пирушки, которые или сообща, в складчину, учреждаются, или поочередно устрояются каждым соучастником. На них никто не почитает стыдом говорить и делать срамное и нечестное, потому что каждый считает пирушку как бы своею. За чужим столом стыд удерживает, а здесь за тем и сходятся, чтоб посрамничать, под действием винных возлияний, и потешиться разными услаждениями похотными.

Посему Апостол заповедует избегать такого рода пирушек» (Амвросиаст).

Пиянство – излишнее употребление хмельных напитков, которое омрачает смысл и ведет к бессмысленным делам, возбуждая срамные похотения. «Не пить запрещает Апостол, а пить без меры; не употребление вина, но пиянство» (святой Златоуст). Оно причина всех безобразий, бывающих на пирах и вне их.

Любодеяние, κοίτη, – слежание, незаконное смешение с женою, а: *студодеяние*, – ἀσέλγεια, – означает или неудержимость похотения, или неестественное его удовлетворение. «После запрещения разгульных пирушек и пиянства Апостол приложил запрещение и того, что обычно следует за тем, то есть бесстыдного смешения: ибо это прямой плод разгульности» (Амвросиаст). «Апостол возбраняет не сообщение с женщинами, а блуд, – предписывает меру наслаждения» (святой Златоуст).

Два источника страстей и страстных дел – похоть и гнев. Отклонив от дел похоти, Апостол отклоняет теперь и от дел раздражения, от: *рвения и зависти*. Зависть – плод гордости, не терпящей, чтобы кто-либо выдвинулся в каком-либо отношении вперед нас. Зависть рождает задор (ἔρις), который в мирном виде понуждает ко всякого рода усилиям, чтоб снова опередить опередившего, а не в мирном задирает его, заводит споры,

ссоры и драки, без которых не обходятся разгульные пирушки. Святой Златоуст говорит: «Апостол старается угасить те страсти, от которых воспламеняются прочие, именно: вожделение и гнев. И потому возбраняет не самые только страсти сии, но и источник оных. Ибо нетрезвость и пьянство всего сильнее разжигают вожделение и воспламеняют гнев. Посему, сказав сначала: *не козлогласовании и пиянствы*,— присовокупил потом: *не любодеянии и студодеянии, не рвением и завистию*».

Стих 14. *Но облецытеся Господем нашим Иисус Христом, и плоти угодия не творите в похоти.*

Которые крещены, те уже и облечены в Господа Иисуса Христа; как же говорит: *облецытеся*? — То было и есть таинственное облечение, а это — деятельное; там все совершает благодать, а здесь требуется и собственное усилие. *Облецытеся* — значит: являйте себя облеченными во Христа, блюдите всячески на себе сие Божественное облечение, чтоб все видели вас облеченными в него и не иначе разумели вас. Но что значит самое облечение во Христа? Или то, чтобы являть себя всегда так действующим, как действовал Христос Господь, являть такие в себе свойства и расположения, какие были во Христе Иисусе, так чтобы все видящие говорили: это подобник Христов,— настоящий Христов. Или то, чтобы, отвергши всякую самонадеянность и само-

уверенность, всю надежду успеха в делах по Богу возложить на Христа Господа, Ему себя предать, да будет вседействующим в нас, в мыслях, в чувствах, расположениях, словах и делах, питая и полную веру, что Он ради сей преданности нашей и совершит в нас все должное, и приведет к чаемому блаженному концу. Последнее облечение есть причина первого, которое без него и явлено быть не может. В настоящем месте будто более первое разумеется, но, конечно, не без сего последнего. Святой Златоуст говорит о сем: «упоминая о пороках, Апостол сказал: отвергнем дела тьмы. А когда начал речь о добродетели, то называет ее не простыми делами, а оружием, показывая тем, что добродетель поставляет обладающего в совершенной безопасности и полном блеске. Даже и сим он не ограничился, но, простираясь выше, вместо одеяния дает нам, что несравненно ужаснее, Самого Владыку, Самого Царя. Кто в Него облечен, тот вполне вмещает в себе всякую добродетель. Когда же говорит: *облецытеся*, — повелевает нам отвсюду Им себя обложить. Подобное сему он выражает и в других местах, именно: *аще же Христос в вас* (8, 10); и еще: *во внутреннем* нашем *человеце вселитися Христу* (ср.: Еф. 3, 16—17). Апостол желает, чтобы душа наша была домом Христовым, чтобы Христос облегал нас, как одежда, был для нас всем, и свнутри и совне. Ибо Христос есть наше

исполнение, так как Он есть *исполнение Исполняющаго всяческая во всех* (Еф. 1, 23). Он путь, Он супруг и жених: *обручих бо вас единому мужу деву чисту* (2 Кор. 11, 2). Он корень, и питие, и пища, и жизнь: *живу не ктому аз*, говорит Павел, *но живет во мне Христос* (ср.: Гал. 2, 20). Он — Апостол, и Архиерей, и Учитель, и Брат, и Отец, и снаследник и сообщник в гробе и кресте. *Спогребохомся Ему*, сказано, *и снасаждени быхом подобию смерти Его* (ср.: 6, 4—5). Он умоляет нас: *по Христе убо молим* (2 Кор. 5, 20). Он защищает нас пред Отцом; *ибо*, как говорит Павел, *ходатайствует о нас* (ср.: 8, 34). Он дом и обитатель: *во Мне пребывает и Аз в Нем* (ср.: Ин. 6, 56). Он основание и краеугольный камень; а мы Его члены, Его нива, Его здание, Его ветви, Его сотрудники. И чем не желает Он сделать нас, дабы, как-нибудь, прилепить и присоединить к Себе? Все сие доказывает безмерную любовь Его к нам. Итак, покорись Ему, восстань от сна и облекись в Него, а облекшись, держи в покорности пред Ним и плоть свою. Сие разумел Апостол, сказав: *плоти угодия не творите в похоти* (попечения о плоти не простирайте до похотей)».

Угодие, πρόνοια, — промышление, попечение. *Не творите в похоти*, μὴ ποιεῖσθε εἰς ἐπιθυμίας, — не творите по побуждениям похотей, во удовлетворение похотей или не превращайте в похоти.

Потребностей телесных: есть, пить, спать, одеваться, иметь кров, давать отдых — нельзя не удовлетворять; но это удовлетворение просто и несложно и не требует больших забот, когда кто держится естественного порядка. Когда же кто выступает из сего порядка, тогда столько у него разрождается потреб плоти, что уж и сил и имения недостает у него к удовлетворению их; день и ночь трудится, и все мало, — и тянет он ярмо, как подъяремное животное. А отбросить эти неестественности не хочет; ибо претворил их в похоти; похоти же считает самим собою, так что отказать в чем-либо похоти считает будто покушением на жизнь. Так и тиранствует над плотоугодниками плотиугодие, претворенное в похоти, и не дает им высвободиться от уз своих. Но у христиан не должно иметь места такое рабство похотям плоти. Похоти плоти имеют тиранскую власть там, где дух заглушен. У христиан же дух Божиею благодатию пробужден и возведен в сильную власть, которая прежде всего обращается на укрощение плоти. Ибо похотения плоти суть последний предел ниспадения человека; почему и поднимание его или восстание неизбежно начинается с отвержения их. *Иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (ср.: Гал. 5, 24). А это почему? Потому что стали жить духом; ставши же жить духом, и ходить должны по духу, противоположно плотской

похотливости (см.: Гал. 5, 25). Духом же начинает жить кто вместе с тем, как облекается во Христа. Почему Апостол и соединил с облечением во Христа пресечение похотей плотских.

Святой Златоуст пространно говорит о сем: «как выше воспрещал Апостол не употребление вина, но пьянство, не брачную жизнь, но распутство; так и теперь запрещает не попечение о плоти, но попечение, простирающееся до похотей, то есть сверх нужды. А что он сам велит иметь попечение о плоти, послушай, как говорит о сем Тимофею: *мало вина приемли стомаха ради твоего и частых недугов* (ср.: 1 Тим. 5, 23). Подобно и во всем прочем имей попечение о плоти, но для поддержания здоровья, а не для удовлетворения чувственности. Ибо не значит уже иметь попечение, когда подкладываешь огонь и разжигаешь печь. А дабы точнее вам узнать, когда попечение о плоти простирается до похоти, и избегать такого попечения, представьте себе людей, предающихся пьянству, объядению, пристрастных к нарядам и забавам, ведущих жизнь изнеженную и роскошную, — и тогда уразумеете сказанное Апостолом. Такие люди что ни делают, делают не для поддержания здоровья, а для веселости, для воспламенения похоти. Напротив, ты, облекшийся во Христа, удали от себя все сие; в заботах о теле имей в виду только то, чтобы оно было здорово, и, сколько нужно для здравия, прилагай

попечение о теле, далее же сего не простирайся. Напротив, все свое попечение употреби на заботы о духовном».

Затем, изобразив, как плотепохотная жизнь есть сон, от которого любящих такую жизнь ожидает прегорькое пробуждение по смерти, святой Златоуст прилагает: «умоляю тебя, восстань от сна, исторгни с корнем сии терния и – отрезвись от пиянства, от которого и сон. Предлагаю совет свой тем наипаче, которые любят пировать с приятелями. Таких пиршеств нельзя назвать ни удовольствием, ни отдыхом; напротив, они суть наказание и муки. Удовольствие состоит не в срамном разговоре, но в благопристойной беседе, не в пресыщении, а в том, чтоб быть сыту... Но, говоря сие, не запрещаю вам сойтись друг с другом и отобедать вместе; а только требую, чтобы вы себя не позорили; желаю, чтобы ваше удовольствие было действительным удовольствием, а не обращалось в наказание, в муку, в пьянство и буйное веселие (от коего тягота головы и разные болезни). Пусть узнают язычники, что христиане всех лучше умеют веселиться, но веселиться, наблюдая благоприличие. – Ибо сказано: *радуйтеся Господеви с трепетом* (ср.: Пс. 2, 11). Как же должно радоваться? Произнося духовные песни, совершая молитвы, воспевая псалмы вместо срамных песен. Таким образом Сам Христос будет присутствовать при твоей трапезе и исполнит

благословением все пиршество,— когда ты будешь молиться, когда будешь петь духовные песни, когда созовешь нищих разделять с тобою предлагаемое, когда в своем пире будешь соблюдать благочиние и умеренность. Таким образом место вашего собрания сделается Божиею церковию, когда, вместо неприличных криков и рукоплесканий, будешь ты воспевать Владыку всяческих. Не говори мне, что ныне заведен другой обычай; напротив, исправь, что худо. *Аще ясте*, говорит Апостол, *аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (ср.: 1 Кор. 10, 31). А от ваших пиров рождаются у вас худые пожелания; от них сладострастие; от них супруги у вас в презрении, а развратные женщины в чести; от них падают домы, тысячи рождаются зол,— и все приходит в беспорядок... В избежание всего этого облечемся во Христа и всегда с Ним пребудем. Ибо облечься во Христа — значит: ни на минуту не быть без Него, но всегда являть Его в себе своею святостию и правотою. И о друзьях, чтоб изобразить их сильную любовь и неразрывную связь, мы говорим, что один облечен в другого. Ибо облекшийся представляется тем, во что облечен. Так и в нас всегда пусть будет виден Христос. Когда же Он будет в нас виден? Когда будем подражать делам Его. Что же делал Христос? *Сын Человеческий*,— говорит Он о Себе,— *не имать где главу под-*

клонити (ср.: Лк. 9, 58). И ты подражай Ему. Когда нужно было вкусить пищу, Христос употреблял ячменные хлебы. Когда бывал в пути, не имел у себя ни коней, ни других вьючных скотов, но ходил пешком, даже до утомления. Когда необходимо было уснуть, ложился, вместо возглавия, на носу лодки. Когда надобно было возлежать, приказывал садиться на траве. Одежды Его были недорогие; хаживал часто один, никого при Себе не имея. Далее, рассмотри все слова и дела Его, на кресте и среди различных поруганий, и вообще всю жизнь Его, — и старайся подражать ей. Таким образом ты облечешься во Христа, когда попечений о плоти не будешь простирать до похоти».

Показав, как христиане должны жить и действовать, яко христиане и яко члены гражданского общества, Апостол:

3) ПРИСТУПАЕТ К ИСПРАВЛЕНИЮ ОДНОЙ НЕИСПРАВНОСТИ РИМСКИХ ХРИСТИАН, ОСОБЕННО ВЫДАВАВШЕЙСЯ (14, 1—15, 13)

Неисправность сия состояла в том, что они не как следует относились друг к другу по случаю разностей в употреблении пищи. Одни из них воздерживались от некоторых яств, или всегда, или в иные только дни, а другие не делали никакого различения в яствах. Те и другие, считая свой образ действования правым, осуждали не

державшихся его и нарушали тем закон братской любви и мира. Эту-то неисправность исправляет теперь Апостол. Он оставляет без определения, какой образ действования лучше, а все внимание обращает на то недоброе чувство, с каким они относились друг к другу по сему случаю. Не суди, говорит, не твое дело. Пусть всякий действует, как внушает ему его совесть.

Кто были это воздержники, Апостол не указывает. Судя по тому, что было в других Церквах, можно полагать, что это были или иудеи, строго державшиеся закона о яствах, или язычники, которые, полагая, что идол есть нечто, думали, что приносимые им жертвы приемлют нечто от них и сквернятся, и потому не решались вкушать иных яств, боясь, не идоложертвенные ли они, как бывало в Церкви Коринфской. Наши все толковники видят здесь первых, а Климент Александрийский* и блаженный Августин, как указывает один толковник,— последних. Можно разуметь и тех и других: ибо встречаются выражения, которые можно относить или только к первым, или только ко вторым. Апостол сам не указал, кого разумел; потому что это не требовалось для подтверждения правила, которое он предписывал.

Глава 14, стих 1. ***Изнемогающаго же в вере приемлите не в сомнение помышлений.***

---

* *Климент Александрийский (? — ок. 215)* — христианский богослов. — *Ред.*

Изнемогающаго, ἀσθενοῦντα, — немоществующего в вере. Закон уже престал, и вера истинная разрешает совесть от всякого чувства обязательства в отношении к нему. Но немощная вера не дает совести такого разрешения и делает ее также немощною. Страждущий такою немощию достоин всякого братского снисхождения и внимания. Приемлите, говорит Апостол, принимайте в братское общение, не отворачивайтесь от него, не чуждайтесь его, не отталкивайте от себя. Слова: *не в сомнение помышлений* — не так ясны. Μὴ εἰς διακρίσεις διαλογισμῶν. — Διάκρισις — рассуждение; отсюда, с одной стороны, — раздумывание, колебание в мыслях и сомнение, а с другой, — разбор, суждение и осуждение. — Отсюда разные толкования. Блаженный Фотий у Экумения пишет: «не осуждай его, а принимай братски, как немощного». А блаженный Феофилакт перифразирует сии слова разно: «не осуждайте его, не соблазняйтесь, не смущайтесь многими помыслами, но всячески старайтесь уврачевать его, как немощного». Можно и так: без споров о мнениях, как в русском переводе, или так: не разбирая, по каким мыслям он то или другое делает, — или: не осуждая таких помышлений. Их будет судить Бог. Ты же видишь только одно воздержание, которое само по себе есть дело похвалы достойное.

Святой Златоуст говорит на сие место: «знаю, что слова сии для многих трудны к уразумению.

Посему нужно наперед изложить, что подало повод к сим наставлениям и что хочет исправить Апостол этими словами. Что же такое хочет он исправить? Многие из уверовавших иудеев, и по принятии веры имея совесть, связанную законом, наблюдали строгую разборчивость в пище, потому что не осмеливались вовсе отступить от закона. Притом, дабы, воздерживаясь только от свиного мяса, не подпасть за то нареканию, они стали уже воздерживаться от всего мясного и есть одни овощи под тем видом, что наблюдают пост, а не иудейскую разборчивость в пище по закону. С другой стороны, были и более совершенные в вере, которые сами нисколько не наблюдали подобной разборчивости в пище и еще наблюдавших оную отягощали и огорчали своими укоризнами и обличениями и даже ввергали в уныние. Посему блаженный Павел опасался, чтобы они, имея намерение исправить неважный недостаток, не испортили всего, — чтобы, желая отучить немощных в вере от разборчивости в пище, не довели их до отпадения от веры и, прежде времени стараясь все возвести к совершенству, не расстроили того добра, какого надлежало ожидать от них в это время, то есть чтобы непрестанными своими укоризнами не поколебали их в исповедании Христовом, так что после этого нельзя было бы исправить ни того, ни другого. — Смотри же, как благоразумно действует Апостол

и с свойственною ему мудростию заботится о пользе той и другой стороны! Он не отваживается сказать укоряющим: вы делаете худо; ибо сим дал бы повод другим утвердиться в своей разборчивости. Не говорит также: хорошо вы делаете; ибо тогда они стали бы нападать еще сильнее. Напротив, вразумляет как должно тех и других, и хотя по-видимому делает выговор сильнейшей стороне, однако же сей самый выговор весь падает и на противную сторону. Это есть самый легкий и нечувствительный способ исправления, когда, обращая слово к одному, наносишь удар и другому. Тогда вразумляемому не даешь причины сердиться и неприметным образом вливаешь в него врачевство исправления. Заметь же, как благоразумно и благовременно делает сие Апостол! Сказав: *плотиугодия не творите в похоти,* — переходит вдруг к настоящей речи, дабы нельзя было подумать, что говорит в пользу тех, которые запрещали разборчивость и приказывали есть все. Слабую сторону всегда нужно больше беречь; почему и Апостол обращается с выговором к сильнейшей стороне и говорит так: *изнемогающаго в вере приемлите.* — Но видишь ли, что сим нанесен уже удар и наблюдающему разборчивость? Назвав его немоществующим, Апостол дает почувствовать, что он болен. Потом наносит другой удар, сказав: *приемлите.* Сим показывает, что много надобно прилагать о нем

попечений; а это служит признаком крайней болезни. *Не в сомнение помышлений*: вот уже и третий нанесен удар! Из сих слов видно, сколь важно дело его; ибо оно возбуждает сомнение даже в тех, которые не участвуют в нем (вероятно, наводя на мысль: уж и в самом деле, не следует ли и нам держаться подобной разборчивости?). — Примечаешь ли, как по-видимому говорит одним, а между тем неприметно и не нанося огорчения упрекает других?»

Стих 2. *Ов бо верует ясти вся, а изнемогаяй зелия* (да) *яст.*

Указывает Апостол, кого разумеет он под сильным и кого под немоществующим. Сильный тот, кто *вся яст*; но не потому он силен, что все ест, а потому, что, не колеблясь, верует, что *всякое создание Божие добро и ничтоже отметно, со благодарением приемлемо* (ср.: 1 Тим. 4, 4). А немощный — тот, кто *зелия яст*, но не потому он немощен, что: *зелия яст*, — ибо таковые бывают сильнее *ядущих вся*, а потому, что по слабости веры полагает, будто пища может *нас поставити пред Богом* (ср.: 1 Кор. 8, 8) и будто есть яства, которые могут сквернить человека. Немощен не от малоястия, а от немощи веры: «ибо, не имея совершенной веры, думает, что оскверняется какою-либо снедию» (блаженный Феодорит). Совершенный, дерзая по вере, питается всем безраз-

лично*, а несовершенный, как немощный, *яст зелия.* Поэтому последний заслуживает врачевание, а не укора (см.: блаженный Феофилакт). «Тот, веруя читаемому в Писании, не сомневается есть все, что дано на употребление человеку. Ибо читает в книге Бытия, что все, созданное Богом, *добро зело* (ср.: Быт. 1, 31). Почему ничего не должно отметать. И ни об Енохе, который первый угодил Богу, ни о Ное, который во время потопа один найден был праведным, ни об Аврааме, друге Божием, ни об Исааке и Иакове, праведных и другах Божиих, между которыми и Лот был, ни о прочих праведниках не читаем, чтоб они воздерживались от каких яств. Но иной полагает, что нельзя все без различия есть, и ест овощи. И пусть ест. Не надобно заставлять его есть мяса, чтоб не стал он вкушать пищу, с сомнящеюся и мятущеюся совестию, и не согрешил чрез то, что не соблюл своего решения или предложения своего произволения» (Амвросиаст). Надо полагать, что ядущими только зелия обнаруживались некоторые на каких-нибудь общих обедах. Здесь иудей верующий не ел совсем мяса, чтоб не показаться воздерживающимся от иных яств, из уважения к закону; а иные, из иудеев ли то или язычников, не ели, опасаясь напасть на идоложертвенное.

---

* *Безразлично* — здесь: без различия. — *Ред.*

Стих 3. *Ядый не ядущаго да не укоряет: и не ядый ядущаго да не осуждает. Бог бо его прият.*

Ты, верующий, что можно все есть, и ядущий все, не укоряй того, кто иначе думает и держит на совести и потому не все ест. И ты, не все ядущий, не осуждай все ядущего. Между римлянами же бывало так, что «как более совершенные (ядущие все) уничижали не ядущих, считая их маловерными, не прямыми христианами, носящими внутри себя скрытный недуг и придерживающимися еще иудейства; так последние осуждали первых, считая их нарушителями закона или даже предающимися объядению» (святой Златоуст). Самых дел тех и других, то есть ядения и неядения, Апостол не касается; ибо, отвлеченно судя, «на волю человеку дано — есть или не есть, и никакие в отношении сего вопросы и споры неуместны. Все сотворенное подчинено господству человека и предано в волю его» (Амвросиаст). Но, обращая внимание на то, что у тех и других на сердце, говорит — одним: не укоряй, — а другим: не осуждай. Есть ли в ядении и неядении грех, никто из вас решительно сказать не может, а в укорении и осуждении уже есть явный грех. Где больше беды и где она очевиднее, туда и спешит, чтоб ее отвратить и пресечь.

Бог бо его прият, — «то есть язычника. Апостол продолжает речь, обращенную к иудею» (блаженный Феодорит). Не осуждай его, иудей, когда

Бог приял его в благодать Свою, не положив препятствием к сему приятию то, что он не был под законом, а следовательно, под законом о различии яств, — и по приятии не возложил на него никакой тяготы подзаконной. «Что говоришь ты ему о законе, как преступнику? Бог принял его, то есть — явил на нем неизреченную благодать Свою и освободил его от всякой вины» (святой Златоуст).

Но может быть, слова: *Бог бо его прият* — относятся к тому и другому, так: ядущий не укоряй неядущего; *Бог бо его прият*, и неядущий не осуждай ядущего; *Бог бо его прият*. Вы оба — в благодати Божией, приняты в Царство Его, почтены всыновлением: не выгоняйте же друг друга из сей спасительной ограды из-за таких мелочей, как различение и неразличение яств. Иудею не помешало быть приняту в благодать то, что он держался разборчивости в пище. Почему думаешь, что это помешает ему пребывать в благодати? Язычнику не помешала быть приняту в благодать его свобода в употреблении пищи. Почему думаешь, что она помешает ему пребыть в ней? Сию благодать имейте в сердце и благодарите Бога. Взаимное укорение и осуждение, порождающее разделения и иссушающее любовь, скорее изгонит вас из ограды Божией, чем разборчивость и неразборчивость в пище.

Слова сии: *Бог бо его прият* — можно употреблять как врачевство против осуждения вообще. Осуждаешь грешника за соделанный грех, а того не берешь во внимание, что у него на душе после греха. Он уже воздохнул к Богу, сокрушился, оплакал грех, и Бог опять приял его в милость Свою, а ты осуждаешь его. — Видишь, какая несообразность? Не осуждай же никого никогда.

Стих 4. ***Ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеви стоит или падает: станет же, силен бо есть Бог возставити его.***

Это общее основание к неосуждению не в настоящем только случае, но и во всяком другом. Все люди Божии суть, яко Божии создания; Богу и работать должны и пред Ним только ответны. Хорошо ли он поступает — стоит, или худо — падает, тебе до этого дела нет. Пред Господом он хорош или худ, — Господь и Судия ему. Как ни с чем не сообразно, вошедши в чужой дом, судить тамошних слуг, так ни с чем не сообразно судить людей в их отношениях к Богу или в действиях их совести. Апостол и заповедует не судить. Он говорит как бы: «я заповедую тебе не судить другого не потому, что образ действования его не стоит осуждения, но потому, что он чужой раб, то есть не твой, а Божий. Стоит ли он или падает, то и другое касается Господа. Ежели падает, ущерб для Бога; равно, ежели стоит, приобретение для Бога же. — Смотри же, как сильно слова

Апостольские должны были пристыдить укоряющего. Ежели Бог, рассуждает святой Павел, хотя терпит ущерб, однако ж не делает укоризн, то сколь безвременно (несообразно) действуешь ты и как далеко выходишь из границ и мешаешься в чужое дело, так муча и беспокоя слабого в вере брата?» (святой Златоуст). «Рабу судить сораба не должно: не дано ему на то власти. С какою совестию ест кто или не ест, Судия тому Бог, Чей раб есть поступающий так или иначе» (Амвросиаст).

Станет же. Ты вдруг стал твердо на основании веры, а тот колеблется еще. Не вообще колеблется, а лишь в отношении к тому кругу дел, в которых ты его осуждаешь. Будучи тверд в общей вере, он мало-помалу окрепнет и в этом отношении и станет не хуже тебя. Хотя он и немощен в этой части, но не отступает от Бога. И Бог, видя его к Себе приверженность, поможет ему избавиться от немощи, почитаемой укорною. Ибо, и являясь немощным, он не себе угождает, но мнится службу приносити Богу, — действует так из благоговеинства пред Богом (см.: Фотий у Экумения), опасаясь оскорбить Его неправым действованием. Бог и не оставит его, но простред к нему руку помощи и восставит его.

Стих 5. *Ов убо разсуждает день чрез день, ов же судит на всяк день. Кийждо своею мыслию да извествуется.*

Ов разсуждает день чрез день, — то есть различает дни и иногда ест, иногда не ест известные яства. *Ов судит на всяк день* — всякий день почитает равным и или ест всякий день, или не ест иные яства. Но может быть, Апостол говорит здесь о пощении и непощении в известные дни или постоянном, как замечает святой Златоуст: «здесь, как думаю, Апостол слегка намекает и о посте. Вероятно, некоторые из постоянно постившихся осуждали непостившихся (и наоборот); или, может быть, и между разборчивыми в пище были и такие, которые в известные дни наблюдали разборчивость, а в другие нет».

Но сила речи Апостольской не в этом, а в том положении, какое выражается при сем относительно безразличных дел и вещей: всякий действуй по своей совести. Что заповедию определено и что догматом постановлено, того держись и то исполняй неотложно. Нечего тут спрашивать, как твое убеждение или твоя совесть. Хотя бы все твое и внутреннее и внешнее шло против того, не отступай. Бог так повелел: хоть умри, но пребудь верен повеленному. Не то в отношении к делам и вещам безразличным. Тут пусть твое убеждение и твоя совесть определяют, как действовать и как умствовать. Только во всем имей в виду славу Божию, а не себе угождение, — ни своему уму, ни своему сердцу. И умствовать многое оставлено на произвол: только не допускай

ничего, что прямо или косвенно противно было бы догматам или несообразно с ними. И дела многие оставлены на произвол: только ни в чем не позволяй себе лишь угождать и допускать чувства и расположения, которые не могут быть благоугодны пред Богом. Блаженный Феодорит пишет: «*кийждо своею мыслию да извествуется* — Апостол сказал не вообще; ибо о Божественных догматах не повелевает так рассуждать, но предает анафеме дозволяющих себе учить противному истине и говорит: *аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет* (Гал. 1, 9). Посему об одних только яствах дает право судить разумению каждого. Ибо обычай сей и доныне пребывает в Церквах: один любит воздержание, другой небоязненно приобщается всякого яства, и последний первого не осуждает, и первый не порицает последнего, но оба хвалятся законом единомыслия».

Стих 6. ***Мудрствуяй день Господеви мудрствует: и не мудрствуяй день Господеви не мудрствует: ядый, Господеви яст: благодарит бо Бога: и не ядый, Господеви не яст, и благодарит Бога.***

Святой Апостол полагает, что тот и другой действуют в видах богоугождения. *Мудрствуяй день* — различающий дни и яства, *Господеви мудрствует* — различает их в уверенности, что это благоугодно Ему. *И не мудрствуяй день* — не различающий дней и яств, *Господеви не мудр-*

ствует – не различает в той уверенности, что вера в Господа освободила его от всех подобных обязательств. «Кто, говорит, различает дни, для Господа различает, как благоговейный; и кто не различает дней, для Господа не различает, как совершенный уже о Христе и возвысившийся над законными наблюдениями» (блаженный Феофилакт). Таким образом тот и другой действуют, желая угодить Господу для Господа. «Бог же всяческих знает намерение ядущих и неядущих, не на дело одно взирает, но испытует разумение, с каким оно делается» (блаженный Феодорит). Потому приемлет того и другого. – Бог приемлет, а ты осуждаешь: с чем это сообразно? И кого ты из себя представляешь?

Ядый, Господеви яст: благодарит бо Бога. Благодаря Бога за то, что дал пищу в наслаждение, утоление голода и поддержание жизни, показывает, что ест во славу Божию для Господа. Поелику благодарит Бога, приемля пищу, *Господеви яст. – И не ядый, Господеви не яст, и благодарит Бога.* Благодарит Бога за то, что дал силу воздержаться и принесть Ему сию жертву самоотвержения. Ястие делается ястием для Господа чрез благодарение; а неястие прямо есть для Господа и благодарение имеет следствием, украшением, освящением. Святой Златоуст говорит: «смысл слов Апостола тот, что не в том важность, чтобы есть или не есть. А спрашивается, для

Бога ли делает тот и другой, благодарением ли оканчивают оба? По словам Апостола, тот и другой благодарят Бога. А если благодарят Бога, то разность не велика». Подобное пишет и Фотий у Экумения: «ядущий благодарит Бога за приятие пищи, — за то, что Бог дал пищу в насыщение и поддержание жизни. И неядущий благодарит Бога за то, что дал людям воздержание и терпение, в пособие к преодолению плотских страстей. Но в каком-либо другом смысле ядущий или постящийся подлежит осуждению, как некоторые из еретиков. Слова Апостола должно принимать в отношении к постящимся и ядущим богоугодно, а не иначе как. Не о всех можно так говорить, но только о тех, кои поступают и в том и другом случае как должно. Почему слова сии уже не совсем приличествуют тому, о ком говорено было пред сим, то есть различающему яства в иудейском духе. И такой не ест, но не во славу Христову не ест, а как немощный и не утвержденный в вере. Впрочем, и его не должно осуждать, по обстоятельствам времени; потому что тогда было еще только начало проповеди. А ядущего каждый день (с благодарением) и постящегося по целым дням, или больше дня (по воздержанию), — ни того, ни другого совсем не должно осуждать, потому что они оба во славу Господа делают то, что делают».

Святой Павел утвердительно говорит, что и различающий, и не различающий дни делают это для Господа, хотя знал, что возможно и то и другое делать не для Господа; утвердительно также говорит, что ядущий и неядущий для Господа делают сие и благодарят Бога, хотя знал, что в обоих их возможно не быть ни тому, ни другому. Для чего же он так сказал? Для того, чтобы тем напомнить, что, действуя так, они должны действовать именно в таком духе, а нам дать урок не судить о них иначе, как в добром смысле. Поелику мы не можем знать, что у них на сердце, знаем же, что они должны во всем действовать для Господа и за все благодарить Бога и обязательство к тому приняли на себя, то для нас нет никакого основания думать, будто они не так действуют; не имея же основания, и судить о них не можем: осуждение их будет клевета.

Стих 7. *Никтоже бо себе живет и никтоже себе умирает.*

В стихах 7—9 излагается общий закон, что жизнь наша вся без изъятия должна быть посвящена Господу, следовательно, ястие или неястие. Это в подтверждение сказанного выше: *Господеви мудрствует* или *не мудрствует*. Апостол счел нужным подолее подержать на сем мысль, чтобы всех научить освящать сим законом все частности жизни и всех уравнять и сосредоточить в сем общем настроении духа. Ибо при сем

только ястие или неястие и все прочее могут быть одинаково благоугодны Богу. Выражение же: *никтоже себе живет,* — или умирает, не то означает, что все так и делают, а что все должны так делать, — таков общий для всех закон Творца и Бога, чтоб никто *себе* не жил и никто *себе* не умирал. Слово: *себе* — можно принять и в смысле: для себя, и в смысле: сам собою: никто для себя не должен жить и умирать и никто сам собою не живет и не умирает. Можно совместить то и другое, в последнем полагая основание для первого, — так: жизнь и смерть наши не от нас и не в нашей власти; потому не для себя должно жить и умирать. Слова: жить и умирать — подобны употребляемым в общей речи выражениям: на живот и на смерть, или жить и умирать с тобою. Они выражают целость нашего бытия. Потому можно не доискиваться, как кто для себя живет и для себя умирает, чтоб видеть, как, напротив того, действовать, чтоб исполнить заповедь Апостола; равно и того не доискиваться, как не сами собою живем и не сами собою умираем. А вообще исповедать, что вся целость бытия нашего не от нас и не нами содержится; потому не для себя самих должна быть и иждиваема.

Стих 8. *Аще бо живем, Господеви живем: аще же умираем, Господеви умираем. Аще убо живем, аще умираем, Господни есмы.*

Сообразно со сказанным выше будет: если живем, или пока живем (см.: блаженный Феодорит), для Господа должны жить; и если умираем, или когда конец придет, каким бы то ни было образом, так должны умирать или расстаться с жизнию, чтоб и это было для Господа, во славу Его. Или так: если живем, или пока живем, Господом живем, — Его десница нас содержит, Его сила живит; и, когда умираем, по Его определению умираем, и, умирая, не исторгаемся из Его вседержащих рук. Господь — Владыка жизни и смерти. Ему вся целость бытия нашего и посвящена должна быть. Пример сему показал сам святой Павел, *со всяким дерзновением* чая и уповая, что *возвеличится Христос в теле* его, *аще животом, аще ли смертию* (ср.: Флп. 1, 20). Чаял сего потому, что все посвящал Господу, не постыждающему рабов Своих.

Аще убо живем, аще умираем, Господни есмы. «Не господа мы сами над собою: и, пока мы живы, — Господни мы, и по смерти Господни же» (блаженный Феодорит). «Видишь ли, как сильно Его владычество? видишь ли, как непреоборима Его крепость? видишь ли, как всеобъемлющ Его промысл?» (святой Златоуст). *Господни есмы*; объемлет наше бытие сила Божия; убежать некуда. В этом самое понудительное побуждение к тому, чтобы все посвятить Господу и, возревновав, быть Ему благоугодным. Благоугодишь ли Ему,

посвящая все Ему, будешь в деснице Его,— на всеблаженствование; не благоугодишь ли, угождая лишь себе самому, будешь в деснице Его,— на нескончаемые муки. Таков закон. Брось же самоугодие и делай все для Господа. Апостол не делает такого вывода, но желает, чтобы всякий сделал его сам для себя. Ибо к тому клонится цель внушений его в 7—9-м стихах. Из этого же он начнет потом опять выводить убеждения к неосуждению братий.

Стих 9. *На сие бо Христос и умре и воскресе и оживе, да и мертвыми и живыми обладает.*

Что мы в руках Божиих и Божии есмы, этому учит и естественный закон веры. В сердце каждого от естества написано, что и начало, и продолжение, и конец бытия нашего — всё в руках Господа. *Господни есмы*, и Он Владыка наш. Но, к христианам пиша, Апостол к естественному прилагает и христианское в том удостоверение. Господь наш Иисус Христос на то и умер, и воскрес, и ожил, чтоб всеми обладать, и которые живы, и которые умерли. Чрез сие Он вторично стал Владыкою нашим. Он уже Владыка наш, как Творец и Промыслитель; благоволив же устроить дивный образ спасения нашего, стал еще Владыкою, как Искупитель наш. Купил нас и обладает нами. Мы рабы Его и должны работать Ему единому. Это то же, что так многократно выражал уже Апостол: все должно быть у нас

для Господа. «Он – Владыка всех,– Он, Себя предавший за нас на смерть, разрушивший державу смерти и всем нам дарующий обетование воскресения. Поэтому Ему мы подвластны, как от Него приявшие жизнь» (блаженный Феодорит). «Господом создана тварь, которая по причине греха отчуждена от Творца своего и стала пленною. Бог Отец, да не погибнет дело Его, послав Сына Своего с небес на землю, научил, что надобно делать, чтоб избежать от рук хищников. Для сего Он и смерть претерпел от врагов, дабы, нисшедши во ад, освободить из него держимых им. Итак, поелику Он живым показал путь спасения и принес Себя за них в жертву, а умерших освободил из ада, то и владычествует как над живыми, так и над мертвыми: ибо из погибших Он претворил их Себе в рабов» (Амвросиаст).

Стих 10. *Ты же почто осуждаеши брата твоего? или ты что уничижаеши брата твоего? Вси бо предстанем судищу Христову.*

Утвердив таким образом, что мы рабы Господа, и по творению и промышлению, и тем паче по искуплению, Апостол снова обращается к убеждению, чтоб мы не осуждали друг друга. Мы рабы Господа; следовательно, сами между собою сорабы и собратия. Вся забота наша должна быть обращена на то, чтобы Господу своему угождать, а не на то, как другие, сущие с нами, работают тому же Господу. Прежде уже говорил он: что

ты судишь *чуждему рабу*? Он Божий раб, а не твой; тебе же он сораб, как и ты ему. Теперь же обращает внимание на другую сторону дела: мы братья и одинаково рабы единому Господу; о том должны заботиться, чтоб Ему угодить, а не друг за другом смотреть; ибо все предстанем судищу Христову, где всякий даст отчет за себя только самого. За себя будет давать ответ и брат твой, судимый тобою; тебе же что тут? Сам будешь давать отчет; ответишь и за самое осуждение сие. Так лучше ты воздерживайся от осуждения, а более на себя смотри, не оказалось бы что и у тебя достойное осуждения на судище Христовом.

Апостол в сих словах предлагает общее убеждение к неосуждению; но вместе так выражается, что подавшие повод к тому не могли не видеть, что он и их особенно не упускает из внимания; ибо, говоря: *ты же* — и потом: *и ты*, — будто пальцем указывает то на немощного иудея, не ядущего все в духе иудейском, осуждающего, однако ж, все ядущего, то на последнего, сильного в вере, но укоряющего первого, несмотря на его немощность. Примирить же их между собою, изгнав из них осуждение и укорение, отзывающееся разладом, старается Апостол убеждением их, что они равны друг пред другом, — равны, как братья, и равны, как равно имеющие предстать судищу Христову. С одной стороны, чувство братства, с другой — общая опасность сильны расположить —

оставить взаимные нападки, а скорее озаботиться обезопашением и себя, и взаимно всех. «Так Апостол прекращает споры сперва наименованием брата, а потом напоминанием о страшном дне суда» (святой Златоуст). «Он — наш Следователь, Он — наш Судия, Его престолу необходимо нам предстать» (блаженный Феодорит). Его потому умилостивлять всею заботою озаботимся, прекратив взаимные осуждения и укорения.

Стих 11. ***Писано бо есть: живу Аз, глаголет Господь: яко Мне поклонится всяко колено, и всяк язык исповестся Богови.***

Писано сие у Исаии-пророка, в 45-й главе, стих 23. *Живу Аз* — клятвенно удостоверительное слово от лица Божия, многократно употребляемое в Писании, когда говорится о каких-либо важных предметах, требующих беспрекословной веры. Значат сии слова то же, что: *клянуся Мною Самим*, — как и стоит у святого Исаии. И это выражение также часто употребляется в Писании, как и первое. Как мысль у обоих одна, то они могут заменять одно другое, что и сделал святой Павел. У святого Исаии в означенной главе изображается возвращение Киром* израильтян из Вавилонского плена, восстановление в сем народе истинного боговедения и богопочтения и

* *Кир II Великий (? — 530 до Р. Х.)* — персидский царь. В 539/538 гг. до Р. Х. издал указ, разрешивший иудеям возвратиться на родину. — *Ред.*

затем распространение сего во всех народах земли. Все приидут и обратятся к Богу истинному, исповедав, что неправо поступали, поклоняясь тому, что не есть Бог. Обращение всех народов указывает на проповедь Евангелия, которая имеет наполнить всю землю и заключиться страшным судом. Итак, в словах святого Исаии предуказуется первое пришествие Господне, а чрез него и второе. То ли или другое иметь в мысли, читая сии слова у святого Павла, равно будет соответствовать цели, с какою они приводятся. Говорил он пред сим, что Господь – Владыка наш, мы – рабы Его и Ему дадим отчет в том, хорошо ли работали Ему. Приводя пророческое свидетельство, Апостол мог направлять его и на первое, то есть владычество Господа и наше Ему рабство, и на второе, то есть на наш пред Ним ответ на судище. Первое исполняется, когда веруем в Господа и поклоняемся Ему, яко Богу, что совершает благовестие Евангелия, второе исполнится на втором пришествии Христовом. При первой мысли в словах Апостола будет такая связь: все предстанем судищу Христову; ибо Он Господь наш, как написано: *Мне поклонится всяко колено*; Ему и суд над нами принадлежит, а не другому кому. При второй – связь прямая: ибо приведенные Апостолом слова живописуют пред нами картину появления Христа Господа во второе пришествие Его: все народы

со всех концов земли собраны и, узрев грядущего с небес Господа с сонмами Ангелов, все притрепетно поклонятся Ему и исповедуют Его Богом своим, пред Коим ответны, веровали ли они тому прежде или нет. — Всеобщее исповедание Христа Спасителя Богом тогда собственно проявится и торжественно возгласится. Дотоле все будут упорствующие в неверии. Потому слова Пророка, можно полагать, прямо указывают на это. И святой Павел, приводя их в сем смысле, не чуждую Пророку дает им мысль. Святой Златоуст говорит: «святой Павел привел слова Пророка, который свидетельствует, что как жившие в Ветхом Завете, так и все без исключения подвластны Богу, и подвластны Ему во всем. Ибо не просто сказано: всякий поклонится; но: *исповестся*, — то есть даст отчет в том, что сделал. Итак, представляя себе общего Владыку седящим на престоле, будь внимателен к себе», а не суди других.

Стих 12. *Темже убо кийждо нас о себе слово даст Богу.*

Всякий из нас — смягчает слово и себя поставляет в ряд со всеми дающими отчет, — всякий из нас за себя даст Богу слово, — ответ или отчет, — отчет во всем наделанном, добром и худом; но больше такие слова приводятся для напоминания о предстоящей ответственности в худом, для устрашения худых и побуждения их к исправлению. Воображай себя стоящим на суде

и истязуемым, зачем сделал то и другое, когда знал, что не должно того делать, и мог не делать, имея под руками благодатные средства, — и никогда не согрешишь. Имея в намерении отвратить от худого римских христиан, а в лице их и всех нас, Апостол печатлеет в уме эту предстоящую нам и неизбежную ответственность. Некто из святых сказал: самое лучшее место, где тебе надлежит стоять, есть судище Христово; там установись и не движься, и все у тебя пойдет хорошо, и вопль молитвенный, и борьба со страстьми, и делание всякой добродетели; страх Божий всегда будет осенять тебя и руководить. Самый обычный у нас грех есть осуждение, которое и грехом считать не считаем, разучились даже замечать его за собою. Но когда будем помнить об ответности своей на судище Христовом, то и замечать сей грех навыкнем, и не поддаваться ему научимся. Святой Павел потому указывает самое действенное средство к уврачеванию обличаемой им немощи римлян.

Стих 13. *Не ктому убо друг друга осуждаем: но сие паче судите, еже не полагати претыкания брату, или соблазна.*

«Поколику Апостол указал Владычнее судилище, то необходимо советует не судить друг друга, но ожидать оного приговора» (блаженный Феодорит). *Не ктому друг друга осуждаем* — общую для всех пишет заповедь, подчиняя ей и

себя самого, — общую для всех и касающуюся всех вообще дел, какие замечаем в других. Осуждение, кого бы и чего бы оно ни касалось, не должно иметь среди нас места.

Итак, не ходи умом своим по чужим делам и не утомляй тем своего внимания. На что же его надо обратить? На обсуждение, как бы так вести дела свои, чтоб никого ими не соблазнять. По ходу речи видно, что Апостол определяет здесь образ внешнего поведения, и именно относительно дел безразличных, которые можно делать и не делать, делать так или иначе. Общий закон: веди так сии дела, чтоб никого ими не соблазнять и, следовательно, наоборот, чтобы всех назидать. И здесь Апостол пишет тоже общее правило, хотя по поводу частного случая, и его не выпуская из внимания, как показывают следующие за сим слова.

Это второе правило, выпавшее у нас из внимания. Никому почти и в голову не приходит подумать, не соблазнить бы кого тем или другим. У Апостола не разумеются явные грехи и беззакония, им между христианами решительно не дается места, так, чтобы уже и имя их позабыть. Но разумеются всякие другие дела позволительные. Как образом их совершения можно соблазнять, то Апостол и говорит: смотри, обсуждай эти дела и так их делай, чтоб не соблазнять. И вот о сем-то никто почти не думает, и не только о

сем, но и о явных грехах и беззакониях: бесстыдно грех ходит у нас по стогнам*. Святой Златоуст сильно вооружается против небрежения о сем: «рассуди, какому подвергнемся мы наказанию, если соблазняем ближних без всякой доброй цели. Ежели здесь, где вся ошибка состояла в неблаговременности упреков (за ядение и неядение), Апостол воспрещает оные, дабы не соблазнялся и не претыкался брат; то чего будем достойны мы, когда соблазняем брата, совсем не имея намерения исправить его? Ежели не сберечь (брата, не принесть ему пользы) есть проступок, как это видно на примере закопавшего в землю талант, то чего не навлечем на себя, соблазняя другого? Ты скажешь: что же мне делать, если он соблазняется сам от себя, потому что слаб? Но по сему-то самому тебе и следовало переносить все. Если бы он был крепок, не имел бы нужды в такой попечительности. А теперь, чем он слабее, тем большего требует рачения. Итак, будем о нем пещися и поддерживать его во всех случаях. Ибо мы дадим ответ не за свои только грехи, но и за то, в чем служили соблазном для других. Но если трудно отвечать и за свои грехи; как спасемся, когда ляжет на нас и сия ответственность? Если сделаешься виною гибели других, подпадешь тягчайшему наказанию, нежели доведенные тобою до падения. Не так

* *Стогна* — улица, площадь. — *Ред.*

пагубно самому согрешить, как ввести в грех и других, кроме себя».

Стих 14. ***Вем и извещен есмь о Христе Иисусе, яко ничтоже скверно само собою, точию помышляющему что скверно быти, оному скверно есть.***

Вем и извещен есмь — я вполне убежден, убежден глубоким, совершеннейшим убеждением, но не сам от себя, не своими соображениями дошел до этого, а научен будучи Христом Иисусом Господом. Им внедрено во мне сие убеждение. Апостолы не только однажды навсегда были просвещены, но и в частностях были научаемы Господом и Духом Святым. Бывали у них и свои соображения; но они умели с точностию отличать, что свое и что от Господа и Духа Божия. Не почитать ничего из съестного скверным было Господним внушением. Получив его от Господа, Апостол и всем его сообщал, — говоря: *ничтоже скверно само собою.* «Ничего нет нечистого по природе, сему научен я от Господа. Он Сам удостоверил меня в этом, это приговор не человеческого ума» (святой Златоуст). Но бывает, что иной одно, другой другое, по каким-либо помышлениям, считает нечистым; в таком случае для него только оно и нечисто. Его помышление, что та и та пища нечиста, не делает пищи нечистою по себе или и для других: она только для него нечиста, не сама по себе, а по тому его убеждению; и, пока сие убеждение остается у него, она

пребывает для него нечистою. Он сквернит себя, принимая ее против убеждения совести. Блаженный Феодорит пишет: «если кто, думая, что такая-то снедь нечиста, вкушает оную; то сие нечисто не по естеству (снеди), но ради помысла вкушающего». Надобно наперед переменить убеждение, и потом уже вкушать с спокойною совестию; а наперекор совести ничего не должно делать, хотя бы совесть и заблуждалась.

Кого имел в виду Апостол, говоря сие? И иудея, который не освободился еще от чувства обязательства соблюдать закон о яствах, – и других, особенно язычника, который, все еще думая, что идол есть нечто, боится, как бы не напасть на идоложертвенное в яствах, предлагаемых или покупаемых, в той мысли, что они от идола приняли некую скверну; потому воздерживается не только от явно-идоложертвенного, но и от всякой другой пищи, которая могла быть от идоложертвенного. Последнее Апостол подробно объясняет в Первом Послании к Коринфянам, в 8-й главе. Выражения там и здесь одинаковы; потому надо полагать, что Апостол и здесь имел в виду подобные же случаи.

Чего же хочет Апостол? Не укорять, не нападать, не увлекать и не принуждать таковых вкушать то, что они считают нечистым: ибо иначе они будут действовать против своей совести, делать ее нечистою, подвергаться ее угрызениям и

вследствие того скорбеть. И не этого только требует Апостол, но и благоразумия в пользовании свободою в употреблении пищи. Это особенно касалось идоложертвенного. Иной, убедившись, что идол есть ничто и не делает пищи нечистою, свободно ест всюду явно-идоложертвенное, — и ему ничего. Но иной, не имея такого убеждения, а увлекаясь только примером его, станет есть что-нибудь такое; почему будет есть наперекор своей совести, осквернит ее и будет потом скорбеть, угрызаемый ею. Апостол и дал правило — опасливо пользоваться свободою относительно яств, чтоб не нарушить иначе любви к брату.

Стих 15. *Аще же брашна ради брат твой скорбит, уже не по любви ходиши. Не брашном твоим того погубляй, за негоже Христос умре.*

Будешь ли укорять брата за различение яств, или понудишь его вкусить, что считает он нечистым, или примером своим увлечешь его к тому, — во всяком случае ты скорбь причинишь брату и тем нарушишь братскую любовь. Но любовь у нас главное, а различение яств дело безразличное. Благоразумно ли так поступать? Не только не благоразумно, но и преступно. «Скажешь: почему же не исправить брата, чтобы он не почитал чего-либо нечистым? Почему не употребить всей своей власти, чтобы очистить от сей привычки и мнения — признавать что-либо скверным? Боюся, ответствует Апостол, чтобы не огорчить его» (свя-

той Златоуст). Конечно, не худо отучить от этого; но для сего самое верное — изменить его убеждения. Изменить же их нельзя нападками и понуждениями. Яви лучше снисходительность и осторожность любви; и она исправит все дело. Живя среди свободно относящихся к жертвам и между тем объемлющих его теплою любовию, он скорее поколеблется в своих убеждениях, а потом и совсем изменит их. Время с любовию все исправит мирно: ни споров, ни укоров, ни понуждений не нужно. Они только портят дело, а не способствуют ему. «Видишь ли, сколько Апостол заботится о сохранении любви? Ибо знал, что любовь может все исправить. А посему и требует от слушателей чего-то большего. Не только не должно вам, говорит, доводить их до крайности; но, если бы требовалось сделать снисхождение, и от того не отказываться» (святой Златоуст).

Не брашном твоим того погубляй, за негоже Христос умре.

Вот до чего может дойти неразумие в делах безразличных! брата погубить. Как? Соблазнив брата, понудив или увлекши его действовать против своего убеждения или совести. Апостол писал уже именно это к коринфянам: *блюдите, да не како власть ваша* (свободно относиться к яствам) *преткновение будет немощным. Аще бо кто видит тя имуща разум* (убедившегося, что идол ничто и не сквернит идоложертвенного) *в треби-*

щи возлежаща, не совесть ли его немощна сущи созиждется идоложертвенное ясти (совесть его, оставаясь немощною, не имея подобных твоим убеждений, согласится, увлекаясь примером твоей мудрости, есть идоложертвенное, держа в мысли, что оно осквернено)? *И погибнет немощный брат в твоем разуме, егоже ради Христос умре. Такожде согрешающе в братию и биюще их совесть немощну сущу, во Христа согрешаете* (ср.: 1 Кор. 8, 9—12). Это именно разъяснение напоминают и настоящие слова: *не брашном твоим того погубляй, за негоже Христос умре.* Святой Златоуст видит здесь такие внушения: «ужели брата не почтешь стоящим того, чтобы чрез воздержание от пищи приобресть его спасение? Христос не отказался стать за него рабом и умереть, а ты для его спасения не соглашаешься отказаться от пищи? Хотя Христос знал, что не всех приобретет; однако же исполнил Свое дело и умер за всех. А ты знаешь, что спором о пище развращаешь в важнейшем, и, несмотря на то, упорствуешь,— почитаешь презренным, кого Христос признал достойным толиких почестей, бесчестишь, кого Он возлюбил? Христос умер не только за немощного в вере, но и за врага, а ты для немощного в вере не хочешь воздержаться от пищи? Христос совершил самое великое дело, а ты не хочешь сделать малого? Он Владыка, а ты брат».

Стих 16. *Да не хулится убо ваше благое.*

Чье — *ваше*? Тех, которые не вязали себя никакими предубеждениями относительно яств. Что: *благое*? Эта самая свобода от предубеждений и сила веры, возведшая до сей свободы. «Обвинение соединяет с похвалою. Хвалю, говорит Апостол, веру того (свободного от предубеждений), но не хочу, чтобы она соделалась причиною вреда и хулы» (блаженный Феодорит). *Да не хулится.* Не других имеет в виду, а самого этого, чувствующего себя свободным от предубеждений; не позволяй себе так пользоваться сею свободою, чтоб это унижало ее и подвергало осуждению. Ибо если ты по своей свободе одного оскорбляешь, а другого соблазняешь; то не подлежишь ли справедливо похулению за свое неразумие, тем паче, что из-за сего хула переходить может и на самую веру твою, а от твоей и вообще на веру Христову? «Ты имеешь совершенство в вере: не злоупотребляй же совершенством своим и не подавай повода хулить оного. Ибо если ты, будучи совершенным, губишь совершенство, то подал повод хулить благо, которое имеешь. Но ты понимаешь, что и учение наше благо и что оно не желает подвергаться хуле со стороны неверных, когда они видят расколы и соблазны касательно пищи» (блаженный Феофилакт).

Но можно под: *благое* — разуметь — веру христианскую вообще, и под: *ваше* — римлян. Да не

подвергнетесь хуле за то, что приняли веру Христову. Вот какая вера, скажут, что учит их спорам и раздорам из-за таких мелочей, каково употребление яств позволенных. Так разумеет святой Златоуст: «под именем *благого* Апостол разумеет здесь веру, или надежду будущих благ, или совершенное благочестие. Ты не только не помогаешь брату, говорит Апостол, но заставляешь хулить самый догмат, Божию благодать и дар. Когда ты споришь, упорствуешь, огорчаешь, раздираешь Церковь, укоряешь брата, обходишься с ним неприязненно; тогда сторонние хулят Церковь. И ты не только не исправляешь, но делаешь совершенно противное. Ваше доброе состоит в том, чтобы жить в любви, в братстве, в единении, в союзе, мирно и кротко».

Стих 17. *Несть бо Царство Божие брашно и питие, но правда и мир и радость о Дусе Святе.*

Царство Божие приобретается не тем, чтоб одно есть, а другого не есть и одно пить, а другого не пить. Или — не в этом состоит Царство Божие, не этим оно украшается, не это составляет его отличительную черту. Или — не этим славны вступившие в Царство Божие и не это есть признак, в Царстве ли кто Божием или нет. «Не думайте, что в этом весьма великое преспеяние и что приобретается сим Царство Небесное» (блаженный Феодорит). «Ужели думаешь, что сие поставлено будет тебе в заслугу? И в другом

месте говорит он то же: *ниже аще ямы, избыточествуем; ниже аще не ямы, лишаемся* (ср.: 1 Кор. 8, 8). Здесь нечего доказывать, а довольно сказать. Смысл же Апостольских слов таков: ежели ты ешь, то ужели сие введет тебя в Царство?» (святой Златоуст).

Что же вводит в Царство? Какие блага его? Что служит признаком, что кто-нибудь принадлежит к наследникам его? — *Правда, мир и радость о Дусе Святе*. «Добродетельная жизнь, мир с братом, радость, происходящая от согласия» (святой Златоуст). «Приобретают нам Царство истинная праведность в мире и любви, согласие и рачительность, которыми порождается веселие по Богу» (блаженный Феодорит). *Правда* — не оправдание только и отпущение грехов, но внутренняя праведность, изгнавшая все неправое из сердца и вселившая в нем правочувствие и правомыслие, от коих православие и праводелание — словом, святость, готовая на всякое дело благое и сильная совершить оное. *Мир* — мирное устроение в себе, в мыслях и чувствах, вследствие освобождения от мятущих страстей самоугодия; мир, свыше сходящий и осеняющий душу чувством благоволения Божия, блюдомым сознанием, что произвольно не допущено ничто неправое, и дающим дерзновение весело воззревать к всещедрому Богу, — и мир любви со всеми братиями, делающий из всех одну душу и каждого обогаща-

ющий чувством силы такой жизни, которая слагается из всех жизней, состоящих в мирном сердечном союзе. *Радость* — не какая-либо чувственная, но отрешенная и отрешающая от всего чувственного, не из себя выводящая, как обычно, но в себя углубляющая, по той причине, что там дается вкушать сердцу обвеселяющие блага, *ихже око не виде* (1 Кор. 2, 9), — из коего вкушения непрестанного и точится радость, которой ничем другим купить нельзя. Радость неразлучна с жизнию; но истинная радость бывает только в духовной жизни, душевная же и чувственная жизнь имеют лишь мимолетные радости, и всегда смутные и немирные. Духовной жизни радость истинная оттого неотлучно принадлежит, что эта жизнь не иначе водворяется, как в силу соединения со всеблаженным Богом благодатию Его. Бог всеблаженный изливает непрестанную радость в сердце, с Ним живо сочетанное верою, любовию и упованием.

Все же сие *о Дусе Святе*. Хотя у Апостола *о Дусе Святе* стоит в связи только с *радостию*; но по существу дела не радость только, но и мир с правдою есть лишь о Дусе Святе. Дух Святой дает силы, яже к животу и благочестию, и, следовательно, делает человека праведным. Дух Святой исторгает дух наш из уст душевных и телесных страстей и, водворяя мир внутри, держит его в мире с Богом и братиями. Дух Святой и

радость подает, прямо по обращении к Богу, только в виде предвкушения и приманки, а по очищении от страстей,— в виде постоянного или более или менее постоянного вкушения: ибо тогда начинается ощутительное действие благодати Святого Духа в сердце, с коим неразлучна сладость духовная, и с сладостию сею и радость. Из сего следует заключить, что правда, мир и радость в истинном своем значении бывают только в христианах; и между христианами в тех, в которых возгрет дар благодати.

Стих 18. *Иже бо сими служит Христови, благоугоден есть Богови и искусен человеком.*

Вот чем служи Христу Господу! Вот что существенно в христианстве! А не то, чтобы одно есть, а другое не есть или все есть без разбора. И это может пойти в дело, но не как главное, а как приделок. Но как же говорит: сам служи, а между тем правда, мир, тем паче радость суть плод благодати Святого Духа? Благодать дается; но то, что производит и плодоприносит в нас благодать, есть дело не одной благодати, а и свободного произволения. Благодать содействует труду и ревности,— и бывает плод духовный. Напрягайся на праведность, и с помощию благодати станешь праведен не внешно, а в сердце; трудись над умирением себя в себе самом и в своих отношениях к Богу и людям,— и с помощию благодати стяжешь мир; радость же придет,

как неотъемлемое следствие правды и мира. Радость на душе делает человека отрадою для всех, с которыми он входит в сношение. И ею служат братиям, а чрез нее и Христу Господу.

Кто будет так служить Господу, тот два плода приобретет, или двух целей достигнет: *будет благоугоден Богови и искусен человеком*. Во Христе Иисусе исходный пункт есть самоотвержение. После же себя кто еще останется? Бог и люди; к ним и направляется деятельность человека: Богу благоугодить ревнует и для людей быть полезным во всем старается. Апостол говорит: хочешь этого достигнуть благоуспешно и в совершенстве? вот чем запасись: правдою, миром и радостию — или их наперед созижди в сердце, и тогда будешь *благоугоден Богови и искусен человеком* чрез то самое, что будешь иметь их в сердце. Не опирайся слишком на внешнее, хоть и оно нужно; а главное, сердце созижди.

Искусен, δόκιμος — испытан, что и то умеет сделать, и другое, и третье. Хорошо выражает сие слово наша поговорка: молодец на все руки, все делает славно. И в общежитии предорогой человек тот, к кому благонадежно можно обратиться и на которого во всем можно положиться: не обманет, не обидит, поможет, совет даст и, что ни поручи, все устроит. Таков и бывает всегда тот, у кого в сердце водворены правда, мир и радость;

да тот только и таков, у кого есть такое устроение сердца.

Стих 19. *Темже убо мир возлюбим, и яже к созиданию друг ко другу.*

Прямо указывает на болезни, именно что своим неразумным действованием в употреблении пищи и пития они и мир взаимный нарушали, и соблазняли друг друга, — и, что еще тягчае, — замечая сие, не хотели изменить своего поведения. Более это относилось к не державшим различения яств и являвшимся более совершенными в вере; мир они нарушали тем, что презрительно и укорно относились к воздерживавшимся от некоторых яств, а соблазняли, вместо назидания, тем, что иных наперекор совести увлекали есть идоложертвенное. Но и к воздерживавшимся от некоторых яств это же шло: и они мир нарушали уже тем, что особились от других, и тем более если при сем вступали в спор, вообще неблагоприятный миру, и на укор отвечали укором укорявших, укоряя их, яко всеядцев, невоздержных и чревоугодливых; а соблазняли тем, что иных из не державших различения яств, но не крепких сердцем располагали подражать себе, чая так совершеннейшими явиться, тогда как это означало не совершенство, а немощь.

Для нас отсюда можно заимствовать правило — во внешнем нашем поведении, и особенно в отношении к предметам безразличным, главным

образом иметь в виду не то, как мы сами положили действовать, но то исключительно, чтоб мира взаимного не нарушать и не соблазнить коголибо, а напротив, так вести дела, чтоб взаимный мир более и более укреплялся и все служило ко взаимному назиданию.

Стих 20. *Не брашна ради разоряй дело Божие. Вся бо чиста, но зло человеку претыканием ядущему.*

Дело Божие — то, что Он *хощет всем спастися* (ср.: 1 Тим. 2, 4). А ты неразумным пользованием свободою относительно яств разоряешь сие дело, понуждая или увлекая его есть то, что не одобряет его совесть, и тем губя его; ибо оскорбление совести есть зло пагубное. То правда, что все чисто, как ты веруешь; но ты, вкушая все на претыкание и соблазн брату, делаешь зло,— зло себе самому, ибо: *горе человеку, имже соблазн приходит* (ср.: Мф. 18, 7). Святой Златоуст говорит: «делом Божиим Апостол называет спасение брата и увеличивает страх, доказав, что соблазняющий брата делает противное тому, о чем заботится. Ты не только не созидаешь, как думаешь, говорит Апостол, но разоряешь, и разоряешь не человеческое дело, а Божие; и притом разоряешь не для чего-либо важного, но для маловажной вещи — *брашна ради.* Если ты принудишь и он станет есть, ни малой не будет в том пользы (а вред: ибо он будет есть с оскорблени-

ем своей совести). Не яства делают нечистым, а расположение, с каким есть. Посему ежели не исправишь расположения, то весь твой труд напрасен и вреден. Иное дело почитать что нечистым, и иное есть, что почитаешь нечистым. В последнем случае грешишь ты вдвое, своим спором усиливаешь предрассудок и заставляешь есть нечистое (то есть почитаемое таковым наперекор совести). Доколе не убедишь, дотоле не принуждай».

Слова: *претыканием ядущему* — можно принять в таком смысле: зло человеку, который ест с претыканием, несмотря на то, что совесть несогласна на сие. Толкование святого Златоуста на это более направлено.

Стих 21. ***Добро не ясти мяс, ниже пити вина, ни о немже брат твой претыкается или соблазняется или изнемогает.***

Добро не ясти. В продолжение всей главы толкуя о сем, Апостол явно требовал сего, как должного, и давал заповедь к исполнению. Но выразился так, что кажется, будто он говорит: *лучше* — в виде своего мнения и совета; для того, чтобы, давая заповедь крепкому вместе с немощным, внушить сему последнему, что ему делается снисхождение по немощи его, и тем побудить позаботиться об оздравлении. Не есть мяс и не пить вина не вообще предписывает, а на тот случай, если этим кто соблазняется. Того не касается

здесь Апостол, что то и другое должно делать в видах воздержания,— об этом он говорит в других местах, например: *подвизаяйся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25); здесь же говорит он о сем только в отношении к тем недоразумениям и разномыслиям, какие происходили среди римлян, в умиротворение их. Отсюда и для всех нас, и на все случаи закон: ничего не делать, чем можно соблазнить брата. Святой Златоуст говорит: «опять Апостол требует большего, не только не принуждать, но и оказывать снисхождение. Так и сам он поступал нередко: обрезывал, стриг волосы, приносил иудейскую жертву. Не говорит он: делай; но предлагает в виде своего мнения, дабы слабейшего не сделать еще более беспечным. И что же говорит? *Добро не ясти мяс.* И что я говорю о мясах? Воздерживайся также от вина и от всего, что только служит соблазном; потому что спасение брата не идет ни с чем в сравнение. Сие собственным примером показал Христос, Который снисшел с небес и все претерпел за нас, что ни претерпел. Заметь же, как Апостол вразумляет и другого, говоря: *претыкается или соблазняется или изнемогает* (ибо сим означается, что он не в добром положении и имеет нужду в исправлении).— Не говори мне, продолжает Апостол, что это безрассудно (что слабый сам виноват, по неразумию своему); напротив, помни, что сие может исправить. А для

тебя достаточное оправдание, что немощному поможешь, а себе нимало не повредишь. Твой поступок не лицемерие; напротив, он служит к созиданию и сбережению брата. Ежели будешь принуждать его, он станет противиться тебе, осуждать тебя и еще более утвердится в своих правилах — воздерживаться от пищи (по предубеждению). А если окажешь ему снисхождение, полюбит тебя, без всякого подозрения будет слушать твое учение и наконец нечувствительно даст тебе волю посеять в нем правые догматы. А ежели однажды поселишь в нем ненависть к себе, то заградишь вход словам своим. Итак, не принуждай брата, напротив, сам для него воздерживайся; воздерживайся не как нечистого, но потому, что он соблазняется, — и он больше полюбит тебя».

Слова: *претыкается, соблазняется, изнемогает* — все к одному направлены и одно значат; но можно видеть в них и некоторые оттенки немощи. Блаженный Феофилакт говорит: «словом: *претыкается* — показал, что он (по предубеждению не касающийся иных яств) ослеплен; ибо претыкаются слепые. А соблазняется он, как легкомысленный, изнемогает же, как маловерный» (так и Экумений). Можно видеть здесь и постепенность попрания совести немощным: *изнемогает* — колебаться стал, *соблазняется* — склонился, *претыкается* — поел против совести. Внушение же

идет в обратном порядке: не только не доводи до претыкания, но даже до склонения или колебания помыслом.

Стих 22. *Ты веру имаши: о себе сам имей пред Богом. Блажен не осуждаяй себе, о немже искушается.*

Ты веру имеешь, — ты убежден, что в яствах все добро *и ничтоже отметно*, и что брашно не поставляет нас пред Богом. Это хорошее убеждение; но по обстоятельствам, в каких находишься ныне ты, обнаруживать на деле такое убеждение должен ты осторожно, чтобы неразумным пользованием свободою в сем отношении не соблазнить брата и не повредить ему. Имей такую веру в себе самом пред Богом; но, когда видишь, что безразличным ястием всего можешь соблазнить кого, воздержись от ястия. Этого требует от тебя долг любви к братьям и заповедь — все обращать в славу Божию, ешь ли или пьешь. Для тебя от этого никакого не будет вреда: ибо по вере твоей вкушать и не вкушать что — дело безразличное. Ты можешь с покойною совестию и воздержаться от известной пищи. Совесть не будет тебя осуждать; напротив, одобрит за то, что делаешь некую жертву для пользы брата. Вообще блажен, кого не осуждает совесть за то, на что он решается, что избирает и делает. *Искушается*, δοκιμάζει, — собственно: избирает с одобрением совести.

Не было ли таких, которые любили хвастаться своим отрешенным от всяких предубеждений смыслом и выказывали его ничем не стесняясь, напоказ. И святой Павел их вразумляет сим словом. Святой Златоуст подозревает сие: «здесь, кажется мне, Апостол тайно намекает на тщеславие совершеннейшего в вере. Смысл слов его таков: хочешь доказать мне, что ты во всем исправен и совершен; не доказывай (показанием ее), а довольствуйся свидетельством совести. Веру же берет здесь относительно не к догматам, а к предмету рассуждения. Об одной вере сказано: *усты исповедуется во спасение* (10, 10); также — *иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз* (Мф. 10, 33). Одна постыждает тебя, если ее не исповедуешь; а другая (эта — относительно пищи) посрамит тебя, если исповедуешь (делом обнаружишь) не вовремя. — *Блажен не осуждаяй себе, о немже искушается.* Доказывает, что с него довольно одобрения совести. Хотя другой не видит твоего блаженства, ты будь доволен сам собою (то есть свидетельством своей совести). Поелику Апостол сказал: *о себе сам имей*; то, дабы ты не почел сего судилища маловажным, утверждает, что оно для тебя лучше вселенной. Если все обвиняют тебя, но сам себя не осуждаешь, и совесть не укоряет, ты блажен. Но Апостол не о всяком без исключения дал такой отзыв. Много есть людей, которые сами себя не

осуждают и весьма грешат; они всех несчастнее. Но Апостол занимается настоящим предметом (говорит, то есть, относительно различения яств)».

Блаженный Фотий у Экумения решает такое возражение. «Что же, скажет кто, ужели и мне чуждаться иных яств из-за немощного? Не будет ли это значить, что я пристал к его части? Не стану ли подобен ему? Против этого говорит Апостол: никак нет. Ибо вера твоя остается пред Богом чистою и неповрежденною. Но что я говорю, — что это не повредит тебе и что вера твоя остается целою пред Богом? Ты блаженство себе приобретаешь, если для пользы и спасения брата воздержишься от известных яств. *Блажен*, говорит, *не осуждаяй себе, о немже искушается*, — то есть имеющий совесть, свидетельствующую ему (что не сделал худо, поступив так и так). Не в этом только, когда кто для пользы брата воздерживается от иных яств, но и вообще во всяком деле, если кто после должного испытания найдет, что то или то хорошо, и сделает то, — будет иметь одобряющее и ублажающее свидетельство совести. Блажен таковой; а не только не терпит вреда от того, что избирает и что делает по совести».

Стих 23. *А сомнящийся, аще яст, осуждается, зане не от веры; всяко же, еже не от веры, грех есть.*

Ты блажен, вкусишь ли или воздержишься, потому что то и другое можешь делать с покой-

ною совестию. А несчастен тот, кто не убежден, что можно есть и то и то, а напротив, думает, что едва ли нужно так делать, и, несмотря на то, *яст* не от веры, без удостоверения своей совести, что так можно. Совесть и мятется, лишает его покоя, не дает вкусить того блаженства, которое есть удел тех, которых не осуждает совесть за их поступки. Следовательно, ты делаешь ему зло. «Опять увещевает щадить немощного. Какая польза есть с сомнением и осуждать самому себя? Я одобряю того, кто ест, и ест без всякого сомнения. А кто сомневаясь ест, осуждается. Причина тому: *зане не от веры*. Осуждается не потому, что нечисто, но потому, что не с верою, потому что не был уверен, что это чисто, но думал, что прикасается к нечистому. А сим Апостол вразумляет, сколько делают вреда, когда принуждают неубедившихся прикасаться к тому, что, по их мнению, нечисто, и желает хотя сим удержать их от того, чтобы они не укоряли немощных в вере» (святой Златоуст).

Всяко же, еже не от веры, грех есть. Это общее положение на все случаи, на котором основываются и все наставления святого Павла. Отсюда следует, что все обязаны ясную иметь совесть относительно того, что предпринимают и делают, чтобы все делать с ясным сознанием правости дела. Святой Златоуст учит: «настоящая жизнь есть поприще; на всяком шагу нужно

иметь множество глаз, — и не должно думать, что для оправдания достаточно неведения. Будешь, непременно будешь наказан и за неведение, если оно не простительно. И иудеи были в неведении, однако ж их незнание не поставлено им в извинение. И язычники были в неведении, однако же не имеют оправдания. Когда не знаешь того, что знать невозможно, ты не будешь виновен. А когда того не знаешь, что можно и удобно познать, понесешь крайнее наказание. Притом же ежели не будем слишком беспечны, то употребим все возможные меры; Бог подаст нам руку и в неудобопознаваемом. Так Павел говорил филипписийцам: *аще ино что мыслите, и сие Бог вам открыет* (Флп. 3, 15)».

Стихи 24—26. *Могущему же вас утвердити по благовествованию моему и проповеданию Иисус Христову, по откровению тайны, леты вечными умолчанныя, явльшияся же ныне, писании пророческими, по повелению вечнаго Бога, в послушание веры во всех языцех познавшияся. Единому Премудрому Богу, Иисусом Христом, Емуже слава во веки. Аминь.*

Это славословие прерывает течение речи о благоразумном пользовании свободою относительно яств и о щадении немощных в отношении к сему, которая вслед за сим начинается снова: *должни есмы мы сильнии немощи немощных носити* (15, 1). Этот перерыв показался столь неес-

тественным, что ради сего эти три текста стали относить к концу Послания, помещая их после 24-го стиха 16-й главы. Совершенно незаконно: святому Павлу обычно прерывать свое учение молитвенным к Богу обращением; настоящее славословие совершенно согласно с предметом речи, а в конце оно ни к чему; рукописей, оправдывающих такое перенесение, весьма немного. Наши толковники все имеют сие славословие в настоящем месте.

Само славословие — в немногих словах таково: *могущему же утвердити вас, слава во веки, аминь!* (см.: святой Златоуст). Прочее все относится к показанию, в чем утвердить и что восторгнуло Апостола к славословию. Любимая Апостолом истина — слияние иудеев и язычников в единое тело Церкви во Христе Иисусе. Доселе разделяло их со стороны иудеев средостение стихийного служения, отособлявшее их от всех, а со стороны язычников — неведение Бога истинного. Явился Господь, пошла проповедь Евангелия, — разоряет иудейское средостение, разгоняет мрак неведения языческого и из тех и других образует один народ, ведущий Бога и поклоняющийся Ему в духе и истине. Дело сие было тайною, сокрытою от века и от родов и открывающеюся только теперь в самой действительности, хотя она предусмотрена была Пророками. Служение сему делу, как сознавал Апостол, вверено преимуще-

ственно ему, и всякий успех в нем исполнял его радостию и благодарением. Пред этим он сказал: как блаженны пришедшие в свободу чад Божиих! Тут бы и прибавить: слава Давшему такую благодать! Но как его занимала немощная часть уверовавших иудеев, которых полную свободу он только впереди еще видел, то у него славословие естественно слилось с сим чаянием; и в несомненности, что так будет, он воззвал: *могущему утвердити вас слава!* Этим он хотел воодушевить немощных, говоря как бы: мы снисходим немощи вашей, но надеемся, что вы скоро укрепитесь и станете на ноги. Святой Златоуст говорит: «это всегдашний обычай Павлов — заключать увещания молитвами и славословием. Апостол знал, что в этом заключается немалая сила, и привык делать это по сильной любви и благочестию. Чадолюбивому и боголюбивому учителю свойственно не только научать словом, но и молитвами испрашивать у Бога помощи учащимся. Так поступает Павел и в настоящем случае. Здесь он опять имеет в виду немощных и к ним обращает слово. Когда он предлагал обличения, то обличал и тех и других. Но теперь, когда молится, он приносит молитву за немощных».

По благовествованию моему — утвердити по предмету моего благовествования, — в том, что благовествую. Сущность благовестия — спасение в Господе Иисусе Христе; сущность веры — упо-

вание спасения в Нем едином без всякой примеси чего-либо, на чем бы хоть малость какую опиралось то упование и что дерзало бы разделять честь сего упования с Господом. От приявшего благовестие и вступившего в путь спасения требуется престрогая деятельность — многотрудная; но упование спасения на едином Господе утверждается. А те думали, будто спасение их благонадежнее, если того не есть, другого не пить. «Сим дается разуметь, что они не были еще утверждены, но, хотя стояли, впрочем, колебались» (святой Златоуст).

И проповеданию Христову. «Благовествование мое, внушает Апостол, и проповедание Христово одно и то же, ибо это не наше учение, а Его законы» (блаженный Феофилакт). Проповедаю то, что Христос заповедал, или мой язык, а проповедует чрез меня Христос.

По откровению тайны, леты вечными умолчанныя. Какой тайны? *Яко быти языком снаследником и стелесником и спричастником обетования Божия о Христе Иисусе* (ср.: Еф. 3, 6). Никаких преград нет. Всем открыт доступ к единению с Богом. Ни иудейство ничего в сем не помогает, ни язычество ничем тут не мешает. Верою прилепись ко Господу,— и спасешься. Не внешнее что приводит к Богу или отводит от Него. Это устрояется внутренним настроением. Сию-то тайну возвещать языкам поручено было

святому Павлу, как подробно излагает он в Послании к Ефесеям.

Стих 25. ***Явльшияся же ныне, писании пророческими, по повелению вечнаго Бога, в послушание веры во всех языцех познавшияся.***

Явною делается она ныне и в дело приводится Апостольскою проповедию, *Господу поспешествующу, и слово утверждающу последствующими знаменми* (ср.: Мк. 16, 20). Пророческие сказания служили Апостолам к утверждению убеждения, что так от века определено, чтоб все языки призвать к вере в Господа, не связывая их иудейскими постановлениями и даже самих иудеев освобождая от них.

Писании пророческими — будет то же, что сообразно с пророчествами. Это внушало иудею: «чего тебе бояться? Чтобы не отступить от закона? Но того хочет закон, то предсказано издревле» (святой Златоуст).

По повелению вечнаго Бога. Не сами мы, воспользовавшись предсказаниями пророческими, принялись за это дело. Мы действуем по гласному повелению вечного Бога: *шедше научите вся языки* (ср.: Мф. 28, 19),— не иудействовать, а веровать в Господа — конец закона и Пророков. И всякий видит перст Божий на деле проповеди нашей.— Спросишь: как так ныне только явилась тайна? — Нечего пытать, когда Богу так угодно и явна Его воля в открытии ее. «Если ты

допытываешься, почему тайна явилась ныне; то берешь на себя дело не безопасное, когда любопытствуешь о тайнах Божиих и требуешь в них отчета. Не любопытствовать тебе должно об них, но принимать их с любовию и находить в них успокоение своего сердца. Посему Апостол, желая остановить в тебе такое расположение духа, присовокупил: *по повелению вечнаго Бога.* Когда повелевает Бог, должно повиноваться, а не любопытствовать» (святой Златоуст). *Вечнаго* – же приложил, потому что говорит о тайне сокровенной от века: сокрытая в вечном Боге, и открывается она по повелению вечного Бога, из вечности проявляясь во времени. Кто мог извлечь ее из глубин Божиих, кроме Самого вечного Бога?

В послушание веры во всех языцех познавшияся. Вот для чего открыта сокровенная тайна! Тайна сама состояла в том, что все народы предопределены быть участниками в деле спасения, совершенного Господом. Она была сокрыта; а ныне явлена – для чего? Не для того, чтоб узнали только о ней, но чтоб самым делом совершилось то, в чем она состояла, то есть чтоб все народы услышали, уверовали и покорились вере, им возвещенной, и сделались участниками в благах искупления и спасения. Не насильно, не внешнею силою загоняются они в ограду веры, в стадо Христово, а им возвещается благо, которое им и на ум не приходило, чтоб, если хотят,

поспешили усвоить его верою и послушанием. Для немощного отсюда такое внушение выводит святой Златоуст: «не ты один, но целая вселенная так верует и научена тому не человеком, но Богом».

Стих 26. *Единому Премудрому Богу, Иисусом Христом... слава...*

В иных местах, судя по течению речи, Апостол славит Бога блаженным (см.: 1 Тим. 1, 11), единым сильным, бессмертным, живущим во свете неприступном (см.: 1 Тим. 6, 15—16). А здесь славит Его единым премудрым. Не мог надивиться и всегда дивился великой премудрости Божией: как Он одним и тем же и иудеев разоблачил от их благоукрашения законностями, и язычников просветил и очистил, и из тех и других слил один народ, поклоняющийся Богу в духе и истине. Сокрыто было сие и вдруг явилось, как цвет из семени. Не дивно ли, что бросается в землю семя, а чрез несколько времени выходит из него прекрасный цвет и плод? Так дивится Апостол тому, что семя слова, сокрытое в иудействе, вдруг проросло и дало древо, покрывающее ветвями своими всю землю. Святой Златоуст говорит: «выражается в сем славословии изумление пред непостижимостию сих тайн. Ибо и ныне, когда тайны открыты, невозможно постигнуть их умственно, но должно познавать их не иначе как верою. Прекрасно сказал Апостол: *Единому*

Премудрому Богу. Ибо когда размыслишь, как Бог ввел в Свою Церковь язычников и приобщил их к древним праведникам, как спас безнадежных, как недостойных земли возвел на небо, потерявших право на настоящую жизнь ввел в жизнь высшую, бессмертную и неизреченную, попираемых демонами сделал равными Ангелам, отверз рай, уничтожил все древнее зло и все это совершил в непродолжительное время, путем удобным и сокращенным; тогда уразумеешь премудрость Божию, увидев, что, чего не знали ни Ангелы, ни Архангелы, тому язычники вдруг научены Иисусом Христом. Итак, надлежало бы тебе удивляться Его премудрости и прославлять Его; а ты занимаешься малостями (того не есть, другого не пить), привязываясь еще к тени (закону). Это значит, что ты мало прославляешь Христа. Ибо кто не имеет упования на Него и дерзновения в Нем, кто не руководствуется верою, тот не исповедует величия дел Его. Но Павел сам воздает за них славу Богу; а тем и их побуждает к такому же усердию. — Когда же слышишь, что Апостол говорит: *Единому Премудрому Богу,* — не подумай, чтобы это было сказано к унижению Сына. Ежели все то, в чем обнаруживается премудрость Божия, совершено чрез Христа, и ничего не совершено без Него; то явно, что Он и в премудрости равен Отцу». К сему последнему приложим изъяснение блаженно-

го Феодорита: «ежели еретики скажут, что Бог именуется единым премудрым (так что Христос Иисус уже не Своею премудростию премудр); то пусть дознают, что Владыка Христос называется не только премудрым, но и самою премудростию. А если думают лишить Сына сего наименования премудрым, то пусть не называют Его и бессмертным. Ибо сей же Апостол говорит о Боге: *един имеяй безсмертие* (1 Тим. 6, 16)».

Иисусом Христом, διά, — чрез Иисуса Христа, можно относить и к: *утвердити вас*, — и к: *явльшияся*, — и: *познавшияся*, — то есть тайны. Блаженный Феофилакт пишет: «слова: *Иисусом Христом* — можно соединять так: *могущему вас утвердити Иисусом Христом*. Но можно понимать их и так: открытой тайны всем народам Иисусом Христом; ибо тайну открыл народам Сам Тот, Кто послал учеников научить все народы» (так и святой Златоуст, и Экумений, и Фотий). — Но можно и так читать и толковать: *Иисусом Христом — слава*. Ибо Сам Иисус Христос говорит, что Отец прославился и прославляется в Нем — Сыне (см.: Ин. 13, 31; 14, 13). Это тем удобнее допустимо, что иные *Емуже*, ᾧ, — считают излишним (см.: Экумений; и еще кто-то у него). Есть и рукописи, в которых оно опускается, и течению речи сие опущение не противно, а кажется более согласно с ним. Но большинство удерживает сие речение, и в таком случае оно

представляется стоящим вместо: αὐτῷ, — как читается в некоторых рукописях. *Могущему утвердити вас — Премудрому Богу, Ему* — таковому — *слава.* — Требовалось привнесение сего (*Ему*) тем, что между: *могущему утвердити* — и: *слава* — много поставлено слов, отвлекавших внимание на другое.

«Таким образом, воздав славословие, Апостол от молитвы опять переходит к увещанию» (святой Златоуст), новые, однако ж, выставляя побуждения к исполнению того, что внушает и чего требует. — Доселе он увещевал не разрывать согласия из-за мелочей, заимствуя побуждения к тому из самого предмета; теперь же ведет к тому же общею обязанностию не себе угождать, как и *Христос не Себе угоди* (15, 3) (см.: 15, 1—6), — и тем, что Христос, Устроитель спасения, всех приемлет, и иудеев, и язычников, как и предсказано; вследствие чего вам не следует делиться из-за иудейства и язычества (см.: 15, 7—13). То и другое выводится от лица Иисус-Христова.

Глава 15, стих 1. *Должни есмы мы сильнии немощи немощных носити, и не себе угождати.*

Сильнии — это те, которые дошли до крепкого убеждения, что богоугождение и спасение зиждется внутренним благонастроением, истекающим из веры; а: *немощные* — те, которые упование спасения основывают еще и на чем-либо внешнем. Но может быть, Апостол, переходя от част-

ного к общему, под немощами разумеет и немощи нрава и всякого вообще рода, какие бы ни были. «Слово: *должни* — показывает, что это дело обязанности, а не милости. — Что же мы должны делать? *Немощи немощных носити.* Должны *мы сильнии.* Видишь ли, как Апостол поощряет их к этому похвалами, не только называя их сильными, но и ставя наряду с собою? И не этим одним привлекает их, но и представлением пользы ближнего без всякого обременения для них самих. Ты силен, говорит он; и, если снизойдешь, не потерпишь вреда. А ему, если ты не будешь сносить его немощей, угрожает крайняя опасность. И не говорит: сносить *немощных*, — но: *немощи немощных*; чем призывает и привлекает их к милосердию, как и в другом месте говорит: *вы духовнии исправляйте таковаго* (Гал. 6, 1). Ты стал силен? Воздай должное Богу, соделавшему тебя сильным. Но ты воздашь должное, врачуя немощь изнемогающего. Ибо и мы были немощны, но соделались сильными по благодати. Так должно поступать не только в сем случае, но и с немощными другого рода. Гневлив ли кто, или обидчив, или имеет другой какой недостаток; ты перенеси. Как же это возможно? Выслушай, что далее говорит Апостол. Сказав: *должни есмы немощи немощных сносити*, — он присовокупил: *и не себе угождати*» (святой Златоуст).

Не себе угождати. В другом месте: *никтоже своего си да ищет* (1 Кор. 10, 24). И Спаситель говорит, что первый шаг на пути спасения есть: *да отвержется себе* (Мф. 16, 24). Двинувшись от себя, кого встречаем? Бога и братий. Бог благоугождается внутренним настроением, — верою, страхом Божиим, преданностию Богу, сердечным к Нему прилеплением и упованием. Внешняя же деятельность вся почти идет у нас в соприкосновении с братиями, и тут-то главное: *не себе угождать, не своим си искать,* — чего бы это ни касалось. Казалось бы, что от этого разоришься или подавлен будешь; а на деле бывает так, что этим только прочно и зиждется благо каждого и всех. Откуда сила на это? От любви, которая все братнее считает своим; ибо любит их как себя. Противоположно ей — самоугодие, источник всего недоброго и всех нестроений между нами, больших и малых. Как только потянулся кто к себеугодному, тотчас ущерб другому, от него неприятность, а далее и раздор. — Апостол помянул о подавлении самоугодия, потому что у него речь о воздержании от яств, чтоб не соблазнить брата. Если для тебя дело безразличное есть или не есть известные яства, то воздержаться тебе ничего не стоит, и если не воздержишься, то не по чему другому, как по самоугодию. А самоугодничать не должно; ибо это значит жить по живу-

щему в нас греху, который должен быть умерщвляем.

Стих 2. *Кийждо же вас ближнему да угождает во благое к созиданию.*

Там вообще говорил: мы не должны себе угождать; а тут приложение делает к внимающим слову его: *кийждо вас ближнему да угождает*. От себя отвернувшись, на ближнего обращай взор, как говорил в другом месте: *не своих си кийждо, но и дружних смотряйте* (ср.: Флп. 2, 4); или: *никтоже своего си да ищет, но еже ближняго кийждо* (1 Кор. 10, 24). Апостол и сам всегда так действовал, почему и предлагал себя в пример: *якоже и аз во всем всем угождаю, не искнй своея пользы, но многих, да спасутся* (1 Кор. 10, 33).

Сам угождал всем, *да спасутся*; и других учит угождать ближнему *во благое*: «ибо можно угождать и ко вреду, как себя самого, так и ближнего» (блаженный Феодорит). «Каждый делай то, что угодно ближнему, и служи брату, только во благое» (блаженный Феофилакт).

Но зачем Апостол прибавил еще: *к созиданию*? Сего требовал образ действования сильных римлян. Они ко благу вели, требуя не держаться различения яств, как условия спасения; но как делали это не в порядке, то не созидали, а разоряли. Надлежало переубедить их; и тогда-то различение яств само собою устранилось бы, а они

сразу силою всё хотели переломить и, вместо пользы, причиняли вред. Почему, «дабы не сказал кто из совершенных: вот я влеку брата во благое (обличая его и понуждая), Апостол присовокупил: *к созиданию*. Ибо хотя и благо то, что делаешь теперь, но так как это неблаговременно, то дело твое обращается в разорение; ибо неблаговременное обличение не назидает» (блаженный Феофилакт). И в премногих-многих случаях это ограничение имеет спасительное применение: и благо делай, но с разумом.

«Итак, богат ли ты, облечен ли властию, не себе угождай, но бедному и имеющему нужду. Чрез это ты и приобретешь истинную славу, и принесешь много пользы. Житейская слава скоро пролетает; а слава духовная пребывает постоянно, если будешь это делать к созиданию» (святой Златоуст).

Стих 3. ***Ибо и Христос не Себе угоди, но якоже есть писано: поношения поносящих Тебе нападоша на Мя.***

«Поелику Апостол дал правило особенной важности, предписав совершенному нисходить со степени своего совершенства для уврачевания немощи другого; то представляет в пример Христа. Так и всегда делает Павел. Когда рассуждает о милостыне, представил сей же пример: *весте благодать Господа, яко вас ради обнища, богат сый* (ср.: 2 Кор. 8, 9). Когда увещевал к любви,

убеждал тем же примером, сказав: *якоже и Христос возлюби нас* (ср.: Еф. 5, 25). Когда советовал терпеть стыд и бедствия, прибегнул к тому же примеру, говоря: *иже вместо предлежащия Ему радости, претерпе крест, о срамоте нерадив* (ср.: Евр. 12, 2). Так и здесь показывает, что Сам Христос поступал таким образом: *не Себе угоди*» (святой Златоуст).

Христос Спаситель ничего не делал для Себя, а все для устроения нашего спасения. Только однажды Он выразил пред Отцом Своим, чего бы Ему хотелось для Себя, именно: *да мимоидет чаша сия*; но тотчас же и отказался от сего: *обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты*. Блаженный Феодорит пишет: «Сам Владыка не Своего искал, но за наше спасение предал Себя на смерть. Ибо слышим, что пред страданием молится и говорит: *Отче, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты* (Мф. 26, 39)». Такое же применение читаем и у Амвросиаста.

Господь испил чашу сию и потопил в ней грехи наши. Грехи наши Он понес, и за нас поболезновал, и тем спас нас. Поелику в этом преимущественно выразилось, что Он *не Себе угоди*; то применительно к сему надлежит понимать и приведенные пророческие слова, именно: *поношения поносящих Тебе* — Богу Отцу, *нападоша*, — напали, налегли *на Меня*, Сына Божия воплотив-

шегося для подъятия грехов всего мира и спасения его. Поношения поносящих Бога будут грехи мира; ибо всякий грех, поелику пред лицем Бога вездесущего творится, оскорбляет лице Божие и в поношение Ему творится. Сын Божий, воплотившись, исповедует пред Отцом, что все эти поношения на Него налегли, и Он охотно подъемлет их, чтоб снять вину поношения с творивших его и тем спасти их. Этим особенно и показал Он, что *не Себе угоди*, но с других всех снял вину и за них понес ее.

У Пророка все место читается так: *ревность дому Твоего снеде Мя, и поношения поносящих Тебе нападоша на Мя* (ср.: Пс. 68, 10). В первых словах: *ревность дому Твоего снеде Мя* — Господь устами Пророка исповедует, что подъять поношения поносящих, или грехи грешников, побудила Его ревность о доме Бога Отца, то есть о славе сего дома. Дом Божий — вся тварь, наипаче разумная. Грехом дом сей помрачился. Сын Божий возревновал восстановить свет славы его; для того пришел на землю, воплотился и, подъяв грех, отъял то, чем омрачалась слава дома Божия. По отъятии греха, нисшел Дух Святой, Который, обновляя верующих, расширяет свет славы дома Божия, пока внидут в него все потребные.

Стих 4. ***Елика бо преднаписана быша, в наше наказание преднаписашася: да терпением и утешением Писаний упование имамы.***

По поводу приведения сказанного места из Писания святой Павел выражает общую мысль о назначении и благотворном действии Божественных Писаний. Он как бы говорит: я привел одно место из Писания, но там и все таково, что может быть обращено нам в научение: с этою целию они и написаны. *В наше наказание* — в научение нас, — христиан. Все христианство там предызображено. Читай или слушай, вникай и размышляй — и учись. «О нашей пользе промышляя, Бог сообщил нам Писанию преданное учение» (блаженный Феодорит). Всякого пункта христианского учения можно найти там предначертание — явное или сокровенное. Может быть, говоря сие, Апостол имел намерение навесть немощного иудея на мысль, что если по духу христианства нет необходимости держаться различения яств, как какого-либо условия спасения, то это учение не есть какая-либо особенность от прежних Писаний; оно и там содержится: поищи и найдешь.

Как назначение Писания выражено обще, так и благотворное действие его тоже указывается в общих чертах: *да терпением и утешением Писаний упование имамы*. Главное тут: *да — упование имамы*. Это упование есть упование спасения, — непоколебимая уверенность, что, веруя так, как веруем, живя так, как живем, и освящаясь таинствами, как освящаемся, мы несомненно содеваем

спасение свое. Опора же сего упования – Господь наш Иисус Христос. Если Сам Сын Божий и Бог пришел, воплотился, пострадал, умер, воскрес, вознесся на небеса и седит одесную Бога Отца, то что может быть ненадежно и непрочно в нашем уповании? При всем том, однако ж, могут приходить помышления, колеблющие упование. Что тогда делать? Обращайся к Писанию, и там найдешь утешение, почерпнешь оттуда удостоверения, которые успокоят восстающее внутри смятение помышлений. Если придет смущающее помышление, – хорошо ли мы сделали, что возуповали на Христа, – смотри в Писание, и там найдешь, что Он есть чаяние языков, что на Него, как сказано, *языцы уповати имут*, что и видим исполняющимся, – что Он есть Отец будущего (то есть настоящего теперь) века, Бог крепкий. Если придет помышление, хорошо ли делаем, что следуем Его заповедям; смотри, что повелел Моисей: когда придет, послушайте Его. Если придет помышление, не ново ли то, что приемлем чрез таинства благодать Духа Святого; читай Пророков, и найдешь, что давно предсказано: *во дни оны излию от Духа Моего* (Иоил. 2, 29). Так и всякое другое помышление, какое бы ни пришло, может быть развеяно утешением, почерпаемым из Писаний, и оставлять наше упование в покое и силе.

Из сказанного явно, как утешение Писаний влияет на твердость упования нашего. Но как к сим проявлениям духовным относится терпение? В тексте оно стоит на одной линии с утешением Писания: все преднаписано в наше научение, чтоб терпением и утешением Писаний имели мы упование, то есть стояли в нем, были тверды и не падали (см.: святой Златоуст). Как утешение Писаний влияет на твердость упования, очевидно: как влияет на это терпение? Поставим раздельно: все преднаписано в наше научение, *да терпением упование имамы*. Научение из преднаписанного дает терпение, терпением хранится упование. Под терпением не всегда разумеется перенесение прискорбностей, но иногда постоянство в принятых правилах. Можно в этом значении принять его и в настоящем случае. Будет: научение, почерпаемое из преднаписанного, рождает постоянство в правилах веры, жизни и благодатного освящения, а сие постоянство поддерживает упование. Упование действительно слабеет, коль скоро допускается какое опущение или уклонение в вере, жизни или освятительных порядках Церкви. Постоянная же верность всему этому сообщает упованию дерзновение и воодушевление. А как преднаписанным может воспитываться такое постоянство, это не требует объяснений.

Но можно принять здесь терпение и в значении перенесения прискорбностей. Прискорбности неразлучны с верою и жизнию по вере. Писание, проповедуя всюду такую неразлучность, и словом научения, и примерами терпения воодушевляет на терпение, а терпение оживляет упование и дает ему твердость. Последнее свидетельствуется повсюдными опытами. Святой Златоуст говорит: «много предлежит нам различных подвигов, и внутренних и внешних (неизбежность этого преднаписана), дабы мы, почерпая укрепление и утешение из Писаний, оказывали терпение и дабы, живя в терпении, пребывали в надежде. Одно располагает к другому, терпение к надежде, надежда к терпению; терпение же и надежда почерпаются в Писании».

Стихи 5—6. *Бог же терпения и утешения да даст вам тожде мудрствовати друг ко другу о Христе Иисусе: да единодушно едиными усты славите Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа.*

Опять молитвою прерывает течение речи и направляет ее к устранению разномыслия между римлянами, которое хотя незначительного предмета касалось, однако ж все нарушало взаимный мир. Бог потому есть Бог терпения и утешения, что и терпение, и утешение от Него исходят, и только в тех они являются в истинном виде и в истинной силе, кому сообщает их Бог. Определяет же Апостол здесь Бога такими терминами по

течению речи, — потому что пред сим говорил о терпении и утешении; или, лучше, потому, что из тех, к кому он обращает речь, одни имели нужду в терпении, а другие в утешении: в терпении имели нужду сильные, а в утешении немощные, которым самое сознание немощности уже причиняло скорбь, тем паче если при сем замечалось нечто укорительное со стороны сильных. Но Апостол просит им от Бога не терпения и утешения (на это он только намекает), но устранения того, что заставляло одних терпеть, а других искать утешения, именно — устранения разномыслия и водворения единомыслия. *Да даст — тожде мудрствовати* — быть одних и тех же мыслей, одни и те же содержать истины, понятия и представления — всем вам о Иисусе Христе, κατά, — по Христу Иисусу, то есть по духу, учению и требованию Христову, или по предмету веры в Господа Иисуса Христа. Главное здесь: упование спасения во Христе Иисусе. Упование сие все основывается на едином Иисусе Христе Господе. Что-либо подлагать к сему основанию — значит: не по Христу Иисусу мудрствовать и действовать. А это замечалось между римлянами: одни надеялись, что они ближе ко спасению, воздерживаясь от некоторых яств, а другие думали, что они ближе к нему, давая себе в сем отношении полную свободу. Те и другие мутили чистую воду упования спасения. Апостол и молит, чтоб Бог

просветил их ум и дал им одинаково уразуметь дело спасения во Христе Спасителе.

Стих 6. *Да единодушно едиными усты славите Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа.*

Испрашивает единомыслия и единомудрия для того, говорит, чтоб, собираясь вместе молиться и славить Бога, вы славили Его не одними только устами, воспевая те же хвалебные песни, но и одною душою, содержа в душе одни и те же мысли и убеждения. Что должно так именно славить Бога, это приемлется как несомненное положение. Одно тело — все; одна должна быть и душа. В этом и убеждать нечего. Апостол молится только о средстве к тому. Вам необходимо не устами только одними славить Бога, но и одною душою. Как неотложное к сему условие есть единомудрие, то я и молю Бога дать вам единомудрствовати. Единство убеждений породит единство чувств и расположения, — и станет одна душа, которою и будете достодолжно славить Бога. «Видишь ли, какое дал Апостол единение целому телу Христову и как заключил речь славословием? Сим самым всего более и убеждает их к единомыслию и согласию» (святой Златоуст).

Да славите Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа. «Апостол назвал Бога нашим Богом, Отцом же Господа Иисуса; потому что Бог всех нас есть Его Отец» (блаженный Феодорит). «Здесь слово: *Бога* — надо отделить, от-

неся его к предыдущему, и потом читать с нового начала: и Отца Господа нашего Иисуса Христа. Впрочем, не будет неприличия, если читать эти слова и не отдельно, то есть разумея *Бога и Отца* по отношению к единому и Тому же Христу; ибо Бог Отец есть Бог Христа по человечеству, а Отец по Божеству» (блаженный Феофилакт).

Стих 7. *Темже приемлите друг друга, якоже и Христос прият вас во славу Божию.*

Новое побуждение к единомыслию. Не делитесь между собою, по причине незначительных у вас разностей во внешнем поведении, когда и тех и других из вас равно приял Христос Господь, что есть наисущественнейшее. Ради сей великой милости, общей вам, разорите средостение, разделяющее вас; единым объятием любви Божией держимые, обымитесь и сами друг с другом. Или, — так Апостол говорит к сильнейшим в вере, — такое предлагает он побуждение: вы каковы были, когда приял вас Господь? Из немощных немощные. И однако ж, Господь не почуждался вас ради немощей ваших, а милостиво приял вас в любовь Свою и в общение с Собою. Итак, как Господь поступил в отношении к вам, некогда немоществовавшим, так поступайте и вы в отношении к немощным братиям, не чуждайтесь их, а принимайте в любовь свою, в объятия свои и во всякое общение с собою. Так блаженный Феодорит: «и Владыка Христос не тогда, когда были

мы праведны, возлюбил нас, но приял и оправдал грешников. Посему и вам надлежит переносить немощь братий и прилагать все меры к их спасению». Так Амвросиаст: «мы приняты от Христа так, что Он *недуги наши прият и болезни понесе* (ср.: Мф. 8, 17). Посему, побуждаясь сим примером, мы должны с терпением переносить взаимные немощи наши, чтоб не испразднить* славы воспринятого нами имени; ибо, по благодати Христовой, мы именуемся сынами Божиими».

Во славу Божию – можно относить и к приятию Христову: якоже Христос прият вас в славу Божию,– разумея под славою Божиею или славу Божескую, великую, которой сподобились приятые, как предсказывал и пророк Исаия: *дам место именито, и имя вечно дам*,– говорит Господь,– тем, кои вступят в завет Его и будут верны Ему (см.: Ис. 56, 5, 4). Так Амвросиаст. Или – *во славу Божию*,– славы ради имени Божия,– да прославится Отец в Сыне, яко многомилостивый.– Можно относить сие и к взаимному друг друга приятию. *Приемлите друг друга – во славу Божию*. Так прочие наши толковники. Феофилакт пишет: «повторяет Апостол прежнее увещание и приводит Христа в пример, чтобы мы принимали друг друга, потому что это служит к славе Божией. Ибо единение наше наипаче прославляет Бога; напротив, несогласие

* *Испразднять* – здесь: уничтожать, опорочивать.– *Ред.*

наносит Богу бесчестие. Ибо язычники, видя, что христиане разногласят между собою, обвиняют самую веру». Святой Златоуст выводит из сего: «тем особенно и прославляется Бог, если мы ограждаемся друг другом. Итак, если ты, огорчаясь за несогласие с тобою, заводишь раздор с братом твоим; подумай, что, отложив гнев, прославишь тем своего Владыку, и примирись с братом, если не для него самого, то для славы Божией; или, лучше сказать, для нее прежде всего и примирись. Об этом непрестанно повторял и Христос, и, беседуя с Отцом, Он сказал: потому узнают все, что Ты Меня послал, ежели (ученики Мои) будут едино (см.: Ин. 17, 21)».

Но из последующего видно, что: *во славу Божию* — Апостол поставлял в соединении с — *прият вас*: ибо говорит, что иудеи приняты для того, чтоб явна была истина Божия в обетованиях отцам их, а язычники приняты по милости, чтоб прославился тем Бог.

Стихи 8—9, 1-я половина. ***Глаголю же, Христа Иисуса служителя бывша обрезания по истине Божией, во еже утвердити обетования отцев: а языком по милости, прославити Бога.***

Говоря: *Христос прият вас во славу Божию*, — я разумею то, что Христос Иисус есть *служитель*, διάκονος, — посланник и святитель, ἀρχιερεύς, — исповедания нашего (см.: Евр. 3, 1), совершитель домостроительства Божия о нас, устроитель спа-

сения нашего,— есть все сие,— для обрезанных *по истине Божией*, ради истинности Божией, да явится Бог истинен в словах Своих и в обетованиях Своих, данных отцам их, чрез исполнение их во Христе Иисусе; а для язычников Он есть все сие по милости,— потому что в отношении к ним Бог не связан никаким словом обетования, и если принимает их в участие благ о Христе Иисусе, то по одному тому, да явит богатство благости Своей к ним, чтоб все языки, сподобясь сего, прославляли Бога, многомилостивого и человеколюбивого Отца. То и другое, конечно, относительно: ибо и там милость, потому что самые обетования по милости, и здесь истинность, потому что и относительно их изречены обетования, хотя не отцам их. Но Апостолу нужно было выставить особенно последнее, по целям речи своей. Если тебе явлена такая милость, будь же сам милостив к немощным. Если явлена тебе милость сия, да прославится Бог, прославляй же Его не языком, но делом, подражая Ему в сердоболии и снисхождении к братиям и тем являя, что имеешь Его милостивым Отцом всех. Ничем так не славится Бог, как взаимным союзом братий.

Святой Златоуст говорит: «Апостол, держась прежнего предмета речи, снова рассуждает о том, какое принял о нас попечение Христос, и показывает, сколько Он сделал для нас и как Он не Себе угождал. А вместе с этим доказывает также,

что верующие из язычников более одолжены Богу. Если же они более одолжены, то их обязанность терпеть немощных из иудеев. Поелику Апостол нанес последним сильные удары, то, дабы не возгордились от того первые, укрощает теперь их высокоумие, доказывая, что иудеям дарованы блага по обетованию отцам их, а призванным из язычников по одному милосердию и человеколюбию. Почему и говорит: *а языком по милости, прославити Бога.* — Иудеи имели обетования, а ты того не имеешь, но спасен по одному человеколюбию. Апостол для того упоминает об обетованиях, чтоб язычники тем смирились и не восставали на немощных. О язычниках он говорит, что они спаслись только по милости; а потому обязаны особенно славить Бога. А Бог славится, когда мы живем в союзе и единении, когда единодушно благословляем Бога, терпеливо сносим того, кто немощнее нас, и не презираем отторгающегося члена».

Стихи 9, 2-я половина, — 12. *Якоже есть писано: сего ради исповемся Тебе во языцех, Господи, и имени Твоему пою. И паки глаголет: возвеселитеся языцы с людьми Его. И паки: хвалите Господа вси языцы и похвалите Его вси людие. И паки Исаия глаголет: будет корень Иессеов, и востаяй владети языки: на Того языцы уповают.*

Что язычники призваны по милости, да прославят Бога, сие доказывает Апостол свидетель-

ствами Пророков, которые, предвозвещая призвание языков, приглашают их славить Бога.

Первое пророчество взято из псалмов (см.: Пс. 17, 50). Пророк от лица Христа Господа говорит: *исповемся Тебе во языцех, Господи.* Призванные языки облекаются во Христа и имеют Его в себе живущим. Когда прославляют они за сие Бога, то это Христос Господь, в них живущий, подвигает их на сие славословие. Пророк представляет Господа издали провидящим сие и влагает во уста Его такую песнь к Богу Отцу: языки, быв обращены к вере благовестием Моим, Меня восприимут, и Я их устами исповемся Тебе и буду петь хвалу имени Твоему, подвигая их на славословие Твое. Амвросиаст пишет: «Пророк пишет, что языки будут допущены в благодать Божию для получения спасения. Это глас Христа, изрекающий, что благовестие Его среди языков будет иметь плодом исповедание Бога; почему Сын благодарит Отца за покорность языков. И в Евангелии Он взывает: *исповедаютися Отче, Господи небесе и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцем. Ей, Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою* (ср.: Мф. 11, 25)».— И в день торжественного вшествия Его в Иерусалим, когда некие еллины, пришедшие, да поклонятся в праздник, были представлены Ему Апостолами, Он воззвал: *прииде час, да прославится Сын Человечес-*

кий... и в конце: *Отче, прослави имя Твое* (ср.: Ин. 12, 20, 23, 28).

Второе пророчество взято из заключительной песни Моисея во Второзаконии (см.: Втор. 32, 43). – Пророк приглашает все языки возвеселиться с людьми Божиими, провидя будущее призвание их к участию в благах, кои народ Божий наследует по обетованию отцам его. Амвросиаст пишет: «Пророк показывает, что Бог, по милосердию Своему, издревле определил воедино собрать иудеев и язычников, чтоб языки, став причастными благодати, содружились с иудеями, которые и сами по дару милости Божией наименованы народом Его, – и чтоб все вместе, обрадованы быв познанием истины, прославили Бога, присоединением языков умножившего число верных людей своих. Когда, по поводу роптания иудеев на апостола Петра за приятие Корнилия-сотника в число спасаемых, Апостол сей объяснил им, как было дело; тогда они успокоились, говоря: *убо и языком Бог покаяние даде в живот* (Деян. 11, 18)».

Третье пророчество взято из псалмов (см.: Пс. 116, 1). Пророк обще призывает все народы хвалить и воспевать Господа, потому что *утвердися милость Его* (Пс. 116, 2) на всех нас. Утвердилась, твердо установилась, стала непоколебимою и неотъемлемою. Когда же это совершилось, как не в пришествие на землю Христа

Господа, в силу коего все просвещены истинным боговедением, и освящены благодатию Духа Святого, — и Церковь Божия созиждена и поставлена хранительницею сих благ до скончания века? Сознавая сие, народы хвалите и воспевайте Господа многомилостивого.

Четвертое пророчество взято из пророка Исаии (см.: Ис. 11, 10). «Слова: *будет корень Иессеов* — сказаны вместо: от корня Иессеова вырастет Тот, Который восстанет владеть народами, то есть Христос» (блаженный Феофилакт). «Многими свидетельствами доказывает Апостол, что то было вечное определение Божие, чтоб все народы сподобились благословения о Христе Иисусе. А это доказывает затем, чтоб внушить народам, что упование их твердо и не подлежит сомнению» (Амвросиаст). Языки уверовавшие и уповают, и, поелику уповают великого, не могут удержаться от славословия Богу, особенно получив верные залоги, удостоверяющие в получении уповаемого.

Святой Златоуст заключает сии свидетельства таким наведением: «все это приводит Апостол в доказательство того, что должно всем соединиться и славить Бога, а вместе хочет сим — и смирить иудея, дабы он не превозносился пред язычником, потому что все Пророки призывают и язычников (к славословию Божию), — и вну-

шить скромность язычнику, показывая, что он обязан более благодарить Бога».

Стих 13. *Бог же упования да исполнит вас всякия радости и мира в вере, избыточествовати вам во уповании, силою Духа Святаго.*

Опять молится святой Апостол. Это заключительная молитва на всё, о чем так много говорил он, начиная с предыдущей главы. Слова молитвы применяются к предшествующему пророческому слову. Там говорилось: на Того языцы уповать будут; а здесь говорится: и дай вам Господь, Бог упования,— уповать, и не только уповать, но избыточествовать упованием. Упование здесь — упование спасения в Господе Иисусе Христе, которое коль скоро кто возымеет, не станет уже придумывать новые для него опоры,— ненадежные и хрупкие, каковы, например: то есть, а этого не касаться или всё есть: от чего отстать убеждал Апостол выше. Так сия молитва, словесно прикрепляясь к только что приведенным словам Пророка, содержанием своим соответствует всему предыдущему отделению (главы 14—15).

Замечательно очерченное здесь Апостолом в сжатом слове соотношение духовных чувств и расположений. Предмет молитвенного благожелания есть избыточество упования; чтоб оно было, благожелается исполнение сердца радостию и миром; источником этих указывается вера. Вера рождает радость и мир, радость и мир

множит упование, все же сие бывает силою Духа Святого. Почему и молитва к Богу упования.

Бог есть Бог упования, потому что одно слово: Бог движет – уже упование: ибо Он есть сама благость, беспредельно нам благожелающая и благодеющая, лучше нас знающая потребное нам, всегда готовая удовлетворить и всеми способами к тому обладающая. Почему пророк Давид исповедует, что *Бог наш – Бог еже спасати* (ср.: Пс. 67, 21). *И блажен муж, емуже есть имя Господне упование* (ср.: Пс. 39, 5). И потому Бог есть Бог упования, что Сам Он вселяет его в сердце; ибо есть источник всех духовных благ.

Бог упования, говорит, *да исполнит вас всякия радости и мира в вере*. – *В вере*, ἐν τῷ πιστεύειν, – поелику веруете или поколику веруете. Напеpед – вера. Бог дал вам веру, – и вы веруете. Поелику веруете, то нет никакой препоны, чтоб Бог исполнил вас всякими духовными благами, и действительно исполнит, поколику будете веровать. Вера есть и канал для протечения милостей Божиих, и вместилище для приятия их.

Из всех духовных благ Апостол благожелает римлянам только *радости и мира*. Отвлеченно от состояния римлян, радость и мир потому паче других благ указаны, что они суть неотлучные спутники веры, осязательнее дающие себя ощутить верующему. Верующему грехи прощаются. Возьми сие в чувство, будешь чувствовать, будто

гора свалилась с плеч. Как этому не радоваться? Верующий приемлется в милость Божию, в сыновство Богу и объемлется теплотой Отеческой любви Божией. Приявший сие в чувство как может не радоваться? Так с верою неразлучна радость; а с радостию и мир неразлучен: без мира и радости быть нельзя. Мир водворяется от осенения благодатию. Благодать, пришедши, подавляет, ради самоотвержения, все страсти и не дает им хода и силы. А когда страсти не в движении, тогда нечему возмущать мирного строя ни внутри, ни вне. Все тогда пребывает в естественном чине; а естественный чин есть мирное всего течение и устроение. Паче же мир оттого, что благодать с Богом соединяет, Который есть Бог мира, всюду с Собою мир приносящий.

Применительно к состоянию римлян потому особенно желает Апостол радости и мира, что когда они будут, то те незначительные разности в убеждениях, о коих он говорит, не будут уже иметь тех недобрых последствий, какие теперь от них происходят, — радость и мир подавят всякую размолвку, разделение и отчуждение, и не дадут более возникать им. Блаженный Феофилакт пишет: «Апостол молит, чтобы верующие из иудеев исполнились радости, ибо они печалились от укоризн, а верующие из язычников исполнились мира, ибо они являлись немирными в отношении к придерживающимся закона; лучше же

сказать, молит, чтобы те и другие исполнились радости и мира».

Но Апостол не останавливается благожеланием на радости и мире, а простирает его далее: *избыточествовати вам во уповании.* — *Избыточествовати,* εἰς τὸ περισσεύειν, — во еже* избыточествовати. Желает исполнения сердца радостию и миром, чтоб можно было избыточествовать упованием. Упование, что Бог, ради Господа Иисуса Христа, наилучшим образом устроит существенное наше благо, зарождается вместе с верою; а растет и множится по мере вкушения благ веры. Полученное и вкушенное благо удостоверяет, что и все прочее получится несомненно, и тем множит упование. Радость и мир — блага веры. Апостол и благожелает: даруй вам, Господи, исполняться миром и радостию, чтоб избыточествовали вы и упованием. Упование, или избыточество упованием, поставляется высшим благом, пределом благожеланий. Так оно и есть. И в житейском порядке безнадежному нельзя жить, тем паче в духовном. Как, напротив, жизнь цветет в том и другом порядке, вместе с умножением, расширением и избыточеством упования!

Но надобно иметь в мысли, что духовные чувства и расположения так тесно связаны между собою и так влияют друг на друга, что последовательности их нельзя установлять в виде обще-

---

* *Во еже* — здесь: чтобы. — *Ред.*

го и неизменного закона. Мы говорим: вера рождает радость и мир, а радость и мир множит веру. Но можно и так: вера множит упование, а упование исполняет радостию и миром; или так: упование исполняет радостию и миром и чрез то поддерживает и оживляет веру. Жизнь духовная движется переливами духовных чувств и расположений одних в другие; и только такие переливы свидетельствуют, что жизнь духовная жива.

Все же сие совершается *силою Духа Святаго*. Сила Духа Святого зарождает духовную жизнь; она же поддерживает ее и к совершенству ведет; от нее и все движения и изменения в духовной жизни. Как без души нет жизни в теле, так и без Духа Божия нет духовной жизни в душе. Бог упования прежде всего посылает благодать Духа; и она уже и веру порождает, и радостию с миром исполняет, и упование множит, и всякие между ними взаимновлияния и переходы устрояет. Почему и завершил Апостол свое благожелание благожеланием, чтобы все было у них силою Духа Святого. Где сия сила, там все прочно и благонадежно.

ПОСЛЕСЛОВИЕ (15, 14—16, 24)

Его составляют: а) некоторые извещения; б) целования и: в) предостережение, после которого приложена: г) приписка с новыми целованиями. Все дышит теплою любовию и дружественным расположением.

а) Извещения (15, 14—33)

аа) Извинившись, что писал несколько *дерзее* (15, 15) (см.: 15, 14—16), святой Павел: бб) сказывает им, что *содела им Господь* по делу проповеди (см.: 15, 17—22), и: вв) какие он имеет в сем отношении планы на будущее, обещаясь и к ним зайти (см.: 15, 23—29); и, наконец: гг) просит споспешествовать в сем ему молитвою (см.: 15, 30—33).

аа) Извинение (15, 14—16)

Глава 15, стих 14. *Извещен же есмь, братие моя, и сам аз о вас, яко и сами вы полни есте благости, исполнени всякаго разума, могуще и иныя научити.*

Похваляет, — и похвалою побуждает исполнить то, о чем писал: «ибо слышащий себе похвалу обычно берется за усилие оправдать ее и

явить неотложною» (Амвросиаст). Укорял их за некий между ними разлад, обличающий недобросердечие, и за неумение держать себя в сих обстоятельствах, обличающее неразумие. Теперь смягчает сей укор, говоря: я уверен, что вы и добросердечны, и мудры, — так что даже других можете вразумлять, — νουθετεῖν. Святой Златоуст так изображает мысли Апостола: «Апостол выше сказал: *понеже есмь аз языком Апостол, службу мою прославляю* (ср.: 11, 13); также: *да не како и тебе не пощадит* (11, 21); и еще: *не бывайте мудри о себе* (12, 16); и потом: *ты же почто осуждаеши брата твоего?* (14, 10). И опять: *ты кто еси судяй чуждему рабу*? (14, 4). И, кроме этих выражений, много употреблял подобных. И так высказав в своем Послании много жестокого, напоследок врачует нанесенные раны и, чем начал, тем и оканчивает. В начале сказал он: *благодарю Бога моего о всех вас, яко вера ваша возвещается во всем мире* (ср.: 1, 8). Здесь же говорит: *извещен есмь, яко вы полни есте благости* и прочее. — И в этом месте сказано еще больше, нежели в первом. Не сказал он: слышал я, — но: *извещен есмь*: я не имею нужды наведываться от других, но я сам уверен в вас, — я сам, который вас обличал и укорял. *Яко полни есте благости*: это относится к недавно сделанному увещанию. Апостол как бы так говорит: я и не почитал вас жестокими и братоненавистниками,

когда советовал принимать друг друга, не оставлять и не разорять дела Божия. Ибо я знаю, что вы *полни благости*. Благостию же, как думаю, именует он здесь полноту добродетели (доброту). И не сказал: имеете благость,— но: *полни есте благости*. С таким же усилием и продолжает: *исполнени всякаго разума*. Что было бы пользы, если бы они при всей любви не знали, как должно обращаться с любимыми? Посему Апостол присовокупил: *исполнени всякаго разума, могуще и иныя научити*,— не только научиться, но учить и других».

Наши все толковники читают: иных, ἄλλους,— научить, кроме Амвросиаста, с которым и другие читают: ἀλλήλους — взаимно друг друга учить, или вразумлять.

Стих 15. ***Дерзее же писах вам, братие моя, отчасти, яко воспоминая вам, за благодать данную ми от Бога.***

Не сказал бы кто или не подумал: если уверен, что мы мудры, то зачем так строго пишешь и учишь. Не учу, отвечает святой Павел, а только привоспоминаю, ὡς ἐπαναμιμνήσκων,— слегка напоминаю. Бывает, что и хорошо что-нибудь знаешь, да запамятуешь (см.: Амвросиаст). Так вот я вам слегка и привоспоминаю. Не подумал бы кто: а привоспоминать-то нам какое тебе дело? Святой Павел прилагает: долг имею: ибо поставлен быть служителем Иисус-Христовым *во язы-*

цех. Так, хотя и вижу, что по-вашему, — по-столичному, — это может показаться неуместным, не мог не привоспомянуть вам слегка. Святой Златоуст дивится здесь смирению и мудрости святого Павла. «Заметь Павлово смиренномудрие, заметь его мудрость, как он, нанесши перед тем глубокую рану, когда уже достиг, чего хотел, прикладывает к оной разные врачевства. Довольно было уже к успокоению их одного сказанного; но Апостол сознается еще и в излишней смелости. То же делает он и в Послании к Евреям, говоря: *надеемся же о вас, возлюбленнии, лучших и придержащихся спасения, аще и тако глаголем* (Евр. 6, 9). Подобно и к коринфянам пишет: *хвалю же вы, яко вся моя помните, и якоже предах вам, предания держите* (ср.: 1 Кор. 11, 2). И в Послании к Галатам говорит: *аз надеюся о вас, яко ничтоже ино разумети будете* (ср.: Гал. 5, 10). И во всех Посланиях Павловых не раз встретишь ту же мысль, но здесь особенно; потому что римляне пользовались большим уважением, и надменный их разум надлежало смирять не одними строгими, но и кроткими мерами. Апостол и употребляет те и другие. Поэтому и здесь говорит им: *дерзее писах вам*; даже, не довольствуясь тем, присовокупляет: *от части* — несколько. Но и на этом не останавливается, а что говорит? — *Яко воспоминая вам*. Не сказал: уча вас или напоминая вам, — но: *воспо-*

миная,— то есть слегка напоминая.— Примечаешь ли, как конец (Послания) соответствует началу (оного)? — И здесь и там сходит он с учительской кафедры и беседует с ними, как с братьями, как с друзьями, как с равными. А это главное достоинство учителя, чтобы делать разнообразнее речь свою для пользы слушателей. Заметь же, что Апостол, сказав: *дерзее писах вам*,— притом: *отчасти* — и еще: *яко воспоминая вам*,— не удовольствовался тем, но, выражаясь еще скромнее, присовокупил: *за благодать данную ми от Бога*. И в начале сказал он: *должен есмь* (1, 14), как бы так говоря: не сам я восхитил себе честь, не сам собою взялся за дело, но Бог повелел мне это, и притом по благодати, а не потому, чтобы нашел меня достойным того. Итак, не огорчайтесь: не я восстаю на вас, Бог повелевает. И как там сказал Апостол: *Емуже служу во благовестии Сына Его* (ср.: 1, 9), так и здесь, сказав: *за благодать данную ми от Бога*,— присовокупил:»

Стих 16. ***Во еже быти ми служителю Иисус Христову во языцех, священнодействующу благовестие Божие, да будет приношение, еже от язык благоприятно и освященно Духом Святым.***

Объясняет, какая благодать дана ему от Бога,— благодать Апостольства среди язычников. Я служитель, λειτουργός,— то же, что священник, Литургию совершающий,— я служитель Иисус-

Христов, и служба моя Ему есть благовествование Его среди язычников. Это моя Литургия, которую и ревную совершать со всем усердием и благоговеинством. Почему не могу быть равнодушным к тому, что у вас происходит, совесть моя Апостольская заставляет меня принять в том участие. И принимаю, в желании споспешествовать вашему в христианстве преспеянию. Так вы уж не ропщите на меня, что я несколько строго писал вам. Иначе мне нельзя было: долг.

Замечательно определение благовестия священнодействием. Апостол — литургисающий — проповедь Евангелия — Литургия. Что же есть жертва? Жертва — верующие. Самоотвержением и преданием себя Господу они закалают себя; благодать Святого Духа, нисходя на них чрез таинства, освящает их и делает благоприятною Богу жертвою. Святой Златоуст говорит: «Апостол обращает речь к важнейшему достоинству своего Апостольства и называет оное не просто служением, как в начале, но священным служением, священнодействием. Проповедовать и благовествовать — это для меня священство, это жертва, мною приносимая. А священнику никто не поставит в вину его заботливость о том, чтобы приносимая им жертва была беспорочна. Такими словами Апостол вместе окрыляет умы верующих, показывая им, что они жертва, и оправдывает себя, внушая, что ему так повелено. Мой жерт-

венный нож, говорит он, есть Евангелие и слово проповеди, и цель моя не та, чтоб самому прославиться и сделаться знаменитым, но: *да будет приношение, еже от язык благоприятно и освящено Духом Святым,* — то есть да будут приятны Богу души научаемых мною. Бог, изведши меня на дело сие, не столько хотел меня прославить, сколько имел попечение о вас. Как же приношение может сделаться благоприятным? Во Святом Духе. Не одна вера нужна, но и духовная жизнь, дабы мы могли удержать в себе Духа, данного однажды. И дрова, и огонь, жертвенник и нож — все заменяет у нас Дух. Посему я всеми мерами стараюсь, чтоб этот огонь не угасал. Ибо мне поручено это. Как в Ветхом Завете священник предстоял (пред Богом), возжигая огонь, так я (служу Богу), возбуждая ваше усердие (привоспоминанием). И заметь, не сказал он: да будет приношение от вас, — но: *приношение, еже от язык*. А под словом: *от язык* — разумеет вселенную, то есть всю землю и море; и таким образом смиряет гордость римлян, дабы они не почитали за низкое иметь своим учителем того, которого действование простирается до пределов вселенной. То же сказал он и в начале Послания: *якоже и в прочих языцех* (то есть да имею плод и в вас). *Еллином же и варваром, мудрым же и неразумным должен есмь* (1, 13—14)».

В словах: *да будет приношение, еже от язык освященно Духом Святым* — скрыта мысль, что если строго писал, то заботясь об их совершенстве. Я ревную о том, говорит, чтоб приношение от язык было освящено Духом Святым. Та же ревность у меня и в отношении к вам. «Правда, уверовав и крестившись, вы получили Духа; но если не будете и жить духовно, то благодать угаснет» (Экумений, блаженный Феофилакт). Как я заметил у вас нечто, что служит в ущерб духовной жизни, то и напомнил вам поправить неисправное, чтоб иначе, если закоснеете в сей неисправности, не отошел от вас Дух и вы не перестали быть приношением, освященным от Духа Святого.

бб) О деле проповеди (15, 17—22)

Для чего святой Павел рассказывает о том, что *содела им Господь* доселе в его Апостольском служении? Его могло привести к сему предыдущее упомянутие о своем назначении быть Апостолом языков, чтоб показать, что благодать сия не *тща бысть* в нем (см.: 1 Кор. 15, 10), и заключить: теперь уж я все здесь переделал, пойду дальше, в Испанию, и мимоходом зайду к вам, как издавна желал. Или так: помянув о данной ему благодати, он располагался сказать, что в силу сей благодати собираюсь идти в Испанию и мимоходом зайду к вам. Но как при сем рож-

дался вопрос: чего же ради до сих пор медлил? – то он упреждает, говоря: тут было дело, трудился в проповеди и посеял слово благовестия от Иерусалима до Иллирика. Покончив здесь, иду туда. Как рассказ о сем мог показаться похвальбою; то Апостол начинает речь устранением этого предположения, говоря как бы: конечно, есть чем похвалиться; но похвала не мне принадлежит, а Богу и благодати Его, являвшей силу свою при проповеди в знамениях и преклонявшей тем умы к покорности Евангелию.

Глава 15, стих 17. *Имам убо похвалу о Христе Иисусе в тех, яже к Богу.*

Да, я имею похвалу, – меня хвалят, – или мне можно хвалиться, есть чем, но не за что-либо земное, человеческое, а: *в тех, яже к Богу*, – за Божие дело, за то, что возвещаю всем слово Божие и всех привожу к Богу, отторгая их от земного, тленного и тварного к небесному, вечному и Божескому. Но я не присвояю сей похвалы, а отношу все ко Христу Иисусу Господу моему. Сам в себе не имею ничего похвального: все содевает Господь. Ему буди и слава. Святой Златоуст такое видит побуждение к сим словам: «поелику Апостол пред этим весьма унизил себя, то опять возвышает слово и делает это с тем, чтобы римляне не почли его презренным. Возвышая же себя и говоря: *имам похвалу*, – не изменяет своему нраву. Хвалюся, говорит, не самим

собою, не попечениями своими, но благодатию Божиею. Нельзя сказать, что я поставлен Богом, но не выполнил порученного. Выполнил, но не я, а Христос. Потому и хвалюся в Нем, хвалюся не маловажными какими-нибудь делами, но духовными. Это самое означают слова: *яже к Богу*».

Стихи 18—19, 1-я половина. ***Не смею бо глаголати что, ихже не содея Христос мною, в послушание языков, словом и делом, в силе знамений и чудес, силою Духа Божия.***

Не посмею, οὐ τολμήσω, — говорить, чего Христос Господь не сделал мною, потому что это была бы низкая ложь и пустая похвальба, — не посмею из благоговеинства пред Богом, Который есть истина. Но здесь же заключается и такая мысль: но не смею и не говорить о том, что Господь соделал мною: ибо как эти дела на виду у всех и сделаны чрез меня; то могут подумать, что я сам их наделал. А это будет опять ложь; ибо не я их делал, а Христос мною. Вот почему я говорю о делах сих; но, говоря об них, не себе их приписываю, а отношу их гласно к их источнику, — Христу Господу, да славится во всем Он един — Спаситель наш и Господь. Может быть, сим способом можно отгонять и всякое самохваление, возбуждая сознание и чувство, что вызывающее его доброе есть от Господа: ибо все доброе действительно от Него есть, а не умом из благочестия придумывается, что так есть.

Апостол свидетельствует, что все, что ни сделано им, соделал Христос чрез него. «Смотри, как он усиливается доказать, что все принадлежит Богу, а не ему. Говорю ли я что, делаю ли, чудодействую ли, — все производит Христос, все производит Дух Святой» (святой Златоуст), «пользуясь мною, как орудием» (блаженный Феофилакт). Владыка Христос даровал мне благодать Всесвятого Духа для творения знамений и чудес, чтобы ими уловлены были язычники и прияли луч боговедения (см.: блаженный Феодорит). Под: *словом* — разумеется благовестие и изъяснение таинств веры, а под: *делом* — жизнь по вере, подтверждающая искренность убеждения в проповедуемом. *Сила же знамений и чудес* — обнимает все сверхъестественные действия, сопровождавшие благовестие, в удостоверение слушавших, что благовествующий истинно есть посланник Божий и слово его — слово Бога, Коему тварь покорствовать должна. Святой Златоуст говорит: «говоря: *словом и делом, в силе знамений и чудес*, — Апостол под сим разумеет учение, любомудрствование о Царстве Божием и стремление к нему, явление дел и жизни, воскрешение мертвых, изгнание бесов, прозрение слепых, скакание хромых и все другие чудесные действия, какие совершал чрез него Дух Святой». Блаженный Феофилакт полагает различие и между знамениями и чудесами. «Между знамением и чудом

есть различие. Знамением совершается то, что совершается сообразно с природою, только необыкновенным образом. Таково внезапное исцеление тещи Петра, больной горячкою. Здесь исцеление горячки есть дело, сообразное с природою; но оно совершено необыкновенным образом: как только коснулся Христос, горячка прошла (см.: Мф. 8, 14—15). А чудо есть действие, совершаемое над тем, что бывает несообразно с природою. Таково исцеление человека, слепого от рождения (см.: Ин. 9, 1—7)». Облечен же я был от Господа в такое всеоружие благодати Святого Духа для того, чтобы покорять вере язычников, — *в послушание языков*: в чем и успеть даровал мне Господь.

Стих 19, 2-я половина. *Якоже ми от Иерусалима и окрест даже до Иллирика исполнити благовествование Христово.*

Римские иудеи, бывавшие в Иерусалиме, равно находившиеся в сношениях с Азиею по торговым делам, в числе каковых могли быть и язычники, и те, которые недавно воротились в Рим из изгнания, могли знать, какое обширное пространство земель и народов пройдено Апостолом и оглашено благовестием, и разъяснить то другим не знающим. Общее впечатление слова сии должны были оставить такое, что святой Павел есть всемирный Апостол, которого все должны слушать, следовательно и римляне; ибо он

таков по Божию избранию. «Говоря это, Апостол далек был от всякого кичения, говорил же это для римлян, дабы они не много о себе думали» (святой Златоуст). А может быть, и для того сказал это, чтоб воодушевить их в вере, возвысив ее в глазах их. Ибо сими словами он говорит как бы: вера наша, Евангелие Христово, ведома не в каком-либо безвестном уголке мира. Она вот уже какое пространство занимает; и это еще не конец ее успехам: она пойдет далее и обтечет всю землю. Отсюда прямо выходило, что если вы Рим свой считаете владычественным центром мира, то вы хорошо сделали, не дав другим упредить вас в вере; стойте же в ней, чтоб служить в ней образцом для всех.

Слово: *исполнити* — дает такую мысль, что благовестием не слух только исчисленных народов оглашен, но что оно принято ими и вкоренилось среди них: так что все помянутые страны не словом только благовестия исполнены, но наполнены и верующими. Какое впечатлительное удостоверение в Божественности веры Христовой?!

Стих 20. ***Сице же потщахся благовестити, не идеже именовася Христос, да не на чуждем основании созижду.***

Сице же потщахся, φιλοτιμούμενον (то есть: με), — причем я любочествовал, в честь себе ставил, делом Апостольской чести почитал — благовествовать не там, где уже знали Христа Господа,

а там, где не знали Его. Я не позволял себе втесняться в круг действования других, чтоб не пожать плода трудов их. Похвала принадлежит не положившему только основание, но совершившему здание. Между тем в деле благовестия положить основание, — засеменить где-либо веру, — гораздо труднее, чем довесть дело до конца. Если бы я втеснялся в чужую область и, видя готовое основание, завершал здание, то являлся бы поедающим труды других, сделав после их больших трудов легчайшее, а похвалу восхищая за все здание веры, или полное устроение где-либо Церкви. Блаженный Феофилакт, по святому Златоусту, мысль Апостола изображает так: «я не только благовествовал этим и стольким народам и обратил их, но и не ходил к тем людям, которым возвещено уже было имя Христово. Так я далек от того, чтобы подчинять себе чужих учеников и делать это для собственной славы. Поэтому и написал я к вам не из желания снискать у вас славу, но потому, что исполняю свое служение». Говоря так, Апостол дает разуметь, что в тех же странах проповедовали и другие Апостолы; но этим, не умаляя цены трудов, возводит к представлению, сколь обилен был плод трудов Апостолов всех, как глубоко вкоренена там вера и как стала общею. Я, говорит, не ходил туда, где другие трудились; но они благовестили в одних местах, а я в других: «я не щадил своих

трудов, брал не разработанные еще нивы, возделывал их, засевал и возращал на них обильные жатвы» (блаженный Феодорит). То же делали и другие. Отсюда читавшие сии слова должны были заключить: если они так трудились и этому уже более двадцати пяти лет; то как много должно быть там верующих? Как светло сияет там благодать веры? А такое представление как воодушевительно и как возбудительно для всякого верующего, и утверждая его в вере, и подвигая делом свидетельствовать ее!

Святой Златоуст устраняет при сем могущее породиться недоразумение от слов: *на чуждем основании*. «*Основание*, — положенное другими Апостолами, святой Павел называет *чуждим* не потому, чтобы самые лица были чужды ему или проповедь их была иная, но по отношению к награде каждого. Их проповедь сама по себе не была чуждою для него, но была чуждою только по отношению к награде; так как чужда была для него награда за труды, понесенные другими».

Стих 21. *Но якоже есть писано: имже не возвестися о Нем, узрят: и иже не слышаша, уразумеют* (ср.: Ис. 52, 15).

В пророческом предсказании Апостол видит для себя заповедь. Так было предсказано, говорит, от лица Божия: я и старался так действовать. Предсказание касается всех благовестников. Святой Павел прилагает его к своему образу

действования, потому что и все Апостолы так поступали. Все они посланы были научать тех, которые не ведали истинного Бога в Троице поклоняемого; и, куда направлялись они, знали, что идут к таким, которые не ведают Бога истинного и святой истины Его, чтоб просветить их ведением. *Имже не возвестися о Нем*, – которым не было возвещено о Христе Господе, что Он, Един Сый Святой Троицы, воплотился ради нас, пострадал и спас нас, – тем возвещено будет, и так ясно, что они будто пред очами своими узрят распятого Господа, созерцая в то же время умно и все таинство домостроительства спасения. *Иже не слышаша* – те услышат и уразумеют, что: *несть иного имене под небесем, о немже подобает нам спастися*, – кроме имени Господа нашего Иисуса Христа (см.: Деян. 4, 12). – Таково пророчество о трудах благовестников, так я и действовал.

Стих 22. *Темже и возбранен бых множицею приити к вам.*

«В начале сказал: *множицею восхотех приити к вам, и возбранен бых* (1, 13); а здесь представляет самую причину, которая задерживала его не раз и не дважды, а многократно» (святой Златоуст). Порывался к вам; но в то время, как я собирался удовлетворить моему сильному желанию видеть вас, открывалась новая дверь для проповеди, и я должен был входить в нее, отказываясь от преднамеренного к вам шествия. При

сем он разумеет и все другие труды по устроению основанных уже Церквей. Возникали у них недоразумения, нестроения и нужды. Нельзя было их оставить, не умиротворив; а это требовало времени и отдаляло от того часа, в который наконец возмогу свободно двинуться к вам.

вв) Планы на будущее (15, 23—29)

Глава 15, стихи 23—24. *Ныне же к тому места не имый в странах сих, желание же имый приити к вам от многих лет: яко аще (егда) поиду во Испанию, прииду к вам. Уповаю бо мимо грядый видети вас, и вами проводитися тамо, аще вас прежде от части насыщуся.*

Места не имый — не то означает, что уже все места сплошь наполнены были Евангелием, а то, что не осталось места, которое по планам Апостола следовало бы засеменять Евангелием. Святой Павел, как и все Апостолы, действовал по притче о закваске хлебного теста и о семени. Кладут закваску, и она уже сама о себе проникает все тесто и делает то, что оно все вскисает; бросают семя в землю, и оно уже само о себе дает стебль, колос и зерно (см.: Мк. 4, 28). Так и святой Павел положил закваску и семя Евангелия в главнейших городах и говорит: сделано все, — в той уверенности, что сила истины Евангельской и благодать Святого Духа, сами о себе, по действию Божественного промышления, пе-

рейдут из главнейших городов в другие города и веси и всех просветят и привлекут к Господу. Вот почему и сказал: *места не имый* — не осталось уже места, где бы следовало мне класть закваску или засевать семя Евангелия.

Желание же имый... «Если бы Апостол сказал: иду к вам, потому что нет у меня другого дела, римляне почли бы то для себя унизительным. Потому он обращает к ним слово любви и говорит: *желание же имый приити к вам от многих лет*» (святой Златоуст). Желание это не теперь только родилось от нечего делать: оно всегда было, и было сильно, но не могло быть удовлетворено по причине неотложных дел; теперь же, получив свободу от дел, первым делом считаю поспешить к вам, чтоб увидеться с вами и насладиться вами. «Но дабы этим опять не пробудить в них гордости, смотри, как смиряет их, говоря: *аще* (когда) *поиду во Испанию, прииду к вам.* Для того он написал это, чтоб они не подумали о себе много. Ему желательно и любовь свою показать, и их не допустить до кичения. Поэтому часто повторяет одно и то же и попеременно употребляет слова, ведущие к той или другой цели. По этой же опять причине, чтобы римляне не сказали: он хочет только мимоходом быть у нас, — Апостол присовокупил: *и вами проводитися*, — то есть вы сами будете свидетелями, что спешу не из презрения к вам, но по крайней

нужде. Поелику же и это могло показаться для них оскорбительным, то успокоивает их утешительным словом: *аще вас прежде от части насыщуся*. Выражением: *мимо идый* — дает разуметь, что не ищет от них славы; а словом: *насыщуся* — выражает, что желает видеть их из любви, и притом не просто, но сильно желает. Посему не сказал: *насыщуся*, — но: *от части насыщуся*. Сколько бы времени ни пробыл я с вами, никогда вполне не насыщуся, или никогда пребывание с вами не наскучит мне. Видишь ли, как доказывает любовь свою тем, что, и при всей необходимости поспешить, не прежде хочет оставить их, как насытившись. И это уже служит признаком любви его; а не менее и то, что он употребляет выражения, исполненные толикой горячности. Не сказал: увижусь с вами, но: *насыщуся*, — подражая тому, как говорят родители к детям. В начале он говорит: *да некий плод имею в вас* (или — *соутешитися в вас*) (ср.: 1, 13, 12); а здесь выражается: *да насыщуся*. То и другое обнаруживает сильное влечение его сердца к ним. В тех словах содержится величайшая им похвала, так как Апостол ожидает плода от их послушания (или, чая соутешиться их верою, ставит их наравне с собою); а здесь он уже прямо показывает искреннюю привязанность. Так же точно писал он и к коринфянам: *да вы мя проводите, аможе аще поиду* (1 Кор. 16, 6). Так он во всем выражал свою любовь к ученикам, любовь ни с

чем несравненную. Этим он всегда начинал свои Послания и оканчивал. Как чадолюбивый отец любит свое единственное детище, так он любил всех верных. Посему и говорил: *кто изнемогает и не изнемогаю? Кто соблазняется и аз не разжизаюся?* (ср.: 2 Кор. 11, 29)» (святой Златоуст).

Стихи 25—27. *Ныне же гряду во Иерусалим, служай святым. Благоволиша бо Македония и Ахаия общение некое сотворити к нищим святым, живущим в Иерусалиме: благоволиша бо, и должни им суть. Аще бо в духовных их причастницы быша языцы, должни суть и в плотских послужити им.*

«Послику Апостол сказал: *не имею места в странах сих* — и: *с давних лет имею желание идти к вам*, — а между тем нужно было ему промедлить; то, дабы римляне не подумали, что он смеется над ними, объясняет причину, по которой до времени не может прийти к ним, и говорит: *гряду во Иерусалим*. Но, высказывая по-видимому предлог своего медления, Апостол имеет в виду и другое, именно — побудить их к подаянию милостыни и сделать к этому усерднейшими. Если бы он не об этом заботился, ему довольно было бы сказать: *гряду во Иерусалим*. Но теперь присовокупляет и причину сего путешествия: *гряду*, говорит, *служай святым* (святыми называя всех верующих в Иерусалиме). Здесь особенно подивиться должно мудрости Апостола в том, что

он придумал такой способ советовать. На римлян он мог этим более подействовать, нежели прямым увещанием. Ибо они почли бы для себя оскорбительным, если бы Апостол представил им коринфян и македонян в образец подражания. Поэтому коринфян, в Послании к ним, увещевает таким образом: *сказую же вам благодать Божию, данную в церквах Македонских* (ср.: 2 Кор. 8, 1); равно и на македонян действует примером коринфян: *яже от вас ревность раздражи множайших* (2 Кор. 9, 2). – Но с римлянами обходится иначе, с ними он осторожнее. И смотри, с каким приличием употребляет выражения. Не сказал: иду отнести милостыню, – но: *гряду служай святым*. А если Павел служит, то рассуди, как это важно, когда сам учитель вселенной берет на себя труд отнести подаяния; и хотя намеревался путешествовать в Рим и сильно желал видеться с римлянами, однако же первое предпочитает последнему. *Благоволиша бо Македония и Ахаия*, – то есть с общего согласия пожелали *общение некое сотворити*. Опять не сказал: милостыни, – но: *общение*. Не без мысли также вставил слово: *некое*, – но дабы римляне не приняли сказанного за укоризну себе. И не сказал просто: к нищим, – но: к *нищим святым*, – убеждая двояким образом к вспомоществованию, – как нищетою, так и добродетелию. Даже и сим не удовольствовался, но присовокупил: *должни суть*. Потом

доказывает, почему должны: *аще бо в духовных их* (иудеев) *причастницы быша языцы, должни суть* (языцы) *и в плотских послужити им* (иудеям). Это значит: им принадлежат обетования, от них Христос, к ним первым и пришел Он, почему и Сам Он сказал: *спасение от Иудей есть* (Ин. 4, 22); оттоле Апостолы, оттоле Пророки, оттоле все блага. Но всего этого сделалась причастницею вселенная. Следовательно, заключает Апостол, ежели вы стали причастниками важнейшего и, когда, по евангельской притче, вечеря была приготовлена для них, вы вошли и вкусили предложенного; то и вам должно допустить их до участия в телесных благах и уделить им оных. Но Апостол не сказал прямо: допустить до участия, — а: *послужити*; чрез это же представил их как бы диаконами или приносящими дани царям. Не сказал также: в телесных ваших, — как выше сказано: *в духовных их*; потому что духовные блага принадлежали одним иудеям, а телесные принадлежат не одним язычникам, но всем вообще. И Апостол повелевал, чтобы имение было общим всех, а не одних владетелей» (святой Златоуст).

Стих 28. *Сие убо скончав и запечатлев им плод сей, поиду вами во Испанию.*

Скончав, — исполнив это дело служения святым бедным. *Запечатлев*, — «как бы положив в царскую сокровищницу, в неприступное и без-

опасное место» (святой Златоуст). *Им*, — «то есть македонянам и ахеянам» (блаженный Феодорит). Их милостыню чрез руки бедных святых кладу в сокровищницу Божию и запечатываю, так что она сохранится там для них самих навсегда. «Ибо руками святых приношу посланное деснице Божией, а она сохранит сие неприкосновенным и невредимым» (блаженный Феодорит). «И не сказал: милостыню, — но опять: *плод*, — давая тем разуметь, что подающие милостыню сами остаются от того в прибыли» (святой Златоуст). *Поиду вами во Испанию.* «Опять поминает об Испании, показывая тем, что путь его туда необходим для него и что он будто мимоходом будет в Риме, не из презрения к римлянам» (блаженный Феофилакт).

Стих 29. *Вем же, яко грядый к вам, во исполнении благословения благовестия Христови прииду.*

Во исполнении, ἐν πληρώματι, — в полноте; *прииду* в полноте благословения или полный благословения благовестия Христова, то есть всех благодатных даров, какие подаются приемлющим и содержащим благовестие Христово, или веру во Христа Господа; *прииду*, — говорит, таким, конечно, с тем, чтоб и их сделать причастниками даров. Обещает, будучи извещен о том Духом, что действительно подано им будет некое дарование духовное ко утверждению их, — с какою целию он и желал видеть их (см.: 1, 11); или — что как в

других местах Христос Господь многое содевал чрез него, *словом и делом, в силе знамений и чудес*, так и среди них воздействует таким же образом. Так разумеет Амвросиаст: «будучи уверен в Божием к ним благоволении и благодати, обещает, что приидет к ним с обилием благословения, которое возвещается о Христе Иисусе. Благословение же сие есть сила знамений, которою они утверждены в вере и которою еще более утвердятся». Так Экумений: «*прииду*,— чтоб исполнить вас благословения, которое источается Евангелием; ибо преподам помазание к утверждению вас в вере и добродетели».— Такое обещание должно было расположить римлян ожидать святого Павла, как благодетеля, и усердно молиться, да благопоспешит Господь пришествию его к ним, о чем он просит их вслед за сим.

гг) Просит споспешествовать молитвою (15, 30—33)

Глава 15, стих 30. ***Молю же вы, братие, Господом нашим Иисус Христом и любовию Духа, споспешествуйте мне в молитвах о мне к Богу.***

Просит молиться о нем, или во свидетельство величайшего смирения своего, по коему чувствует себя имеющим нужду в молитве их (см.: Экумений, блаженный Феофилакт), или в удостоверение в силе молитвы, совершаемой целою какою-либо Церковию. Амвросиаст пишет: «просит о молитвенной помощи не потому, чтоб его соб-

ственная молитва не имела силы пред Богом, но для того, чтоб, соблюдая богоучрежденный чин, и Церковь молилась о своем устроителе: ибо когда множество малых соберется на единодушную молитву, то они делаются великими; и молитвами многих нельзя не испросить просимого. Итак, говорит, если и вы искренно желаете видеть меня, то усерднее молитесь, чтоб, освободив меня молитвами своими от всего неприязненного, вы могли наконец приять меня в объятия свои с полною любви радостию».

Споспешествуйте, συναγωνίσασθαί μοι, — сподвизаться молю. Следовательно, и сам он подвизался в молитвах о том же, а их приглашает только в сотрудники. Не легкою молитвою молился, а подвизался в молитве, держал молитвенный подвиг. Отсюда выводится: видите, как любил их и как желал видеть их, что держал особый подвиг молитвы, чтоб Господь привел его к ним! Это и имел в намерении показать римлянам святой Павел; а нам между тем дать урок — что для того, чтоб сделаться причастным силе церковной молитвы, надобно самому в то же время держать молитвенный подвиг, приготовляя тем из себя сосуд, способный приять и содержать просимое Церковию. И еще: если Апостол почитал нужным свою молитву усилить общею молитвою; кто дерзнет считать себя настолько близким к Богу и стоящим Его благоволительного

услышания, чтоб не обращаться к общей молитве верующих?

Апостол не ожидает, чтоб римляне поусердствовали о нем молитвою из одного уважения к нему; почему представляет ходатаями пред ними за себя Христа Господа и Святого Духа, в той уверенности, что стоит только помянуть сии сладчайшие и дражайшие для христиан имена, как все поспешат исполнить просимое. *Молю*, говорит, *Иисусом Христом*, умершим и воскресшим для спасения вашего, которого уже вы и причастны, и: *любовию Духа*, — облагодатствовавшего вас Своими дарами. Или — *Иисусом Христом* — верою вашею во Христа Иисуса и готовностию по вере в Него делать все угодное Ему; а: *любовию Духа*, — любовию, излиянною Им в сердца ваши, коею Он сочетал вас со всеми сущими во Христе и нужды каждого сделал общими всех нуждами, так что вам довольно узнать о сих нуждах, чтоб расположиться к молитве о них.

Стих 31. *Да избавлюся от противляющихся во Иудеи, и да служба моя, яже во Иерусалиме, благоприятна будет святым.*

Показывает, что молитвою их получить желает; желает же того, чтоб не встретить в Иерусалиме неприятностей, какие предвидит, предчувствует или предполагает. Он идет в Иерусалим к верующим; но Иерусалим полон был и неверующими, готовыми растерзать святого Павла за

проповедь о престатии силы закона. От этих он мог ожидать всякого зла; но и среди верующих были предубежденные против него, по своей привязанности к закону. От последних он не мог ожидать прямых бед, потому что другие верующие и главы Церкви их не допустили бы их до этого; но он мог опасаться, не отвергли бы они его приношения, как нечистого, приносимого лицом, унижающим и уничтожающим закон, и не увлекли бы к тому других, хотя не разделяющих с ними таких мыслей, но составляющих меньшинство, бессильное сладить с большинством тех. И того мог он опасаться, не заподозрили бы как-нибудь его в деле приношения и не чуждавшиеся его верующие, не подумали бы как о нем несообразно с тем духом, с каким совершалось сие служение: что могло крайне огорчить Апостола. Вот какие опасения занимали Апостола при его движении в Иерусалим. Об устранении их он и сам крепко молился, и просит сподвизаться с ним в молитве и римлян.

Первое: *да избавлюся от противляющихся*, ἀπειθούντων, — неверующих, не в Иерусалиме только, но и во всей *Иудее*. Но и эти все стекались в Иерусалим; потому главная опасность была там. Или определенно предвидел, или неопределенно предчувствовал Апостол, что там ожидают его большие беды и опасности. Почему и молит об избавлении. Но не бежит от беды, а

мужественно идет навстречу ей, в преданности в волю Божию. Это он засвидетельствовал потом на пути в Иерусалим. Блаженный Феодорит пишет: «кто и какими похвалами увенчает блаженную и треблаженную главу сию? Во-первых, знает, что с ним будет, и предсказывает это; ибо еще в Милете сказал пресвитерам ефесским: *Дух по все грады свидетельствует* о мне, *яко узы мене и скорби ждут* (ср.: Деян. 20, 23) (но, несмотря на то, идет). И когда Агав предсказывал то же самое, и все о том сетовали, и покушались удержать его, божественный муж изрек: *что плачете и сокрушаете ми сердце? Аз бо не точию связан быти, но и умрети готов есмь за имя Господа* нашего *Иисуса* Христа (ср.: Деян. 21, 13). Это говорилось после написания Послания; но виделось или предчувствовалось и теперь. Почему и молитва, не как свидетельство страха, а как удостоверение в уповании и несомненном чаянии избавления. Святой Златоуст говорит: «конечно, великая борьба предстояла Апостолу; потому и просит их молиться о себе.— И не сказал: да вступлю в состязание,— но: *да избавлюся*,— как повелел Христос: *молитеся, да не внидете в напасть* (Мф. 26, 41). Сими словами он выражает, что на него готовы напасть какие-то злые волки, не люди, а — справедливее сказать — звери».

Второе: *да служба моя, яже во Иерусалиме, благоприятна будет святым*. Благоприятна,— не

то, чтоб послужила в пользу святым, а чтоб благосклонно была принята, εὐπρόσδεκτος, — святыми, чтоб они увидели в этом с его стороны труд любви бескорыстной, не имевшей в виду ничего другого, кроме желания облегчить участь нуждающихся, а со стороны македонян и ахеян, — дело не вынужденного пособия, а свободного, одним чувством братства вызванного сострадания — и свидетельство о духовном с ними союзе. Молитесь, говорит, чтоб служение сие было принято, как совершенное именно в таком духе. Амвросиаст пишет: «и о том, говорит Апостол, молиться надобно, чтоб служение мое было благосклонно принято святыми в Иерусалиме, показывая, что он желает, чтоб все шло сообразно с волею Божиею; чтоб как он в служении, Богу угодить стараясь, трудился, так и они в приятии настроением сердца своего соответствовали судьбам Божиим (приняли так, как Бог желает быть принимаемым таким приношениям), — чтоб, увидев в сем Божие к себе благоволение, вместе с Апостолом единодушно принесли благодарение Богу. Так великим делом считал Апостол, чтоб они, быв обрадованы его служением, прославили Бога».

Стих 32. *Да с радостию прииду к вам волею Божиею, и упокоюся с вами.*

Да с радостию прииду; или радость поставляет в зависимость от избавления от противящихся

и благоприятия служения его святым, так: «если избавлюсь от противящихся и благоприятно будет служение мое, то в радости и благом расположении духа *прииду к вам*» (Экумений); потому что позади меня не останется ничего такого, воспоминание о чем тяготило бы меня и наводило печаль на сердце. Избавление от бед само собою радостно; но, во время их нашествия и во время минования, всегда возможны случайности, или со стороны врагов, или даже со стороны друзей, которые причиняют раны сердцу, не излечиваемые и избавлением. Но если бы служение было принято не так, как желал и ожидал святой Павел, то тут не случайная была бы какая неприятность, а прямая и самая глубокая. С бедами, гонениями и смертями уже свыкся Апостол и ничего более не ожидал: *мы насмертники* (ср.: 1 Кор. 4, 9) — говорил он. Но тут всегда утешением служила ему уверенность, что под этою скорбною внешностию спеется дело духовное в тех, для кого трудится и терпит. Ущерб в этом лишил бы его всякого утешения; а таково было бы неблагоприятное принятие святыми его приношения; и память об этом всегда бы тяготила его. Вот и молится сам и других просит молиться, чтоб этого не было.

Или радость здесь разумеется та, которою чает исполниться, увидев римлян, так: помогите мне вашею молитвою поскорее вкусить радости

свидания с вами,— да *прииду к вам* на радость, *прииду* — и нарадуюсь, и упокоюсь. «Для того забочусь и молю Бога избавиться оттоле, чтоб скорее увидеть вас, и увидеть с удовольствием, не навлекши там (в Иерусалиме) себе никакой скорби» (святой Златоуст).

«Как говорил в начале: *аще когда поспешен буду волею Божиею приити к вам* (ср.: 1, 10), так и здесь прибегает к той же воле Божией» (святой Златоуст). Как богопреданный, успеха во всем ожидает от единого Бога. Строит планы, употребляет усилия, а на сердце держит, что будет то и так, что и как угодно святой и благой воле Божией, которой вседушно и подчиняет себя во всем. «Даже и хорошего не хочет сделать без воли Божией» (блаженный Феодорит).

И упокоюся с вами. Это одинаково с тем, что в начале говорил: *соутешитися в вас общею верою, вашею же и моею* (ср.: 1, 12). «Упокоюсь, то есть вы оживитесь учением моим, а я оживлюсь приращением вашей веры» (блаженный Феофилакт). Отрадно вступить в общество единомысленных. Единство убеждений, чувств и расположений из всех делает одну душу, богатую жизнию, движения которой, по всем проходя, всех согревают, питают и упокоевают. Или — *упокоюся с вами*, συναναπαύσωμαι,— соупокоюсь, отдохну вместе с вами. Предполагается, что и он, и они состоят в непрестанном подвиге; потому, «как

подвизающиеся и трудящиеся, имеют нужду в отдыхе» (блаженный Феофилакт), который и доставлен будет общением любви и единомыслия.

Стих 33. *Бог же мира со всеми вами. Аминь.*

«По обыкновению своему к увещанию Апостол присовокупляет и молитву» (святой Златоуст) «и желает римлянам мира, по причине разномыслия, какое было между ними в рассуждении наблюдения законных предписаний» (блаженный Феодорит). «*Бог мира* — есть Христос Господь, Который сказал: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). Апостол желает, чтобы Господь был с ними, как Сам в лице Апостолов обетовал всем верующим, говоря: *се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (ср.: Мф. 28, 20). Желая же сего, желает вместе быть им такими, чтоб с ними пребывал Господь Иисус Христос, Который бы, отъяв всякий между ними разлад по причине заблуждения человеческого, показал им и дал познать, что есть истина, да в истине сей пребывают мирными» (Амвросиаст).

б) Целования (16, 1—16)

С приветствиями или поклонами соединяет Апостол и одно поручение относительно Фивы, подательницы сего Послания.

Глава 16, стих 1. *Вручаю же вам Фиву сестру нашу, сущу служительницу церкве, яже в Кегхреех.*

Вручаю, συνίστημι, — представляю, рекомендую, а лучше, на ваши руки, на попечение ваше отдаю. «Настоящее Послание доставила римлянам Фива. Поэтому Апостол и знакомит их с нею. Высказывает свое уважение к ней и тем, что упомянул о ней на первом месте, и тем, что назвал ее сестрою, и тем, что показал ее должность, наименовав ее служительницею (диакониссою)» (блаженный Феофилакт).

Сестру нашу. — *Сестру* — по благорасположению и единству духа; *нашу* — или святого Павла, или его и спутников его, или — *нашу* — всех здешних христиан, или нашу с вами, римляне, то есть общую всех христиан, по ее добродетелям и благотворительности всем. Может быть, она известна была всем или некоторым из возвратившихся недавно с Востока иудеям.

Сущу служительницу, διάκονον. В первенствующей Церкви, для служения при крещении женщин, для раздаяния им милостыни и для присмотра за больными из них, были избираемы отличавшиеся святостию жизни и готовностию на всякое добро девственницы и вдовицы. Из числа таковых была и Фива. Церковь, где она служила, была в Кегхреях <Кенхреях> — большой веси*, стоявшей против Коринфа на берегу, у пристани. «Кегхрея есть одна из весьма больших Коринф-

---

* *Весь* — здесь: пригород; Кенхрейская весь — собственно, гавань Коринфа. — *Ред.*

ских весей. Посему достойна удивления сила проповеди, ибо Апостол в короткое время не только города, но и веси наполнил благовестием. И таково было устройство Кегхрейской Церкви, что имела диакониссу, и притом женщину знаменитую и всюду известную. Таково было богатство преспеяний ее, что и от Апостольских уст приобрела похвалы» (блаженный Феодорит).

Стих 2. *Да примете ю о Господе достойне святым, и спослешествуйте ей, о нейже аще вас потребует вещи: ибо сия заступница многим бысть, и самому мне.*

Приимите ю о Господе, — «то есть для Господа примите ее с честию. Потому что приемлющий для Господа даже и незначительного человека принимает со тщанием. А как Фива была святая, то рассуди сам, как надлежало ей услуживать. Посему Апостол присовокупил: *достойне святым,* — то есть как следует принимать святых. Вы должны услужить ей по двум причинам, и потому, что принимаете ее для Господа, и потому, что она святая» (святой Златоуст).

И спослешествуйте ей, παραστῆτε, — заступитесь за нее, будьте предстателями и ходатаями ее. Не бедность гнетет ее, а у нее есть дело, которое надобно выхлопотать. Так вы там употребите свое посредство, кто где и как может. Она и сама не бессильна; но может случиться, что потребуется и от вас услуга. Так не откажите ей тогда.

«Видишь ли, как это не обременительно? Не сказал: удовлетворите всем ее нуждам, — но: подайте ей руку помощи и пособите, в чем будет она у вас иметь нужду. Говорю не о всех нуждах, но о тех, какие будет иметь у вас (по делу своему). Сделайте посему, что будет в ваших руках» (святой Златоуст).

Заступница бысть. Тут разумеется не одно пособие нуждающемуся, не один кров страннику, хотя и это велико; но особенно заступление пред властями, когда кто неправедно был обижаем, терпел напраслину и угнетение. «Опять несказанная похвала! Но примечаешь ли благоразумие Павлово? Наперед поставил похвалу, за нею посредине увещание, потом опять похвалу; и этою двукратною похвалою тем паче обязывает помочь нуждам блаженной жены. Ибо не благоразумна ли Фива, когда удостоилась такого свидетельства от Павла и была в состоянии помогать самому Павлу, учителю вселенной? Это венец всех ее совершенств! Потому и Апостол поставил это в конце, сказав: *и самому мне.* То есть тому, кто был проповедником вселенной, претерпел бесчисленные страдания и один довлел для многих тысяч» (святой Златоуст). «Святой Павел и вознаграждает ее за то всякими почестями. Ибо хотя она, как вероятно, приняла его в дом (однажды-дважды) и на короткое время, когда он бывал в Коринфе (и заходил к ним); но он открыл ей вселенную, и везде, и на суше, и на мо-

ре, стала славною жена сия; о ней узнали не одни римляне и еллины, но и все варвары» (блаженный Феодорит). Память Фивы 3 <16>* сентября.

Стихи 3—4. *Целуйте Прискиллу и Акилу, споспешника моя о Христе Иисусе, иже по души моей своя выя положиша, ихже не аз един благодарю, но и вся церкви языческия: и домашнюю их церковь.*

Об Акиле с Прискиллою из книги Деяний (см.: Деян. 18) — известно, что Акила был понтянин родом, жил в Риме с женою своею. Оттуда они вместе с другими евреями изгнаны были при Клавдии и поселились в Коринфе. Когда святой Павел пришел с проповедию в Коринф, сошелся с ними, жил у них и работал** вместе палатки. По установлении Церкви в Коринфе, святой Павел, отправляясь в Сирию, взял с собою и Акилу с Прискиллою и, на пути заехав в Ефес, оставил их там. Там они и жили все время, как святой Павел, побывав в Иерусалиме и Антиохии и обошедши прежде основанные Церкви в Малой Азии, остановился в Ефесе, и во все время пребывания его здесь. К концу этого времени, пиша Первое Послание к Коринфянам, Апостол посылал им целование от Акилы и Прискиллы. Значит, они еще были там. Но, спустя около года после того, когда писал настоящее Послание к

---

* Здесь и далее дата, приводимая в угловых скобках, — дата по новому стилю. — *Ред.*

** *Работать* — здесь: изготавливать. — *Ред.*

Римлянам из Коринфа, пишет им приветствие в Рим. Значит, они уже там были, возвратившись по смерти Клавдия вместе с другими евреями, — в числе которых находились и все те, к коим пишет здесь приветствие святой Павел.

Споспешниками своими, συνεργούς, — называет их Апостол потому, что они помогали ему в деле благовестия или вообще способствовали к обращению язычников, которое святой Павел почитает своим личным делом. Почему сказал не просто: «*споспешника моя*, — но прибавил: *о Христе Иисусе*, — чтобы не подумал кто, что (называя их так) он подразумевает (одно) общение в художестве, потому что и они *бяху скинотворцы* (ср.: Деян. 18, 3)» (блаженный Феодорит). Он говорит как бы: «они помогали мне в слове и учении и разделяли со мною труды и опасности» (блаженный Феофилакт). Пример такого споспешничества представляет их руководство Аполлоса к совершеннейшему познанию пути Господня, или христианства (см.: Деян. 18, 26). Конечно, это был не единственный пример.

Говорит далее в похвалу их святой Павел, что они *своя выя* положили за душу его. Это дает мысль, что для спасения жизни Апостола или для избавления его от большой какой-либо опасности они сами подверглись нападкам или даже побоям. Могло это случиться в Коринфе, могло случиться и в Ефесе или где-либо около него:

ибо не было места, где бы смертные опасности не угрожали святому Павлу.

Чтоб не подумали, что он так хорошо отзывается о них по особой с ними дружбе, Апостол представляет свидетелями их достохвальных деяний все языческие Церкви. *Ихже*, говорит, *не аз един благодарю, но и вся церкви языческия*. Благодарят не за совершенство в духе, а за благотворения. «Апостол разумеет страннолюбие и вспомоществование деньгами» (святой Златоуст).

«И другую еще достохвальную их добродетель выставляет Апостол, приветствуя *и домашнюю их церковь*. Сие слово дает видеть превосходство их благочестия; ибо, как вероятно, они всех домашних обучили высокой добродетели и усердно совершали в доме Божественные службы» (блаженный Феодорит). Святой Златоуст говорит: «столько были они добродетельны, что обратили дом свой в церковь, так что все их домашние соделались верными и дом их отверст был для всех странных. Ибо Апостол не имеет обычая без разбора называть домы церквами, ежели в них нет примерного благочестия и не укоренен особенный страх Божий. Поэтому, и пиша об Онисиме (см.: Флм. 1, 10—18), говорит: *Павел... Филимону... и Апфии... возлюбленней, и домашней их церкви* (ср.: Флм. 1, 1—2). Ибо и в супружеской жизни можно быть достойным удивления и благородным. Вот и Акила с Прискил-

лою жили в супружестве и весьма просияли, хотя их промысел был незнатен. Они делали палатки, однако же добродетель покрыла все и показала их блистательнейшими солнца. Ни ремесло, ни брачный союз не вредили им; напротив, они явили в себе такую любовь, какой требовал Христос, сказав: *больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* (ср.: Ин. 15, 13). Они исполнили то, что служит признаком Христова ученика: взяли крест и последовали за Христом. Ибо делавшие это для Павла тем, конечно, паче показывали такое же мужество для Христа Господа».

О последующей жизни Акилы с Прискиллою святитель Димитрий Ростовский* говорит так: святой Павел Акилу поставил епископом и послал его обратно в Малую Азию распространять Евангелие. Прибыв туда и с подружием**, Акила много помогал святому Тимофею в Ефесе, и святой Павел, пиша Второе к Тимофею Послание, приветствует их, говоря: *целуй Прискиллу и Акилу* (2 Тим. 4, 19). Проповедуя же Акила Христа в Асии, и Ахаии, и во Ираклии, многое множество душ человеческих привел ко спасению, обратив их от идольского неистовства к богоразумию и

* *Святитель Димитрий, митрополит Ростовский († 1709)* — русский богослов и церковный писатель, автор Четий-Миней. — *Ред.*

** *С подружием* — с супругой. — *Ред.*

крестив. Прошел он и другие разные страны, благовествуя Царствие Божие; и где-то был убит неверными. Память его 14 <27> июля. Апостол из 70-ти.

Стих 5. *Целуйте Епенета, возлюбленнаго ми, иже есть начаток Ахаии во Христа.*

«*Целуйте Епенета, возлюбленнаго ми.* Из этого видно, что Апостол воздает каждому свою похвалу: ибо быть возлюбленным Павла, который умел любить не даром, но с разбором,— такая похвала не маловажна, а напротив, очень велика и показывает в Епенете много добродетелей. Потом следует другая похвала: *иже есть начаток Ахаии.* Сим Апостол показывает, что Епенет или прежде всех притек ко Христу и уверовал (в Ахаии, то есть в Афинах или Коринфе), что также составляет немалую похвалу (ибо пролагал путь другим и воодушевлял), или, преимущественно пред прочими, показав в себе большее благочестие. Посему, сказав: *иже есть начаток Ахаии,*— Апостол не умолк, дабы не стал ты здесь разуметь мирских отличий, но присовокупил: *во Христа.* Ежели первенствующий в гражданских делах почитается великим и знатным, то тем паче первенствующий в делах духовных. И поелику Епенет, как вероятно, был низкого рода, то Апостол высказывает истинное его благородство и преимущество и, тем украшая его, говорит, что он не для одного Коринфа, но для целого народа

был *начатком*, то есть соделался как бы дверию и входом для прочих. А таким дается не малая награда. Такой человек получит великое воздаяние за добродетели других, как не мало содействовавший им в начале» (святой Златоуст). Память его 30 июля <12 августа>. Святитель Димитрий пишет, что он был епископом в Карфагене. Апостол из 70-ти.

Стих 6. *Целуйте Мариамъ, яже много потрудися о нас.*

«Что это? Опять венчается и восхваляется женщина; а мы, мущины, опять постыждены или, лучше сказать, и почтены. Почтены тем, что у нас есть такие женщины; а постыждены тем, что мы, мущины, далеко отстаем от них. Но если, узнав, чем украшаются сии женщины, постараемся подражать им, то и мы вскоре уподобимся им. Чем же они украшаются? Да слышат это и мужи, и жены! Не перстнями, не ожерельями, не златоткаными одеждами, но трудами ради истины. *Яже много потрудися о нас* — говорит Апостол. Не за себя одну, не для собственного только усовершения в добродетели, она постилась, молилась в землю, что и ныне делают женщины; но и для спасения других вступала в подвиги Апостолов и Евангелистов. Как же говорит Павел: *жене же учити не повелеваю* (1 Тим. 2, 12)? Он запрещает женщине занимать почетное место среди церкви и заседать на возвышении; но не запрещает

учить словом. В противном случае сказал ли бы он жене, имеющей мужем неверного: *что бо веси, жено, аще мужа спасеши?* (1 Кор. 7, 16). – Итак, Апостол запрещает в словах сих не домашние назидательные беседы, но собеседования в общих собраниях, что прилично одним учителям. И опять, когда муж – человек верный, но она оказалась бы сведующее его, Апостол не запрещает ей учить и исправлять. И здесь не сказал он: которая многому учила, – но: *много потрудися,* – давая тем разуметь, что Мария, кроме слова, служила и иным образом, именно тем, что подвергалась опасностям, ссужала деньгами, совершала путешествия. Ибо тогда женщины были неустрашимее львов и разделяли с Апостолами труды проповедничества; почему с ними вместе путешествовали и исправляли все прочие службы. И за Христом следовали женщины, усердствуя Учителю имуществом своим и прислуживая Ему» (святой Златоуст).

Стих 7. *Целуйте Андроника и Иунию сродники моя и спленники моя, иже суть нарочиты во Апостолех, иже и прежде мене вероваша во Христа.*

«*Сродники моя.* Хотя и это кажется похвалою, однако следующее гораздо важнее. Что же именно? – *И спленники моя.* Вот самый славный венец, вот громкое провозглашение! Где же был пленником Павел, называющий их своими спленниками? Пленником он не был (в том смысле,

чтоб чужой какой народ брал его в плен), но пострадал гораздо более всякого пленника (заключение в темницы разумеет, что многократно приходилось терпеть святому Павлу (см.: 2 Кор. 11, 23); Климент Римский, в Первом Послании к Коринфянам (глава 5), говорит, что он <Павел> семь раз сидел в узах темничных; где-нибудь при этом посидели вместе с ним и Андроник с Юниею <Иуниею>). Потом следует новая похвала: *иже суть нарочиты во Апостолех*. И то важно, чтоб быть Апостолом; посуди же, сколько похвальнее быть отличным между Апостолами! Отличались же они своими делами, своими заслугами. Но Павел и на сем не останавливается, а присовокупляет еще другую похвалу, говоря: *иже и прежде мене вероваша во Христа*. И это — предупредить других и прийти прежде — есть весьма большая похвала. Смотрите, сколько святая душа Павлова чиста была от тщеславия! При всей своей славе Павел предпочитает себе других, не скрывает того, что пришел последний, и не стыдится признаться в том. Поелику не мог предпочесть их в этом другим Апостолам, то отыскал пришедшего ко Христу после других, именно себя, и из этого составил им похвалу» (святой Златоуст).

Память их 17 <30> мая; Андроника с другими еще 30 июля <12 августа>. Он Апостол из 70-ти. Был епископом в Паннонии, а пропове-

довал во многих странах. Мощи его и Юнии открыты в царство Аркадия и Гонория* (395—423) пред вратами Константинополя, носившими имя Евгениевых; память о чем бывает 22 февраля <7 марта>.

Стих 8. *Целуйте Амплия возлюбленнаго ми о Господе.*

«Апостол опять обращает в похвалу любовь свою; потому что Павлова любовь была любовь для Бога и заключала в себе бесчисленные блага. Ежели за великое почитается заслужить любовь царя, то какая похвала быть возлюбленным Павла! Кто не обладал многими добродетелями, тот не привлек бы его любви к себе. Апостол живущих худо и беззаконно не только не любил, но даже предавал проклятию. Так, например, говорит: *аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят* (1 Кор. 16, 22); *и аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет* (ср.: Гал. 1, 9)» (святой Златоуст). «Апостол назвал Амплия возлюбленным о Господе, что указывает на его преспеяние» (блаженный Феодорит).

Память его 31 октября <13 ноября>. Апостол из 70-ти. Святой апостол Андрей поставил его

* *Флавий Аркадий (377/378—408)* и *Флавий Гонорий (384—423)* — римские императоры. Фактически Аркадий стал первым императором Востока, а Гонорий — Запада. — *Ред.*

епископом в Диосполь; проповедовал он в Одиссе, в Мизии, что ныне Варна, и там убит еллинами. Мощи его перенесены в Константинополь и положены в Пигах — на источниках.

Стих 9. *Целуйте Урвана списпешника нашего о Христе и Стахия возлюбленнаго ми.*

Урвана споспешника. «Эта похвала больше предыдущей, потому что в ней заключается и предыдущая» (святой Златоуст). Споспешник, конечно, «в проповеди Христовой» и в подвигах благовестия (см.: блаженный Феодорит). «А кто таков, тот по сему самому есть и возлюбленный» (блаженный Феофилакт). Сказав: *споспешника нашего,* — дает разуметь, что он трудился не с одним апостолом Павлом, но и с другими Апостолами. Святой Димитрий Ростовский говорит, что он святым апостолом Андреем был поставлен епископом для Македонии, где мученически скончался.

Стахия возлюбленнаго ми. «И этого венчает тем же» (святой Златоуст). Святой апостол Андрей поставил его в Аргирополе первым епископом Византийским.

Память Урвана и Стахия вместе с Амплием 31 октября <13 ноября>. И мощи их вместе перенесены в Константинополь и в одном месте, в Пигах, положены.

Стих 10. *Целуйте Апеллия искусна о Христе. Целуйте сущия от Аристовула.*

Апеллия искусна, δόκιμον, – или искусного, хорошо умеющего и проповедовать веру, и утверждать в ней, и защищать ее, и вообще вести все дела о Христе Господе; или испытанного, так что на него во всем положиться можно; ибо он делом доказал, что искренно верует, искренно предан делу веры и всем верующим. «Вот свидетельство высокой добродетели; ибо не иметь ничего поддельного – верх доброты» (блаженный Феодорит). «Ничто не равняется с этою похвалою – быть неукоризненным и не подавать даже повода к укоризне в делах по Богу. И когда Апостол называет Апеллия искусным о Христе, выражает тем все добродетели. – Почему Апостол не употребляет в приветствиях своих таких выражений: государя моего такого-то, господина моего? Потому, что Апостольская похвала важнее этой. В той выражается одна честь, а в Апостольской похвале выражаются добродетели. И Апостол не без разбора почтил их оною, приветствуя многих низших наряду с высшими и знаменитыми. Тем, что приветствует их, и приветствует вместе с другими в том же Послании, Апостол оказал всем равную честь; а тем, что каждого хвалит в особенности, представил нам собственную каждого добродетель. И это делает для того, чтоб не породить зависти, почтив одних и не почтив других, а также чтоб не смешать недостойных с достойными и не довести до нера-

дения, удостоив той же чести всех и не равно достойных» (святой Златоуст).

Память его 31 октября <13 ноября>, вместе с предыдущими тремя. Апостол из 70-ти. Епископ в Ираклии от апостола Андрея, — по многих трудах и подвигах блаженную свою душу предал в руки Господа.

Целуйте сущия от Аристовула. — «Эти, вероятно, были не таковы, как прежние, потому и не помянул о них поименно» (блаженный Феодорит). Были верующие, но ничем не отличавшиеся. Разумеются или семейные его с слугами, или и все родные. Или так: «у Аристовула были собрания братий о Христе. Желая показать, сколько одобряет дело его, он удостоивает приветствия собиравшихся у него» (Амвросиаст).

Непонятно, почему самому Аристовулу не положено приветствия. Может быть, его самого не было тогда в Риме, а одни сущие от дома его. Аристовул — Апостол из 70-ти. Был епископом в Британии, где по многих трудах и страданиях скончался. Память его 31 октября <13 ноября>, вместе с четырьмя предыдущими.

Стих 11. *Целуйте Иродиона сродника моего. Целуйте иже от Наркисса сущия о Господе.*

Иродиона сродника — и ничего более не прибавил. Но по тому, что приветствует, дает разуметь, что он достойно стоит в ряду с другими. Святитель Димитрий Ростовский пишет, что он

родом был из Тарса, прилепился к Апостолам и усердно служил им, перенося и все страдания вместе с ними; был епископом Неопатрским; а усечен вместе с другими многими, в то время как был распят Петр и обезглавлен Павел.

Апостол из 70-ти. Память 8 <21> апреля.

Из тех, кои *от Наркисса*, приветствуются только *сущия о Господе*; «потому что были, конечно, у него и другие, которые не соделались еще таковыми» (блаженный Феодорит). Амвросиаст пишет о нем: «Наркисс этот был в то время пресвитером, как читается в некоторых кодексах. Как его самого не было в Риме налицо, то Апостол приветствует, яко святых, тех только, кои от дома его. Сам же он исправлял дело посещения верующих вне Рима, утверждая их в вере своими увещаниями. Апостол не знал, какими достоинствами отличались сущие от дома его; почему написал общее приветствие сущим из них о Господе, как бы так: кого из них признаете достойными приветствия моего, — которые, то есть, в Господе положили упование свое, — тех приветствуйте от моего имени».

Наркисс — Апостол из 70-ти — епископствовал в Афинах. Память 31 октября <13 ноября>.

Стих 12. ***Целуйте Трифену и Трифосу труждающияся о Господе. Целуйте Персиду возлюбленную, яже много трудися о Господе.***

«Опять святой Павел начинает приветствовать женщин. О Трифене и Трифосе говорит, что они еще трудятся» (святой Златоуст). «Трудом означает или страннолюбие, или пост, или другую какую добродетель» (блаженный Феофилакт). «Не малая похвала всегда быть в деле, и не только содействовать, но и трудиться (отдельно от других). А Персиду называет Апостол возлюбленною, показывая тем, что она выше упомянутых пред нею. Ибо говорит: *целуйте Персиду возлюбленную* — и свидетельствует о многих трудах ее сими словами: *яже много трудися о Господе.* — Так умел святой Павел наименовать каждого по его достоинству; и одних поощряет к большей ревности тем, что никого не лишает принадлежащего ему, но возвещает и о малейшем преимуществе каждого; а других ведет к большей деятельности, возбуждая в них своими похвалами ту же ревность, какую оказали первые» (святой Златоуст).

Предание ничего не сохранило более о сих святых женах.

Стих 13. *Целуйте Руфа избраннаго о Господе, и матерь его и мою.*

«Такой сын, такая мать — корень, соответственный плоду, и дом, полный благословения. Ибо недаром сказал Апостол: *матерь его и мою,* — но засвидетельствовал тем о многих добродетелях сей женщины» (святой Златоуст). «*Руфа избран-*

наго о Господе. И сия похвала так же вожделенна; *мнози бо суть звани, мало же избранных* (Мф. 20, 16). И матерь Руфа прославил за многие преспеяния в добродетели, иначе не удостоилась бы она наименоваться матерью Павловою. Ибо материю Руфа соделала ее природа, а материю божественного Павла – достоуважаемая добродетель» (блаженный Феодорит).

Руф – Апостол из 70-ти, епископствовал в Фивах, что в Елладе. Память 8 <21> апреля.

Стих 14. *Целуйте Асигкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ермия, и сущую с ними братию.*

«Не на то смотри здесь, что Апостол перечислил их, не приписав им никакой особой похвалы, но на то, что, хотя они были гораздо ниже других, однако же удостоились его приветствия. Лучше же сказать, что немалая похвала, что называет их братиями, равно как и других с ними святых» (святой Златоуст). «Чего ради вместе их приветствует? Ибо знал, что они единодушны о Христе и соединены христианским дружеством» (Амвросиаст). Это будто особое собрание (по-нашему – приход с старшими в нем).

Асигкрит <Асинкрит> – Апостол из 70-ти, был епископом в Иркании, стране Асийской. Флегонт – тоже из 70-ти; епископствовал в Марафоне Фракийском. Ермий – из 70-ти же, – потом епископ Далматский. Память их 8 <21> апреля.

Ерм — из 70-ти — был потом епископом в Филиппополе. Патров — тоже из 70-ти, епископствовал в Неаполе и Путеоле. Память их 5 <18> ноября. Ерм особо — 8 <21> марта. — Сей Ерм не писатель книги «Пастырь»*.

Стих 15. *Целуйте Филолога и Иулию, Нирея и сестру его и Олимпана и сущия с ними вся святыя.*

«И эти все, разумеется, были единодушны, по какой причине Апостол и приветствует их вместе. Достоинство же их указывается теми, кои были с ними. Именуя сих последних святыми, Апостол дает знать, что и первых почитает святыми, и потому приветствует их по достоинству» (Амвросиаст). «Все они, живя вместе, за добродетель, какую имели, сподобились Апостольского приветствия» (блаженный Феодорит). Может быть, и эти составляли особое собрание, как и предыдущие.

Филолог — из 70-ти — был потом святым апостолом Андреем поставлен в епископа Синопии. — Память его 5 <18> ноября.

Олимпан <Олимп> — тоже из 70-ти, последуя святому Петру, при смертном страдании его, в Риме от Нерона посечен вместе со святым Иродионом. Память его 10 <23> ноября.

Стих 16. *Целуйте друг друга лобзанием святым. Целуют вы вся церкви Христовы.*

---

* Имеется в виду *Ерм (Ерма) († II по Р. Х.)* — автор раннехристианской «апокалиптической» книги «Ποιμῆν» («Пастырь») (ок. 90—150 по Р. Х.). — *Ред.*

«Дабы не подать повода к распрям тем, что одних приветствует так, а других иначе, одних поименно, а других вообще, одних с большими, а других с меньшими похвалами, Апостол наконец всех уравнивает равночестием любви и святым лобзанием, говоря: *целуйте друг друга лобзанием святым.* Сим миром удаляет от них всякий помысл, могущий возмутить их, и всякий повод к малодушию, дабы высший не презирал низшего и низший не завидовал высшему, но удалены были презорство и зависть и святым лобзанием все умиротворялось и уравнивалось» (святой Златоуст).

«И не это только имел он в виду, пиша это, но и то, чтоб они взаимным лобзанием заменили его собственное лобзание, какое он дал бы каждому, если б находился среди них». Поэтому, как отсутствующий, не мог сам заключить их в свои объятия, то делает это чрез них самих, повелевая целовать друг друга, — и целовать *лобзанием святым*, честным, целомудренным, искренним, родственным, свободным от всякого коварства (см.: блаженный Феодорит); *целованием святым*, — «то есть в мире Христовом, не с плотскими чувствами, но в Духе Святом, чтоб целования были благочестные и благоговейные, а не чувственные» (Амвросиаст).

Целуют вы вся церкви Христовы.

Вы — «не того или другого, а всех, — и не тот или другой, а все *церкви Христовы*» (святой Златоуст). Соединяет Восток и Запад и из всех составляет одно братство, дышащее взаимною любовию о Христе Иисусе, полною и чистою.

Святой Златоуст, приступая к изъяснению сих приветствий, говорил: «думаю, что многие проходят без внимания сию часть Послания, как бесполезную и не заключающую в себе ничего важного». Окончив же их изъяснение и включив в него множество назидательных наведений, прибавляет: «видишь ли, какую великую пользу получили мы от сих приветствий? Сколько сокровищ прошли бы мы мимо, если бы этой части Послания не разобрали со тщанием, разумею таким, какое было для нас возможно? А если бы сыскался мудрый и духовный муж, он проник бы глубже и увидел бы большее число жемчужин. — Но поелику некоторые неоднократно спрашивали: почему Апостол в этом Послании многих приветствует, чего не делал он в других Посланиях? — то ответствуем, что римляне были знаменитее прочих и в Риме, как в безопаснейшем и царственном городе, жили переселившиеся туда из других городов. Итак, поелику они жили на чужой стороне и имели нужду в большем покровительстве, некоторые же из них были лично знакомы Павлу, а другие, находясь в Риме, весьма много служили за него, то и прилично было

Апостолу похвалить их на письме; так как Павел был тогда в такой уже великой славе, что удостоившиеся его Послания в самом этом Послании находили для себя великую защиту. Павла все уважали; все высокое о нем имели мнение. Посему, желая, чтобы они (к кому пишет и кого приветствует) были в безопасности и в чести, Апостол приветствует и отличает каждого по возможности. Иного назвал возлюбленным, иного сродником, иного спленником, иного споспешником, иного искусным, иного избранным. Равно и касательно женщин: то указывает на звание; ибо Фиву назвал служительницею, — не просто, но потому, что была она рукоположена в диакониссы, а иначе так же бы наименовал и Трифену с Персидою; то называет споспешницею и сотрудницею, то величает материю, то выставляет труды, какие понесены. Иным обращает в похвалу славу их дома, других приветствует именем братий и святых. Одних отличает тем, что удостоивает приветствия, других тем, что приветствует по имени; иных тем, что именует *начатком*, а иных отличает по старшинству; более же всех выхваляет Прискиллу и Акилу. Ибо хотя все они были верные, но не все равны между собою, а различались друг от друга подвигами. А потому Апостол, побуждая всех к большим трудам, не утаил ничьей похвалы. Ибо когда бы более

трудившиеся получили небольшую награду, многие сделались бы нерадивыми».

в) Предостережение (16, 17—20)

Глава 16, стих 17. *Молю же вы, братие, блюдитеся от творящих распри и раздоры, кроме учения, емуже вы научистеся, и уклонитеся от них.*

В заключение Апостол делает одно предостережение, именно от лжеучителей. Не видно, чтоб среди римлян были уже такие, но он предвидел, что будут, — и предостерегает. Эти развратители умов шли всюду по пятам святого Павла, и много ему причиняли везде беспокойств и зла, и истине Божией наносили большой вред и ущерб. Желая избавить от сего зла римлян, он говорит им: *блюдитеся*, σκοπεῖν, — прошу зорко смотреть, не прокрались бы к вам творящие разномыслия и смятения. Кто такие, не сказывает, а вообще определяет: такие, которые будут учить не тому, чему вы научены. Чему вы научены, то есть непреложная истина. Кто будет учить противно тому или разно от того, тот учитель лжи. Удаляйтесь от него: слуха ему не открывайте и в общение не входите с ним ни в какое.

Святой Златоуст говорит при сем: «опять увещание. Заметь же, как снисходительно его увещание: он предлагает его не как советник, но как ближайший к ним, и даже с большим к ним уважением. Ибо Апостол называет их братиями

и просит, говоря: *молю вы, братие*. Потом предостерегает их, обнаруживая козни людей зловредных. Но так как эти люди не действовали явно, то Апостол говорит: *молю же вы блюдитеся*, παρακαλῶ — σκοπεῖν, — то есть зорко смотрите, тщательно испытывайте, вызнавайте, разбирайте. Кого же именно остерегаться? *Творящих распри и раздоры, кроме учения, емуже вы научистеся*. Ибо разделение всего более подрывает Церковь. Это диавольское орудие, им все низвращается! Доколе единение будет соблюдаемо в теле Церкви, дотоле диавол не может иметь к ней доступа; но от разделения происходит соблазн. От чего же разделение? От учения, противного учению Апостолов. Не было бы ни соблазнов, ни разделения, если бы не было выдумано учения, противного учению Апостольскому. На что самое указывая здесь, Апостол говорит: *кроме учения*. Он не сказал: которому мы учили вас, — но: *емуже вы научистеся*, — чем показывает, что они совершенно убеждены, выслушали и приняли учение. — Что же нам делать с этими зловредными людьми? Апостол не сказал: сходитесь и бейтесь с ними, — но: *уклонитеся от них*. Если бы они делали это по незнанию или по заблуждению, их надлежало бы исправить. Но поелику намеренно погрешают, бегите от них прочь».

Стих 18. *Таковии бо Господеви нашему Иисусу Христу не работают, но своему чреву: иже благими*

словесы и благословением прельщают сердца незлобивых.

Знайте, что у этих развратителей на языке все Господь, но они не Господу работают, а только именем Его прикрывают свое злоумие. Работают же они чреву своему, — чем означается, может быть, вообще самоугодие, забота жить в довольстве и покое. Как самый беспокойный у нас тиран — желудок, то самоугодники больше всего заботятся о том, чтобы напхать его и заставить молчать. Имея в виду сию немощь, Апостол и сказал, что они только чреву своему работают. Желудок движет их; они и круговращаются всюду, изобретши легкий способ к прибыли — распространение ложных учений, на которые, надо сказать, повсюду очень падок простой народ. Приходят под покровом благочестия, облекаются в тайну, шепотом, будто на ухо, начинают вбрасывать в беседу непонятные слова, чтоб раздражить любопытство; когда же внимание возбуждено, прибавляют льстивые речи к слушающим и между этим вливают яд зломыслия и уловляют в сети свои простейших. Средство, какое они употребляют, Апостол назвал: χρηστολογία — и: εὐλογία, — слова, приятные для слуха и льстящие сердцу. Святой Златоуст говорит: «как же теперь не стыдно рабу Христову иметь учителями рабов чрева? Но как чревоугодие служит у них причиною, побуждающею распространять заблуждение, так

способ, каким производится сие коварство, есть ласкательство — новая опять болезнь. *Благими словесы прельщают сердца незлобивых* — говорит Апостол. Хорошо сказано: *благими словесы*. Услуги льстецов только на словах, а сердце их не таково; там одно коварство. Далее не сказал Апостол: прельщают вас, — но: *сердца незлобивых*». Апостол говорит вообще: везде так поступают эти развратители умов, что подкрадываются к простейшим, потому что их удобнее прельстить. А от тех, которые тверды умом и нравом, они бегают, боясь отражения и поражения. Как везде, так и у вас они будут действовать. Так смотрите.

Стих 19. ***Ваше же послушание ко всем достиже: радуюся же еже о вас: хощу же вас мудрых убо быти во благое, простых же в злое.***

Ваше послушание — послушание вере, покорность и преданность вере, *ко всем достиже* — всем известно, или, как в начале, *возвещается во всем мире* (1, 8). Хочет этим сказать Апостол: развратители умов успевают в других местах прельщать простосердечных. Но что касается до вас, то «я уверен в вашей твердости, не станете вы свергать ига послушания вере и не поколеблетесь в ней. И невероятно было, чтоб они, столь мудрые, после познания истины подчинились каким-либо глупым мудрованиям» (Амвросиаст). «Намеренно выставляет столь многих свидетелей их покорности в вере, чтоб, держа это в мысли,

они не позволили себе посрамиться уклонением к какому-либо худому учению» (Экумений).

Радуюся же еже о вас. Зная это, я только радуюсь о вас или не нарадуюсь вами. А что говорю так или прописываю такое предостережение, то делаю это по искреннему желанию, чтоб вы и на будущее время всегда являлись мудрыми в добре, то есть и знали доброе, и умели делать его, а простыми на зло, то есть и не знали его, и не умели делать его. Доброе в настоящем случае есть верность истине и отвержение всякой лжи. Апостол желает, чтоб они сразу замечали ложь и коварство лжеучителей, и тотчас же решались противостать им и оградить от них и себя, и своих, и сумели всё это сделать. Злое же есть: хоть на волосок склониться на сторону лжи, подумавши, например: уж в самом деле не так ли? Апостол желает, чтоб, слыша ложь, они являлись ничего не понимающими в ней, как дети малосмысленные, и только бы от сердца взывали: как это можно, как это можно?

Стих 20. *Бог же мира да сокрушит сатану под ноги ваша вскоре. Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами. Аминь.*

Апостол видит их уже борющимися с учителями лжи, наученными сатаною, и или пророчествует, что Бог мира скоро сокрушит общего учителя всякой лжи, сатану, под ноги их, или молится, чтоб Бог благоволил это сделать для них. Тем

и другим воодушевляет их мужественно противостоять врагам истины, говоря как бы: немного вам придется побороться с ними, скоро увидите их под ногами, одолеете и прогоните. Не бойтесь же их; постойте за истину Божию. Святой Златоуст говорит: «поелику Апостол упоминал о вводящих раздоры и соблазны, то говорит теперь о Боге мира, дабы смело надеялись освободиться от оных. Ибо кто любит мир, тот ниспровергает все, нарушающее мир. И не сказал Апостол: покорит,— но, что гораздо важнее: *сокрушит*. Сокрушит же не только тех, которые вводят раздоры, но и вождя их — сатану. И не просто сокрушит, но: *сокрушит под ноги ваша*,— так что они одержат победу и воздвигнут себе блистательный победный памятник. Апостол утешает также непродолжительностию времени — *вскоре*. А посему в словах его заключались вместе и молитва, и пророчество».

Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами. Речь идет в том же духе. Благодать с вами: чего вам бояться? Действия ее вы уже испытали: явит она несомненно опыты силы своей непреоборимой и в будущем, когда придется вам вступить в борьбу даже с самим сатаною. Или благожелает им, да будет благодать Господа нашего с ними неотлучно, охраняя их и делая их победителями всякого зла. Ибо у нас всё от благодати. Усилия и свои надо употреблять, но

успех всегда от благодати. Святой Златоуст говорит: «*благодать с вами*. Вот надежнейшее оружие, несокрушимая стена, непоколебимый столп! Ибо для того Апостол напомянул им о благодати, чтобы сделать ревностнейшими. Ежели вы освободились от большего, и освободились по одной благодати; то тем более освободитесь от меньшего, когда соделались и друзьями и присовокупили собственные усилия. Видишь, что Апостол не отделяет и молитву от дел, и дел от молитвы. Сперва засвидетельствовал об их послушании; а потом стал молиться, давая тем разуметь, что, если всячески стараемся улучить наше спасение, необходимо для нас и то и другое, — и собственные усилия, и благодать Божия. В благодати Божией не только прежде имели мы нужду, но и теперь имеем, как бы ни были мы велики и искусны».

Аминь — все наши толковники в сем месте не читают. Если читать, то оно будет значить: истинно так — или буди вам гак, как я сказал. Но кажется, Апостол здесь закончил Послание; и следующую за сим приписку сочтено нужным поместить уже по заключении Послания. В таком случае слова: *благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами* — будут составлять обычное заключительное слово апостола Павла, после коего: *аминь* — необходимо.

г) Приписка (16, 21—24)

Глава 16, стих 21. *Целует вас Тимофей, споспешник мой, и Лукий и Иасон и Сосипатр, сродницы мои.*

Они были знакомы с теми из римских христиан, которые были на этой стороне и возвратились в Рим. Когда кончилось Послание, они упросили Апостола и от них приписать поклоны, что святой Павел и исполняет. Все лица, от коих пишется здесь приветствие, были знамениты в Церкви. «Один знаменит участием в деле благовестия, а другие родством. Но споспешник гораздо почтеннее сродника. Таков Тимофей, которого Павел обрезал в Листрах и к которому потом написал два Послания» (блаженный Феодорит).— *Лукий* — не тот ли, который поминается вместе с другими Пророками и учителями Антиохийскими: *Лукий Киринеянин* (ср.: Деян. 13, 1). «Об Иасоне также упоминает святой Лука в Деяниях и выставляет нам его мужество, говоря: *влечаху его ко градоначальником, вопиюще* (ср.: Деян. 17, 6). Вероятно, что и прочие были люди отличные. Ибо Павел не упомянул бы просто о сродниках, если бы они не уподоблялись ему по благочестию» (святой Златоуст). Иасон, помянутый святым Златоустом, есть Иасон, у которого останавливался святой Павел в Солуни. Когда восстали на святого Павла солунские евреи, то, не

нашедши его у Иасона, повлекли в суд самого Иасона, который там отплатился от беды. *Сосипатр* — не тот ли, который поминается в числе спутников святого Павла, на возвратном его пути из Еллады, в это именно время, то есть вскоре после написания Послания к Римлянам: *Сосипатр Пирров Береянин* (ср.: Деян. 20, 4)?

По преданию — Лукий — из 70-ти, был потом епископом в Лаодикии Сирской. Память его 10 <23> сентября. Иасон — тоже из 70-ти, епископствовал потом в Тарсе. Память его 28 апреля <11 мая>. Сосипатр — из 70-ти же, епископствовал в Иконии. Память его 10 <23> ноября. Иасон и Сосипатр поминаются еще и 28 апреля <11 мая>. Они основали Церковь в Керкире, как говорится здесь*.

Стих 22. ***Целую вы и аз Тертий, написавый послание сие о Господе.***

«Сказал это Тертий, вменяя себе в великую похвалу — быть переписчиком у святого Павла» (Экумений). «И это не малая похвала — быть Павловым писцом. Впрочем, он говорит сие не в похвалу себе, но дабы служением своим привлечь к себе горячую любовь римлян» (святой Златоуст). «И он был один из удостоившихся внимать Апостольскому научению. Посему-то получил повеление, приемля из уст Апостола порождения

---

* *Здесь* — в Четиих-Минеях святителя Димитрия Ростовского. — *Ред.*

святой души его, полагать их на хартию» (блаженный Феодорит).

О Господе — можно относить и к: *целую вы*, — и к: ***написавый послание***. В последнем случае он выразить хотел, что трудился в той уверенности, что тем способствует славе Господа и успехам благовестия о Нем. Любовь к Господу одушевляла его.

И он из 70-ти. Был в Иконии вторым епископом, после Сосипатра, и мученически скончался. Память его 30 октября <12 ноября> и 10 <23> ноября.

Стих 23. ***Целует вы Гаие страннопримец мой и церкве всея. Целует вы Ераст строитель градский, и Куарт брат.***

Гаие страннопримец мой. «Видишь ли, какой венец соплел ему Апостол, засвидетельствовав о таком его страннолюбии и собрав всю Церковь к нему в дом. А когда слышим, что Гаий принимал у себя в доме Павла, дивись не только щедрости, но и строгой жизни Гаия. Потому что если бы Гаий не был достоин Павловых добродетелей, то и Павел не пошел бы к нему в дом. Стараясь исполнить более, нежели сколько предписывалось многими из заповедей Христовых, Апостол, конечно, не преступал того закона, по которому повелевалось наперед изведывать приемлющих, и останавливаться в домах у достойных» (святой Златоуст). «Гаий сей был коринфянин; и о сем

извещает нас божественный Павел в Послании к Коринфянам, где говорит: *благодарю Бога, яко ни единаго от вас крестих, точию Криспа и Гаия* (ср.: 1 Кор. 1, 14)» (блаженный Феодорит). Всей Церкви странноприимцем назван, вероятнее, потому, что у него находили приют все христиане-странники, откуда бы они ни были; а может быть, и потому, что у него бывали собрания христиан для священнодействия и молитвы.

Гаий из 70-ти; был потом епископом в Ефесе после святого Тимофея. А Ориген, по преданию, говорит, что он был епископом Солунской церкви. Память 5 <18> ноября.

Ераст строитель градский. «Не просто присовокупляет слова: *строитель градский.* Но как писал Апостол филиппийцам: *целуют вы, иже от кесарева дома* (ср.: Флп. 4, 22), дабы показать, что проповедь коснулась и людей знатных; так и здесь с тою же самою целию упоминает о чине Ераста, давая тем уразуметь, что внимательному к себе человеку не служат препятствием (в деле спасения) ни богатство, ни заботы по должности, ни другое тому подобное» (святой Златоуст). «Называет Ераста строителем не церковным, но градским, потому что ему, конечно, вверено было попечение о чем-либо. Апостол упоминает о нем еще и в Послании к Тимофею, говоря так: *Ераст оста в Коринфе* (2 Тим. 4, 20)» (блаженный Феодорит). — Его вместе с святым Тимофеем

посылал святой Павел в Македонию, чтоб оттуда пробрались они и в Коринф для разведания о положении там дел (см.: Деян. 19, 22).

Куарт брат — общее прозвище всякого верующего христианина. Не имел выдающихся особенностей, но был лицо почтенное и был знаем римским верующим.

Ераст — из 70-ти, сперва был экономом Церкви Иерусалимской, а потом епископом Панеадским. Куарт — тоже из 70-ти, епископствовал в Берите. Память их 10 <23> ноября.

Стих 24. ***Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.***

И еще повторяет обычное свое заключительное благожелание. Оно уже было изречено в стихе 20-м. Но как пришлось еще нечто написать, то повторяется. Мы в подобных случаях пишем: и еще прощайте. «Снова Апостол преподал им духовное благословение и, как бы некоею адамантовою стеною, оградил их Господнею благодатию» (блаженный Феодорит). «Видишь ли, чем должно все начинать и оканчивать? Это же самое положил Апостол в основание своего Послания и этим же покрыл все здание, — как испрашивая римлянам у Бога благодать — матерь всех благ, так и напоминая им о всех благодеяниях Божиих. Это преимущественная черта умного и доброго учителя — помогать ученикам не только словом, но и молитвою. Посему и сказа-

но: *мы же в молитве и служении слова пребудем* (Деян. 6, 4)» (святой Златоуст).

«Да соделаемся и мы причастниками Апостольской молитвы, чтоб, озаряясь его благословением, неуклонно шествовать по прямому пути и, держась Апостольских следов, сподобиться, по ходатайству его, улучить обетованные блага по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Коим Отцу со Святым Духом подобает слава и величие, ныне и присно и во веки веков. Аминь» (блаженный Феодорит).

СОДЕРЖАНИЕ

Святитель Феофан Затворник

ТОЛКОВАНИЕ ПОСЛАНИЯ АПОСТОЛА ПАВЛА К РИМЛЯНАМ

(главы 9—16)

Подписано в печать 28.09.06. Офсетная печать.
Шрифт Петербург. Формат 70×100 1/32. Объем 17 печ. л.
Тираж 4000 экз. Заказ 1772.
Саввино-Сторожевский монастырь. 143096, г. Звенигород.
ИД 00161 от 22.09.99. Издательство «Правило веры».
109309, Москва, ул. Артюхиной, 8/10, стр. 1.
ОАО Московская типография №2. Тел.: 682-24-91.
129085, Москва, пр. Мира, 105.

ISBN 5-94759-09-2